

Научно-Инновационный Центр

**НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО
XXI ВЕКА**

**Сборник статей
(по итогам V Международной
научно-практической конференции)**

Том 2

Красноярск, 2012

УДК 80-82:33
ББК 80/84+65.01
Н34

Н34 Научное творчество XXI века : Сб. статей. Т.2 / Научн. ред. Я.А. Максимов. – Красноярск: Изд. Научно-инновационный центр, 2012. – 400 с.

ISBN 978-5-904771-55-3

Сборник статей V Международной научно-практической конференции «Научное творчество XXI века» отражает результаты научных исследований и содержит материалы по следующим основным направлениям: лингвистика и межкультурная коммуникация; литературоведение и языкознание; история, философия, социология и культурология; экономика и менеджмент.

Материалы сборника могут быть полезны для руководителей, научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов гуманитарных и экономических специальностей высших учебных заведений.

УДК 80-82:33
ББК 80/84+65.01

ISBN 978-5-904771-55-3

© Коллектив авторов, 2012

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Фразеологическая репрезентация концепта "fear" в английском языке в романах о вампирах

Несветайлова Ю.В.

*Белгородский Государственный университет,
г. Белгород, Россия, Nesvetaylova9juliet@yandex.ru*

В последние десятилетия в отечественной и зарубежной лингвистике возрос интерес к изучению оязыковлениа человеческих эмоций, что обусловлено изменением парадигмы гуманитарного знания в сторону антропоцентризма. В центре внимания лингвистов находится человек и все, что с ним связано. Язык является окном в духовный мир человека, в его интеллект и эмоции; это средство доступа к тайнам мыслительных процессов и эмоциональных переживаний.

Страх является одним из ключевых концептов, характеризующих внутренний мир человека, следовательно, актуальность статьи заключается в том, что страх имеет высокую социальную значимость и характеризуется способностью влиять на деятельность человека. Страх характеризуется многообразием форм своего существования и проявления. Учитывая жизненную важность, базовость исследуемой эмоции, необходимо отметить, что потенциал средств вербализации феномена страха высок и отличается специфической лексикой и синтаксисом.

Отдельное место страх занимает в художественном искусстве и литературе, к примеру: жанр готического рассказа (или готического романа), кинематографический жанр фильма ужасов. В современном мире люди, устав от реальности, тянутся ко всему мистическому, сверхъестественному и загадочному, поэтому в последние десятилетия в культуре и искусстве приобретает популярность феномен страха, которое дает читателю или зрителю дополнительный адреналин. Интерес к данной теме не угасает уже много лет и лишь иногда еще больше подогревается различными художественными произведениями и фильмами,

поэтому мы считаем романы о вампирах удачным материалом, который предлагает широкое поле для исследования концепта «fear».

Новизну исследования составляет отбор материала, так как фразеология относится к наиболее трудно изучаемой области языка.

Фразеология продолжает оставаться объектом многочисленных разно-аспектных исследований. В последнее время усилился интерес к ее рассмотрению с точки зрения лингвокультурологии с целью постижения языковой картины мира (4).

По языковому выражению концепты могут репрезентироваться лексемами, фразеосочетаниями, свободными словосочетаниями, синтаксическими конструкциями и даже текстами и совокупностями текстов (4). ФЕ хранят и транслируют из поколения в поколение знания о выработанной в обществе системе обычаев, традиций, законов и обыденных представлений о мире. Все это позволяет ученым говорить о фразеологических единицах как средствах вербализации тех или иных концептов. Концепт как ментальное образование, как обобщенно-целостная мыслительная единица кодирует в самых разных конфигурациях культурно значимые смыслы (1).

Объектом исследования данной статьи стали фразеологические единицы, вербализующие концепт fear примере художественных произведений Брема Стокера «Dracula», Энн Райс «Interview with the vampire», Стефани Майер «Twilight».

Все найденные примеры репрезентации концепта fear были распределены по группам в соответствии с основными признаками/моделями, по которым описывается fear/страх:

1. дрожь/вздрагивание: to shake in one's boots; to be afraid, to shake from fear; a shiver runs up smb's spine; to quake in one's boots; nearly jump out of your skin; to give someone the willies:

«The wicked wolf that for half a day had paralysed London and set all the children in the town shivering in their shoes, was there in a sort of penitent mood».

2. Перебои в сердце: his heart sank; his heart leaped into his mouth; his heart missed a beat; to have one's heart in one's mouth:

«I had a terrible sinking in my heart, and from Van Helsing's face I gathered that he felt some fear or apprehension as to what was to come»;

3. Оцепенение: fear turned him to stone; to become petrified; to grow (become) dumb; fear rooted him to the ground; to be paralyzed (frozen) with fear; his tongue was swollen with fear; the legs got numb, to be tongue-tied from fear:

«Terror seized me so strongly that it turned me to stone. I couldn't make my feet move forward»;

4. Потеря рассудка: to frighten (scare) the wits out of someone; to frighten (scare) living daylights out of someone:

«The poor dear was evidently terrified at something – the monster scared living daylights out of him; I do believe that if he had not had me to lean on and to support him he would have sunk down »;

5. Страх-живое существо: fear has a hundred eyes; fear sees danger everywhere; fear eats one's heart out; fear took his breath away:

«With white face and trembling hands, we opened the door gently, and entered the room, fear took his breath away».

6. Внешние изменения: fear twists one's mouth; his face grew white; his face was destroyed; to go grey; to turn grey; to make one's hair stand on end:

«I felt a genuine thrill, it made my hair stand on end. The look only lasted a second, but it chilled me more than the frerring wind»;

7. Внутренний холод: to grow cold with fear; fear makes his blood freeze,

one's heart grew cold, to have cold feet, to make one's blood run cold:

«There came up the hatchway a sudden, startled scream, which made my blood run cold».

Таким образом, мы видим, каково бытовое восприятие страха в английском языке через фразеологию: человек либо камнеет, замирает, немеет, либо трясется, вздрагивает, дрожит, а также испытывает неприятный холод, мурашки. Более того, страх влияет на работу сердца (например, сердце оборвалось, сердце опустилось). Страх также влечет за собой изменения внешности человека, а именно: искажает и искривляет лицо,

испуганный человек бледнеет, волосы его могут стать дыбом или поседесть. Примечательно, что страх способен привести к безумию и даже смерти. Можно выделить также основные метафоры, вокруг которых строится описание: Страх – это живое существо; страх – это предмет; страх – это опасность; страх – это безумие.

Итак, в результате анализа примеров репрезентации концепта fear в фразеологизмах английского языка на в художественных романах о вампирах Брема Стокера Брема Стокера «Dracula», Энн Райс «Interview with the vampire», Стефани Майер «Twilight», мы можем сделать вывод, что страх является одной из доминантных эмоций человека и характеризуется многообразием форм своего существования и проявления в английской фразеологии. Результаты работы могут применяться в спецкурсах по лингвокультурологии, эмотивной лингвистике, лингвоконцептологии, спецкурсах, посвященных проблемам сопоставительного изучения родного и иностранных языков.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Ценностно-смысловая природа этноязыкового сознания // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания: Сб. науч. трудов/Под ред. Красавского Н.А. Волгоград, «Колледж», 2002. - С. 160 - 167.;
2. Анохин П.К. Эмоции // Психология эмоций. Тексты/Под ред. Вилюнаса В.К.- М.: Издательство МГУ, 1984. С. 172 - 178.;
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. - 102 с.;
4. Красавский Н.А. Лингвистические методы исследования эмоциональной концептосферы // Лингвистические парадигмы: традиции и новации: Материалы международного симпозиума молодых ученых;

Этимологическая справка как необходимое условие адекватного перевода

Азарович Т.А., Артемьева Ю.В.

*Московская Открытая Социальная Академия, г. Москва, Россия
azarovich.90@mail.ru, artjul67@mail.ru*

В мире существует огромное количество словарей, которые отличаются друг от друга объектом описания, объемом тематикой и т.д. Общепринятая классификация словарей выглядит следующим образом: толковый, орфографический, этимологический и т.д.

Каждый вид словаря, будь то фразеологический или толковый, имеет особые правила и критерии составления. Вопрос состоит в правильности выбора словаря и умении работать с ним, выделяя всю имеющуюся информацию.

Употребляя слово или выражение в речи, мы не задумываемся, откуда оно пришло. История слова может в обобщённом виде представить развитие страны с самых древних времен. Это необходимо учитывать при переводе.

Перевод художественного текста, будь то авторский текст или фольклор (УНТ), имеет свои особенности, в первую очередь связанные с более широким диапазоном приемов и методов, используемых при этом, связанные с возможностью «уйти за текст», тогда как тексты научно-технического, официально-делового направления изобилуют терминологией, клишированной лексикой, словесными оборотами, которые должны переводиться точно, фиксируя внимание адресата на однозначном референте, сохраняя однозначную денотативную семантику слова, словосочетания. Этим отличается, например, специальный перевод от художественного.

Нельзя забывать при переводе и о так называемых культурологических лакунах, или проблеме прецедентности, широко освещаемых в современной лингвистике (Гудков, 2003:99). Так, Ю.Н.Караулов, раскрывая понятие прецедентного текста, дает следующие характеристики таким текстам: «1) значимые для

той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении, 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Караулов, 1987:216). В связи с этим можно говорить и об архетипах (наборе предметов и идей, участвующих, по словам К.Касьяновой, в некоей цепочке «предмет- действие» (Касьянова, 1994:32)). Расширяют данные вышесказанного наблюдения и исследования фразеологических оборотов, идиом, которые по праву считаются кладезем языковой картины мира определенного народа, его паремиологическим языковым фондом. «Анализ этого фонда позволяет выявить систему символов и эталонов национальной культуры, исследовать систему ее кодов (соматического, зооморфного, мифопоэтического и др.), специфику аксиологии и т. д.» (Гудков, 2003:192). Все это необходимо иметь в виду при переводе с одного языка на другой.

Не менее сложным является перевод фразеологических, идиоматических оборотов, пословиц, поговорок. Иногда на один вариант в русском языке приходится несколько в английском, французском или другом языке и наоборот.

Таблица 1.

**Примеры перевода фразеологических оборотов
использованием этимологии**

Пример на русском языке	Пример на английском языке	Пример на французском языке
Голодный как волк.	Hungry as a wolf. Hungry as a hunter. Hungry as a bear.	Afflamé comme un loup. Afflamé comme un chasseur. Il a une faim de loup.
Биться как рыба об лед.	To beat against the ice/ground like a fish. To pull the devil by the tail. To hit against the cold	Se débattre comme un poisson (sur la terre) qui veut rompre la glace. Tirer le diable par la queue.

	iron with a sledge- hammer.	Marteler le fer froid.
Взять себя в руки.	To take oneself in hand(s). To possess oneself.	Se prendre en main(s). Se dominer. Se maîtriser.
Ничто не вечно под луной.		Tout passe, tout casse, tout lasse.
Носить воду ре- шетом.	To carry/pour/draw water in sieve. To mill the wind. To beat the air. To fish in the air. To drop a bucket into an empty well. To plough the sand. To waste one's time. To plough the water. To scoop up water with a sieve.	Porter de l'eau dans un tamis. Labourer le sable. Perdre son temps. Labourer l'eau. Puiser l'eau avec un tamis.
Двум смертям не бывать, а одной не миновать.		De toutes les douleurs on ne peut faire qu'une mort. On ne meurt qu'une fois.
Горя много, да смерть одна.		On ne peut mourir que d'une mort.
Ловить на слове.	To catch someone at one's word. To take someone at his word.	Attraper qn sur un mot. Prendre qn au mot.
Что с возу упало, то пропало.	It is no use crying over the spilt milk. What is lost is lost, what is lost is gone forever. What is done can't eat your cake and have it.	Ce qui sort de la main n'y revient point. Ce qui tombe dans le fossé est pour le soldat.

Таблица 2.

Америка

Слово и концепт	Этимология	Транскрипция	Фоновая информация	Использование
кинема-тография Mickey mouse	The mouse under the name Mickey.	[miki maus]	Mickey Mouse is a <u>cartoon character</u> who has become an icon for <u>The Walt Disney Company</u> .	Ты мне напоминаешь Микки Мауса. You remind me Mickey Mouse.
Oscar	It was so named by Margaret Heric, who exclaimed when she saw it "this figure reminds me my uncle Oscar"	[oska:r]	The first ceremony was held in 1929 in the 16 th of May, in the hotel "Roosevelt" in Hollywood.	да ты за это Оскар можешь получить. You can get Oscar for this did.

Переводчик довольно часто сталкивается необходимостью передачи с иностранного языка на другой реалий, которые, как известно, можно транслитерировать, транскрибировать, подыскивать эквивалент, описательно передавать смысл. Однако обращаясь к этимологическому словарю, мы с большей уверенно-

стью можем представить вариант перевода. Так, например, в этом случае все слова распределены по тематическому и этимологическому разряду, что даёт возможность, выбора эквивалентного синонима.

Концепт в философии и лингвистике это содержание понятия, смысловое значение имени (знака). Отличается от самого знака и от его предметного значения (денотата, объёма понятия). отождествляется с понятием и сигнификатом.

Таким образом, полноценность и адекватность перевода зависит от компетентности в области языка: знания его лексики, грамматики; от знакомства с языковой картиной мира того народа, с языка или на язык которого будет производиться перевод. Чем больше будет знаний, тем более компетентен будет переводчик, тем качественнее будет сделан перевод.

Литература

1. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
2. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. – 264 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 1-е изд. М.: «Наука», 1987. – 264 с.
4. Смирницкий А.И. Русско-английский словарь. М.: Лист, 2004. – 992 с.
5. <http://www.bartleby.com/>

Особенности перевода классического английского детектива

Башилов М.С.

*Московская Открытая Социальная Академия, г. Москва, Россия
mihail.arbatm2010@yandex.ru*

На протяжении нескольких веков не ослабевает интерес читателя к детективу. Едва ли найдётся человек, который не читал детективы, не принимал участия в разгадывании сложных, запутанных тайн, не выводил преступника на чистую воду. Наверное, каждый из нас хотел бы немного побыть сыщиком. Нет более занимательного и популярного жанра, чем детектив. По поводу популярности детектива Уильям Сомерсет Моэм сказал: «Не исключено, что настанет время, когда историки литературы, рассуждая о произведениях, созданных на английском языке в 20 веке, лишь бегло остановятся на сочинениях серьезных писателей, а все внимание сосредоточат на обширной и разнообразной продукции детективистов. И тогда им в первую очередь придется ответить, чем объясняется неслыханная популярность этого жанра». В конце 20 века по настоящее время детективная литература заполнила полки книжных магазинов, на неё всегда существовал спрос. В нашей стране долгое время выходила переводная литература. Переводы детективов не всегда оказывались удачными. Для того, чтобы изучить перевод классического английского детектива, необходимо обратиться к истокам детектива, к его определению, структуре, переводческим нормам. Как литературный жанр детектив ещё недостаточно изучен, но постоянно возникают тенденции к изучению детективного феномена.

Детектив как жанр сформировался только в XIX веке, однако мы можем найти его признаки ещё с глубокой древности. Ещё в те времена у человека была страсть ко всему таинственному и непонятному, загадочному и страшному. Затем проявилось другое качество человека - страсть к разгадыванию загадки, распутыванию головоломок. В соединении этих страстей, этих особенностей человеческого характера и родился детектив. Преступление издавна присутствовало на страницах литератур-

ных произведений, начиная с похищения Елены троянцами. Нередко романы о преступлениях завершались возмездием за содеянное, наказанием зла. Отсутствовала только промежуточная, самая важная для детектива часть - часть, посвященная расследованию. Читатель был лишен возможности участвовать вместе с героем в разрешении загадки преступления. И с течением времени подобные истории вычленились в самостоятельный тип литературы.

Родиной детектива является Англия, в которой существует огромное количество национальных героев. Легенды о пиратах и разбойниках, о Робин Гуде, капитане Френсисе Дрейке всё это оказало огромное влияние на возникновение жанра близкого к народной сказке.

Основоположниками жанра считаются Эдгар По и Уилки Коллинз. В 1841 году Эдгар По написал произведение «Убийство на улице Морг», с которой принято считать рождение детектива. В этой книге можно найти все существенные признаки жанра детектива, уже расцветшие или расцветающие. Это исключительная восприимчивость к мистике, тайне и блестящий талант дедуктивного мышления. В этой и последующих за ней историях «Гайна Мари Роже», «Похищенное письмо» - общим героем был первый знаменитый европейский детектив Огюст Дюпен. Эдгару По удалось составить десять заповедей для будущих служителей жанра, одна из которых заключается в том, что главный герой не бюрократ полицейский, а оригинал-любитель и что преступник – меньше всех подозреваемое лицо. Для Эдгара А. По логика обладала эстетической ценностью, группирование фактов, извлечение выводов было равноценно композиции.

Произведения Уилки Коллинза «Лунный камень» и «Женщина в белом» - настоящие детективы с множеством элементов приключенческой романтики и мистики. По мнению Дороти Ли Сейерс, «Лунный камень» - это лучший детектив всех времён». Героем произведения является профессиональный полицейский, старший сержант Кафф, который обладает многими качествами детективов любителей.

У Эдгара По и Уилки Коллинза появились последователи. С одной стороны детектив стал интеллектуальным произведением, в котором из невероятного развивается достоверная сказка. С другой стороны детектив стал содержать элементы мелодрамы и приключения. Возникла так называемая «жесткая школа детектива».

Несколько лет спустя весь мир облетело имя придуманного сэром Артуром Конан-Дойлом знаменитого детектива Шерлока Холмса и слухи о его блестящих делах. С творчеством Конан-Дойла связан первый большой период развития детектива. Он создал целую школу данного жанра. Когда в 1891 году в журнале «Стрэнд Мэгэзин» появились шесть рассказов о Холмсе, среди которых был «Скандал в Богемии», издатель Гринхаф Смит провозгласил «рождение новой литературы».

Второе десятилетие называют золотым веком классического английского детектива. К тому времени сложился полный стилизованный арсенал жанра с отличительными признаками самостоятельной формы. Идеалом для написания детективов были признаны книги Эдгара По и Конан Дойла. На детектив обратили внимание критики, они размышляли над ним, признавали или проклинали; он стал дискуссионной темой.

С.С.Вэн Дайн составил кодификацию правил детектива, в которых читателю давались равные с сыщиком возможности распутывания тайн; утверждалось, что обязательное преступление – убийство и к разоблачению должны вести логические выводы.

Некоронованной королевой классического английского детектива является Агата Кристи (1891-1976). К своей работе она относилась с большой взыскательностью и требовательностью, сделав тем самым жанр вполне пристойным. Агата Кристи оставалась верна традициям классического интеллектуального детектива, где успех достигается с помощью «дедукции», аналитических способностях мышления, но в пределах этой формулы она проявила поразительное умение варьировать, тасовать обязательные компоненты и держать читателя в напряжении до самых последних страниц, где очередной герой-расследователь одерживал очередную победу над хитроумным преступником,

выводя на чистую воду того, чья невиновность вроде бы была самоочевидной...

За 150-летнюю историю существования детективной литературы сложились такие основные ее направления как. 1) классический (Э. По, А. Кристи, К. Дойл. Г.К Честертон); 2) социально-психологический (Ж Сименон); 3) "жестокий" (Д Хеммет, Р Чендлер), 4) полицейский или шпионский (И. Флемминг). В литературоведении детектив определяется как жанр, в котором сыщик, пользуясь профессиональным опытом или особым даром наблюдательности, расследует, а тем самым аналитически реконструирует обстоятельства преступления, опознает преступника и во имя определенных идей осуществляет победу добра над злом и, что он - это самое сильнодействующее средство, самое очищенное, отточенное построение в ряду прочих литератур. Это тот жанр, где средства воздействия обнажены до предела. На основании этих определений можно выделить основные родовые признаки жанра с литературоведческой точки зрения. 1) тайна или загадка - генетический код детектива; 2) разгадка, 3) оригинальность. В исследованиях детектива отмечают его три функции: 1) нравственная; 2) познавательная автор показывает людей, их отношения и окружение с различных точек зрения; 3) развлекательная.

Нет другого такого литературного жанра, который с точки зрения теории информации может быть точнее анализирован и — что еще существеннее — измерен.

Классический английский детектив имеет следующую композицию:

1) экспозиция, детектив включается в следствие; 2) осмотр места преступления, учёт улик в сопровождении детектива-мастера; 3) представление подозреваемых, выяснение их роли с помощью допросов или запланированной автором усложненной беседы; 4) первая попытка решения: частичные выводы, теории, возможно, неверные выводы, весьма странные решения, опровержение которых и является разгадкой тайны; 5) формальное изобличение; 6) объяснение: доказательство решения.

Непрерывным атрибутом детектива является расследование и это расследование проводится по определённым законам. Со-

гласно законам стилизованного расследования Франсуа Фоска : 1. Дело, служащее темой, основывается на тайне, кажущейся необъяснимой, 2. Одно или несколько лиц – одновременно или друг за другом – попадают под подозрение, его или их считают виновными, ибо его или их обвиняют внешние обстоятельства, 3. Осмотр места преступления: тщательное наблюдение за материально существующими и психологическими фактами дополняется показаниями свидетелей; после этого следует методическая аргументация, которая опровергает поспешно состряпаные теории. Тот, кто проводит анализ, ничего не выдумывает. Он аргументирует и наблюдает.

Классические английские детективы построены следующим образом. Главным героем является сыщик-любитель. Именно любитель является идеальным мастером сыска. За уголовное преследование он берётся, как правило, ради удовольствия. Так как детектив является любителем, он не опирается на полицию. Он – одинокий герой. Английский сыщик – безупречный джентльмен, который собирает пинцетом улики, ему преступление даёт возможность блеснуть в хорошем обществе своими исключительными умственными способностями. Вблизи сыщика-мастера оказывается его добрый друг, доверенное лицо, спутник, партнер для беседы, хроникер, который, как правило не отличается такими же умственными способностями. Это доктор Уотсон для Шерлока Холмса или капитан Гастингс для Эркюля Пуаро. Фигура спутника сыщика является важным коммуникационным средством. С помощью его мысли сыщика, направление его поисков, анализ, становятся известны читателю. От него же и ведётся повествование.

Во всех странах мира слово «детектив» вызывает в памяти образ Шерлока Холмса, сухощавого и остролицего; он сидит, закутавшись в халат, с трубкой во рту, с увеличительным стеклом в руке. Он, как правило, говорил мало, однако речь его наполнена афоризмами, которые вошли в повседневную жизнь англичан. Вот как переводятся некоторые из них: «Расследование преступлений — точная наука, по крайней мере, должна ею быть». *Detection is, or ought to be, an exact science.*

«Мне представляется, что человеческий мозг похож на маленький пустой чердак, который вы можете обставить, как хотите». "I consider that a man's brain originally is like a little empty attic, and you have to stock it with such furniture as you choose. «Если отбросить всё совершенно невозможное, то именно то, что останется — каким бы невероятным оно ни казалось — и есть истина!» Eliminate all other factors, and the one which remains must be the truth. Трудности возникали даже при переводе самой популярной фразы Холмса "It's elementary Watson". Русские переводчики порой заставили сыщика произносить безвкусное «превосходно» или «примитивно», «совсем просто» или «пустяки». Лишь изредка на страницах отечественных изданий встречается гордое «элементарно, Ватсон. Кроме того неудачно транслитерировалась даже фамилия великого сыщика. В первых русских переводах он носил фамилию «Гольмц»!

В заключении следует отметить, что детектив является полноправным жанром литературы, который требует к себе серьезного отношения литературных критиков и рецензентов. Интерес к его изучению наблюдается до сих пор. Наряду с известными авторами жанра постоянно появляются новые имена, возникают новые формы детектива.

Литература

1. Анджапаридзе Г.А. Послесловие к сборнику Агаты Кристи «Избранная детективная проза». Москва: Радуга, 1989.400 с.
2. Кестхейн Т. Анатомия детектива. Следствие по делу о детективе. Будапешт: Изд-во Корвина. 261 с.
3. Теплых Р.Р. Концептосферы английских и русских детективов и их языковое представление: Автореф. дис. канд. филол. наук. Уфа. 180с.
4. Тугушева М.П. Под знаком четырёх: о судьбе произведений Э.По, А.К.Дойла, А.Кристи, Ж.Сименона. М.Книга, 1991. 287с.
5. A.C.Doyle. The Adventures of Sherlock Holmes. Penguin Books, 1994. 308 p.

Заемствованная лексика как дискурсивное средство воздействия на реципиента

Брусницына М. А.

*Санкт Петербургский инженерно-экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, mariabrus@mail.ru*

Процесс заимствования рассматривается как источник обогащения исконного словаря и является ярким примером взаимодействия языков и культур. Интенсивное иноязычное влияние является социально значимым процессом, что определяет актуальность данной статьи.

Объектом данного исследования являются заимствованные лексические единицы, функция которых заключается в усилении выразительно-изобразительного качества речи. Материалом для исследования послужили тексты сайтов немецких гостиниц.

Текст сайта в лингвистическом ракурсе представляет собой прежде манипулятивное сообщение, главная цель которого – это побуждение адресата к деятельности. Побуждение клиента к деятельности может выражаться различными средствами. Одним из таких дискурсивных средств воздействия является лексика, заимствованная из других языков. Носителями эмоциональной информации выступают заимствования из английского, французского и итальянского языков. Заимствования помогают достигнуть референтивной цели текста сайта, то есть сообщить об объекте действительности, и императивной цели, то есть призвать к действию адресата.

Заемствованная лексика способна выполнять данную функцию, семантизируясь различными способами: переводясь на немецкий язык или внедряясь в оригинальном виде в немецкую фразу. Об этом свидетельствуют следующие примеры: «*Nutzung der Sonnenhof-AquaWelt*», «*der Residenz VitalResort*», «*2 Romantik-Dinner bei Kerzenschein*», «*Griff ins Repertoire der eigenen Geschichte*» или «*Die große Opening Night im Hotel*». Для текстов сайтов характерна замена немецкого описательного оборота одним англоязычным словом, например, «*Das erste Highlight in der Turniersaison 2011 ist das große Golf Opening, Startgeschenk, Half-*

way-Verpflegung», английское слово «*Highlight*» заменяет словосочетание «яркое событие, заслуживающее особого внимания», слово «*Halfway-Verpflegung*» заменяет словосочетание «перекус во время игры в гольф». Употребление подобных слов мотивировано большей точностью номинации и действием закона языковой экономии.

Процесс внедрения заимствований в тексты сайтов стимулирует креативные способности носителя немецкого языка, побуждая его к семантизации незнакомых слов и выражений. Заимствованная лексика активно участвует в процессе немецкого словообразования, преобладает модель сущ.+сущ., например, слово «*Blumenbouquets*» образовано способом словосложения немецкого слова «*Blumen*» (цветы) и французского слова «*bouquet* (букет)», по данной схеме образованы существительные «*Begrüßungsdrink*» (напиток, которым приветствуют гостя) и «*Gourmetküche*» (кухня для гурманов).

Заимствования становятся декоративным, побудительным средством в сообщениях сайта. Они воспринимаются адресатом как положительный эмоциональный импульс, например, «*allegro Tanzbar*», итальянское слово, обозначающее «веселый», сочетается с немецким словом «танцевальный бар».

Заимствованные слова и выражения неравномерно распределены по тексту. Как правило, они встречаются в заголовке, основной части текста и отсутствуют в конце текста. Иностранные слова используются в заголовках и подзаголовках, чтобы сделать акцент на данных услугах или особенностях гостиницы, например, заголовок «*Beauty- und Wellness Treatments*». Итальянское словосочетание «*Carnevale tranquillo vom 04. März bis 09. März 2011*» служит заголовком специального предложения гостиницы во время карнавала, чтобы привлечь внимание туристов. При использовании заимствования в заголовочном комплексе иногда дается немецкий эквивалент, облегчающий понимание, например, «*Meetings und Anlässe*».

С точки зрения коммуникативной функции выделяют языковые и неязыковые причины заимствований. Анализ текстов показывает преобладание лексических единиц, причины заимствования которых социально-психологические, то есть неязыко-

вые. К таким заимствованиям относятся слова, которые не связаны с обозначением новых реалий. Многие носители считают заимствованные слова более престижными, чтобы сделать речь выразительной и воздействовать на адресата. Ориентация на иностранного потребителя диктует использование в рекламе доступных англицизмов, нежели менее доступного аудитории немецкого слова, например, «*Single*» (одна персона) вместо «*eine Person*», «*Softdrinks*» вместо «*Erfrischungsgetränk* (освежающий напиток)» или итальянское слово «*gratis*» (бесплатно) вместо немецкого слова «*kostenlos*». Заимствованные слова как средство наименования новых реалий, то есть отсутствие более точного наименования в когнитивной базе языка-рецептора, встречаются реже, например, «*Kaffee-Körperpeeling*», «*Whirlpools*», «*Brunch-Buffer*».

С позиции языковой культуры в текстах преобладают так называемые «избыточные» заимствования. «Избыточным» лексическими единицами считают появление новых обозначений, синонимичных уже имеющимся, например, «*1 Candle-Light-Dinner*». С этой позиции многие заимствования в текстах сайтов являются неоправданными, например, французское слово «*Cuisine*» (кухня) в словосочетаниях «*Chef de Cuisine*» или «*Begründer der Cuisine Vitale*» вместо немецкого слова «*die Küche*».

Заимствования это социально значимый процесс. Заимствованная лексика является результатом культурных контактов разных языковых обществ, которым способствует отрасль туризма. Сайты гостиниц являются непосредственным источником заимствованной лексики еще до взаимодействия туриста с другой культурой, они способствуют распространению заимствованной лексики среди населения. Сайты немецких гостиниц просматривают представители разных культур, следовательно, тексты сайтов способствуют внедрению заимствований не только в речь туристов своей страны, но иностранцев.

Несмотря на то, что большинство средств размещения имеют сайты на нескольких языках, в том числе на английском языке, в немецких текстах очень часто встречаются английские слова. Таким образом, текст сайта, насыщенный иностранными словами, во-первых, расширяет круг потенциальных клиентов,

каждому представителю другой культуры приятно видеть слова на родном языке среди иностранных слов, такой прием действует очень положительно на иностранного туриста. Во-вторых, текст становится более доступным для иностранных туристов, плохо владеющих немецким языком, в-третьих, иностранное слово в немецком тексте невольно обращает на себя внимание, таким образом, привлекая внимание туриста к конкретной услуге. Текст сайта рассчитан на любого, самого неподготовленного реципиента, он активно нацелен на то, чтобы предельно расширить круг адресатов. Использование заимствований в значительной мере обусловлено их новизной, экзотичностью и респектабельностью внешнего облика. Заимствованные слова выполняют функцию доступности изложения, украшения рекламного текста. С этими свойствами иноязычных слов связано решение основной задачи текста сайта: максимально выгодного представления рекламного товара потенциальному покупателю и побуждения его к покупке.

Афоризмы в произведениях У.С. Моэма

Приолова А. Д.

*Краснодарский краевой базовый медицинский колледж,
г. Краснодар, Россия, ally888-smile@yandex.ru*

В настоящее время при огромном интересе к афоризмам, к мудрым изречениям нет ясности в понимании сущности афоризма, в определении объема, в характеристике структуры, стилистических особенностей и лексического наполнения. Особую роль в передаче коллективной и индивидуально-авторской мудрости от поколения к поколению играют афоризмы. На протяжении тысячелетий человечество собирало мудрые изречения, отражающие эволюцию сознания, помогающие отдельному индивидууму осмыслить действительность, обогатить свой опыт и пр.

Афоризм – законченная мысль, выраженная в предельно краткой, лаконичной форме. Это интеллектуальное достояние нации и человечества в целом: философия мироздания, ее ос-

мысление истории, литература и т.д. Обычно это совокупный источник культурной интерпретации представлен в сборниках, выполненных в жанре «крылатые слова и выражения», «в мире мудрых мыслей».

В настоящее время признанным толкованием понятий «афоризм» и «афористика» является определение, отраженное в «Литературном энциклопедическом словаре», принадлежащее М.Л. Гаспарову. Афоризмами принято считать краткое изречение, в котором в лаконичной, художественно заостренной форме излагается обобщенная мысль. Далее совершенно справедливо утверждается, что афоризм выявляет общее и типическое в действительности. «В фольклоре к афоризмам относятся поговорки и пословицы» [2]. Оговоримся, что мы не разделяем точку зрения, по которой афоризмы являются тождественными поговоркам и пословицам. Основой афористики является вся человеческая жизнь с ее противоречиями, поэтому тематика афоризмов изначально предполагает обобщение.

Афоризмы чаще всего извлекаются из художественных текстов, но и в этом случае они иллюстрируют не индивидуальные переживания персонажа, а содержат мысли, имеющие всеобщий смысл.

Афористика наряду с паремиями, крылатыми выражениями и фразеологическими единицами является показательной частью концептосферы народа, выражает все, что в морально-нравственном и этическом плане является важной составной частью духовной культуры.

Большой интерес для более подробного описания концепта «любовь» представляют собой афоризмы в произведениях У.С. Моэма. В них рассматриваются романтические отношения между мужчинами и женщинами и их характеристики.

Концепты «мужчина» и «женщина» как архетипические для человеческого сознания относятся к разряду универсальных, представленных в любом языке, так как характеризуют фундаментальное биологическое, психологическое и социальное разделение людей по полу.

Афоризмы и пословицы представляют собой особый жанр, так как, по мнению А.Д. Швейцера, «жанр текста - класс вер-

бальных текстов, выделяемых на основе общности структуры, пределах вариативности и использования в однотипных комплексных контекстах“ [4]. Отсюда следует, что каждому жанру присущ определенный набор языковых средств.

Афоризм, преимущественно, является жанром прозаическим, и чаще всего носит одноплановый - прямой смысл:

When a woman's amorous advances are declined by a man she is apt to draw one of two conclusions; one is that he is homosexual and the other is that he is impotent (Maugham W.S. Theatre. 2005). - Если мужчина отвергает авансы, которые делает ему женщина, она склонна приходиться к одному из двух заключении: или он гомосексуалист, или импотент (Моэм У.С. Малый уголок; Театр: Романы. 1979).

"A woman attracts men by her charm and holds them by their vices" (Maugham W.S. Theatre. 2005). - «Женщина привлекает к себе мужчин, используя свое очарование, и удерживает их возле себя, играя на их пороках» (Моэм У.С. Малый уголок; Театр: Романы. 1979).

Среди всех универсальных высказываний, по нашему мнению, парадокс наиболее близок к афористическому высказыванию. Отмечается, что парадоксальное высказывание отличается от обычных высказываний наличием парадоксальности, которая сконцентрирована имплицитно в парадоксальной пропозиции [1]. Парадокс - оригинальное, расходящееся с общепринятым, часто со здравым смыслом, суждение [3]. Мы считаем, что именно разница в парадоксальном содержании отличает парадокс от афоризма.

"... if you want men to behave well to you, you must be beastly to them; if you treat them decently they make you suffer for it" (Maugham W.S. Of Human Bondage. 2006). - Если хочешь, чтобы мужчина хорошо к тебе относился, веди себя с ним, как последняя дрянь; а если ты с ним обращаешься по-человечески, он из тебя вымотает всю душу (Моэм У.С. «Бремя страстей человеческих». 1959).

Women are always the same; they adore a bounder (Maugham W.S. Cakes and Ale. 2000). - Женщины все одинаковы: они обожают нахалов (Моэм У.С «Пирог и пиво». 2007).

Приведенные примеры наглядно иллюстрируют, что в сознании носителей языка сложился отрицательный образ женщины. Данные высказывания звучат осуждающе, как приговор.

"*It's the simplest in the world to have an affair with a woman*", *he remarked sententiously, "but it's a devil of a nuisance to get out of it"*. (Maugham W.S. *Of Human Bondage*. 2006). – Нет ничего проще, чем завести роман с женщиной, - заметил он наставительно, - но как дьявольски трудно от нее отвязаться (Мозэм У.С. «Бремя страстей человеческих». 1959).

My dear fellow, one can't break that sort of affair off without suffering (Maugham W.S. *Of Human Bondage*. 2006). – Дорогой друг, нельзя покончить с романом, не заставляя кого-нибудь страдать (Мозэм У.С. «Бремя страстей человеческих». 1959).

Категоричность данных утверждений обуславливается использованием превосходной степени прилагательного (в первом примере *simplest*) и герундием (во втором примере *suffering*).

Таким образом, в афоризме могут присутствовать такие признаки и качества, как моделируемость, субъективность, оригинальность, парадоксальность, неожиданность формулировки, наличие переносного смысла, способность к выражению универсальных истин и пр.

Афористика востребована в культуре, языке, в русской и английской ментальности как краткое и достаточно простое, общепонятное изложение глубоких философских истин. Афоризм - это уникальное явление культуры, помогающее человеку воспользоваться тысячелетними плодами опыта и раздумий всего человечества.

Литература

1. Ганеев Б.Т. Парадокс: парадоксальные высказывания. - Уфа: БГПУ, 2001.
2. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — 752 с.
3. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. - М.: Наука, 1990. - 419 с.

4. Швейцер А.Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). - М., 1988.

**Транзакция как явления межкультурной коммуникации:
вегетарианская практика в контексте русской культуры**

Кузнецова К.В.

*Челябинская Государственная академия культуры и искусств,
г. Челябинск, Россия, ksyushaostyabrowa@yandex.ru
Научный руководитель – Шуб М. Л., доцент каф. культурологии
и социологии, кандидат культурологии*

Межкультурная коммуникация на современном этапе играет огромную роль в процессах культурной динамики и во многом определяет основные векторы развития актуальной культуры в целом. Межкультурная коммуникация, являясь всеобъемлющим, всеохватным феноменом, проявляется в самых различных формах и направлениях, в том числе в духовно-оздоровительных практиках, таких как, например, вегетарианство.

Известно, что вегетарианство сегодня является почти интернациональным феноменом, система связей с которым уже не определяется принадлежностью к определённой (восточной) типу культуры. Вегетарианство постепенно преодолевает расовые, средовые, языковые признаки его приверженцев. При непосредственном контакте они задействуют исключительные языковые варианты и дискурсивные стратегии, несхожие с теми, которые они пользуются при контакте внутри своей культуры. Таким образом, создаётся некий связующий элемент, соединяющий по своей сути разнородные категории людей, представителей различных культур. Другими словами, возникает коммуникативная, а точнее межкультурная компетентность, что позволяет адекватно воспринимать представителей других ментальных установок, и эффективно взаимодействовать индивиду с окружающими людьми в системе межличностных отношений.

В настоящий момент в России так же наблюдается транзакция совершенно разнородных культур, в виде увлечения восточной культурой в целом и отдельными её феноменами в частности. К числу последних относится и вегетарианство. Более того, на сегодняшний день в контексте российской культуры вегетарианство представляется вполне привычным, адаптированным феноменом, хотя пока оно и не получило столь же широкого распространения, как на Востоке.

Вегетарианство, зародившееся в странах востока в XVII веке до н. э. и появившееся на Западе в середине XIX в., признает естественной пищей человека только растительные продукты и отвергает любую животную пищу. Но это относится к классическому догматическому варианту вегетарианства. В настоящее время возникло множество более мягких вариантов вегетарианского рациона, среди которых каждый человек может выбрать для себя наиболее подходящее меню.

Сам термин «вегетарианец» (происходит от латинского *vegetus*, что означает «крепкий, здоровый, свежий, бодрый»), был введен в обиход в 1842 году основателями «Британского вегетарианского общества». Словом «вегетарианство» обозначается образ жизни, характеризующийся в первую очередь питанием, исключаящим употребление плоти любых животных. Последователи строгого вегетарианства, веганства, отказываются от использования всех продуктов животного происхождения как в питании (молоко животных других видов, яйца птиц и рыб), так и в быту (мех, кожа и т. п.).¹

Причин прихода к вегетарианству достаточно много – большинство из них связаны с особенностями социокультурной ситуации той или иной страны, со спецификой культуры в целом и ментальных установок в рамках данной культуры в частности. Именно поэтому у исследователей возникает ряд вопросов, обусловленных тем, что в настоящее время в России вегетарианство приобретает чрезвычайно широкое распространение: чем в действительности продиктовано увлечение вегетарианством в нашей стране – модой на разного рода феномены восточной куль-

¹ <http://www.sunhome.ru/journal/15178>

туры или целенаправленным желанием избавить своё тело от болезней? Совместима ли русская ментальность и образ жизни русского человека, продиктованный, в том числе природно-климатическими условиями, с чисто восточной практикой вегетарианства?

Кроме того, русская, православная в своей основе культура, на протяжении многих сотен лет вырабатывала собственные практики оздоровительного питания, с одной стороны, аналогичные вегетарианству (воздержание от определённых видов пищи и пр.), а, с другой – противоположные ему (планирование ограничений в связи с сезонными периодами, освобождение от ограничений определённых групп населения и пр.). К подобным практикам, прежде всего, относится система православных постов. Поэтому перед исследователем ставится задача не только определения современного статуса вегетарианства в России, но и выявление его социокультурной приемлемости в условиях русских культурных традиций.

В ходе проведённого анализа, было выявлено, что содержание двух духовно-оздоровительных практик (вегетарианства и поста) значительно отличается.

Если вегетарианство – это образ жизни, характеризующийся в первую очередь питанием, исключающим употребление плоти любых животных то православный пост – это установленный некоторыми религиями запрет лишь на определённый срок (220 дней в году) приёма всякой пищи или отдельных её видов. Кроме того, отличие вышеупомянутых феноменов заключается и во включении в практику вегетарианства всех категорий населения, а в практику поста – только определённых категорий граждан и сроках временных рамок отказа от конкретной пищи. Православный пост по сравнению с вегетарианством более лоялен – он не распространяется на больных, детей и стариков. Стоит отметить и то, что вегетарианцы нередко отказываются от плоти убитых животных не только по ряду конфессиональных причин, но и по ряду этических, чего не было ранее замечено в практике православных постов.

С философско-этической основы буддизма, являющегося по сути мировоззренческим ядром и основой вегетарианства, мир

существует в анимистическом понимании (каждое творение мира – живое), что отрицает возможность жестокого отношения к любому из его проявлений. Милосердие ко всему живому является источником прекращения страданий и выхода из бесконечности перерождений. Построение гармоничных отношений с миром воспринимается как высшая цель бытия, достижимая лишь при условии отношения ко всем живым и неживым объектам как равным себе.

Христианство также предполагает милосердное отношение ко всякому живому существу, однако, согласно религиозным догмам христианства, человек поставлен Богом – владыкой твари, и разрешение вкушать эту тварь так же исходит от Бога. Для христианина существует необходимость совершения подвига в течение жизни, то есть усилия, которое предпринимает человек, чтобы избавиться от ига первородного греха и господства страстей, дабы очистить душу и тело на пути к богообретению.

Утверждающиеся в России принципы толерантности и происходящие процессы инкультурации, при учёте тысячелетней традиционной религиозной практики воздержания от мясной пищи подтверждают некоторую «вписанность» вегетарианства в русскую культуру. Практике поста во многом близка доктрина вегетарианства, также предполагающая употребление в пищу только растительных продуктов и преодоление плотских и духовных страстей. Но вместе с тем духовная основа данных практик подразумевает различные основания. Кроме того, вегетарианство входит в разрез со многими географическими, природно-климатическими и пищевыми особенностями и традициями бытования русской культуры. То есть, вероятно, следует констатировать не духовно-смысловую востребованность вегетарианской практики питания в современной России и а скорее его привлекательность как модного, восточного феномена. Однако данное утверждение, а также обоснование статуса вегетарианства как социокультурного феномена нуждаются в дальнейшем изучении и эмпирическом подтверждении.

Литература

1. Висьневска-Рошковска, К. Вегетарианство / К. Висьневска-Рошковска. – Минск: Польша, 1992. – 445 с.
2. Духовность и вегетарианство: Сборник. – М.: Информ-экспресс, 2004. – 197 с.
3. Маковицкий, Д. У Л.Н. Толстого / Д. Маковицкий // Нева. - 2008. – №8. – С. 207-222.

Семантический анализ и способы перевода немотивированных грамматических моделей с Subjuntivo в современном испанском языке

Садовщикова А.А.

*Московская открытая социальная академия, г. Москва, Россия,
argo19811981@mail.ru*

Данное исследование основано на изучении грамматических моделей с Subjuntivo в структуре сложноподчиненного предложения как после глаголов с традиционно мотивированным субъективно-оценочным значением, так и в сопоставлении аналогичных моделей на основе времен Indicativo.

Если первая группа моделей имеет известный набор функциональных значений: волитивное, субъективно-оценочное, уступительное и пр., то чередование Indicativo и Subjuntivo создает совершенно самостоятельные функциональные значения, для перевода и семантизации которых необходимо учитывать основную функцию Modo Subjuntivo в испанском языке – передавать действия, которые мыслятся как гипотетические, желаемые, возможные.

Чередование употребления времен Indicativo и Subjuntivo возникает в испанском языке, как в мотивированных моделях, так и в немотивированных. Последние представляют наибольший интерес для исследований. Рассмотрим два предложения:

Las personas que vengan son mis amigos.

Las personas que vienen son mis amigos.

Форма *Subjuntivo* выражает обобщающее значение, которое в русском варианте перевода может быть выражено только посредством лексико-грамматических элементов значения обобщения. Форма *Subjuntivo* показывает не просто объекты данного класса, но и каждый объект данного класса в отдельности, что лучше всего может быть передано в варианте перевода дополнительными обобщающими местоимениями: *все, какие бы ни, кто бы ни*.

В отличие от формы *Subjuntivo* форма *Indicativo* лишена значения обобщения и распространяет данную характеристику (*amigos*) не на весь класс объектов, а лишь на некоторые известные говорящему объекты.

Во второй фразе речь идет только о лицах, которые известны говорящему и круг которых ограничен количественно. Следовательно, дополнительное каннотативное значение *Subjuntivo* в аналогичных структурах заключается в незнании говорящим каждого из элементов описываемого класса предметов или объектов.

Очень часто предложения в испанском языке могут начинаться со словосочетания *el hecho de que*, *el que* и просто *que* с последующим употреблением *Subjuntivo*. При этом те же самые форманты моделей допускают после себя употребления времен *Indicativo*, создавая совершенно иные смыслы и приобретая иные лексические значения.

Например в предложении: *Sabemos muy bien que en invierno hace frio*, в данном образце в его использовании в текстах часто осуществляется инверсия, то есть перестановка местами главной и придаточной части, что создает дополнительный логический акцент на том или ином событии или факте объективной действительности, а также определенные экспрессивные оттенки. Однако в отличие от русского варианта перевода подобных инвертированных моделей не наблюдается какого-либо чередования наклонений или грамматических времен в частях, образующих высказывание. В испанском же языке перестановка местами главной и придаточной части неизбежно и обязательно сопровождается трансформированием времен *Indicativo* во времена *Subjuntivo*. Таким образом, вышеприведенная фраза в инверти-

рованном виде будет выглядеть следующим образом: *Que en invierno haga frio, lo sabemos.*

Формант модели *que* – это усеченная форма полного словосочетания *el hecho de que – тот факт, что*, который в полном виде употребляется гораздо реже.

Subjuntivo может выполнять коммуникативную функцию генерализации, т.е. нести в себе конкретные качества какого-либо большого класса объектов. Проанализируем два предложения:

El que ha hecho la mili se invita al trabajo

El que haya hecho la mili se invita al trabajo

В первом предложении очевидно, что лицо нам известно и ему приписывается конкретная характеристика. Во втором предложении – лицо нам не известно, но подразумевается, что любой из тех, кто прошел военную службу, приглашается на работу. Поэтому нужно уметь выразить и сохранить модальное определение генерализации при переводе второго предложения.

Выражение причины в испанском языке также интересно с синтаксической и семантической точек зрения. Специфическую функцию имплицитного отрицания субхунтиво выполняет в предложениях типа: *D. no ha sido elegido porque sea ingles sino por su experiencia.*

Форма сослагательного наклонения показывает, что значение в определенной ситуации имеют не соответствующее действие, или свойство, а какие-то иные, указанные в придаточной части. В предложении: *La asociacion military no dejo de actuar porque cayera la dictadura* делается упор на том, что существует не одна, а несколько причин.

Проанализируем фразы:

No va al teatro porque se aburre

No va al teatro porque se aburra

В первом предложении есть утверждение, и причина этого утверждения объясняется посредством предложения, которое вводит причинно-следственную связь: *Juan no va al teatro y la razon es que se aburre.* Предложение с сослагательным наклонением не составляет утверждения с семантической точки зрения. Можно говорить о предположении, согласно которому получается, что Хуан не идет в театр, но по какой – то другой причине.

Лучше преобразовать немного синтаксическую структуру второго предложения при переводе на русский и отрицательную частицу «не» поставить перед союзом, что более характерно для русского языка: *Хуан не идет в театр, не потому что ему скучно.*

Чередование Subjuntivo и Indicativo в немотивированных предложениях зависит от речевой целеустановки говорящего. То, что человек говорит и как он говорит, во многом определяет его позицию к сказанному. С помощью наклонений мы передаем наше субъективное мнение, наше личное отношение к определенному событию.

Наклонения в испанском языке придают разную смысловую окраску предложению. Неправильный перевод и анализ семантики немотивированных моделей приводит к искажению смысла и препятствует достижению коммуникативной целеустановки. Человеку, изучающему испанский язык необходимо видеть разницу между наклонениями, чтобы уметь правильно выражать свою мысль.

Употребления сослагательного наклонения в испанском языке не ограничивается вышеперечисленными моделями. Задачей нашего исследования в конечном итоге является не только определение полного набора грамматических моделей на основе Subjuntivo, но и исследование семантического чередования Subjuntivo и других наклонений испанского языка, что, безусловно, необходимо для обучения и подготовки профессиональных переводчиков.

Литература

1. Ланцов М.С., Семантика моделей с субхунтиво и способы их перевода в испанском языке. – В сб.: Вопросы лингвистики и перевода, РГСУ, выпуск 4, М., 2010.
2. Ланцов М.С., Социолингвистический аспект выражения модальности в испанском языке, МГИМО, М., 2009.
3. Микоян А.С. Проблемы перевода текстов СМИ, М., Аспект Пресс, 2005.
4. Передерий Е.Б. Язык испанской прессы, М., Высшая школа, 2005.
5. Плунгян В.А. Общая морфология. М., 2000.

6. Распопов И. П., Ломов А. М. Морфология и синтаксис // Основы русской грамматики, т.3, Воронеж: Изд-во Воронежского Университета, 1984.
7. Русская грамматика, ч. 1. Под ред. Н.Ю.Шведовой. М., 1980;
8. Сослагательное наклонение. – В кн.: Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1995.
9. Суханова М.В. Язык испанской публицистики, Воронеж, Изд-во ВГУ, 2005.
10. Albertos Martínez J.L.: El lenguaje periodístico. Paraninfo, Madrid 1989. Grijelmo Á.: El estilo del periodista. Grupo Santillana de Ediciones, S.A. Madrid 2001.
11. Nuñez Ladeveze L.: Lenguaje y comunicacion: para una teoria de la redaccion periodistica. Piramide, Madrid 1977.
12. Vivaldi G.M.: Generos periodisticos. Paraninfo, Madrid 1987.

**Статья на тему «Семантический анализ лексики
в детективном романе А.Франца «Jung, blond, tot»**

Джаикова И.З.

*Астраханский государственный университет, г. Астрахань,
Россия, idzhaikova@mail.ru*

Лингвистика обратила самое пристальное внимание на исследование связей языка и этнокультуры, на построение языковой картины мира, которая отражает историческое существование носителей языка, их материальную и духовную культуру (работы Вежбицкой А, Верещагина Е.М, Караулова И.Ю). Изучение лексико-тематических групп с различных сторон обуславливает раскрытие общих процессов развития лексики, так как «для лингвистики вовсе не безразлично то, как членится в каждом конкретном языке данная предметно-смысловая область, какие признаки предметов отражаются в отдельных на-

именованиях, а, следовательно, характеризуют отдельные члены той или иной тематической группы» [Булыгина, 14].

Полевой (системный) подход к лексике предполагает рассмотрение словарного состава языка в его целостности, когда значение каждого из элементов (каждой лексемы) существует лишь в соотношении со значением других элементов.

Алиференко Н.Ф. рассматривает лексико – семантическую группу (ЛСГ) как объединения значений слов, включающих конкретные понятия, которые различаются степенью проявления признака, качества, действия или их противопоставлением. Например, ЛСГ «глаголы мышления» : *думать, размышлять, вспоминать, представлять, обдумывать, мечтать, предполагать*, и др., или ЛСГ «вкусовые прилагательные» : *горький, кислый, сладкий, соленый, пряный, пресный, терпкий* и др. [Алиференко, 233].

Термину лексико – тематическая группа, по мнению Зеленецкого А.Л., в немецкой лингвистической традиции соответствует наименование «*thematische Reihen*», в связи с чем оказывается актуальным установление различий между ЛСГ и так называемой тематическими группами лексики (ТГЛ), обычно обозначаемыми в немецких работах как «*Sachgruppen*». При всей бесспорной связи между двумя типами группировки лексики следует отметить, что понятие ТЛГ является более широким, нежели понятие ЛСГ; иными словами, ТЛГ включают в себя ЛСГ, тогда как обратного отношения не существует. Например, ЛСГ глаголов движения (типа *gehen, laufen, fahren, fliegen* и др.) естественно входит в ТЛГ «Движение». Однако к этой ТЛГ принадлежат также и соответствующие отглагольные имена (в рассматриваемом случае : *Gang, Lauf, Fahrt, Flug*), равно как и обозначения способов передвижения (например : *zu Fuss, zu Pferd, mit dem Rad*), скорости движения (например : *langsam, schnell, eilig*), исходного пункта и цели движения (например : *vom Punkt, nach dem Punkt, bis zum Punkt*) [Зеленецкий, 277].

Ольшанский И. Г. определяет тематическую группу как лексическую группировку, объединенную внешнеязыковым и предметным единством, например, все слова, относящиеся к

автомобилю и его составным частям: мотор, тормоз, руль, колесо и т.д. [Ольшанский, 68].

Слова, входящие в тематическую группу, как считает Алиференко Н.Ф., объединяются одной и той же типовой ситуацией или одной темой; общая идентифицирующая сема для них не обязательна. Отличительным признаком тематической группы является экстралингвистическая (внеязыковая) обусловленность отношений между составляющими его словами. Основным критерием вхождения слов в тематическую группу служит общность обозначаемого ими денотативного пространства. Следовательно, по мнению Алиференко Н.Ф., *тематическая группа* – это совокупность слов, обозначающих определенную предметную область. В тематическую группу могут входить слова, принадлежащие к разным частям речи. Чаще всего между членами тематической группы устанавливаются отношения включения или пересечения, т.е. отношения «род – вид», «часть – целое» и т.п. Например, фрагмент тематической группы, «части растения – зерно, семя, корень, клубень, росток, побег, поросль, всходы, почка, плод, цветок, ягода».

Следовательно, отношения между словами ТГ (переносы названий, образование ЛСВ по определенным моделям, словообразовательная производительность или невозможность таковых) обусловлены двумя типами факторов – экстралингвистическими и языковыми. Все это служит основанием рассматривать ТГ как лексическую микросистему [Алиференко, 231].

Описательно–классификационный анализ лексики в романе А.Франца «Jung, blond,tot» показал, что наиболее употребительные лексемы могут быть объединены в родовидовые, функциональные, ситуативные.

Чаще всего в составе тематических групп реализуются *родовидовые* связи денотатов (например, растение — дерево, кустарник, цветок и т.д.; мебель — шкаф, стол, стул и т.д.). Между родовыми и видовыми понятиями существуют инклюзивные отношения, т. е. отношения включения: «происходит включение более низкого класса в более высокий класс классов, т. е. категорию». Поэтому в значении членов тематической группы имплицитно содержатся два семантических признака: обобщаю-

щий, или интегрирующий (например, «мебель») и дифференцирующий, который отграничивает один экземплирующий член ряда от другого [Алефиренко, 127]. Отсюда и название первого вида тематических групп – *родовидовые*. Например, в анализируемом мной романе А. Франца «Jung, blond, tot» можно выделить две подобные группы: тело человека и предметы мебели. В группах может быть также и деление на подгруппы.

Тело человека:

подгруппа голова:	
der Kopf – голова	das Gesicht – лицо
die Nase – нос	das Auge – глаз
die Lippen – губы	der Augenbrauen – бровь
das Ohr – ухо	der Zahn – зуб
подгруппа рука:	
der Faust – кулак	der Daumen – большой палец
лец руки	
die Schulter – плечо	die Achsel – плечо
подгруппа нога:	
das Bein – нога	der Fuß – ступня
die Knie – колено	
подгруппа туловище:	
der Körper – тело	die Hals – шея
die Taille – талия	die Brust – грудь
das Knie – колено	

Предметы мебели :

die Couch – диван	der Tisch – стол
der Stuhl – стул	die Kommode - комод

Нередко в качестве интегрирующего компонента значения выступает общая функция членов тематической группы. Например, существительные изба, хата, дом, юрта объединяются по общей функции — они обозначают жилище человека. В подобных случаях можно говорить о функциональных группах как особой разновидности тематических групп [Алефиренко, 128]. В

проанализированном романе можно выделить лишь две функциональные группы: одежда и обустройство комнаты.

Одежда:

die Kleider – одежда
der Rock – юбка

die Hose – брюки
die Bluse – блузка

Обустройство комнаты:

der Raum – комната
die Wand – стена
die Decke – потолок

das Fenster – окно
der Boden – пол

К тематическим группам можно отнести и «классы слов, которые объединяются одной и той же типовой ситуацией», т. е. ситуативные ряды слов (например, все слова, связанные с темой «магазин», «спорт» и т. д.). К ситуативным рядам слов близки ассоциативные группы, в которых слово - стимул объединяет группу определенных ассоциатов (например, корова, коза — молоко, трава, ферма, мясо) [Алефиренко, 128]. В представленном мной для анализа детективном романе я выделила следующие ситуативно - ассоциативные группы:

Жертвы:

das Opfer – жертва

der Tote – мертвый человек

der Ermordete – убитый человек

die Leiche – труп

Преступник:

der Mörder – убийца
чудовище

die Bestie – изверг,

der Täter – преступник, виновник
сумасшедший

der Wahnsinnige –

der Psychopath – психопат

Следственные мероприятия и их участники:

der Zeuge – свидетель
missar – комиссар полиции

der Kom-

die Ermittlung – дознание, розыск
sion-спецкомиссия

die Sonderkommis-

Глаголы, выражающие насильственные действия:

umbringen – убивать	schlagen – бить, избивать
herausreißen – вырывать (из плоти)	töten – убивать
vergewaltigen – изнасиловать	ausreißen – вырывать, выдергивать
ausstechen – выкалывать	

Существительные, выражающие последствия насильственных действий:

die Verletzung – ранение, повреждение die Bisswunde – рана от укуса

die Wunde – рана

Характеристика насильственных действий:

zerrissen – разорванный на куски bestialisch – зверски
tot – мертвый zerbrochen – сломанный

verwundet – раненный gewaltsam – насильственный

verletzt – раненный, поврежденный

В ходе анализа детективного романа А.Франца «Jung, blond, tot» было выявлено, что лексема «Mörder» была использована в романе 12 раз, лексема «bestialisch» - 7 раз, лексема «der Wahnsinnige» - 8 раз, лексема «vergewaltigen» - 12 раз, лексема «zerrissen» - 9 раз, лексема «gewaltsam» - 6 раз, лексема «die Wunde» - 12 раз. Частое и повторяющееся употребление данных лексем характерно для такого жанра литературы как «детективный роман». Наиболее многочисленной тематической группой в анализируемом детективном романе являются ситуативные группы: жертва, преступник, следственные мероприятия и их участники, глаголы и имена существительные, выражающие насильственные действия, характеристики насильственных действий.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: для семантики детективного романа А.Франца «Jung, blond, tot» характерно широкое использование ситуативных или ассоциатив-

ных тематических групп, что обусловлено таким жанром литературы как «детективный роман».

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Теория языка: введение в общее языкознание. - Волгоград: Перемена, 1998

2. Булыгина Т.В. Система языковая / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. - М.: Современная энциклопедия, 1990

3. Ольшанский И.Г. Лексикология: Современный немецкий язык - Lexikologie: Die deutsche Gegenwartssprache: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений/ И. Г. Ольшанский, А. Е. Гусева. – М.: Издательский центр «Академия», 2005

4. Зеленецкий А. Л., Новожилова О. В. Теория немецкого языкознания: учеб. пособие для вузов. М., 2003.

Русский язык как иностранный: система обучения

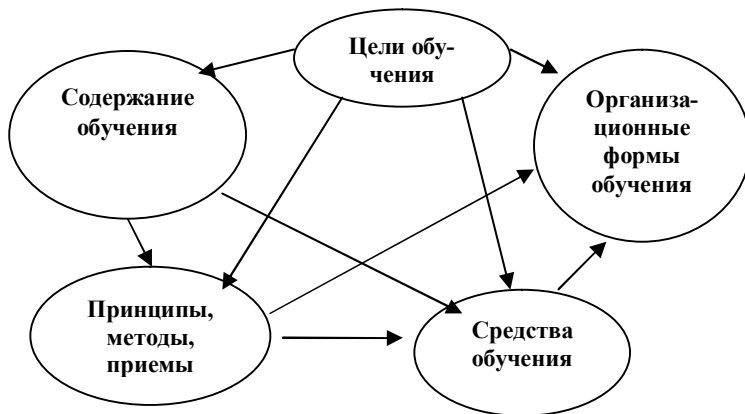
Сакиева Р.С.

*Армавирская государственная педагогическая академия,
alsi@itech.ru*

Система в науке определяется как единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей некоего целого. Для методистов целое – это процесс обучения языку как система. Компонентами методической системы обучения языку являются цели, содержание, принципы, методы и приемы, средства, организационные формы.

Определяющим в методической системе является цель обучения, т. е. общественный заказ или мнение современного общества о том, *зачем и для чего* иностранцу необходимо знать русский язык. Цель определяет **содержание**, тот языковой и речевой материал, те знания, умения, навыки, которые должны быть приобретены студентами-иностранцами в период обучения русскому языку.

Взаимообусловленность и взаимозависимость компонентов методической системы обучения русскому языку как иностранному

Принципы обучения определяются целями и содержанием, т. е. лингвистика, педагогика, психология и другие смежные науки. На них опирается методика преподавания языка. Они составляют вполне конкретные научные принципы, позволяющие эффективно производить обучение в вузе.

Методы – определенные способы воплощения принципов в методической системе – находят выражение в приемах, конкретных методических алгоритмах реализации учебной деятельности.

В соответствии с поставленными целями, содержанием, принципами, методами и приемами определяются и средства обучения, т. е. то, при помощи чего следует проводить эффективное изучение вузовского предмета (учебные издания, дидактические пособия и др.). Организационные формы (различные типы занятий и внеаудиторные мероприятия) – самый зависимый компонент методической системы, потому что выбор формы организации диктуется всеми перечисленными компонентами методической системы.

Цели образования каждого поколения диктуются современным обществом, которое формулирует государственный заказ, где отражается идеология, и фиксирует это в государственных

программах (1990 г.); альтернативных программах, как правило, углубляющие или расширяющие стабильный курс изучения языка в вузе; коррекционных программах; стандартах. Изменения содержания обучения языку связывались либо с психофизиологическими особенностями развития детского организма (задержка психического развития, педагогическая запущенность и т. п.), либо со спецификой типа обучения (ориентация на усиление интеллектуального, художественного, спортивного и т. п. направлений). Появление концепции пересмотра методики преподавания русского языка в соответствии с новым – коммуникативно-деятельностным – подходом изменило в корне весь процесс обучения иностранным языкам.

Если в те годы структура и содержание курса определяются прежде всего первой целью: основная часть программы отражает описание строя языка в логике лингвистической науки (фонетика, словообразование, лексика, грамматика), где среди умений и навыков центральное место занимает умение разбирать слова фонетически, по составу и морфологически, а предложения – синтаксически, создавая иллюзию выполнения актуального требования методики, то подлинно практически направленный курс языка имеет целью его изучения в вузе – служить универсальным средством речевого общения. Это означает, что главной целью обучения языку в вузе следует признать формирование и совершенствование умений и навыков речевой деятельности в ее основных видах, сферах, формах, идя не от основ науки о языке к тому, что может дать их изучение для практики речи, а от ведущих умений и навыков речевой деятельности к отбору теоретического материала, который обеспечит сознательную работу над ними.

Для жизненной практики важно научить студентов ориентироваться в речевой ситуации, пользоваться правилами речевого поведения, соблюдать этические нормы речи. Необходимо вооружить выпускника вуза умениями различных видов чтения (ознакомительного, изучающего, просмотрового, поискового и т. п.), умениями воспринимать речь в различных ситуациях и формах общения (на лекции, собрании, конференции и т. п.), умениями свободно пользоваться устной речью (выступать с

сообщением, докладом, отчетом, участвовать в обсуждении, дискуссии, семинаре и т. п.); умениями создавать письменные тексты (тезисы, конспект, реферат, заметку, статью, очерк и т.п.).

Эти научные положения стали результатом длительных исследований в области методик преподавания иностранных языков и русского как иностранного, обратили внимание на актуальность прагматического подхода к языковому обучению.

Цели обучения, как их определяют современные учебные стандарты, – это научение свободной речевой деятельности и формирование у студентов элементарной лингвистической компетенции. Содержание стандартов фиксируется в государственных программах, но не исчерпывается ими. Стандарты устанавливают целый ряд единообразных требований к выпускнику вуза и предлагают новую форму измерения результатов обучения – компетенцию, которую составляют:

- языковая и лингвистическая компетенция (знание языка и его норм, обеспечивающее понимание чужой речи и создание своей, орфографическая и пунктуационная грамотность, элементарные знания лингвистики, все сведения по русистике, сведения о русском языке как общественном явлении);
- коммуникативная компетенция (знания и умения по основным видам речевой деятельности: говорение, аудирование, чтение, письмо – на основе речеведческих сведений);
- культуроведческая компетенция (осознание языка как формы выражения национальной культуры, как международного кода культуры, взаимосвязи языка и истории народа, связи языка и мышления, этнокультурных особенностей языка регионов).

Литература

1. Антонова Е. С. Методика преподавания русского языка. – М., 2007.
2. Воителева Т. М. Теория и методика обучения языку: учебное пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2006.
3. Меженко Ю. С. Методическая система В. Ф. Шаталова в обучении русскому языку. – М., 1992.
4. Примерные программы по языку. / О. В. Загоровская, О. Ф. Вакурова, С. И. Львова, Л. М. Рыбченкова, Н. М. Шанский и др. – М.: Просвещение, 2002.

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Право на бунт: метафизика явления

Бугаев А.Е., Золотаренко Д.С.

*Кубанский государственный университет,
филиал в г. Армавире, alexeybugaev@gmail.com*

Бунт есть неподчинение. Бунт есть отрицание. Разгибание пружины, если угодно. Здесь будет осуществлена попытка выяснить место этого феномена в поле философско-правовой проблематики.

Такое позиционирование явления бунта невозможно без более-менее четкого понимания категории права, или, точнее, без соотнесения его с определенной философско-правовой концепцией.

В настоящей работе в качестве базовой, принята либертарно-юридическая концепция правопонимания, сформулированная академиком В.С. Нерсесянцем. Выбор таковой определяется следующими факторами:

1. Академик Нерсесянц В.С. является автором учебного пособия по дисциплине «Философия права», рекомендованного Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим специальностям
2. Его либертарно-юридическая концепция является оригинальной и современной позицией в отношении философски-правового понимания сущности и феномена права.
3. Кроме всего прочего, либертарно-юридический подход стал результатом обобщенного взгляда на историческую динамику понимания права от античности до современности.

Итак, основной идеей либертарно-юридической философии права является диалектическое понимание абстрактной идеи права как сущности, а позитивного документа, установленного официальной властью — закона — как явления. Причем закон, с

точки зрения такого подхода должен отражать объективную сущность права, должен ей соответствовать. Такой закон Нерсесянц называет *правовым* законом. «В этой *претензии закона быть правом* проявляется то принципиальное обстоятельство, что у закона (позитивного права) нет своей собственной сущности, отличной от сущности права. Кстати говоря, у общеобязательных установлений и актов власти нет даже собственного наименования и единого общего названия, почему и приходится обозначать их с помощью разного рода добавочных прилагательных ("позитивное", "действующее", "официальное", "установленное" и т. д.) к слову "право" (в контексте нашего подхода мы обозначаем их обобщенно и условно как "закон").

С позиций признания правовой природы и сущности закона ясно, что общеобязательной силой должен обладать только правовой закон. Иначе пришлось бы признать, что ничего собственно правового нет, что с помощью силы и насилия можно всякий произвол превратить в право. Но объективная природа права проявляется и там, где ее отрицают: даже тиранические, деспотические, тоталитарные акты выдаются их авторами и апологетами за "право" и "справедливость".»[1, 37]

Итак, из концепции, предлагаемой нам учебником следует, что внеправовой закон, как выражение произвола законодателя, не обладает общеобязательной силой. Получается, что можно бунтовать?

Рассмотрим понятие бунта подробнее.

Что такое "бунт раба" большинство из нас представляют. Пусть не всегда могут точно сформулировать, но представляют. Такой вид бунта знаком нам по школьным учебникам истории, по выпускам новостей в СМИ. Он постоянно на слуху и оттого сразу приходит на ум. Вообще, вся человеческая история - это непрерывная цепочка бунтов. Менялись эпохи, последствия, количество жертв, но причины оставались неизменными - дисбаланс власти в обществе, эгоизм и жестокость власть имущих. «Различные определения права, представляющие собой разные направления конкретизации смысла принципа правового равенства, выражают единую (и единственную) сущность права. При чем каждое из этих определений предполагает и другие опреде-

ления в общесмысловом контексте принципа правового равенства. Отсюда и внутренняя смысловая равноценность таких внешне различных определений, как: **право, — это формальное равенство, право — это всеобщая и необходимая форма свободы в общественных отношениях людей, право — это всеобщая справедливость** и т. д. Ведь формальное равенство так же предполагает свободу и спраг ведливость, как последние — первое и друг друга.»[1, 35]

Понимая сущность права как абстрактное выражение равной меры свободы и справедливости, либертарно-юридическая концепция правопонимания ставит такой вульгарный бунт в разряд внеправовых явлений. Таким образом, вульгарный бунт является в философском смысле позитивным явлением, однако в рамках рассматриваемой нами концепции правопонимания не возможен. Вульгарный бунт является столь же внешним, сколь и бессмысленным, не имеющим сути, а значит и логической цели актом.

Что такое метафизический бунт сможет сказать далеко не каждый, хотя, наверное, каждый в большей или меньшей степени ощущал его уколы. "Метафизический бунт - это восстание человека против своего удела и против всего мироздания. Этот бунт метафизичен, поскольку оспаривает конечные цели человека и вселенной. Раб протестует против участи, уготованной ему рабским положение; метафизический бунтарь протестует против удела, уготованного ему как представителю рода человеческого." [2, 79-80] Так пишет Альбер Камю в своей книге "Бунтующий человек". Это предельно общая формулировка, которая включает в себя и отношение человека к религии, морали, искусству, к вопросу жизни и смерти.

В каком-то смысле, метафизический бунт первичен. Ведь для того, чтобы сказать "нет" воле царя, нужно, сначала, сказать "нет" Богу. А, точнее, постулату, что "всякая власть от Бога".

Правящая элита долгое время использовала религию для оправдания произвола, чинимого ею. В немалой степени помогала ей в этом и невежественность людей. Поэтому бунт против воли царя автоматически означает бунт против божественных догматов или усомнение в правильности их трактовки.

Так что, в умеренных дозах метафизический бунт может приносить пользу. Он помогает избавиться от ложных идолов, навязанных извне, как, например, "божественное право" монарха угнетать свой народ.

В своих крайних формах метафизический бунт может легко принять форму цели, а не метода и загнать себя в тупик. В такой ситуации бунт становится позерством, а его идеологи - посмешищем. Начинается тотальное "нет" и ни одной четкой концепции. Радикальному метафизическому бунту тесно на земле, он рвется в небо - искать врага в лице Создателя, обвиняя его во всех несправедливостях, из которых состоит жизнь. Кстати, это весьма любопытный момент: получается, что атеист и нигилист (а именно нигилизм - основа метафизического бунта) - не тождественные понятия. Атеист априори отрицает существование Бога, а не вступает с ним в полемику.

Бунтовщики нападают на существующую мораль, при этом не предлагая ничего взамен. Впрочем, даже, если они и предлагают какую-нибудь альтернативу, оказывается, что она не сильно отличается от оригинала. А стоило ли изобретать велосипед?

Благородный бунтарский порыв деградирует до бессмысленного заламывания рук и пустых споров с "ничем" персонифицированным именем Бога.

Яркими представителями такого "отрицания ради отрицания" являются Маркиз де Сад, Штирнер и некоторые другие. Вся их философия - сплошные противоречия. Да и жизнь таких людей зачастую - полная противоположность их идей. Например, Маркиз де Сад, воспевавший жестокую Республику, где правит только один закон - закон силы, обвинял якобинцев в "бесчеловечности".

Они думают, что их творчество - это высшая точка бунта. Но вот парадокс, к настоящему бунту их философия имеет весьма опосредованное отношение. Отрицая все, они, вместе с тем, не отрицают ничего. Это уже не бунт, а самолюбование.

Но не Маркизом де Садом единым жив метафизический бунт. Его крайние формы рожают и серьезных мыслителей, вроде Ницше.

Ницше хотя бы не пытается уйти от проблемы и выдвигает некоторые концепции. Фактически оправдав убийство, он, в ходе своих размышлений, приходит к любопытному выводу: отсутствие закона и морали - не есть свобода. Ницше утверждает, что без закона нет свободы. Что ж, вполне здравая мысль. На мой взгляд, Ницше отталкивается от идеи социума. Не родился еще такой человек, который мог бы полностью отрешиться от социума и удовлетворять все свои потребности самостоятельно. Если речь не идет о массовом самоубийстве, люди должны научиться уживаться друг с другом. А для этого нужны естественные регуляторы, коими являются закон и мораль.

Кроме того, в садовской утопии с ее войной всех против всех личная свобода индивида будет обусловлена силой и наглостью соседа. И наоборот. Свобода в таком обществе будет недолгой. Да и потом, сила подразумевает власть, и что, при таком раскладе, помешает возникнуть новой тирании со своим вождем во главе?

Ницше рассуждает более трезво и идет на компромисс. В этом его очевидная заслуга как философа.

Но одно очевидно совершенно точно: метафизический бунт себя изжил. Все границы пройдены, дальше - только самоубийство.

Нынешняя власть хоть и потеряла ореол сакральности, но в вопросах контроля жизни индивида и запудривания мозгов стала гораздо искуснее.

Таким образом метафизический бунт — полностью правовое явление. Однако его сфера действия в размерах общества весьма ограничена отдельными, рефлексирющими личностями. Метафизический бунт — не позитивное явление, а глубоко духовный, личностный акт. Как философская проблема он остается одной из важнейших, но как философско-правовая, увы, среди весьма бледных.

В нашу прагматичную эпоху нужно научиться отличать правовое от неправового, правду от лжи, легитимность от иллюзии легитимности и пресекать любые попытки превращения человека в орудие. И тут на передний план выходит идея «гражданского бунта». Его смысл был сформулирован институтом им.

Альберта Эйнштейна в следующем виде: «Ненасильственное восстание против диктатуры или другого непопулярного режима, которое включает общее отрицание законности данного режима, массовые стачки, крупные демонстрации, прекращение экономической активности, повсеместный отказ от политического сотрудничества. Отказ от политического сотрудничества может включать в себя акции государственных служащих и неповиновение армии и полиции. На заключительных этапах обычно создается параллельное правительство. В случае успеха путем гражданского бунта можно добиться свержения существующего режима в течение нескольких дней или недель, в отличие от длительной борьбы, которая может затянуться на месяцы и годы. В результате гражданского бунта свергнутые лидеры обычно бывают вынуждены покинуть страну. Примером может служить изгнание из страны Фердинанда Маркоса (1986) и иранского шаха (1979). Гражданский бунт также называют "ненасильственным бунтом".»[3]

Таким образом мы имеем дело осмысленными действиями (бездействиями), причиной кооторых может стать *только* господство внеправового законодательства. Представляя собой, с одной стороны, позитивное явление, метафизический бунт может оставаться явлением правовым. Правовым тогда, когда действующий закон не соотносится с принципами, сущностью права. Или правовой закон — или гражданский бунт, третьего, увы, в рамках права не дано...

Литература

1. Нерсесянц В.С. Философия права. Учебник для вузов. - М.:Норма, 2005. - 656 с. - ISBN 5-89123-098-4
2. Камю А. Сочинения. В 5 т. Т. 3: Пер. С фр. /Коммент. А. Руткевича, С. Дубина. - Харьков: Фолио, 1998. - 575 с. - (Вершины). - ISBN 966-03-0280-0 (т. 3)
3. Краткий словарь терминов ненасильственной борьбы для журналистов. Подготовлен институтом им. Альберта Эйнштейна [Электронный ресурс]: «Вопросы философии»; Философский портал. URL:

<http://www.philosophy.ru/library/vopros/61.html> (дата обращения: 20.04.2011).

Стиль и некоторые художественные направления в искусстве

Мамедова Л.А.

*Нахчыванский Государственный Университет,
г. Нахчывань, Россия, chinashka89@yahoo.com*

В статье говорится о художественных стилях искусства в той исторической последовательности, в какой они возникли, существовали и исчезли. Каждый вид искусства очень специфичен, поэтому о взаимосвязях между живописью и каким-либо видом искусства в пределах одного стилевого направления можно говорить только условно. Всякое национальное искусство придает свою окраску одному и тому же стилю.

The article says the artistic styles of art in the historical order in which they have existed and disappeared. Every art form is very specific, so the relationship between painting and any art form within a single stylistic direction can only speak conditionally. Every national art gives its color to the same style.

Произведение можно видеть по-разному. Можно просто наслаждаться ею, не задумываясь над тем, почему данное произведение воздействует на нас, в чем своеобразие художественного смысла, присущего его автору. В этом случае нам вряд ли откроется все богатство содержания, заложенного в этом произведении. Совершенно иной подход обнаруживает тот человек, который стремится по-настоящему глубоко проникнуть в смысл произведения. Такой зритель наверняка поинтересуется, в какую эпоху создавалось произведение, каковы особенности творческого почерка художника. Другими словами, он так или иначе постарается разобраться в вопросах, связанных с художественным стилем.

Художественный стиль неразрывно связан с той историко-культурной атмосферой, в которой он формируется.

Стиль - это не застывшее понятие. По мере формирования собственного почерка, приобретения творческой зрелости, стиль меняется. Под стилем понимается весь комплекс выразительных средств, присущих данному автору, с помощью которых он раскрывает внутреннее содержание произведения. Не случайно творческий путь крупного художника часто делится исследователями на определенные этапы.

«Стиль» - это характеристика крупных художественных направлений определенной исторической эпохе [1, с. 215; 2, с. 179-181]. Понятие «барокко», «рококо», «классицизм», «романтизм» и другие, как известно, охватывают смежные искусства (музыка, литература и т.д.). То есть стиль в этом значении - это очень широкая и в то же время емкая категория, отражающая единство художественно-образных приемов, средств, принципов, обусловленных единством общественно-исторического содержания в данную эпоху. Отсюда сделали два очень важных вывода.

Во-первых, изучая стиль, присущий художественному направлению в искусстве или одному художнику, надо, прежде всего, попытаться увидеть, понять те явления жизни, которые его породили. Вне общественно-исторического фона, обстановки стиль существовать не может.

Во-вторых, стилевые направления в изобразительном искусстве надо стараться рассматривать не изолированно, а в связи с важнейшими явлениями смежных искусств: архитектура, литература, театр, декоративно-прикладного творчества.

Разумеется, каждый вид искусства очень специфичен, поэтому о взаимосвязях между живописью и каким-либо видом искусства в пределах одного стилевого направления можно говорить только условно. Тем более что всякое национальное искусство придает свою окраску одному и тому же стилю. Но связи эти существуют, и их выявление помогает глубже постигнуть суть данного стиля в живописи, особенности стиля данного художника и содержание его отдельных произведений.

И всегда следует помнить, что чем крупнее талант художника, чем индивидуальнее его собственный стиль, тем труднее вписывается его творчество в какое-либо одно определенное стилевое направление.

Стиль - очень сложное понятие в искусстве, возможно самое сложное [3, с. 347-350] . Тем не менее, наверное, каждый человек косвенно касался проблемы художественного стиля. Например, даже неискушенный в искусстве (живописи) человек, увидев или услышав фрагмент художественного произведения, которого он не знает, может в некоторых случаях назвать имя автора. Установить, кем написано неизвестное ему произведение (полотно), он сумеет лишь в том случае, если по каким-то другим произведениям этого автора, ранее слышанным или виденным, он знаком с чертами его стиля.

Как уже было сказано выше, эпоха и стиль - два взаимосвязанных понятия. Но нельзя, как это порой происходит, отождествлять их. Например, можно сказать «живопись эпохи Возрождения», но нельзя говорить «живопись стиля Возрождения».

Почему первое выражение правомерно, а второе ошибочно? Потому, что в первом случае роль, видимо, идет о художественных произведениях, созданных в тот исторический период, в течение которого развивалось искусство Ренессанса. Стиль определенной эпохи в искусстве составляет совокупность индивидуальных стилей всех относящихся к нему творцов в разных областях художественного искусства. Не каждая эпоха создала свой стиль.

Еще одно очень важное положение - художественные стили никогда не возникали на пустом месте. Поэтому всегда можно проследить, как тянутся нити преемственности между отдельными стилями в искусстве. Интуитивно мы часто и поступаем, когда слышим или видим то или иное произведение, стараемся выявить, какие черты стиля роднят разных композиторов или художников.

С момента зарождения живописи процесс ее создания никогда не прерывался, не приостанавливался [4, с. 110] . Живопись создавалась в древние времена и в античном мире, и в период средневековья, одним словом, всегда. Ренессанс, имевший такие разные проявления и в Италии, в Англии, в Германии и в других регионах, принес искусству такие важные завоевания. Конкретные черты имеет и стиль барокко. Первые его признаки стали

проявляться начиная с конца XVI века в архитектуре и изобразительном искусстве, а затем и в музыке.

Это было время беспощадных войн в Европе, и отголоски тех суровых событий, изменивших уклад жизни целых государств и народов, нашли отражение в новом стиле. Когда говорят «барочный стиль», «барочная живопись», имеют в виду те произведения XVI-XVIII веков, в которых преобладают драматическая патетика, большая динамичность образов, ощущается стремление к величию, пышности, пространственному размаху. Так же как и в музыке и в архитектуре, в живописи барокко наблюдается тяготение к монументальным жанрам, яркий драматизм. Наиболее явно черты барокко проявлялись в тех жанрах, где живопись переплеталась с другими искусствами, например, прикладного искусства и архитектуры.

В середине XVIII века в европейском искусстве барокко уступает место новому стилевому течению, зародившемуся еще на рубеже XVII-XVIII веков и получившему название рококо (синоним - галантный стиль). Меняется вся эстетика живописи. Не разум, а чувство становится главным судьей. Характерной чертой нового стиля в искусстве было обильное украшение, что соответствовало модной отделке мебели, одежды. Прием наиболее характерной деталью отделки стал раковинообразный орнамент, откуда галантный стиль и получил свое французское название - рококо. Но все лучшие качества, которые нес в себе этот стиль - ясность художественной мысли, изящество, доступность, приятность - нашли законченную воплощение в творчестве основоположников уже нового направления в искусстве второй половины XVIII века - классицизма.

Слово «классический», «классика» знакомы каждому. Мы употребляем их часто в обиходном значении, желая подчеркнуть особую законченность, совершенство какого-либо явления науки или искусства. Классиками мы называем древнегреческих поэтов Софокла и Еврипида и говорим о классиках Низами и Мольере. Наряду с художниками - классиками прошлого, мы считаем классиками и наших современников. Значит, понятие «классика» не знает временных границ, каждое выдающееся

произведение, выдержавшее испытание временем, может быть зачислено в золотой фонд классики.

«Истинный классик, - писал известный литературный критик XIX века Ш. Сент-Бев, - это тот писатель, который обогатил дух человеческий, который и в самом деле внес нечто ценное в его сокровищницу, заставил его шагнуть вперед, открыл какую-нибудь несомненную нравственную истину.... тот, кто передал свою мысль, наблюдение, вымысел в форме безразлично какой, но свободной и величественной, изящной и осмысленной, здоровой и прекрасной по сути своей, тот, кто говорил со всеми в своем собственном стиле, оказавшемся вместе с тем и всеобщим.... в стиле, что легко становится современником всех эпох». Это всестороннее определение Сент-Бева бесспорно относится и к художникам-классикам.

Новый стиль в искусстве приходит независимо от желания или прихоти отдельных, пусть даже весьма одаренных личностей. Как истинно большие художники, они особенно остро ощущают перемены, происходящие вокруг них в общественной и политической жизни, и непосредственно выражают своим творчеством новые настроения, новые веяния в жизни.

Идеалы романтического искусства были основаны на стремлении к свободе, независимости личности, на противопоставлении возвышенного рутине жизни, обыденной, часто разочаровывающей действительности. Конечно, было бы ошибкой думать, что смена стилей в европейском искусстве произошла мгновенно. В то время уже шла жаркая полемика между сторонниками классицизма и романтизма. Но, по сути говоря, это был традиционный спор между старым и новым искусством.

И все-таки новый стиль имел совершенно определенные черты, которые так ярко проявились в творчестве художников-романтиков, и даже в их образе жизни. В парижских салонах 30-х годов собираются Шопен, Делакруа, Лист, Жорж Санд, Гейне. Они живо обсуждают все новости искусства, участвуют в серьезных художественных дискуссиях. В эту пору между художниками разных областей устанавливаются тесные дружеские и творческие контакты. Творческое общение между людьми разных искусств приводит к взаимному обновлению форм и выра-

зительных средств художественного искусства. И, как это обычно бывает в истории, чем более насыщенной оказывалась общественно-политическая жизнь, тем пестрее были сменяющие друг друга и конкурирующие между собой художественные направления.

В 1874 году происходит событие, оказавшее огромное влияние на дальнейшее развитие искусства, - первая выставка французских живописцев, возвестившая о рождении импрессионизма [5, с. 46-57].

Литература

1. Ю. Бромлей, Р. Подольный. «Создано человечеством». Из.-во политической литературы. Москва, 1984, 335 с.
2. В. Деннике. «История искусства». Казань, 1923, 266 с.
3. М. Зильберквит. «История Всемирной литературы». «Наука», Москва, 1983-1984, 584 с.
4. Н. Габиров. «Беседа о живописи», «Юношеская литература». Баку, 1961, 223 с.
5. А.Д. Чегодаев. «Импрессионисты». Москва, 1971, 189 с.

Особенности развития исторического образования в вузах Западной Сибири в начале XX в. – в 1960-е гг.

Хаминов Д.В.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия, khaminov@mail.ru

В последнее время обращение к истории становления и развития системы российского высшего образования в среде отечественных историков становится все более популярным разработываемым направлением исследований. Особенно активно данная тематика развивается в направлении изучения регионально-го аспекта организации и подготовки высококвалифицированных специалистов с высшим образованием.

Широкое распространение в среде сибирских историков (прежде всего, историков Западной Сибири, ввиду особого места и значимости научно-образовательного комплекса данного региона в общей системе высшего образования России) получило направление по изучению различных вопросов, связанных с развитием высшего образования в Сибири на протяжении предшествующего столетия. Историками в этой связи изучается обширнейший период, начиная с последней четверти XIX в. – со времени открытия и начала работы в Томске первых вузов Сибири – университета и технологического института, и заканчивая современностью – рубежом XX – XXI вв. В этой связи следует привести имена таких известных сибирских ученых и исследователей высшего образования Сибири как В.Л. Соскин, М.В. Шиловский, С.А. Красильников и Е.Г. Водичев (Новосибирск), С.Г. Сизов и Е.С. Генина (Омск), С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, В.В. Петрик (Томск) и др. Перечень имен исследователей и названий их работ настолько широк, что не представляется возможным в рамках настоящей статьи перечислить хотя бы некоторые из них. Историографический обзор работ по данному направлению требует отдельного серьезного изучения.

Вместе с тем, на протяжении долгого времени региональный аспект в исследовании развития высшего исторического образования в Западной Сибири не получает должного освещения в отечественной историографии (как, впрочем, и развитие иных отдельных отраслей высшего образования). Объясняется это тем обстоятельством, что долгое время он считался (зачастую и до сих пор считается) второстепенным и малозначительным сюжетом для глобального исторического познания. Лишь относительно недавно начали появляться исследовательские работы, затрагивающие в той или иной мере эти вопросы на общесибирском уровне [Напр. см.: 1]. Подобные работы носят обобщающий характер и не ставят своей целью конкретное изучение развития системы исторического образования в вузах Сибири указанного периода. Появляющиеся в последнее время исследования, посвященные истории конкретных сибирских вузов и развитию в них исторического образования, рассматривают этот

вопрос лишь в рамках отдельных учебных заведений, без связи с общими тенденциями развития исторического образования в Западной и Восточной Сибири [Напр.: 2; 3;4].

Вместе с тем, следует отметить и положительные тенденции в данном вопросе. С началом 2000-х гг. начинают появляться конкретно-исторические диссертационные исследования, посвященные изучению становления и развития высшего исторического образования в отдельных сибирских субъектах и отдельных отраслей исторической науки в Западной Сибири: например, в Хакасии (Е.Н. Данькин [5]), в Кемеровской (Л.Ю. Китова [6] и Л.Н. Шурова [7]) и Томской (Д.В. Хаминов [8]) областях.

Исходя из такого положения дел в исторической науке в отношении изучаемого вопроса, возникла необходимость в настоящей работе, в которой был бы выделен в отдельный предмет исследования процесс становления и развития системы исторического образования в вузах Западной Сибири как комплексный и многоукладный аспект и определена специфика его развития.

Хронологические рамки исследования обуславливаются тем обстоятельством, что в конце XIX в. были заложены условия для появления в Сибири высшего исторического образования. Речь идет об учрежденном в 1878 г. Императорском Томском университете, который и заложил эти основания. Верхняя хронологическая граница исследования определяется 1960-ми гг. В эти годы в системе исторического образования происходят значительные изменения, которые были связаны с тем, что в 1962 г. в Новосибирском университете открывается гуманитарный факультет с историческим отделением, который вносит существенные коррективы в дело организации подготовки специалистов-историков. Таким образом, в Западной Сибири появляется второй университет (после Томского), который готовит историков, расширяется и реформируется сеть педагогического образования, изменяется система подготовки историков. На оба университета стали возлагаться функции по координации процесса подготовки историков. Благодаря этому, стало возможным в последующем, в первой половине 1970-х гг., открыть ряд новых

университетов в Западной Сибири, в которых также началась вестись подготовка историков.

По мере социально-экономического развития Сибири на протяжении второй половины XVIII – XIX вв., стало изменяться ее значение и отношение к ней со стороны российского общества и власти. Поэтому в начале XIX в. возникла идея открытия в Сибири своего университета. Однако в силу причин, как объективного, так и субъективного характера, решение этого вопроса растянулось более чем на 70 лет. Лишь 16 (28) мая 1878 г. был издан Высочайший Указ Александра II об учреждении Императорского университета в Томске [9]. В правительственных кругах ИТУ стал рассматриваться как центр для подготовки специалистов на местах, из сибиряков, в различных областях народного хозяйства: врачей, учителей, юристов, экономистов, чиновников и др. [10, л. 154].

Согласно положениям Общего устава императорских российских университетов 1884 г. [См.: 11], в состав университетов должны были входить четыре факультета – медицинский, юридический, историко-филологический и физико-математический. Однако в силу недостаточного финансирования и нехватки выпускников средних учебных заведений Сибири (гимназий и духовных семинарий), Министерство народного просвещения приняло решение открыть ИТУ в составе одного медицинского факультета, приоритет которому был отдан в силу того, что врачи в то время были более необходимы для нужд населения Западной Сибири.

На протяжении первых двух десятилетий существования ИТУ Совет университета и представители сибирской общественности (например, Г.Н. Потанин [См.: 12]) вели активную борьбу за расширение университета и открытие в нем недостающих факультетов. После долгих усилий 22 октября (3 ноября) 1898 г. был открыт только юридический факультет, в результате чего дело высшего гуманитарного образования в Сибири было сдвинуто с мертвой точки. Однако вопрос с открытием историко-филологического и физико-математического факультетов долгое время так и оставался нерешенным.

Ректоры и Совет ИТУ обращались к попечителям Западно-Сибирского учебного округа и лично к министрам народного просвещения с ходатайствами об открытии недостающих факультетов. В первую очередь, они настаивали на открытии именно историко-филологического факультета, который, в силу специфики организации на нем образовательного процесса, не требовал значительных ассигнований на обустройство кабинетов и лабораторий, что, в конечном счете, удешевляло его открытие. Такое внимание к открытию новых факультетов объяснялось тем, что в те годы для Сибири довольно остро стояла проблема нехватки преподавателей в средних учебных заведениях, в первую очередь, в гимназиях. Учителя из европейской части Российской империи ехали в Сибирь не охотно, в то время как историко-филологические факультеты давали для гимназий большое количество преподавателей по самому широкому кругу учебных гимназических дисциплин гуманитарного цикла.

На фоне постоянных разговоров о необходимости расширения гуманитарного образования в Сибири и активных действий в этом направлении со стороны сибирской интеллигенции и общественности, в 1906 г. в среде некоторых профессоров Томского университета возникла идея об открытии в Томске частных Высших курсов, на подобие Бестужевских (Санкт-Петербург), чтобы решить проблему с организацией высшего гуманитарного образования. По замыслам университетских профессоров, эти курсы могли бы решить вопрос с обеспечением кадрами преподавателей средних учебных заведений Сибири. Эта инициатива получила большой отклик в среде томской общественности и местных властей. Был разработан устав курсов, подобран штат сотрудников, которые хотели там преподавать. 5 декабря 1907 г. в Томске были открыты Высшие частные историко-философские курсы. На них могли учиться не только женщины, но и мужчины. Поскольку курсы были частными, то они не обеспечивали их слушателям и выпускникам никаких прав в получении государственных свидетельств об образовании [13, с 106].

Однако эти курсы проработали не долго – около года. Уже в конце 1908 г. их руководством был представлен попечителю Западно-Сибирского учебного округа отчет о работе курсов. В

нем указывалось на нерентабельность и убыточность последних, а в мае 1909 г. курсы и вовсе были закрыты [13, с 107].

Хотя эти курсы и проработали в Томске не долгое время, но они имели важное значение, поскольку местная власть увидела большой интерес населения к историческому и философскому образованию. Работа этих курсов стала еще одним аргументом перед правительством в пользу открытия новых факультетов в университете.

Обсуждение вопроса о возможности открытия в ИТУ недостающих факультетов (в первую очередь, историко-филологического) решался, кроме всего прочего, и на уровне Государственной Думы III и IV созывов. Этот вопрос постоянно инициировали депутаты Сибирской областной фракции, которые ратовали за развитие просвещения в Сибири [См.: 14], но «пожелания эти обычно придавались забвению со стороны Министерства народного просвещения» [15. Ст. 85-86]. Лишь в 1914 г. определенных успехов в этом отношении добился депутат от Томской губернии В.Н. Пепеляев (член думской Комиссии по народному образованию, впоследствии – Председатель Сибирского правительства А.В. Колчака). Благодаря его активной деятельности Министерство народного просвещения согласилось с открытием при ИТУ в 1914 г. историко-филологического факультета [15. Ст. 89]. Однако начавшаяся в августе того же года Первая мировая война, а затем и Февральская революция 1917 г. постоянно откладывали реализацию этого решения.

Только постановлением Временного Правительства от 22 июня (5 июля) 1917 г., с 1 (14) июля в составе Томского университета (ТУ) были учреждены недостающие физико-математический и историко-филологический факультеты. Последний открывался в составе четырех отделений: классического, славяно-русского (словесного), исторического и романо-германского [16, л. 126].

К сожалению, факультет проработал не долго, не произведя собственного выпуска специалистов – первые студенты даже не успели окончить полного пятилетнего курса обучения. Проблема самого факультета заключалась в том, что его деятельность

пришлась на тяжелые годы революции, Гражданской войны и первых лет советской власти. Так, после восстановления в декабре 1919 г. в Томске власти большевиков, с весны 1920 г. в университете стала проводиться реформа высшей школы, в ходе которой в мае 1920 г. юридический факультет ТУ был преобразован в факультет общественных наук (ФОН), а в апреле 1921 г. вместо общественно-педагогического отделения ФОНа было организовано этнолого-лингвистическое отделение, в которое был преобразован упраздненный в это же время историко-филологический факультет [17, л. 43].

Сам ФОН ТУ также просуществовал не долго – лишь до июня 1922 г., когда он был упразднен приказом заведующего СибОНО Сибревкома Д.К. Чудиновым. Студенты, обучавшиеся на ФОНе ТУ, были переведены в Саратовский, Петроградский и недавно открывшийся Иркутский университеты.

После этих событий в течение 1920-х гг. ситуация с подготовкой кадров профессиональных историков на местах, в вузах Западной Сибири, выглядела плачевно – их попросту не готовили.

Положение в деле подготовки профессиональных историков стало некоторым образом меняться лишь с началом 1930-х гг. Эти изменения были связаны с тем, что ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 25 июля 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении» признал необходимым ввести с 1930/31 уч. г. повсеместное всеобщее обязательное начальное обучение детей в возрасте от 8 до 10 лет, после чего ЦИК и СНК СССР в развитие постановления ЦК ВКП(б) приняли 14 августа того же года постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении», узаконившим обязательное обучение детей обоего пола в возрасте от 8 до 15 лет в объеме четырехлетнего курса начальной школы [18]. Эти постановления заставили центральные и местные власти начать реализацию мер по организации сети педагогических высших и средних специальных учебных заведений (педагогических и учительских институтов) для подготовки большого количества педагогов для системы народного образования.

Прежде всего, организация пединститута начала проводиться в старейшем образовательном центре Западной Сибири – в Томске. Дело в том, что в межвоенный период, на протяжении 1920-х – начала 1930-х гг. в некоторых университетах СССР стали организовываться педагогические факультеты, открывавшиеся на базе закрытых или реорганизованных ФОНов и гуманитарных факультетов этих вузов. Так, в 1930 г. в Томском университете был открыт педагогический факультет, в составе которого было 11 кафедр различного профиля, в том числе и кафедры всеобщей истории. В 1931 г. на основании постановления СНК РСФСР за № 752 от 13 июля 1931 г. «О реорганизации государственных университетов» [19] был создан Томский индустриально-педагогический институт (с 1933 г. институт был переименован в Томский педагогический институт), в котором в 1932 г. было открыто историческое отделение, реорганизованное в 1934 г. в исторический факультет.

С начала 1930-х гг. коммунистическая партия и советское правительство, в первую очередь, сам И.В. Сталин, осознали острую потребность в том, чтобы начать уделять намного больше внимания историческому образованию в средних учебных заведениях СССР и подготовке для школ специалистов-историков в вузах страны, прежде всего, в классических университетах и педагогических институтах. По мнению И.В. Сталина, история в ее традиционных, «национальных» рамках, как нельзя лучше позволяла внедрить установку на восстановление государственной преемственности (между Российской империей и СССР), все более утверждавшуюся в мировоззрении руководства и постепенно в идеологии правящей партии. Не отменяя официальный культ Октябрьской революции, требовалось только укрепить легитимность установленного режима всей глубиной национального прошлого. Именно этим целям и оказалось теперь подчинено преподавание истории, а ее преподавателей провозгласили «бойцами идеологического фронта» [20, с 274]. Историческое образование и воспитание патриотизма на славных исторических примерах оказались теперь востребованными советским государством в условиях надвигавшейся угрозы новой мировой войны.

Следуя этой линии, 3 апреля 1934 г. наркомпрос РСФСР А.С. Бубнов издал приказ № 260 «Об открытии исторических факультетов в университетах» [21]. Согласно ему, исторические факультеты в вузах страны восстанавливались «в целях подготовки высококвалифицированных специалистов для научно-исследовательской и педагогической работы по истории» [21, с. 5], а с 1 сентября 1934 г. должны были быть организованы исторические факультеты в составе Московского и Ленинградского университетов. Управлению университетов СССР, в лице его начальника Х.З. Габидуллина, было поручено «в двухмесячный срок проработать вопрос о дальнейшем развертывании исторических факультетов в составе других университетов, в первую очередь, в Томском, Казанском, Ростовском и Саратовском [там, где они существовали в начале 1920-х гг. – *прим. автора*] и представить предложения об очередности и сроках их открытия» [21, с. 5].

Известное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» [22] положило начало восстановлению исторических факультетов в вузах страны, в первую очередь, в университетах Москвы и Ленинграда.

Лишь в 1940 г., после долгих усилий и подготовительной организационной работы дирекции и совета Томского университета, в нем был открыт исторический факультет, который с 1941 г. был преобразован в историко-филологический факультет с историческим отделением. В таком виде он просуществовал в течение нескольких десятилетий, пока в 1974 г. не разделился на самостоятельные исторический и филологический факультеты.

На протяжении двух десятилетий после восстановления университетского исторического образования, вплоть до начала 1960-х гг., ТГУ оставался единственным в Западной Сибири университетом, который готовил историков. Только в 1962 г. в молодом Новосибирском университете, основанном в 1958 г. (Постановление Совмина СССР № 31 от 9 января 1958 г.) [23, т. 6], был открыт гуманитарный факультет с историческим отделением. С первых же лет своего существования НГУ стал рассматриваться как составная часть системы Сибирского отделе-

ния АН СССР и был призван готовить кадры, которые бы составили основу для развития сибирской академической науки. В этой системе взаимодействия предполагалась максимальная интеграция академической науки и классического образования. Так, уже в 1966 г. был организован Институт истории, филологии и философии.

В течение 1930-х гг., до открытия исторического факультета в Томском университете, решение проблемы подготовки профессиональных педагогов-историков в Западной Сибири оставалась наиболее серьезной проблемой. Поэтому, для организации подготовки историков для школ Западной Сибири, было решено, прежде всего, начать подготовку специалистов в педагогических и учительских институтах, которые начали в большом количестве открываться на территории Западной Сибири в 1930-х гг.

На протяжении 1930-х – 1950-х гг. во всех пединститутах (срок обучения в них составлял 4 года) и учительских институтах (срок обучения – 2 года, но со временем они все были реорганизованы в пединституты) Западной Сибири, были открыты исторические факультеты и отделения. Так, в 1931 г. открылось историко-экономическое отделение Тюменского пединститута (сам институт был открыт в 1930 г.), позже из него было выделено историческое отделение. В 1933 г. был открыт историко-филологический факультет в Барнаульском учительском институте (институт был основан в 1933 г., а в 1941 г. был реорганизован в пединститут). В 1935 г. в Новосибирске был образован вечерний городской пединститут, в составе которого был открыт исторический факультет. В 1936 г. был открыт исторический факультет в Омском пединституте (институт был основан в 1932 г.). В 1939 г. был открыт Тобольский учительский институт с историко-географическим факультетом (в 1954 г. реорганизованный в пединститут). В том же году на базе Сталинского (прежнее название Новокузнецка) педучилища был открыт Сталинский учительский институт (в 1944 г. был реорганизован в пединститут) с историческим факультетом. В 1954 г. исторический факультет Сталинского пединститута был переведен в Ке-

меровский пединститут (последний был открыт в 1949 г. как учительский институт на базе педучилища).

Ограниченные рамки данной работы не дают возможности более подробно остановиться на характеристике и анализе всех происходивших организационных изменений на исторических факультетах и отделениях педагогических институтов Западной Сибири в послевоенный период, а также рассмотреть их структуру, работу кафедр, научных, учебно-вспомогательных и иных подразделений. Можно отметить главное – структура практически всех подразделений по подготовке историков постоянно претерпевала значительные организационные изменения: менялись названия, состав исторических факультетов и отделений (они сливались или выделялись из других структурных подразделений), а бывало и так, что вовсе упразднялись. В частности, как уже указывалось выше, в 1954 г. исторический факультет Сталинского пединститута был переведен в Кемеровский пединститут. В 1955 г. историческое отделение Томского пединститута было закрыто и передано вместе со студентами и преподавателями на историческое отделение Томского университета [См. подр.: 3, с. 88-90]. Как правило, все эти организационные изменения в системе историко-педагогического образования были связаны с деятельностью в этом же регионе университета или другого педагогического вуза, в связи с чем, во избежание параллелизма при подготовке историков, Министерство высшего и среднего специального образования (МВиССО) СССР и РСФСР, принимало такие решения.

В послевоенные десятилетия система подготовки историков для Западной Сибири претерпевает существенные изменения. Значительную роль в этом процессе начинают играть исторические факультеты и исторические отделения университетов, открывшихся в первой половине 1970-х гг. в административных центрах сибирских субъектов РСФСР по мере социально-экономического и культурного развития сибирского региона. До этого времени Томский и Новосибирский университеты оставались единственными в Западной Сибири университетами, которые готовили историков на своих исторических отделениях. Но уже в первой половине 1970-х гг., согласно постановлениям

Совмина СССР, начинают появляться исторические отделения при гуманитарных и историко-филологических факультетах новых университетов – Алтайского, Омского, Кемеровского и Тюменского [См.: 23, т. 12].

Особенной чертой процесса открытия новых вузов в регионах Сибири явилось то, что некоторые из них реорганизовывались в университеты и бывших пединститутов, с соответствующими своими структурными подразделениями (историческими и историко-филологическими факультетами). Только Алтайский и Омский университеты создавались на самостоятельной основе. Вместе с тем, на месте реорганизуемых в университеты пединститутов, новых педагогических вузов не создавалось, поэтому в некоторых крупных городах Сибири историков готовили только университеты – например, в Тюмени и Кемерово – в них педагогические институты сохранялись в периферийных областных городах с подготовкой историков (в Тобольске и Новокузнецке, соответственно).

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что система подготовки профессиональных историков в Западной Сибири (абсолютно схожая ситуация прослеживалась и в Восточной Сибири) в XX в. складывалась довольно противоречиво, в силу объективных и субъективных причин. Не смотря на все возраставшую потребность, начиная с последней четверти XIX в., Западносибирского региона в кадрах профессиональных историков (для различных культурно-образовательных и научных учреждений), вопрос о начале подготовки собственных кадров в вузах Западной Сибири все время наталкивался на различные препятствия. Среди этих препятствий были – нехватка средств на открытие соответствующих структурных подразделений, тяжелая внешняя и внутренняя политическая обстановка в России и за ее пределами, в конце концов, как это было в 1920-е гг., история находилась в загнанном, подчиненном общественным наукам состоянии и правительство не нуждалось в специалистах-историках.

В конечном счете, о полноценном процессе подготовке собственных историков в Западной Сибири мы можем говорить только с начала 1930-х гг., когда правительство, осознав необ-

ходимость в этих специалистах для дальнейшего идеологического и патриотического воспитания населения, санкционировало начало их подготовки в пединститутах. С этого времени сеть исторического образования начинает развиваться и укрепляться. К началу 1970-х гг., ко времени расширения сети университетов Западной Сибири, в этом регионе сложилась разветвленная система центров по подготовке историков, которые готовили многочисленных высококвалифицированных специалистов не только для Западной Сибири, но и для других регионов СССР.

Работа выполнена по теме научно-исследовательского проекта «Значение научно-образовательного комплекса Западной Сибири конца XIX – середины XX веков в условиях модернизации российского общества» в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

Государственный контракт № 16.740.11.0698 от 8 июня 2011 г.

Литература

1. Петрик В.В. Высшая школа Сибири в конце 50-х гг. – начале 90-х гг. XX века / В.В. Петрик – Томск: Томский гос. ун-т, 2006. – 648 с.
2. Рабецкая З.И. Иркутский педагогический: от учительского института к университету / З.И. Рабецкая, В.И. Татаринов. – Иркутск: РИО ГОУ ВПО «ИГПУ», 2007. – 179.
3. Боженко Л.И. Историческое образование в Томском государственном педагогическом университете: к 70-летию исторического факультета. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2003. – 144 с.
4. 80 лет Тюменскому государственному университету. История Тюменского педагогического института (1930-1972 гг.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://80.utmn.ru/site/vexi_bwar_history.html, свободный.
5. Данькин Е.Н. Организация и развитие исторической науки в Хакасии (1920-е – 1985 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.Н. Данькин – Улан-Удэ, 2009. 26 с.

6. Китова Л.Ю. Концепции и направления археологических исследований в Сибири конца XIX - середины XX вв.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.06 / Л.Ю. Китова – Кемерово, 2011. 52 с.

7. Шурова Л.Н. Высшее историческое образование и историческая наука в Кемеровской области в 1943-1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л.Н. Шурова – Кемерово, 2008. 22 с.

8. Хаминов Д.В. Историческая наука и образование в Томском университете (конец XIX в. – 1991 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.10 / Д.В. Хаминов. – Томск, 2010. 30 с.

9. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета об учреждении Сибирского университета. 58527. 16 мая 1878 // Полное собрание законов Российской Империи. – Собр. 2. – Т. 53. – Отд. 1. 1878. – СПб., 1880.

10. Российский государственный исторический архив (РГНФ). Ф. 1152. Оп. 10. Д. 47.

11. Общий устав и временные штаты Российских университетов // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Ч. 235. Отд. 1. С. 23-74.

12. Сибирская жизнь. – Томск, 1904. 3 декабря.

13. Дмитриенко Н.М. Томские высшие историко-философские курсы (1906-1909) // Жизнь в истории. К 100-летию со дня рождения И.М. Разгона. Томск, 2006. С. 101-107.

14. Стенографические отчеты Государственной Думы. III созыв: I сессия (I-III ч.), II сессия (I-IV ч.), III сессия (I-IV ч.); IV сессия (I-III ч.); IV созыв: II сессия (I-II ч.) // Научная библиотека ТГУ.

15. Шатилов М.Б. Новые факультеты и курсы сибиреведения // Сибирский студент. – Томск, 1915. № 5-6. С. 85-92.

16. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 820.

17. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 89.

18. Постановление ЦИК СССР № 43, СНК СССР № 308 от 14.08.1930 «О всеобщем обязательном начальном обучении» // СЗ СССР. 1930. № 39. Ст. 420; Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1930. № 824.

19. Постановление СНК РСФСР № 752 от 13.07.1931 «О реорганизации государственных университетов» // Документ опубли-

кован не был / Гарант. – Электрон. текстовые дан. – М. : Гарант-Сервис, 2001. – Вып. 3. – 1 CD-ROM.

20. Гордон А.В. Восстановление исторического образования (1934–2004) // Философский век: альманах / отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб., 2005. – Вып. 29: История университетского образования в России и международные традиции просвещения. – С. 271-278.

21. Приказ Народного комиссара по просвещению РСФСР «Об открытии исторических факультетов в университетах» // Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР. – 1934. – № 12. – 12 апр. – Ст. 210.

22. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // Собрание законодательства. – 1934. – № 26. – Ст. 206.

23. Свод законов СССР. В 15 тт. Официальное издание Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР. М.: Известия Совета Народных депутатов СССР, 1990.

Феномен биеннале в контексте современного искусства

Рожкова С.А.

*Челябинская государственная академия культуры и искусств,
г. Челябинск, Россия, La_na86@mail.ru*

Искусство XX века, фиксирующее стремительно меняющиеся тенденции общества, на протяжении всего времени своего существования воспринималось и интерпретировалось по-разному: от полного принятия и восхищения до агрессивного отторжения и критики. Подобное неоднозначное отношение к искусству были отмечены еще во второй половине XIX – начале XX века. Философ Н. Бердяев писал: «Искусство судорожно стремится выйти за свои пределы. Нарушаются грани, отделяющие одно искусство от другого, и искусство вообще от того, что не есть уже искусство, то выше или ниже его» [1]

Современное художественное творчество сложно назвать «искусством» в полном смысле этого слова. В актуальной практике искусством может называться то, что раньше интерпретировалось как не- или антиискусство, а художественную ценность приобретают любые объекты, помещённые в экспозиционную среду, имеющие одного и более зрителей). Однако это не означает, что искусство и прекрасное в современной эстетике растворяются и размываются окончательно. Происходит их сдвиг, смещение, дрейф от традиционных интерпретаций: «Быть может, лишая эстетическую ценность специфики, наоборот, освобождают прекрасное» (Ж. Деррида). [2]

В рамках обоснования новаций актуального искусства, впервые философски обоснованного и объяснённого в концепции постмодернизма во второй половине XX столетия, является попытка художника своим творчеством стереть грань между искусством элитарным и массовым, сблизить их, уничтожить границу между автором и зрителем. То есть современное искусство в строгом смысле не имеет ни своего творца, ни зрителя, а существует как бы «само по себе». Автор меняется местами со зрителем, зритель становится соавтором, а произведение во многом зависит от интерпретации.

Современное искусство утверждает свой главный эстетический принцип: дистанция между искусством и реальностью должна быть минимальной или ликвидированной вовсе. Отсюда – участие в многочисленных акциях: хэппенингах, перформансах, инсталляциях, в которых происходит слияние художника и зрителя, зрителя и искусства, преодоление элитарности последнего.

Современное искусство отказывается от традиций классического и раннемодернистского искусства, повернувшись в сторону так называемого объекта, на выявлении его возможностей. Однако, потеряв в художественности (за счет сближения с реальностью), искусство усилило философское звучание своих произведений. Искусство помогает обществу адаптироваться к ситуации трансформации природного и социального организма, показывая бесконечность человеческого «Я». В этой связи противоположностей искусство второй

половины XX века проявляет себя как сложное, противоречивое, многомерное социальное явление.

Ещё одним свойством современного искусства является смешение жанров, школ, направлений. На большей части выставок современного искусства можно констатировать окончательную отмену делений произведений на живопись, скульптуру и графику. Зачастую бывает трудно, и даже невозможно, не только определить материальную форму этих произведений, но и классифицировать их в рамках существующих художественно-эстетических школ или течений. Иногда произведения обладают не только пространственной, но и временной протяженностью

Таким образом, современное искусство можно охарактеризовать как экспериментальное, острое, эпатажное затрагивающее наиболее актуальные проблемы современного общества. Демонстрация подобных форм, требует определенных условий экспонирования, поэтому в последние десять лет большую популярность приобрели выставки, вернисажи, фестивали. Безоговорочным лидером среди них являются биеннале.

Биеннале – международная выставка современного искусства. Термин биеннале имеет итальянское происхождение и в переводе на русский обозначает «двухгодичный» (фестиваль проводится раз в два года).

Самым известным и исторически первым биеннале по праву считается Венецианский. Идея Венецианского биеннале принадлежала мэру Венеции Риккардо Сельватико в 1893 году. А уже в 1895 году Венецианская биеннале была учреждена как «Международная художественная выставка города Венеции». До сих пор именно Венецианская биеннале, собирает огромное количество художников, критиков, журналистов, туристов, со всего мира. В 2011 г. 54-й Венецианскую биеннале посетило около 440 тыс. человек, на 18% больше чем в предыдущие годы. Кроме Венецианской известны так же Стамбульская, Берлинская, Сиднейская, Пражская, Гавайская, Московская биеннале. Это связано с тем, что рамки одной биеннале становятся слишком узкими, для представления творчества современных художни-

ков, поэтому происходит расширение, в том числе географических границ.

Вокруг статуса и функций, реализуемых Венецианским (как, впрочем и всеми другими) биеннале, в последнее время ведётся жаркие споры. Многие художественные критики считают, что биеннале является не художественным, не музейно-выставочным, а исключительно коммерческим проектом. На организацию биеннале выделяются огромные суммы денег, как со стороны государства, так и за счёт привлечения дополнительных инвестиций; художники создают свои работы на заказ, специально под тематику биеннале; кураторов и жюри, назначают фонды, которые участвуют в финансирование. Все вместе это заставляет определять статус большинства биеннале как коммерческого, маркетингового проекта. Исключением, пожалуй, является только Венецианский биеннале, который до сих пор остается некоммерческой художественной площадкой, над которой не «витают» интересы рынка. Художник имеет дело не с дирекцией галерей, а со зрителем, которому не важны материальные аспекты. На Венецианскую биеннале не заказываются работы у художника, они отбираются куратором выставки в соответствии с заявленной темой. Насколько этот выбор будет правильный, покажет только время. Но все же биеннале является художественным проектом, который собственно и определяет векторы развития искусства на ближайшее будущее, фиксирует симптомы времени и тренды эпохи, позволяет художникам продемонстрировать свои достижения, биеннале продвигает актуальное искусство, даёт ему жизнь. Кроме, того, биеннале имеет еще один статус – презентационный, именно здесь художники могут продемонстрировать свои достижения в области современного искусства, представить себя как яркую творческую личность, прославиться и эпатировать публику, «подсмотреть» новые направления в художественном творчестве.

Несмотря, на противоречивые высказывания в адрес биеннале, хочется отметить, что это действительно значимое мероприятие в мировом современном искусстве. Именно биеннале выступает своеобразной экспериментальной площадкой для стремительно меняющегося искусства современности, для новых

имен, задающих новый вектор развития на ближайшее время. Эксперимент часто удается ведь на биеннале появляются серьезные вещи, которые заставляют относиться к этому мероприятию с пристальным вниманием.

Литература

1. Бердяев, Н.А. Философия творчества культуры и искусства / Н.А. Бердяев. – М., 1994. – 79 с.
2. Деррида, Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только (Пер. с фр. Г.А. Михалкович) / Ж. Деррида. - М.: Современный литератор, 1999. – 153 с.
3. Ерофеев, А. Урок стыдливого конформизма / А. Ерофеев // Артхроника. – 2011.- № 9. – С. 42-43
4. Тейлор, Б. Актуальное искусство 1970-2005 / Брэндон Тейлор. –М.: СЛОВО/SLOVO, 2006. – 226 с.

Современное мировоззрение на проблему искусственного интеллекта

Гусев С.С.

*Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН,
г. Москва, Россия, gs-serg@mil.ru*

Прежде, чем понять, что же такое искусственный интеллект (ИИ), необходимо понятие интеллекта естественного. Брокгауз и Ефрон отождествляют интеллект и ум и связывают его с познанием. Словарь Ушакова дает схожее определение, дополняя его противопоставлением интеллекта чувствам и воле. Таким образом, можно выделить следующие основные признаки интеллекта: возможность рационального познания и решения задач, связанных с поддержанием своего существования [1].

Современное мировоззрение не дает четкого и ясного определения ИИ. И тем самым, под ИИ понимают часто разные понятия, что еще больше заставляет философов задуматься над вопросом создания ИИ подобно человеческому интеллекту, а точнее разуму. Для простоты будем отождествлять эти понятия.

С точки зрения здравого смысла, интеллект – это способность добывать и перерабатывать знания. Но для того, чтобы у одушевленного или неодушевленного предмета появилось желание самостоятельно добывать и перерабатывать знания, ему необходим стимул. Этим стимулом могут быть ощущения, а значит и эмоции. Иными словами, создание ИИ – это создание полноценной личности. Этот факт важно понять, так как искусственное создание полноценной личности приведет лишь к тому, что появится существо, наделенное всеми правами и свободами.

Часто под ИИ понимают механизмы вычислительных машин, направленных на понимание человеческого фактора. Однако человеческий фактор не всегда является примером ИИ. Примерами могут служить программы для обработки машинного кода, математические процедуры идентификации объектов управления, алгоритмические представления в виде определяющих показателей. Основная особенность ИИ заключается в его неправдоподобии реальному объекту вещей. Трудности понимания ИИ достигаются современными компьютеризированными системами, часто оснащенными большой алгоритмической связкой неких процедур и направленных на решение одной или ряда конкретных задач [2].

В настоящее время под ИИ понимают научное направление по созданию систем, которые могут мыслить и/или действовать подобно людям или системам, которые могут мыслить и/или действовать рационально. Первоначально исследователи в области ИИ пытались просто моделировать мышление или поведение людей. Однако люди не всегда мыслят и поступают рационально. А создателям интеллектуальных систем, как правило, требовались именно рационально действующие системы для решения конкретных задач. Поэтому в дальнейшем перешли к конструированию так называемых рациональных агентов [3].

Что касается рациональных агентов, которые всегда действуют рационально, правильно, то, если они и демонстрируют интеллект, этот интеллект не похож на человеческий [3]. Человек, кроме разума, обладает еще и свободой воли и далеко не всегда поступает рационально. Кроме разума человеку свойственна иррациональность.

В настоящее время современные компьютеры по своим физическим ресурсам пока по большинству параметров уступают человеческому мозгу, превосходя его лишь по скорости вычислений. Тем не менее, прогресс в области ИИ впечатляет, так как развитие компьютерных технологий идет очень быстрыми темпами. И можно предположить, что в обозримом будущем компьютеры сравняются по своим возможностям с человеческим мозгом и превзойдут его.

Стоит отметить тот факт, что разные люди по-разному понимают одни и те же явления, и даже один и тот же человек может со временем менять свое понимание явлений. Возьмем, к примеру, понимание понятия скорости. Из школьного курса физики мы узнаем, что скорость есть отношение пройденного объемом пути ко времени, за которое этот путь пройден. При слове скорость мы представляем движущийся объект, пройденный им путь, часы, указывающие время прохождения этого пути и, таким образом, понимаем, что такое скорость. Изучая физику в ВУЗе, особенно теоретическую, мы узнаем, что скорость есть первая производная от координаты. При слове скорость мы представляем определенные математические выражения и уже, таким образом, понимаем, что такое скорость. Второй способ понимания считается более глубоким, так как позволяет решать более сложные задачи. В то же время, он является лишь переводом на другой язык, а именно, язык математики. Если нам знаком этот язык, если мы свободно владеем его правилами, то мы можем оперировать и выраженными на нем понятиями, и решать соответствующие задачи. Тогда мы и говорим, что мы понимаем, о чем идет речь.

Трудно себе вообразить, например, реальное многомерное пространство. Но математик, оперируя многомерными функциями в математическом многомерном пространстве, не испытывает особого труда и вполне понимает, что это такое. Не без труда далось ученым понимание квантовой механики. Квантовые объекты ведут себя по совершенно непривычным для нас законам, как будто это другой мир. Однако, выразив эти законы на языке математики и привыкнув к ним, ученые пришли к ка-

кому-то пониманию квантового мира. И здесь мы видим, что понимание связано с отображением явления в языке.

А есть ли или может ли быть сознание у компьютера? Иными словами может ли компьютер сам создавать свой идеальный мир, может ли он строить адекватные модели реального мира или модели, превосходящие реальный мир, более совершенные, позволяющие ему, компьютеру самостоятельно, без вмешательства человека, изменять окружающий мир? Может ли он создавать, в случае необходимости, адекватный для понимания тех или иных проявлений реального мира язык? Пока что на эти вопросы можно ответить, по-видимому, отрицательно. Пока что компьютер – лишь инструмент, пусть и в какой-то степени интеллектуальный, в руках человека. Но прогресс в компьютерных технологиях идет очень быстро.

В заключение стоит отметить, что ИИ имеет по своей структуре некий алгоритм последовательности действий принимаемых решений. Однако ИИ ограничивается выбором принятия решений, тогда как человек не ограничивается в большинстве ситуаций, а, следовательно, человеческий фактор не настолько предсказуем как ИИ. Предсказание человеческого фактора не может дать столь хороший прогноз поведения человека, в то время как прогнозирование ИИ возможно с высокой степенью вероятности [2].

Литература

1. Михайлов Д.В. Искусственный интеллект: два взгляда на проблему // Искусственный интеллект: философия, методология, инновации. Материалы III Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, г. Москва, МИРЭА, 11 – 13 ноября 2009 г. Под ред. Д.И. Дубровского и Е.А. Никишиной. – М.: "Связь–Принт", 2009. – 452 с. С. 25 – 28.

2. Гусев С.С. Взаимосвязь человеческого фактора и искусственного интеллекта // Искусственный интеллект: философия, методология, инновации. Материалы III Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, г. Москва, МИ-

РЭА, 11 – 13 ноября 2009 г. Под ред. Д.И. Дубровского и Е.А. Никитиной. – М.: “Связь–Принт”, 2009. – 452 с. С. 279 – 281.

3. С. Рассел, П. Норвиг. Искусственный интеллект. Современный подход. Второе издание. – Москва, Санкт-Петербург, Киев, 2006 – 1407с.

Позиция Великобритании в сербско-турецком конфликте (60-ые гг. XIX в.)

Черевык К.А.

Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, г. Москва, Россия, spliso@rambler.ru

Исследование европейской политики Великобритании второй половины XIX в. является сегодня одной из актуальных задач современной исторической науки. Оно дает возможность создать целостную концепцию внешнеполитического курса этой великой державы в Европе, определить факторы, влияющие на его проведение, региональную специфику, методы реализации, терминологическое обозначение и т.д.

В данной статье освещается один из эпизодов британской внешней политики в Европе указанного периода, а именно – позиция Великобритании в сербско-турецком конфликте 60-х гг. XIX в.

На середину XIX в. Османская империя имела значительные владения в Европе, что делало ее субъектом европейских международных отношений. Так, в ее состав входили нынешние Болгария, Румыния, Албания, Босния, Герцеговина, Сербия, Черногория, Македония, Фракия, Эпир, Фессалия, Крит. Эти территории, за исключением Румынии и Сербии, находились под прямой верховной властью турецкого султана. Румыния и Сербия были вассальными княжествами. Внутри европейских провинций Османской империи существовал значительный раздел по расовой и религиозной принадлежности. Христиане, которые составляли большинство населения этих земель, были

лишены общих свобод и прав гражданства в том смысле, как это на то время понималось в западноевропейских странах, и жестоко эксплуатировались и угнетались турками [1].

Обострение отношений между Турцией и ее вассалом Сербией в 60-х годах XIX в. было связано с приходом к власти в княжестве князя Михаила III Обреновича (1860-1868). Целью его внешней политики была реализация великосербской программы, то есть объединение южнославянских народов под эгидой Сербии в результате освободительной войны с Турцией. Однако для этого князь должен был сначала укрепить режим своей личной власти и подготовить страну к войне. Поэтому он принял ряд новых законов, один из которых предусматривал значительное увеличение армии княжества. В августе 1861 года Михаил издал закон о всеобщей воинской повинности и создании "народного войска". В результате сербская армия, насчитывавшая до этого не более 3 тыс. человек, увеличилась до 90 тыс. человек. Активная военная подготовка Сербии вызвала серьезное беспокойство турецкого правительства. В результате к сербской границе были стянуты турецкие войска [2].

Правительство Великобритании во главе с лордом Пальмерстоном изначально не поддерживало попыток сербского князя по изменению конституции страны. Оно восприняло законы, изданные им, как покушение на сюзеренные права султана и потребовало их отмены.

В июне 1862 г. сербо-турецкий конфликт еще более обострился. Переписка между министром иностранных дел России Горчаковым и генеральным консулом России в Белграде Влангали, а также посланником в Константинополе Лобановым-Ростовским не только детально описывает ситуацию, сложившуюся в княжестве, но и содержит ценные данные о позиции Великобритании в сербо-турецком конфликте.

Так, в донесении генерального консула России в Сербии Влангали министру иностранных дел Горчакову от 9 июня 1862 г. сообщается, что сербский князь Михаил в виду напряженной ситуации в княжестве направил консулам держав в Белграде ноту. В ней он заявил, что "снимает с себя всякую ответственность за серьезные и прискорбные последствия, к которым мо-

жет привести положение, создавшееся на тот момент для турок и сербов в княжестве". Князь обратился к державам-гарантам с просьбой оказать «благосклонное содействие в улучшении его положения, которое день ото дня становилось все более затруднительным". Он просил об этом "во имя гуманности, чтобы избежать кровопролития, которое могло последовать".

Как пояснял в своей депеше русский консул, проблема заключалась в том, чтобы "как можно скорее разрешить вопрос о турках, проживающих в княжестве вне Белградской крепости, снести ограждение, пересекающее город, ликвидировать военные посты у городских ворот и заставить турок покинуть расположенные внутри страны крепости, которые не представляют никакого значения как оборонительные сооружения, разрушаются и не способны вместить гарнизон, достаточный для их обороны".

Влангали указывал, что его план выхода из кризисной ситуации в княжестве полностью разделяли французский и прусский консулы. Однако у английского консула Лонгворта было другое мнение, хотя он все же пообещал свое содействие сербскому правительству. Английский дипломат считал, что конфликт должен быть обязательно решен, и полагал, что турецкие военные посты в городе, а также полуразрушенные крепости внутри страны, служат лишь поводом для унижения сербов и являются признаком слабости турецкого правительства ввиду того, что их невозможно защитить в случае столкновения турок с населением княжества.

Влангали писал: "Лонгворт посоветовал сербскому правительству проявить большую умеренность и добрую волю, сглаживая трудности, которые могут возникнуть в ходе переговоров. Он просил не уделять слишком большого внимания мелким вопросам, а сделать упор на самые важные проблемы и особенно внимательно отнестись к достоинству Турции, что является ее весьма чувствительным местом. Как выразился генеральный консул Великобритании, не слишком настаивая на праве, можно добиться удовлетворительных результатов для обеих сторон, поскольку нынешнее состояние дел требует больших изменений в отношении турецкого населения, проживающего в княжестве.

Господин Лонгворт живет на Востоке двадцать пять лет. В качестве английского представителя он всегда горячо защищает турок, и его соотечественники прислушиваются к его мнению. В настоящий момент он понимает, что скорейшее решение турецко-сербского вопроса отвечает интересам обеих стран, и я не сомневаюсь, что он приложит к этому все свои усилия” [3].

Консул Лонгворт действительно принял активное участие в том, чтобы остановить кровопролитие между сербами и турками в Белграде, произошедшее 16 июня 1862 года. В итоге между сербским правительством и турецкими военными властями города было подписано соглашение, под которым английский дипломат поставил свою подпись. Когда турки на следующий день неожиданно обстреляли город из крепости, Лонгворт присоединился к консулам других держав с выражением протеста против действий турок. Консулы послали в Константинополь телеграмму, в которой “возложили на коменданта крепости ответственность за действие, столь противоречащее принципам международного права” [3].

Однако у главы Форин офис лорда Рассела было свое мнение по поводу инцидента с бомбардировкой Белграда. В телеграмме министра иностранных дел России Горчакова послу в Турции Лобанову-Ростовскому от 18 июня 1862 года говорится о том, что лорд Рассел предложил, чтобы австрийские войска оккупировали Белград в целях обеспечения перемирия между сербами и турками.

Английский посол в Турции Бульвер при поддержке своего австрийского коллеги также требовал австрийского вмешательства. Он утверждал, что именно сербы были зачинщиками столкновений, и что турки обстреляли Белград только в целях самообороны. Турецкое правительство разделяло это мнение. Однако Россия отказалась поддержать этот проект и выступила за проведение расследования инцидента консулами держав в Сербии. Франция поддержала Россию.

Тем ни менее, Великобритания выступила за то, чтобы расследование инцидента с бомбардировкой проводилось только одним турецким комиссаром без участия консулов держав, так

как в противном случае – это будет доказательством недоверия, которого Турция не заслуживает [3].

Единая позиция России и Франции заставила британское правительство согласиться на созыв специальной конференции послов держав, которая должна была расследовать конфликт между Сербией и Турцией [4]. 8 июля 1862 года Франция и Россия подписали Парижский протокол об общей позиции на предстоящей конференции. Документ предусматривал следующие меры: немедленное срытие наружных укреплений Белградской крепости; ликвидация всех турецких военных постов, находящихся в городе Белграде, а также турецких фортов, расположенных внутри Сербии и вывод их гарнизонов; немедленное подчинение сербской юрисдикции всех турок, проживающих на территории Сербии; отказ от принуждения сербского князя в обмен на эти уступки уменьшить вооруженные силы Сербии до размеров, какие будут сочтены необходимыми для поддержания порядка и безопасности в княжестве [3].

Что касается позиции Великобритании на предстоящей конференции, то она была сообщена русскому правительству поверенным в делах английского посольства в России Ламли. Последний сообщил главе русской дипломатии Горчакову инструкции, данные английским правительством послу Бульверу в связи с переговорами по сербско-турецкому конфликту в Константинополе.

В инструкциях сербы назывались «ворами» и «грабителями» и выражалась надежда, что царь не будет им покровительствовать на том основании, что они православные; отмечалось, что английское правительство находило именно сербов виновниками белградского инцидента и в целом оценивало последний как часть большого заговора, охватывающего все христианские народы, подвластные Турции.

В целом в документе указывалось, что английское правительство намерено придерживаться положений Парижского трактата 1856 года в решении сербско-турецкого конфликта. Правительство лорда Пальмерстона уполномочило посла Бульвера предложить некоторые уступки в пользу Сербии, как, например, признание сербской юрисдикции для мусульман, про-

живавших внутри страны и т.д., и требовало, чтобы Турция получила взамен право на увеличение гарнизона в Белграде и чтобы ей были предоставлены льготы в отношении его снабжения. Россия считала такие уступки второстепенными [3].

Конференция представителей держав и Турции открылась 23 июля 1862 года в местечке Канлиджа близ Константинополя. Россия и Франция поддержали Сербию и потребовали от Турции тех уступок в пользу княжества, о которых они договорились в соглашении от 8 июля. Это меры встретили противодействие Великобритании, которую поддержала Австрия. 31 июля турецкие представители заявили, что могут согласиться на срытие максимум двух крепостей, но они не согласятся отказаться от трех других крепостей, дополняющих оборону Белграда. При поддержке британского правительства Турция потребовала возмещения убытков выселяемым мусульманам и сокращения сербских вооруженных сил. Тогда русские и французские представители в свою очередь потребовали возмещения убытков Сербии, причиненных бомбардировкой, а также гарантий, исключающих возможность повторения последней. 31 августа французский посол в Турции Мустье предложил проект протокола, который поддержал его русский коллега. Посол Бульвер выдвинул контрпроект, согласованный с Турцией и Австрией [4].

В итоге, 4 сентября 1862 года был подписан компромиссный вариант протокола. Согласно ему ограждение вокруг Белградской крепости подлежало сносу, а посты у ворот – ликвидации. Таким образом, Турция уступала Сербии внутреннюю часть Белграда, прилегавшую к Белградской крепости, и соглашалась на установление сербской юрисдикции на этой территории. Отныне сербское правительство становилось хозяином всего города, кроме Белградской крепости. Две турецкие крепости из шести на территории княжества были ликвидированы. При этом вопрос о вооруженных силах Сербии был решен в ее пользу, то есть никаких ограничений установлено не было [4]. Турецкое правительство также дало гарантии против повторения обстрела города из Белградской крепости [3].

Князь Михаил был воодушевлен своими успехами и в ноябре 1866 году обратился к Турции с просьбой передать четыре

оставшиеся турецкие крепости сербскому правительству и вывести из них гарнизоны, обещая взять на себя расходы по содержанию крепостей и обороне границ империи. Несмотря на конфиденциальный характер просьбы, Турция немедленно сообщила об этом великим державам. Россия, Франция и Австрия поддержали сербскую инициативу и посоветовали Турции уступить [4]. Великобритания неожиданно присоединилась к ним, так как ее правительство посчитало, что такая уступка со стороны Турции разочарует Россию и предотвратит угрозу всеобщего антитурецкого восстания на Балканах, которая имела место на тот момент [5]. 19 февраля 1867 года Турция официально сообщила о своем согласии передать все крепости Сербии. Крепости передавались вместе с вооружением и боеприпасами без каких-либо компенсаций. Передача крепостей состоялась 20 марта 1867 года [6].

Таким образом, анализ позиции Великобритании в сербско-турецком конфликте 60-х годов XIX в. показал, что британская внешняя политика была направлена на сохранение статус-кво на Балканах, поддержку в княжестве турецкого господства. Однако чтобы не допустить усиления влияния России в регионе, британское правительство было вынуждено все-таки пойти на анти-турецкие шаги в сербском вопросе. В ходе конфликта правительство лорда Пальмерстона использовало исключительно дипломатические методы воздействия на всех его участников. В целом позиция Великобритании соответствовала традиционному английскому курсу в Восточном вопросе.

Литература

1. The Cambridge history of British foreign policy 1783–1919 / Ed. by sir A. Ward and G. Gooch. Vol. 1–3. – Cambridge: Cambridge university press, 1923. – Vol. 3. 1866–1919. – 664 p.
2. История Югославии. В 2 т. / Под ред. Ю.В. Бромлея. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – 736 с.
3. Европейская дипломатия и Сербия в начале 60-х годов XIX века // ВИ. – 1962. - №9. – С. 75–102.
4. Международные отношения на Балканах, 1856–1878. – М.: Наука, 1986. – 414 с.

5. Derby, E.H. Stanley, 15th earl of... (1826-93). Disraeli, Derby and the conservative party: journals and memoirs of E.H., lord Stanley, 1849–1869 / Ed. by J. Vincent. – Hassocks (Sussex): The Harvester press, 1978. – 404 p.

6. Новичев А.Д. История Турции. В 4 т. – Л.: ЛГУ, 1978. – Т. 4. – 272 с.

Сельское население Южного Урала: исторические факторы демографического развития (1989-2002 гг.)

Кацнельсон Г.С.

*Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия, linakaz@mail.ru*

В результате кризиса российского государства в 1990-е гг. XX в. в стране наступило резкое ухудшение демографической ситуации, которое особенно остро проявилось в сельской местности. В сложившейся ситуации представители исторической науки должны внести свой вклад в выявление причин демографического кризиса, определить, какие исторические факторы привели к современным негативным последствиям.

Объектом исследования является сельское население Южного Урала в конце XX – начале XXI вв., которое рассматривается как единая социально-территориальная общность с присущими ей особенностями демографических и миграционных процессов. Предметом исследования являются исторические факторы, влиявшие на изменение демографической ситуации и миграционной подвижности населения в сельской местности Южного Урала между переписями населения 1989 г. и 2002 г. Целью исследования является определение и анализ исторических факторов, влиявших на изменение демографической ситуации в среде сельского населения Южного Урала в 1989 – 2002 гг.

Научная новизна исследования заключается в том, на основании большого числа разнообразных источников, ранее не используемых исследователями, определены и проанализированы

исторические факторы, обусловившие резкое ухудшение демографической ситуации в сельской местности, влияние на нее социальной политики, направленной на поддержку семьи и миграционной политики федеральных и региональных властей. Впервые выявлена роль миграционного фактора в демографическом развитии села изучаемых регионов, а также впервые обобщен статистический материал по численности, возрастному и национальному составу мигрантов в сельской местности Южного Урала.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы и выводы, которые содержатся в данной работе, послужат при дальнейшей разработке и решении проблем демографической и миграционной ситуации в сельской местности России и Южного Урала. Возможно проведение сравнительного анализа проявлений демографического кризиса в регионах, изученных в данном исследовании, с общероссийскими и внутрирегиональными показателями.

Основные результаты исследования:

Демографическое развитие сельского населения России и Южного Урала определялось в изучаемый период действием двух групп исторических факторов, которые условно названы факторами советского и постсоветского периодов. К факторам советского периода относятся урбанизация, административный, идеологический. В постсоветский период действие административного и идеологического факторов коренным образом изменилось, а урбанизация, как общецивилизационный фактор, характерный для индустриальных стран, сохранила свое влияние. Урбанизация проявилась в распространении в сельской местности европейского типа семьи с малым числом детей и в оттоке молодежи в города. Факторами постсоветского периода стали политическая, экономическая, социальная ситуация в стране, которые вместе с непрекращающейся урбанизацией обусловили наступление демографического кризиса в сельской местности России и Южного Урала.

В изучаемый исторический период в сельской местности Южного Урала, как и по России в целом, сложилась катастрофическая демографическая ситуация, которая проявлялась в

снижении рождаемости, росте смертности и превышении смертности над рождаемостью. Данная тенденция наступила в сельской местности РФ в 1992 г., в Республике Башкортостан и Челябинской области в 1993 г., в Оренбургской области в 1994 г. Значительно увеличилась смертность сельского населения от несчастных случаев, отравлений и травм, которая была обусловлена действием социально-экономической ситуации в стране. В сельской местности наблюдался кризис семьи, выразившийся в росте числа разводов, снижении числа браков и распространении официально незарегистрированных союзов.

Решающее влияние на демографический кризис в сельской местности оказали факторы постсоветского периода. Политический фактор: перестройка, распад СССР, приход к власти радикальных реформаторов; экономический фактор: экономический кризис, охвативший все сферы экономики и особенно АПК, рыночные реформы в РФ, отсутствие государственной поддержки сельхозпроизводителей, распространение в сельской местности бедности; социальный фактор: существенное ослабление роли государства в финансировании социальной сферы села и ее упадок, неудовлетворительная социальная политика, направленная на поддержку семьи.

Усилия федеральных органов власти, направленные на поддержание демографической стабильности и помощь семье не решали поставленных задач и были недостаточными по причине неудовлетворительного финансирования. В федеральной социальной политике, направленной на поддержку семьи выделялось два периода. Первый – 1990-е гг. характеризовался отсутствием продуманной социальной и демографической политики и адекватной поддержки семей с детьми, второй начался в 2000-е гг., когда стала осуществляться выработка конкретных мер, направленных на улучшение условий жизни населения в сельской местности. Анализ местного законодательства позволил выявить, что законодательные акты в Оренбургской и Челябинской областях принимались в русле общероссийских и не имели ярко выраженной специфики. В Республике Башкортостан не прослеживалось четкого деления законодательства, посвященного поддержке семьи на два периода, поскольку руководство рес-

публики использовало социальную политику для привлечения на свою сторону населения в период отстаивания суверенитета и уделяло внимание демографической ситуации в сельской местности на протяжении всего изучаемого периода.

Демографическая и миграционная ситуация в сельской местности Южного Урала отражала общероссийские тенденции, но имела ряд особенностей, обусловленных экономическим и географическим характером регионов: в Оренбургской области, как индустриально-аграрном, приграничном регионе, Челябинской области, как индустриально развитом субъекте РФ и Республике Башкортостан – индустриально-аграрном национальном государственном образовании, в котором демографические проблемы имели этнополитическую окраску.

Сохранению удельного веса сельского населения России и Южного Урала в изучаемый период, в условиях демографического кризиса, способствовал миграционный фактор, который был обусловлен распадом СССР. Значительную массу прибывших в сельскую местность составляли русские и русскоязычные беженцы и вынужденные переселенцы из бывших республик Советского Союза. Особенно значительное влияние миграционного фактора на демографическое состояние сельского населения наблюдалось в Оренбургской области.

Деятельность федеральных и региональных органов власти по регулированию миграционных потоков на протяжении изучаемого периода носила неоднозначный характер, поскольку отсутствовал опыт решения подобных проблем. В советский период миграционная политика государства осуществлялась в рамках единых границ, в результате распада СССР административные границы сменились государственными, что обусловило необходимость выработки новой миграционной политики. Поэтому миграционная политика России в 1990-е гг. находилась в стадии становления. Только в 2000 г. наступил этап выработки прагматичной миграционной политики России.

Общественно-гражданская сфера как условие становления гражданского общества

Матвеевко Т.Н.

*Тулунский педагогический колледж, г.Тулун, Россия,
matanya76@mail.ru*

Гражданское общество как общественное явление прошло многовековую путь своего развития. В рамках гражданского общества разрешаются важнейшие проблемы человеческого общежития – интересы людей, связанные с удовлетворением их насущных потребностей. Гражданское общество в целом сохраняет общие присущие ему черты, однако на каждом историческом этапе развития эти черты приобретают разные формы своего проявления.

Гражданское общество определяется предпосылками всякого человеческого существования и конкретными историческими условиями, которые определяют социальное содержание гражданского общества.

Обращаясь к теме гражданского общества, важно иметь в виду, что именно наличие признаков гражданского общества позволяет нам сделать вывод о наличии самого гражданского общества и отличить его от негражданского. В современной литературе проблема признаков гражданского общества отражена в ряде работ [1, 4, 6]. Авторы выделяют такие признаки гражданского общества как сочетание общественно-государственных и частных интересов, наличие партнерских отношений между обществом, государством и экономикой, организация индивидов как членов общности. Понятие «общность» рассматривается нами как совокупность людей, объединенных исторически сложившимися устойчивыми социальными отношениями и связями, обладающая рядом общих признаков, придающих ей неповторимое своеобразие.

Наличие зрелого гражданского общества означает соблюдение естественных неотъемлемых прав человека, признание их морального равенства.

Формирование гражданского общества – многоуровневый процесс последовательного развития системы институтов социальной интеграции, гражданских структур, опосредующих отношения между индивидами, группами, обществом и государством.

Содержательная интерпретация понятия «интегративный механизм» задается, во-первых, спецификой «интегративного», под которым в философии понимаются процессы и явления, направленные на взаимодействие, восстановление, объединение, ранее разнородных частей и элементов в целое; во-вторых, полифункциональность термина «механизм», включающего процессуальный и структурный аспекты.

Т. Заславская и Р. Рывкина в своих работах рассматривают понятие «интегративные механизмы» как определенные социальные системы, «ответственные» за то, какие именно процессы в обществе наблюдаются и как эти процессы протекают. «Интегративный механизм представляет собой устойчивую систему поведения социальных групп, их взаимодействия друг с другом и с государством; активность социальных групп, связывающая все элементы в единое целое» [7].

Механизмом формирования гражданского общества, на наш взгляд, является организация социального взаимодействия, целерациональные способы решения общественных задач, действующие на основе гражданских инициатив, которые выражают многообразие интересов всех членов общества. Интегративными механизмами гражданского общества являются различные формы самоорганизации населения, и прежде всего, такая как общественная самодеятельность граждан.

Общественная самодеятельность граждан проявляется через деятельность различных добровольных объединений граждан. Она является интегративным механизмом в силу того, что способствует развитию способов реализации «спонтанных» форм социальной самоорганизации, защищает права и свободы человека и гражданина, осуществляет контроль за их соблюдением со стороны государства и опосредует интересы граждан вне рамок государства.

В гражданском обществе интегративной подсистемой выступает общественно-гражданская сфера, которая образует пространство коллективного действия, свободного от непосредственного вмешательства государства. Общественно-гражданская сфера состоит из совокупности общественных объединений, созданных на основе общности интересов участников и добровольности, и характеризуется финансовой независимостью, самоуправляемостью и некоммерческими целями.

Данная общественно-гражданская сфера представляет собой активную часть общества, которая не претендует на политическую власть, но влияет на политику посредством своей деятельности. Общественно-гражданская сфера – это своего рода социальный институт, исторически сложившаяся форма организации совместной деятельности людей, направленная на обеспечение и регулирование жизнедеятельности общества в целом, различных социальных общностей и отдельных личностей.

Как социальный институт общественно-гражданская сфера включает группы лиц, призванных к выполнению определенных функций по обеспечению потребностей и реализации интересов; совокупность материальных учреждений и средств деятельности для выполнения основных функций института [3].

В процессуальном аспекте общественно-гражданская сфера является полем деятельности общественных движений, которые отличаются динамичным характером и являются активным субъектом социальных изменений, а общественные организации – средством социальной адаптации к ним.

Общественно-гражданская сфера обеспечивает интеграцию гражданского общества посредством того, что она, во-первых, воздействует на оперативное перераспределение государственных и частных средств в соответствии с меняющейся социальной ситуацией и возникновением новых проблем, во-вторых, ее деятельность направлена на реализацию интересов и защиту прав человека: гражданских, социально-экономических, политических. Таким образом, она суммирует интересы всех сфер деятельности.

Основной целью развития общественно-гражданской сферы выступает формирование широкой сети гражданских организа-

ций, в форме которых институализируются потребности и интересы социальных слоев, групп и индивидов, и которые обладают для этого необходимыми юридическими правами и практическими возможностями. Общественно-гражданская сфера выполняет ряд наиболее значимых для становления гражданского общества функций:

1. Выражение общественного плюрализма – вовлечение граждан в формы коллективного действия, представительство интересов, обмен информацией.
2. Ограничение власти государства – предъявление при необходимости требований государству, призывание к ответственности официальных лиц.
3. Легитимация власти государства, которая основывается на верховенстве закона.
4. Стимулирование политического участия, посредством предоставления возможностей влияния на все уровни управления.
5. Развитие таких демократически атрибутов как толерантность, готовность к компромиссу, уважение противоположных точек зрения, понимание прав и обязанностей и т.д.

Структура и плюралистичность общественного сектора отражает выраженность интересов на разных социальных уровнях, степень гражданского самосознания и активности людей. Гражданское самосознание – осознание индивидуальных прав и общих интересов. Развитие гражданского самосознания предполагает интерпретацию общих интересов как суммы частных, что вызывает повышение гражданской активности, стремление влиять на проводимую политику.

Общественные объединения представляют собой форму общественной самодеятельности и массового самоуправления, своеобразный тип «союзной» организации, цели которой вырабатываются через обобщение индивидуальных целей участников, а регулирование осуществляется на основе принципа выборности в соответствии с принятым уставом [2].

Особенность общественных объединений заключается в том, что они одновременно работают на «каждого» и на «целое», защищают граждан и обеспечивают для них услуги. Активность

общественных объединений должна способствовать выживанию, адаптации и устойчивости системы гражданского общества.

На данном этапе общественного развития актуальны специфические задачи общественных сил:

- правовое просвещение масс;
- влияние на содержание проводимых реформ;
- проведение законодательных инициатив;
- исполнение ряда обязанностей государства в социальной сфере;
- поддержка развития рынка труда и занятости.

Общественные объединения находятся в состоянии реагирования на социальные потребности, ведь сфера общественности не может быть аполитичной, поскольку основные ее составляющие – самоуправление и общественное мнение. Многие исследователи отмечают, что институты гражданского общества в России остаются на периферии социального управления и не обладают достаточным социальным весом, а их влияние на государственную власть малоэффективно [3]. «Сосредоточившись на помощи и социальной адаптации к экономическим реформам, организации третьего сектора упускают из виду то, каким образом государство проводит серьезнейшую реформу самой социальной сферы» [9]. Недостаточно развит практический опыт включения общественных движений в территориальное самоуправление [2]. Это создает предпосылки для отчуждения и изоляции власти от общества. В. Гавел справедливо утверждал, что в гражданском обществе как в обществе с высоко развитым самоуправлением, гражданину необходимо осознавать свою роль в общественных делах. Граждане должны разделять ответственность за социальное развитие. Отсутствие взаимодействия государственных и гражданских институтов ставит под сомнение демократизм самой власти [4].

Таким образом, становление гражданского общества связано с развитием новой социальной субъективности, которая основывается на соединении освобожденных частных интересов с гражданскими обязанностями и универсально значимым общественным порядком.

Социальная функция гражданского общества проявляется в активном действии общественно-гражданской сферы через участие общественных объединений в выработке на разных уровнях программ, принципов, лозунгов и т.п. материалов, которые непосредственно или опосредованно связаны с решением как общих, так и частных дел.

Литература

1. Арато А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание // Полис. – 1995. - №3. – С. 50-62.
2. Бородкин Ф. М. Общественные движения как элемент самоуправления. – Новосибирск, 1990. – 245 с.
3. Василик М. А. Взаимодействие государственной власти с общественными институтами в процессе демографического реформирования российского общества // Народы СНГ накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы. – СПб.: Норма, 1996. – Т.3. – 498 с.
4. Гавел В. О гражданском обществе и его новых противниках // Индекс. – 2001. - №16. – С.48-53.
5. Гордин В. Э. Роль неприбыльных организаций в трансформационном процессе (теоретические и эмпирические положения) // Справочник проектов и программ общественных организаций. – СПб.: Норма. – 1995. – 259 с.
6. Гражданское участие: Ответственность. Сообщество. Власть. – М.: Аслан, 1997. – 312 с.
7. Заславская Т.Н., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. – Новосибирск: Наука, 1991, 403 с.
8. Кизилов А.И. Массовое социально-экономическое сознание: тенденции изменения (1989 - 1993 гг.) // Современное общество – 1994. – 178 с.
9. Костюшев В. В. Общественные движения и коллективные действия в условиях запоздалой модернизации // Образ жизни и образ мыслей. – М.: Наука, 1996. – 223 с.

Деньги в системе транснациональных отношений

Никитин А.П.

*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
г. Абакан, Россия, pavlen-abakan@mail.ru*

Значительное влияние денег на процессы, протекающие в масштабах мирового сообщества, не вызывает сомнений. «Миром правят деньги» - утверждение, возникшее не на пустом месте, и имеющее достаточное основание для того, чтобы претендовать на объяснение современных реалий. В контексте научного обоснования международного статуса денег важным становится вопрос об их роли в системе транснациональных отношений.

Напомним, что концепт транснациональных отношений-взаимодействий был разработан в работе Дж.С. Ная (младшего) и Р.О. Кохэна «Транснациональные отношения и мировая политика», которая на сегодня является классической в теории международных отношений, о чем свидетельствует ее включение в соответствующий курс [1]. Транснациональные взаимодействия определяются Дж.С. Наем и Р.О. Кохэном как движения информации, денег, предметов, людей и других материальных и нематериальных объектов через государственные границы, в которых, по крайней мере, один из акторов (отправляющая или принимающая сторона-участник взаимодействий) не является представителем государства или правительственной организации. Транснациональные взаимодействия обеспечивают ту сторону глобализационных процессов, которая протекает вне установленного контроля международных межправительственных организаций, формируя постоянно обновляющуюся сеть межкультурной коммуникации.

Дж.С. Най и Р.О. Кохэн определяли деньги как материальный объект, представляющий один из типов в глобальном движении предметов и явлений. Всего ими выделялось четыре типа глобального взаимодействия: «1) сообщения, движения информации, включая передачу верований, идей и доктрин; 2) транспорт, передвижение материальных объектов, включая вооруже-

ние, частную собственность и товары; 3) финансы, передвижение денег и кредитов; 4) путешествия, передвижение людей» [1. С. 154]. Соглашаясь с предлагаемой типизацией, отметим, что денежный обмен в современном мире стал не просто типом глобального взаимодействия, но и основанием для существования всех других типов, перечисленных авторами.

Если в данном контексте говорить о передвижении людей, финансов и кредитов, транспорта, вооружения, частной собственности и товаров, то в особых дополняющих комментариях к нашему утверждению не обнаруживается никакой необходимости. Действительно, никакое путешествие, никакая кредитная история, никакая езда на автомобиле не обходятся без соответствующих денежных затрат. Здесь только следует добавить, что в условиях глобализации возможностей потратить деньги в любой точке мира становится всё больше и больше, и на это не существует каких-то организационных и этических ограничений, или специфичных культурных традиций, минимизирующих товарно-денежный оборот.

Более подробно следует остановиться на таком типе транснациональных отношений, как коммуникации между представителями различных наций (сообщения, движения информации, передача идей). Во-первых, любая коммуникация, субъекты которой хотят, чтобы она была эффективной, не может существовать без надлежащего финансового обеспечения. Техническая поддержка коммуникации, ее постоянное обновление – необходимость, порожденная постиндустриальной революцией, в рамках которой информация приобретает черты самоценности. То, что сейчас происходит на рынке мобильной связи и бум социальных сетей в интернете – прямое этому подтверждение.

Во-вторых, современные формы денег способствуют тому, что достижение «понимания» друг друга не встречает больших препятствий. Мировые валюты, виртуальные деньги, международные кредитные карты обеспечивают эффективность коммуникаций благодаря своей всеобщей платёжеспособности. В традиционном обществе, как известно, контакт с субъектами других культур достигался благодаря порой очень длительному поиску того, что представляло ценность для инокультурной среды

и имелось в наличии у агента коммуникации. В обществе модерна этот поиск потерял смысл, поскольку деньги стали всеобщей ценностью. Однако оставалось препятствие в виде наличия национальных валют, или особых форм денег, имеющих статус единственно приемлемых в рамках данной культуры. В эпоху постмодерна и данное ограничение снялось, и богатый человек стал чувствовать себя таковым везде.

Третье замечание, пожалуй, самое важное, поскольку речь пойдёт о содержании денег. Трансформация форм и сущности денег за многие годы их использования человеком результатом своим имела, хоть и ожидаемый, но всё же удивительный факт – содержание денег свелось к их количеству. Квантификация социокультурного значения денег, в свою очередь, способствовала тому, что в рамках межкультурного взаимодействия возникла общая логика объяснения существующего – исчислимость. Принцип исчислимости легко перекинулся с экономической сферы на все оставшиеся. Наблюдающий человек легко найдёт множество примеров данному постулату, вспомнить хотя бы принципы, по которым оцениваются кинофильмы (бюджет картины), или формируется представление об интеллектуальном уровне личности (IQ), или ставится итоговая оценка ученику (количество баллов за тест). Мы живём в мире чисел, которые заменили нам качественные определители, понятно, что в этих условиях поток информации в транснациональной системе не встречает никаких внеорганизационных препятствий.

Как отмечает Н.Н. Зарубина со ссылкой на Ж. Бодрийяра, современные виртуальные деньги идут в своей трансформации ещё дальше (хочется воскликнуть: «Куда ещё дальше!»). Дело в том, что когда мы что-то определяем в количественном показателе (ценность художественной картины, качество еды, значимость человека), то в этом квантитативном акте всё-таки есть какое-то содержание, есть некая субстанциональность, выраженная в числе и нами чётко осознаваемая. Виртуальные деньги не обозначают ничего, кроме самих себя: «В обществе постмодерна деньги в качестве симулякра не отягощены никакими сообщениями, денежный знак освобождается от "архаической обязанности" нечто означать. Так деньги становятся сами по себе

сообщением и обмениваются сами на себя. Финансовые потоки становятся самодостаточной реальностью, виртуальной экономикой, за которой не стоят процессы, происходящие в реальных секторах: "Этот процесс - сам по себе и сам для себя. Он не ориентируется больше ни на потребности, ни на прибыль. Он представляет собой не ускорение производительности, а структурную инфляцию знаков производства, взаимоподмену и убегание вперед любых знаков, включая, разумеется, денежные знаки"» [2. С. 6].

Такой процесс приводит к весьма неоднозначным последствиям опять же не только в экономике. Число становится замкнутым на самом себе. К примеру, в образовательном процессе это выливается в то, что учеников и студентов готовят именно к тесту, на котором они должны набрать определенное количество баллов, а что будет стоять за полученным показателем, становится неважным, он не отражает реальных знаний учащихся. В обществе постмодерна число превращается в код, являющийся той самой всеобъемлющей основой, благодаря которой могут быть сопоставлены все остальные коммуникативные коды. Однако чем более универсальным является код, тем менее он содержателен, и вполне может статься, что движения информации в системе транснациональных отношений станут похожи на движения банальностей.

Литература

1. Най Дж.С. (мл.), Кохэн Р.О. Транснациональные отношения и мировая политика // Теория международных отношений: Хрестоматия / сост. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 152-167
2. Зарубина Н.Н. Деньги в социальной коммуникации // Социологические исследования. – 2006. - №6. – С. 3-12

**Из истории переселения мордвы – миграции
и опыт исследования: центр и периферия**

Акимова З.И., Никонова Л.И., Романова М.Н.

*Государственное казённое учреждение Республики Мордовия
«Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при
Правительстве Республики Мордовия», г. Саранск, Россия
congress7@list.ru*

Мордовский народ является крупнейшим народом финно-угорской языковой семьи в Российской Федерации, но в границах Республики Мордовия в настоящее время проживает всего треть всего мордовского населения страны, что сложилось исходя из объективных причин. Мордва расселилась по всему Среднему Поволжью, проникла в Заволжье и Южную Сибирь и т.д., в т.ч. в Московской обл. По данным последних переписей населения, численность мордвы постепенно уменьшается. Если по данным переписи 1989 года численность мордвы в Российской Федерации составляла 1117,5 тыс. человек, то в 2002 году 843,3 тыс. человек. Наиболее интенсивно процессы сокращения численности идут в городах и в условиях дисперсного сельского расселения. Переселение порождает множество проблем, связанных с новой жизнедеятельностью (жильем, трудоустройством, акклиматизацией, установления новых этнокультурных связей и т.п.). Государственное казённое учреждение Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» имеет значительный опыт исследовательской работы. К примеру, начиная с 2001 г. организованы и проведены научные этнографические экспедиции (под руководством и непосредственным участием д. и. н., профессора Л. И. Никоновой) в более чем 20 регионах России и в более чем 100 населённых пунктах РФ – местах компактного проживания мордовской диаспоры Красноярского края (2001), Алтайского края (2002), Кемеровской области (2003), Хабаровского и Приморского краев (2004), Камчатской области (2005), Иркутской области, Республики Хакасия (2008), Владимирской области (2011) и др. Результаты этих экспедиций позволили от-

крыть новую серию научных монографий «Мордва России» [7, 8, 9, 10]. Эта серия уникальна по полученным новым фундаментальным научным данным и позволяет работать многим поколениям учёных. Новизна состоит в том, что практически не проводились исследования этнокультуры у мордвы, проживающей в Москве и Московской области, где численность мордвы согласно данным переписи 2002 г. составляет в Москве – 13,6 тыс. и Московской обл. – 11, 8 чел. [12, 13]. Актуальность предопределяет и предмет исследования – определить численность мордвы в Москве и Московской области, чтобы в последующем выявить историю переселения, материальную и духовную культуру мордвы, проживающей в регионе.

По Всероссийской переписи 2002 г. мордвы в Российской Федерации проживало 843 350 человек, в том числе за пределами Мордовии — 559 489 человек, что составляет 66,3 %. Наибольшая численность мордвы — в Самарской (86 000 человек), Пензенской (70 739), Оренбургской (52 458), Ульяновской (50 229) областях, в Республиках Башкортостан (26 020), Татарстан (23 702 человека) [1, С. 58 — 94]. Мордовский народ принадлежит к числу дисперсно расселенных этносов. Для него характерны многочисленная диаспора (от греч. *diaspora* – рассеяние), проживание существенной доли этноса за пределами этнической территории Республики Мордовия. Подобное положение складывалось исторически, первоначально за счёт миграций периода феодализма, затем массовых переселений капиталистической эпохи. Основные признаки древнемордовской культуры сложились в начале I тысячелетия н. э. С этого времени можно говорить о древней мордве как об особой этнической общности. Первое письменное упоминание этнонима «мордва» среди других народов Восточной Европы содержится в сочинении VI века историка готов Иордана. Самое раннее письменное сообщение об этнониме эрзя дошло до нас в послании кагана Хазарии Иосифа (X век), а об этнониме мокша – в записках фламандского путешественника XIII века Рубрука. Формирование мордвы-мокши и мордвы-эрзи как самостоятельных субэтносов в основном завершилось к XIII веку. Уже к середине XIX в. сложились 3 основных района расселения мордвы. Общую численность

мордвы в коренном районе её обитания в это время можно определить в 310—330 тыс. чел., т. е. около 50% от общей численности. Наиболее высокий процент мордовского населения был в Спасском (ок. 45%) и Ардатовском (ок. 40%) у.; в последнем находилась и наиболее значительная группа мордвы Поволжья (58 тыс. чел.). 2-й основной регион расселения мордвы в правобережной части Поволжья охватывал пензенско-саратовский край и располагался к Юго-Востоку от коренного, в лесостепной полосе между верхним течением Суры и Волгой. 3-й основной регион был расположен в левобережной части Поволжья (до Приуралья), куда мордовские переселенцы шли главным образом из северной и восточной части коренной этнической территории и в меньшей степени — из 2-го региона. Во второй половине 19 в. мордва проживала в 22 губерниях Российской империи. Перепись 1926 г. зафиксировала 1, 33 млн. чел. Мордвы; 99, 6 % ее проживали в 30 регионах РСФСР. Из них в Средне-Волжском регионе – 889 989 чел, Нижне-Волжском – 159034 чел, Сибирском крае – 107794, Центрально-промышленном – 87705, Башкирском – 49 813, Казанском 27244, прочих – 13080. За пределами РСФСР мордва проживала в Узбекской ССР – 1805 чел, Закавказской СФСР –1238, Украинской ССР – 1171 чел, Белорусской ССР – 1051 и Туркменской – 476 чел. На территории созданного в 1928 г. Мордовского округа численность мордовского населения составляла 380–390 тыс. чел. Образование новых промышленных центров, открытие и разработка природных богатств, освоение целинных и залежных земель, развитие транспортной сети усилили миграцию населения, в т.ч. мордовского. Согласно переписи населения 1926, общая численность мордвы в стране составляла ок. 1 340 тыс. чел., которые проживали в 30 регионах. Перепись 1937 зафиксировала уменьшение численности коренного населения Мордовии с одновременным возрастанием общей численности народа, т. е. отток из Мордовии продолжался. Послевоенные переписи показывают сокращение численности мордвы, как по всей территории СССР, так и в традиционных регионах её расселения. В 1970–89 гг. численность мордовского населения в пределах России уменьшилась на 104, 6 тыс. чел. (8,9%), в Мордовии – на 51,3

тыс. (14%). Представители мордовской национальности согласно переписи 1989 г., проживают во всех субъектах РФ, но наибольшее их число сосредоточено в Республике Мордовия – 29, 2%, Самарской обл. – 10, 8 %, Пензенской – 9%, Оренбургской – 6, 4%, Ульяновской – 5. 7% и Нижегородской – 3,4 5. В 25 регионах численность мордвы уменьшилась, а в 19 – увеличилась: Ленинградской (2,9), Рязанской (4,7), Тюменской (8,1 тыс. чел.), Владимирской, Тульской и др. областях [13].

На рубеже второго и третьего тысячелетий становится все более очевидным, что человечество развивается путем расширения взаимоотношений между различными странами, народами и их культурами, что нашло отражение в публикациях исследователей разных направлений. Теоретические и методологические вопросы миграции, ее формы и виды, история подробно излагаются в работах российских учёных [3, 16, 17] и о мордве – региональных учёных [4, 5, 6, 14, 15, 19Ю 20, 21]. Миграционные процессы в современном мире носят разнообразный и многоаспектный характер. В последние годы все большее внимание привлекает этнокультурная сторона этих процессов. Под миграционными процессами принято понимать «взаимодействие двух противоположно направленных серий событий — прибытий и выбытий, локализованных на определенной территории и в интервале времени» [16. С.6]. Каждый этнос имеет свою среду обитания, свою территорию, свои конкретно-исторические условия, свое особое окружение. Различие этносов есть различие культур. Культура – это совокупность материальных и духовных ценностей. Люди трудятся, воспроизводят средства существования, организуют среду обитания, обеспечивают себя пищей, жилищем и одеждой, воспроизводят самих себя. Все это разные виды человеческой деятельности, по сути идентичные для всех людей. Культура с течением времени адаптируется к географической и социальной среде народов посредством заимствований и реорганизации. По мере изменения условий жизни традиционные формы нередко утрачиваются и исчезают; возникают и дают о себе знать новые потребности, а затем — приспособленные к ним новые культурные механизмы. Адаптация – это процесс или результат установления такого способа взаимодей-

ствия между народом и окружающей средой, который позволяет народу выживать в этой среде и растить своих детей, с тем, чтобы численность народа если не росла, то, по крайней мере, оставалась бы стабильной. Культура же является основным механизмом, посредством которого человеческие коллективы адаптируются к окружающей среде, является одним из основных понятий исторической этнологии, а этнические процессы по своей сути адаптивны, и такой подход приемлем к мордовской диаспоре в Московской области, до сих пор не имевшей пристального изучения учеными.

С 1932 года после образования в г. Саранске Научно-исследовательского института мордовской культуры (ныне Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия) была начата большая работа по выявлению, сбору и научной обработке документальных, статистических, этнографических и археологических источников и материалов из различных архивов и библиотек страны, сбору материалов по истории сел. В частности, в 1934 году с целью изучения происходящих культурно-бытовых изменений в жизни мордовской деревни проведена в Мордовии первая комплексная экспедиция под руководством профессора Н.М. Маторина (10).

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 года мордвы в муниципальных образованиях Московской области числятся: Дмитровский г.о. – 786 (0, 53) Долгопрудный г.о. соответственно– 148 (0,2), Домодедовский м.р. – 324 ((0,26), Егорьевский м.р. – 198 (0,2), Железнодорожный – 262 (0,2), Каширский м.р. – 265 (0, 4), Климовск г.о. – 83 (0,2), Климовский м.р. – 512 (0,4), Коломенский м.р. – 430 (1 1), Коломна г.о. – 504 ((0,33), Котельники г.о. – 56 (0,3), Красноармейский г.о. – 27 (0,1), Лобня г.о. – 126 (0,19), Лотошинский м.р. - 134 (0,7), Луховицкий м.р. – 903 (1,4), Наро-Фоминский м.р. – 624 (,3), Озерский м.р. – 408 (0, 16), Павлово-Посадский м.р. – 124 (0,1), Серпухов г.о. – 191 (0,1), Солнечногорский м.р. – 780 (0, 6), Талдомский м.р. – 301 (0, 67), Троицк г.о. – 64 (0, 2), Химкинский г.о. – 331 (0,2), Черноголовка г.о. 24 (0,1), Чеховский м.р. – 743 (0, 7), Шатурский м.р. – 174 (0,24), Щелковский м.р. – 380 (0, 2), Щербинка г.о. – 26 (0, 1), Электрогорск г.о. – 61 (0, 3),

Электросталь г.о. – 239 (0, 16), Юбилейный г.о. – 53 (0, 2). Исходя из этих данных можно сказать, что из 72 муниципальных образований мордва числится в 32 муниципальных образованиях, причем в некоторых её достаточно много: к прим., Дмитровский г.о. – 786 (0, 53), Домодедовский м.р. – 324 ((0,26), Егорьевский м.р. – 198 (0,2), Железнодорожный – 262 (0,2), Каширский м.р. – 265 (0, 4), Климовский м.р. – 512 (0,4), Коломенский м.р. – 430 (1 1), Коломна г.о. – 504 ((0,33), Луховицкий м.р. – 903 (1,4), Наро-Фоминский м.р. – 624 (0,3), Озерский м.р. – 408 (0, 16), Солнечногорский м.р. – 780 (0, 6), Талдомский м.р. – 301 (0, 67), Химкинский г.о. – 331 (0,2), Чеховский м.р. – 743 (0, 7), Щелковский м.р. – 380 (0, 2), Электросталь г.о. – 239 (0, 16) (2).

Становление и развитие мордовской диаспоры очень сложный и длительный процесс и дальнейшее изучение мордвы Москвы и Московской области, поможет более полно раскрыть историю, материальную и духовную культуру народа, Материалы исследования могут быть использованы при подготовке лекций и спецкурсов по отечественной истории, по этнографии и культурологии в высших и средних специальных учебных заведениях.

Литература

1. Национальный состав населения Республики Мордовия // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Саранск, 2005. С. 58 — 94.

2. Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2002 года : в 14 томах. М., 2004. Кн. 1.

3. Ионцев, В. А. Миграция населения. Вып. 3: Международная миграция. М., 2001. 112 с.

4. Козлов, В. И. Расселение мордвы: ист. очерк // Вопросы этнической истории мордовского народа: тр. мордов. этногр. экспедиции. М., 1960. Вып. 1. С. 5 — 62.

5. Мокшин Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993.

6. Мельников (Печерский), П. И. Очерки мордвы // Полн. собр. соч. 2-е изд. СПб., 1909. Т. 7. С. 410 – 513.

7. Мордва юга Сибири (монография). / Л. И. Никонова [и др.] ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова; д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2007. 312 с.+ 64 л. илл.

8. Мордва Саратовской области (монография).: в 2 ч. Часть 1. Петровский район / Л. И. Никонова, Л. Н. Щанкина, Т. Н. Охотина, С. А. Махалов ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова. Саранск, 2009. 200 с. + 60 л. илл. (сер. «Мордва России).

9. Мордва Западной Сибири (монография).: в 2 ч. Часть 1. Село Калиновка : сибирская история и мордовские традиции / Л. И. Никонова, Л. Н. Щанкина, Ж. В. Шерстобитова ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова. Саранск, 2009. 112 с. + 84 л. илл. (сер. «Мордва России).

10. Мордва Дальнего Востока (монография). / Л. И. Никонова, Л. Н. Щанкина, Н. Н. Авдошкина, В. П. Савка ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2010. 312 с. + 80 л. илл.

11. Мордва циркумбайкальского региона и Республики Хакасия (монография). / Л. И. Никонова, Л. Н. Щанкина, Т. В. Гармаева ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой ; НИИ гуманитарн наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2010. 268 с. + 112 с. ил. (Мордва России).

12. Мордовия : энцикл.: в 2 т. Т. 1: А — М. Саранск, 2003. 576 с.

13. Мордовия : энцикл. : в 2 т. Т. 2 : М — Я. Саранск, 2004.

10. Никонова Л. И. Исторические науки: развитие и перспективы// Роль науки в социально-экономическом развитии Республики Мордовия. Саранск, 2003. С. 10-18.

14. Никонова Л. И. Мордовская диаспора в Сибири (по материалам этнографических экспедиций 2002 — 2005 гг.) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : в 3 ч. Омск, 2006. Ч. 1. С. 148 — 153;

15. Никонова Л. И. Мордовская диаспора Дальнего Востока (по материалам этнографической экспедиции 2004 г.) / в соавт. //

Мордовия: наука, инновации, новые технологии. 2005. № 2. С. 40-46.

16. Рыбаковский, Л. Л. Региональный анализ миграций / Л. Л. Рыбаковский. — М. : Статистика, 1973. — 147 с.

17. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987. 199 с.

18. Рыбаковский, Л. Л. Исследования миграции населения в России. М., 2000. 39 с.

19. Юрченков В.А. История мордовского края в западной историографии XIII-XIX вв. Автореф. Дис...докт.ист.наук. Казань, 1997. С. 13-23.

20. Юрченков, В. А. Межэтнические отношения в региональном социуме: проблема гармонии // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре. Саранск, 2005. С. 239 – 242.

21. Юрченков В.А. Мордовский народ: веки истории. Саранск, 2007. Т. 1. 460 с.

Доступность туризма для инвалидов

Похилько Д.Н., Чесняк М.Г.

*Северо-Кавказский государственный технический университет,
г. Ставрополь, Россия, drokhiko@yandex.ru*

Инвалидность, существенно затрудняя процесс социального взаимодействия, в то же время не является непреодолимым препятствием для успешного установления социальных контактов с другими людьми и возможности построения взаимных отношений. Личностные барьеры в отношении толерантности во многом возникают под влиянием стереотипов восприятия и неадекватных установок людей в процессе общения [1].

Наличие проблем интеграции инвалидов в общество обусловлено недостаточным совершенством самой системы социальных отношений, которая в силу определенной жесткости требований к своим потенциальным субъектам оказывается недоступной для лиц с ограниченными возможностями. Успешность интеграции зависит от степени прилагаемых усилий об-

щества и самих инвалидов, направленных на формирование у членов общества гуманного отношения, сочетающегося со знанием о возможностях инвалидов и конкретной практической помощи во всех сферах их жизнедеятельности. Безусловно, данная проблема широко исследуется, разрабатываются новые подходы к её решению, создаются программы успешной социальной реабилитации и интеграции инвалидов. Однако практически не изученной является проблема выявления социально-психологических и личностных детерминант толерантного взаимодействия людей с ограниченными возможностями и нормальных людей.

Объектом исследования является туризм как доступная среда.

Цель исследования состоит в выявлении перспектив развития туризма для людей с ограниченными возможностями в России.

Для достижения поставленной цели поставлены следующие задачи:

- произвести сравнительную характеристику развития доступного туризма в России и Европе;
- выявить перспективы развития туризма для людей с ограниченными возможностями.

Анализ информационных источников позволил выявить особенности в отношении к организации отдыха для инвалидов на территории бывшего СССР и в странах Европы. Только примеры организации специализированных пляжей и мест отдыха для инвалидов в Европе говорят о том, что там данному аспекту уделяется особенное значение.

Так, 24 сентября 2011 года в Полисе Хрисохус (Кипр) была официально сдана в эксплуатацию система доступа к морю людей с ограниченными возможностями. Как рассказал глава Туристской Организации Кипра Алекос Орунтиотис, система является авторской разработкой Департамента авиационной техники университета Патры и установлена на сегодняшний день на шести пляжах. Система состоит из специального сидения, которое обеспечивает безопасный спуск в воду по рельсовой дорожке на глубину до 60 см. Пользователь может активизировать систему самостоятельно, используя пульт дистанционного

управления, в то время, как сама система автономна, поскольку работает от солнечной энергии. Три Центра оценки степени инвалидности будут созданы в течение ближайших двух лет в Никосии, Лимассоле и Ларнаке. В общей сложности центрам предстоит «оценить» около 15 000 людей с ограниченными возможностями с целью определения квот для их назначения на государственные должности и в сектор образования [3].

Специализированные экскурсионные поездки для лиц с ограниченными возможностями предлагают туроператоры в Финляндии, Германии, Франции, Дании, Греции, Испании. При этом большинство туров инвалиды – колясочники могут совершать без сопровождения, что связано с высоким уровнем технического оснащения гостиниц и транспортных средств, а также информированностью о предлагаемых для инвалидов услугах.

Подписанная Россией «Конвенция ООН о правах инвалидов» в 2008 году, дала толчок развитию безбарьерного туризма в нашей стране. Конвенция определяет государственную политику в отношении к инвалидам, а также декларирует, что инвалидность сейчас является эволюционирующим понятием, следовательно мировое сообщество стремится по-другому смотреть на людей с ограниченными возможностями. В том же году в целях развития пляжного туризма в Краснодарском крае, для инвалидов были специально оборудованы три пляжа в поселках Алексино и Южная Озерейка. В 2009 году открылась уникальная зона отдыха для людей с ограниченными возможностями на Суджукской косе, в районе Малой земли города Новороссийска. Сравнивая эти данные с данными в некоторых странах Европы, они кажутся весьма скромными. Только на одном острове Кипр таких пляжей около восьми, при этом уровень технического оснащения значительно выше.

Из вышесказанного можно заключить, что сегодня доля безбарьерного туризма в Европе уже существенна и продолжает расти, этому способствует уровень технического оснащения.

В России по официальным данным около 15 млн. инвалидов, по неофициальным, их около 30 млн [2]. По мнению директора Департамента по делам инвалидов Григория Лекарева основной задачей на пути развития туризма для людей с ограниченными

возможностями – это обеспечение инвалидам равных возможностей для участия в жизни общества.

В этой связи ведется реализация государственной Программы «Доступная среда» (2011 – 2015 годы), в которой поставлена цель: обеспечить инвалидам доступность спорта и туризма. Среди мер по достижению этой цели – обеспечение доступа инвалидов к рекреационным и туристическим объектам и услугам и к услугам организаторов досуга. Финансирование мероприятий по обеспечению доступности учреждений туризма будет осуществляться на основе принципа софинансирования за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов и внебюджетных источников.

Помимо программы «Доступная среда» сегодня действует Программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011 – 2018 годы)», которая также способствует вовлечению в полноценную социальную жизнь людей с ограниченными возможностями [4]. В Программе акцентируется, что одной из важнейших задач государства является восстановление работоспособности, поддержание и укрепление здоровья людей. Развитие внутреннего туризма определяется актуальной задачей и одним из инструментов оздоровления нации.

В Программе среди основных задач выдвигаются: развитие туристско-рекреационного комплекса Российской Федерации и повышение качества туристских услуг.

Развитие туристско-рекреационного комплекса РФ планируется осуществить посредством комплексного развития туристской и обеспечивающей инфраструктуры туристско-рекреационных кластеров и формирования сети автотуристских кластеров, которые планируется располагать на наиболее популярных маршрутах и федеральных трассах, а также вблизи мест, представляющих значительный туристский интерес (например, исторических и культурных центров, заповедников и других туристско-ориентированных мест и объектов показа).

Для решения указанной задачи также предполагается использовать механизм субсидирования процентных ставок по кредитам и займам, привлеченным в российских кредитных ор-

ганизациях инвесторами объектов туристско-рекреационного использования с длительным сроком окупаемости.

На 2011 – 2014 годы запланирована реализация пилотных проектов по созданию туристских и автотуристских кластеров.

Для решения задачи развития туристско-рекреационного комплекса РФ необходимо осуществить ряд мероприятий, в частности:

- капитальное строительство и модернизация объектов обеспечивающей инфраструктуры создаваемых туристских объектов с длительным сроком окупаемости;
- создание и модернизация туристских объектов;
- проведение работ и оказание услуг, связанных с изучением и оценкой туристского потенциала регионов и качества региональных проектов;
- проведение работ и оказание услуг, связанных с обеспечением взаимосвязи схем территориального планирования субъектов Российской Федерации и документации по планировке территории с планами создания и развития туристско-рекреационных и автотуристских кластеров.
- Для решения задачи повышения качества туристских услуг необходимо осуществить, наряду с другими, следующие мероприятия:
- развитие технического и технологического обеспечения развития туристской отрасли;
- проведение работ и оказание услуг, связанных с внедрением инновационных технологий в области управления качеством туристских услуг.

Первый этап реализации мероприятий Программы (2011 – 2014 годы) предусматривает проведение работ по созданию первоочередных туристских объектов, которые станут точками роста современных туристско-рекреационных и автотуристских кластеров в нескольких субъектах Российской Федерации. Также планируется осуществить частичную поддержку ряда перспективных проектов создания региональных туристских кластеров за счет вовлечения бизнес-сообщества отдельных регионов в процессы формирования государственно-частного партнерства.

На этом этапе предусматривается проведение работ по изучению и оценке туристского потенциала регионов страны с точки зрения перспектив развития различных видов туризма и выработка подходов к развитию туристской инфраструктуры, учитывающих специфику географического положения и климатических условий регионов, а также различия в уровне финансовой обеспеченности субъектов Российской Федерации.

Необходимо провести мониторинг наличия, уровня развития и доступности региональных туристско-рекреационных ресурсов, определить состав и структуру необходимых коллективных средств размещения, а также объектов обеспечивающей инфраструктуры, строительство и развитие которых целесообразно будет осуществлять в рамках мероприятий следующего этапа Программы. Четкое определение потенциала рынка и основных потребностей туристов (предпочитаемый вид туризма, среднесуточные траты, продолжительность пребывания) позволит более точно спрогнозировать объем необходимой туристской и обеспечивающей инфраструктуры.

Таким образом, удалось обосновать актуальность темы исследования так как доля безбарьерного туризма в Европе растет с уровнем технического оснащения.

В России реализуется государственная Программа «Доступная среда», в которой в качестве приоритетной поставлена цель обеспечить инвалидам доступность спорта и туризма. Программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011 – 2018 годы)» определяет развитие внутреннего туризма актуальной задачей и одним из инструментов оздоровления нации. Анализ содержания Программы позволил выявить первоочередные задачи по развитию доступного туризма для инвалидов: изучение и оценка туристского потенциала регионов страны; выработка подходов к развитию туристской инфраструктуры регионов; мониторинг наличия, уровня развития и доступности региональных туристско-рекреационных ресурсов, инфраструктуры, потенциала рынка и основных потребностей туристов.

Литература

1. Саенко, Ю.В. Специальная психология [Текст] / Саенко Ю.В. – М.: Академический проект, 2006. – С. 270
2. Сайт «Вечерние вести» URL:
<http://gazetavv.com/analytics/world/31582-vokrug-sveta-na-invalidnoy-kolyaske-video.html> (дата обращения: 23.09.2011)
3. В Полис Хрисохус море доступнее/ "Вестник Кипра" Выпуск № 835// URL:
<http://www.vestnikkipra.com/?mod=iss&id=6230> (дата обращения 23.09.11.)
4. Сайт Департамента государственных целевых программ и капитальных вложений Минэкономразвития России/ федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011 - 2018 годы)» /паспорт программы// URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/Passport/View/2011/361/> (дата обращения: 23.09.11.)

Взаимодействие органов государственной власти и профессиональных обществ в период поздней Российской империи (на примере Пензенской губернии)

Сергеев В.В.

*Кузнецкий колледж электронной техники,
г. Кузнецк Пензенской области, spokket@gmail.com*

Свобода союзов была провозглашена в Манифесте 17 октября 1905 года « Об усовершенствовании государственного порядка» и получила разработку во Временных правилах об обществах и союзах, которые заложили правовые основы для образования и деятельности общественных организаций, создали правовое поле для действий администрации по отношению к ним. Издание этих актов означало признание государством права подданных на самостоятельную сферу деятельности. ^[1] Автор в

разрезе темы исследования понимает « взаимодействие », как систему совместных действий государственных органов власти и общественных объединений, которая включает в себя взаимоотношения и сотрудничество. Взаимоотношения между общественными объединениями и государственными органами власти определялись проводимой охранной политикой самодержавия в соответствии с манифестом « О незыблемости самодержавия» (от 29 апреля 1881г.). В нем провозглашалось намерение «утверждать и охранять» самодержавную власть от «всяких на нее поползновений».^[2] Инструментом регулирования отношений являлись самодержавные законы и уставы обществ.

Профессиональные общества создавались по нормальному (примерному) уставу, в котором конкретно были определены цели профессиональных общественных объединений, за рамки которых деятельность общества не должна выходить. Профессиональные общества «... имеют целью выяснение и согласование экономических интересов, улучшение условий труда своих членов или поднятия производительности принадлежащих им предприятий».^[3] Надзор за профессиональными обществами вверялся губернатору, а не фабричному инспектору.^[4] Губернская администрация строго следила за выполнением уставных норм и самодержавных законов. Циркуляр МВД от 6 октября 1866 года предписывал губернаторам «... иметь через кого следует постоянное самое бдительное наблюдение..., чтобы общества на учреждение коих дано разрешение с утверждением правил для руководства их ни в коем случае не дозволяли себе выходить из кругов и пределов занятий, определенных в тех правилах...».^[5] Губернатор мог своей властью «...закрывать собрание разных частных обществ, клубов, артелей в случае обнаружения в них чего – либо противоправного государственному порядку и общественной безопасности и нравственности»^[6]. Регистрация обществ производилась путем внесения их реестр, который велся Пензенским губернским по делам об обществах присутствием (далее Присутствие). Общество считалось легализованным с момента внесения его в реестр (ст. 23), после чего экземпляр его устава возвращался учредителям с соответствующей визой губернатора (ст. 24).^[7]

Старший фабричный инспектор Пензенской губернии Невосков, отвечая на запрос Министерства Торговли и Промышленности о профессиональных обществах, действующих в губернии в 1912 году, отмечал, что «... из восьми профессиональных обществ открытых в губернии в настоящее время функционирует только три».^[8] Профессиональные общества были закрыты по различным причинам. Профессиональное Общество винокуренных заводчиков Саранского уезда закрыто на основании постановления Присутствия от 7 января 1911 года за не предоставление отчётов и за уклонение исполнения требований Закона 4 марта 1906 года выразившиеся в занятии коммерческой деятельностью. Профессиональное общество работников печатного дела Пензенской губернии и Пензенское профессиональное общество портных и портних г. Пензы были закрыты постановлением Присутствия от 2 марта 1911 года по просьбе обществ за неимением средств для осуществления деятельности. Профессиональное общество торгово – промышленных служащих ликвидировано по постановлению общего собрания 3 июля 1910 года в связи с объединением с Пензенским вспомогательным обществом торгово – промышленных служащих.^[9] Профессиональное общество рабочих хлебопекарной промышленности (Далее ПОРХП) закрыто 20 марта 1907 года за «... не согласную с законом и собственным уставом деятельность».^[10] Деятельность ПОРХП вышла за рамки компетенции, оговоренной уставом. В частности, произошёл конфликт между содержателем пекарни П. Малаховым и председателем бюро ПОРХП А. Седякиным. Суть конфликта. П. Малахов принял в пекарню людей по своему усмотрению со стороны в качестве подмастерьев. А. Седякин от имени бюро ПОРХП обратился к нему с требованием «... предлагается Вам, Милостивый Государь, уволить подмастерья Платона, который не числится в обществе и заменить теми, кто числится в списках бюро». П. Малахов брат на работу человека по указке бюро отказался и обратился в губернскую администрацию. По представлению Пензенского губернатора Кошко И. Ф. Присутствие закрыло общество за «... деятельность угрожающую спокойствию и безопасности и не соответствующую уставу».^[11] В целом коронная администрация

Пензенской губернии успешно проводила охранную политику в отношении профессиональных обществ.

Мы понимаем сотрудничество в рамках исследования как процесс реализации способов совместной деятельности. «Платформа сотрудничества» - понятие определяющие взаимную программу действий государственных органов власти и общественного объединения, которая формируется усилиями двух сторон в результате непосредственного или опосредованного воздействия друг на друга. Следует отметить, что говорить о сотрудничестве в полной мере можно только тогда, когда в него вовлечены две стороны, т.е. когда деятельность общественного объединения адекватно принимается государственными органами власти и наоборот. Вместе с тем, гарантией востребованности взаимодействия между органами государственной власти и общественной самодеятельностью выступает положительное отношение общественных объединений к ней как к институту власти, в тоже время государство должно испытывать потребность в общественном объединении как инструменте достижения собственных целей. Сотрудничество между Пензенской коронной администрацией и профессиональными обществами носило апатичный (неприемлемый) характер. Платформа сотрудничества базировалась на следующих принципах: деятельность общественных объединений должна осуществляться строго в рамках устава и протокольных решений общих собраний обществ, согласованных с губернатором и под контролем полиции; отсутствие взаимной заинтересованности в результатах сотрудничества, так как самодержавие видело в деятельности обществ явную или скрытую угрозу государственному строю. Фактов сотрудничества в исследуемый период не выявлено. В целом деятельность общественных объединений воспринималась губернской администрацией, как досадная помеха в отлаженном механизме управления.

Литература

1. Именной высочайший указ Правительствующему сенату 4 марта 1906г. «О Временных правилах об обществах и союзах»

// Полное Собрание Законов Российской Империи – III. – Т. 26. № 27479. (Далее Указ).

2. Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов. Под ред. Ю.С.Кукушкина. М., Изд-во Моск. университета, 1996. С. 233. Свод законов Российской Империи, Т. XIV. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Ст.116. СПб.1890.

3. Роговин Л.М. Законы об обществах, союзах и собраниях. СПб. 1912. С. 30.

4. Там же С. 31

5. Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX – XX века/ Под ред. Н.П.Ерошкина, М., 1980. С. 42.

6. Фон Плато К.Г. Положения о частных обществах, учрежденных с разрешения министров, губернаторов и градоначальников. – Рига, 1903. С. 7.

7. Указ № 27479.

8. Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО) Ф.16. Оп.1. Д.156. Л. 19

9. ГАПО. Ф. 16. Оп.1. Д.156. Л. 20

10. Там же. Л. 21.

11. Там же. Л.23.24.

Родовая природа социального

Крейк А.И.

*Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Россия, socio@fgo.nstu.ru*

Монастырская Т.И.

*Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск, Россия,
t.monastyrskaya@yandex.ru*

Категория "социальное" является одной из наиболее сложных категорий социологии, вокруг которой в последние годы ведутся активные дискуссии. Это обуславливается кризисом

теоретико-методологической оснований социальных наук и необходимостью поиска нового или переосмысления прежнего содержания многих категорий. Существует множество точек зрения относительно понимания того, что есть социальное. Та или иная интерпретация предопределяется, как минимум, тремя причинами:

- общим состоянием научного знания в искомой области;
- осознанным выбором компетентным специалистом той или иной методологической позиции;
- некомпетентностью того, кто провозглашает определенную методологическую позицию.

Не смотря на единый объект исследования – природу и сущность социального, единство в понимании того, что есть «социальное», не прослеживается. Интерпретативные объяснения смысла социального можно систематизировать по различным основаниям. Некоторые из них будут рассмотрены ниже.

Анализ подходов к понятию «социальное» в историческом ракурсе ведет нас от О.Конта, Г.Спенсера к авторам классических социальных теорий Э.Дюркгейму, М.Веберу, Г.Зиммелю, Ф.Теннису и др., далее к теориям Т.Парсонса, П.Сорокина, Р.Мертон. Такие авторы, как Ю.Хабермас, Н.Луман, П.Бурдьё, Э.Гидденс, также внесли свой значительный вклад в широкую палитру интерпретаций социального. Современные западные социологи довольно часто обращаются к классификации подходов к социальному Н.Д. Смелзера [5]. Среди широкой палитры имен исследователей социального, альтернативную позицию занимает Ф.А. Хайек, выступающий против применения понятия "социальное" [7]. Отметим, что данная позиция авторами не разделяется.

Уточняя родовую природу социального, следует ознакомиться с трактовками термина «социальное, -ый, -ая» в справочной литературе, отражающей состояние знания на определенный момент времени. В «Толковом словаре русского языка» представлено два значения термина:

1. См. «социум» (т.е. непосредственно значение термина не дано.- А.К.).

2. «Общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе» [3].

Одна из самых распространенных версий выделения социального опирается на парсоновскую систему социального действия. В этом случае социальное выделяется как сфера общества (наряду с культурой, экономикой и политикой). Такой подход не к определению социального, а к его выделению из всего того, что составляет человечество во всей его целостности, закономерно вызывает вопрос фундаментальной значимости: что же тогда представляют собой культура, экономика и политика – не социальное? Безусловно, просматривается логика в том, как Т. Парсонс вычленил социальное [4], однако на заданный выше вопрос в рамках данного подхода ответ найти невозможно. Мы не можем утверждать, что культура, экономика и политика не есть социальное (не природное же?). В рамках подхода Т. Парсонса существуют два варианта понимания социального:

- во-первых, социальное, которое представлено такими феноменами, как деятели-носители активности (персонифицированные или коллективные), проявляющие себя как акторы или/и агенты, отношения, ожидания, роли и статусы, нормы и правила, малые и большие группы и т.п.;

- во-вторых, социальное, понимаемое как функциональная система определенного общества, обеспечивающая поддержку повседневного существования нуждающихся в этом его членов (нередко понимаемое таким образом «социальное» сводится к понятию «социальная помощь»).

Первый вариант интерпретации социального принимается за социальное в широком смысле, а второй вариант – за социальное в узком смысле.

Фундаментальные феномены социума (а к ним, несомненно, относится феномен «социальное») требуют и фундаментального подхода к их исследованию и интерпретации. Исходя из этого, нельзя не признать, что и экономика, и политика, и культура, и идеология, и духовность и другие подобные феномены являются социальными. Фундаментальным основанием для этого утверждения является то, что ни неживая природа, ни живая природа

этих феноменов не производит и не содержит, это природа только человеческого.

Однако, в этом случае возникает вопрос: а не является ли социальной жизнь, например, стадных животных? Если обратиться к исследованиям специалистов по поведению животных (например, К. Лоренца), то они позволяют ответить на этот вопрос утвердительно. В свою очередь, это порождает следующий вопрос: есть ли различия в «социальности» людей и животных? Интуитивно на этот вопрос предполагается утвердительный ответ. Научное обоснование этого ответа не является однозначным, поскольку в науке, и в первую очередь – в социальных науках, еще не выработана согласованная точка зрения на этот вопрос.

На сегодняшний день определенным ограничением для социальных наук (возможно, и для исследований поведения животных) является отсутствие научно обоснованного согласованного решения относительно использования различных терминов для обозначения социальности людей и социальности животных. Научная традиция могла бы быть основанием для обозначения социальности людей термином социальность, -ое, -ая, -ый»), а для обозначения социальности животных можно было бы использовать, например, термин «стадность» или иной, возможно, более точно отражающий социальность животных (в первую очередь, это сфера компетентности специалистов по поведению животных). В качестве способа преодоления обозначенного выше противоречия, в дальнейшем в данной работе будет использоваться термин «социальность, -ое, ая, -ый» по отношению только к людям.

Все изложенное выше относится к проблемному полю рассмотрения социальности в социальных науках. Проявление сути социального возможно, что следует из научного наследия П.А. Сорокина, М. Вебера и Н. Лумана. Одним из ключевых положений для определения природы и сущности социального является констатация П.А. Сорокиным, что родовая природа социального – это социальное взаимодействие [6]. Как представляется, данное сорокинское утверждение недооценивается социальны-

ми исследователями при рассмотрении тех или иных социальных аспектов.

В социологии чаще всего обращаются к веберовской интерпретации социального, точнее – к социальному действию, где социальность действия деятелей определяется конкретными признаками (целерациональность, ценностнорациональность, традиционность, аффективность) [1]. Однако после появления теории социальных систем Н. Лумана, веберовская интерпретация социального стала частным случаем определения социального. Данное утверждение порождает закономерный вопрос: в чем заключается особенность лумановской интерпретации социального, выводящая данную интерпретацию в качестве основополагающей для понимания социального? Квинтэссенция в том, как Н. Луман определял социальные системы, а именно – как систему коммуникаций [2]. Причем социальным является не отдельный фрагмент, передача какой-либо информации, а и ее интерпретация принимающей стороной (а способность интерпретировать получаемую информацию – это качество только человеческое). И это единичное коммуникативное взаимодействие является уже системой, поскольку оно есть целостностью: деятель, передатчик информации – информация, имеющая определенный смысл для передающего деятеля – действие по передаче информации – проводник-передатчик информации – деятель, принимающий информацию – прием информации – обработка информации – наделение принятой информации смыслом.

Однако, и лумановская интерпретация социального не бесспорна. Это выявляется в процессе дальнейшего анализа. Если, например, определить геном, который предопределяет, что есть социальное, каким образом оно себя проявляло, проявляет и будет проявлять, пока существуют люди, то это есть смыслы. Факт наделения смыслом передаваемого в процессе взаимодействия, определяет то, что во взаимодействии участвует как минимум один человек, так как не может быть социума без взаимодействия людей между собой. Взаимодействия между людьми в существенной своей составляющей – это коммуникации, а коммуникации между ними должны содержать передаваемую информацию, наделенную смыслом для взаимодействующих сторон

(или ситуативно – хотя бы для одной из них). Конечно, не при всех взаимодействиях в обществе передаются смыслы. Но если в сообществе при взаимодействиях вообще не передаются смыслы (а передаваемое наделяют смыслом взаимодействующие стороны или наблюдатель), то это не человеческое сообщество. Итак, смыслы – это то, что принципиально отличает человеческие сообщества от любых других. А поскольку именно смыслы определяют ключевое отличие людей от не-людей, то было бы логичным лумановское определение социальной системы сформулировать в более фундаментальной трактовке, а именно: социальная система – это целостность смыслов, обеспечивающая самотворение общества на определенном уровне и в определенной форме.

Лумановское понимание коммуникаций как природы социального (следует уточнить, что авторская трактовка социального не опровергает лумановскую, а интерпретирует ее на более фундаментальном уровне), сорокинское понимание социальных взаимодействий как родовой природы социального и веберовская трактовка социального составляют методологическую основу понимания социального, рассмотренного на различных уровнях. Схематически это может быть выражено следующим образом (сюда «встраивается» и авторская трактовка социального): смыслы – социальные действия – социальные коммуникации – социальные взаимодействия – общество как социальная система.

Если данную схему упростить (не доводя упрощения до его предела – социального генома), то схема будет выглядеть следующим образом: смыслы – социальные взаимодействия – общество.

В заключение необходимо уточнить важный методологический аспект социального, а именно: существует проблема «чистоты» того содержания, которое отражает категория «социальное». Пожалуй, катализатором, актуализировавшим данную проблему, стало определение Н. Луманом социальных систем как систем коммуникаций, где деятели являются внешней средой для системы коммуникаций, т.е. для социальных систем. Тогда то, что традиционно в социальных науках принимается за

социальное, исходя из лумановской трактовки социального, является био-, психо-, техно-, социальным, т.е. субстанционально является гетерогенным феноменом (а называется – социальным). Но, если исходить из стремления к «чистоте» категории «социальное», отражающей феномен «социальное», тогда идеально «чистыми» в социуме являются только смыслы. А поскольку коммуникации – это не только смыслы, а процесс взаимодействия по передаче, приему и идентификации полученной информации относительно содержащихся в ней смыслов, то коммуникация не есть «чистое» социальное явление. Фактом является то, что информация как феномен социального сама по себе не существует, а только в живом «теле» общества и окружающей среде, с помощью общества и среды и для общества (это определяется веберовской трактовкой социального). Поэтому лумановское понимание социального не является идеально «чистым» социальным, хотя он как раз считал, что в его трактовке социальное является идеально «чистым», без примеси не- социального.

Таким образом, достигнутый уровень исследования показывает, что было бы методологически желаемым определить научное понимание социального, выделив три уровня:

- социальное I – это смыслы («чистое» социальное);
- социальное II – это система коммуникаций (лумановское понимание социального);
- социальное III – традиционное понимание социального.

Данный подход обеспечивает методологическую базу для теоретических и прикладных социологических исследований. В частности, могут быть разработаны комплексные методики при проведении социальных исследований в сфере взаимодействий.

Литература

1. Вебер Макс. Избранные произведения // Под ред. д.ф.н. Ю.Давыдова. М., 1990.
2. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994.

3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова.- М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006.- С. 752.
4. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект. 2002.
5. Смелзер Н.Д. Социология. // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 126-127.
6. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992..
7. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 190-205.

Роковые ошибки в переводе и трактовке основной философской фразы К.Маркса

Классен Э.Г.

*Филиал Уфимского государственного нефтяного
технического университета в г. Октябрьском, Россия,
Knessel@rambler.ru*

Основной философской фразой я называю известное противопоставление Марксом понимания своего метода и идеального гегелевскому. В этой фразе при переводе ее на русский язык невольно, а возможно и по идеологическому заказу, были допущены ошибки. Они привели к искажению фундаментальных воззрений Маркса и к отождествлению их с учением Ленина-Сталина. Неверный перевод уже почти сто лет держит русскоязычную философию в плену предвзятых представлений о диалектике материального и идеального, вещественного и духовного. Задача данной статьи – исправить перевод нескольких слов и восстановить истинный смысл всей фразы.

Предвижу возмущения: «Что это еще за «основная философская фраза»? Основную задачу философии, по Шеллингу, помним. Основной вопрос философии, по Энгельсу, тоже помним. Теперь еще основная фраза по Марксу?» Вопреки подобной, вполне вероятной, реакции на заявленную тему статьи, настаиваю

ваю именно на ней. Я имею в виду строки Маркса из «Послесловия ко второму издания» «Капитала», которые начинаются со слов: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью». [11.17.]. Разумеется, все интересующиеся философией помнят приведенное предложение и следующие за ним пять строк. Последнее предложение этих строк я и называю «основной философской фразой». На вопрос: «Почему?» отвечу так. Во-первых, Маркс здесь противопоставляет свой метод методу Гегеля, а метод – это и есть основное в любой философии. Во-вторых, Маркс, чтобы отметить суть своего метода, противопоставляет свое понимание идеального гегелевскому пониманию. А трактовка идеального имеет выходы ко всем онтологическим и гносеологическим проблемам и является для философии едва ли не более важным, чем трактовка материального. И, наконец, в-третьих, уже не менее семидесяти лет в русскоязычной философии идут дискуссии по проблеме идеального. Практически все диспутанты, а их сотни, даже Сталин в своем очерке «О диалектическом и историческом материализме», [14. 8-9.]. ссылались на отмеченные слова Маркса как на неоспоримый авторитет, подтверждающий правоту их собственных позиций. Так почему бы мне не назвать фразу Маркса «основной»? Очень даже она основная и по своему содержанию, и по той роли, которую по сегодняшний день играет в отечественной философии.

Философские воззрения Маркса необоснованно сведены к положениям диалектического материализма. Я много лет занимаюсь проблемой идеального, знаком с литературой и, надеюсь, имею основание сказать, что практически во всех публикациях по обсуждаемому вопросу отсутствует необходимый исторический подход. К Марксу подходят как к нашему современнику, знакомому с данной Энгельсом формулировкой основного вопроса философии и делением мыслителей на материалистов и идеалистов, знающему ленинскую теорию отражения, солидарному со всеми положениями диалектического материализма. К примеру, у Д.И. Дубровского – человека, многие годы отстаивающего позицию «идеальное – субъективная реальность», в 1983-м году выведено: «Понимание идеального (духовного) как

человеческой субъективной реальности, т. е. реальности наших мыслей, чувственных образов, внутренних побуждений и т. п. последовательно проводилось К. Марксом и Ф. Энгельсом. В противоположность Гегелю К. Маркс указывал, что идеальное есть не более, чем явление человеческого сознания, отражения материального в голове человека: «...идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову...». Для классиков марксизма идеальное не существует вне человеческой головы». [6. 18 – 19.] В другой, уже современных наших дней, работе Дубровский сетует на мучительность и непродуктивность философских дискуссий. «Твой оппонент пребывает в другом «измерении», он тебя не слышит, его символы веры нечувствительны к логическим контраргументам и противоречащим фактам, они легко вытесняются или реинтерпретируются в нужном ключе, и дело обычно доходит до лобового или завуалированного указания на социальную, моральную, профессиональную (а в былые времена – на идеологическую!) неполноценность оппонента. Такие финальные аккорды дискуссий были весьма характерны в советскую эпоху, и я в полной мере испытал на себе их действенность в ходе обсуждения проблемы идеального» [7.].

Я помню Давида Израилевича именно с 1983-о года, когда слушал в МГУ его спецкурс по проблеме идеального, и понимаю его сетования. Но как принять его изложения взглядов Маркса, когда видишь в них столько неверного? Ведь Маркс не использует для характеристики идеального понятие «отражение», а Дубровский уверяет нас, что для Маркса «идеальное есть отражение материального в голове человека». Не использует Маркс и выражение «пересаженное в человеческую голову», а Дубровский в многочисленных своих работах старается показать именно это «пересаженное». И идеалистами Маркс называет совсем не тех мыслителей, которых Дубровский так аттестует. Откуда же у уважаемого автора набор представлений, который он бескомпромиссно отстаивает? Ответ только один: из идейного арсенала ленинизма-сталинизма. Только в годы становления и господства авторитарного режима в СССР от философов требовались многократные заверения в последовательной

верности материализму той упрощенной формы, которую придал ему Энгельс.

Приведу несколько фраз из работы Н.И. Бухарина 1933-го года. «Маркс исходил из предпосылки объективной реальности независимого от субъекта внешнего мира. ... Маркс был противником объективного идеализма и философии тождества, поставив на ноги философскую концепцию Гегеля: Маркс, следовательно, был материалистом. Но его материализм в своих исходных пунктах резко отличался и от механического материализма великих *просветителей*, от «вульгарного материализма» Бюхнера – Молешотта и от антропологического учения Людвига Фейербаха». [2. 341-342]. Спрашивается, кому в научной статье адресован такой «ликбез»? Не рабочим: они сочинения «ценнейшего и крупнейшего теоретика партии» вряд ли читали. И не интеллектуалам типа Деборина да Тимирязева: они и без Бухарина знали, что Маркс – материалист. Повторяющиеся заверения об истинности материализма Маркса, которые авторы сопровождали соответствующим набором цитат из Ленина и Сталина - это своеобразные обереги против чиновников от философии, ведших борьбу на «два фронта» - против механицизма и «меньшевистствующего идеализма». Именно тогда, в начале 30-х годов прошлого века, утвердился стандарт трактовки материализма, в равной мере якобы присущий Марксу – Сталину, как мировоззрения, признающего существования вещей «... независимо от нашего сознания» [9. 102]. Этот стандарт не претендовал ни на развитие марксизма, ни на верное понимание Маркса. И то, и другое уже содержалось в учении Ленина-Сталина. Его целью было - создание «идеологической пайки для пролетариата». Одной из идеологем этой пайки было признание полного совпадения взглядов классиков марксизма.

А ведь Маркс не знал определения основного вопроса философии по Энгельсу и, соответственно, не делил, подобно своему другу, философские системы на материалистические и идеалистические. Это не значит, что Маркс не различал философские направления. Различал, но вкладывал в них существенно иной, нежели Энгельс, смысл. В годы авторитарной философии не было возможности упоминать какие-то различия во взглядах

Маркса и Энгельса, Маркса и Ленина. Не было возможности видеть связь Маркса с немецкими идеалистами. Философский стандарт требовал отмечать между Марксом и Гегелем только противоположности, между Марксом и Энгельсом – только единство. Люди настолько привыкли к полному единству «тройки» - Маркс-Энгельс-Ленин – что уже не придавали значению, кто кому подобен. У авторитетного автора читаем: «К. Маркс ... как и В.И. Ленин, указывал ...».

[6. 19]. Видите как, не Ленин, как Маркс, а Маркс, как Ленин. Это не единственный случай, а норма. У другого, не менее авторитетного автора, читаем: не «транспортную» функцию «К.Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин называли подлинной основой познания». [13. 55]. Философский стандарт эпохи авторитаризма сохранялся и оберегался и после Сталина. Преследования Ильенкова Э.В. начались не потому, что он пересмотрел концепцию идеального, а потому что он понял необходимость восстановления истинной философии Маркса.

Философские воззрения классиков немецкой философии упрощены и искажены. Не только «Капитал» Маркса без «Науки логики» Гегеля нельзя понять, но и философские взгляды основоположника марксизма не постичь без обращения к классической немецкой философии. Как упрощали Маркса до уровня «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина, так классиков немецкой философии упрощали до уровня основного вопроса в интерпретации Энгельса. С основного вопроса в постановке его Шеллингом и начну. Вот что он писал: «В самом знании – *поскольку* я его знаю – объективное и субъективное соединены таким образом, что невозможно определить, кому из них принадлежит приоритет. Здесь нет ни первого, ни второго, оба одновременны и едины. Когда я *хочу объяснить* это тождество, оно уже должно быть *снято* мною. Для того, чтобы объяснить его, я должен – так как, кроме этих факторов знания, мне (в качестве принципа объяснения) ничего не дано – необходимым образом предпослать одно другому, *исходить* из одного, чтобы от него прийти к другому; из *какого* из них я буду исходить, нашей задачей не определено». Шеллинг видит только две возможности. «А. *Либо мы примем в качестве первичного объек-*

тивное и спрашиваем: как к нему присоединяется субъективное, которое с ним совпадает? ... Б. Либо в качестве первоначально берется субъективное, и тогда задача заключается в том, чтобы объяснить, как к нему присоединяется объективное, которое с ним совпадает. Если всякое знание основано на их совпадении, то задача, состоящая в том, чтобы объяснить это совпадение, несомненно, является наиважнейшей для всякого знания, а поскольку философия является, по общему признанию, наивысшей и главной наукой, то, несомненно, и *основной задачей философии ...* Считать первичным объективное и выводить из него субъективное является ... задачей *натурфилософии.* Следовательно, если *трансцендентальная философия* существует, ей остается только идти в противоположном направлении – *исходить из субъективного в качестве первичного и абсолютно и выводить из него объективное.* Таким образом, натурфилософия и трансцендентальная философия разделили между собой два возможных направления философии, и если *всякая философия* должна выводить *либо* интеллигенцию из природы, *либо* природу из интеллигенции, то трансцендентальная философия, перед которой стоит эта последняя задача, является *другой необходимой основной наукой философии*. [15. 234 – 235.]

На такую обширную выписку из Шеллинга следовало решиться, чтобы настоятельно показать, что по убеждению этого классика немецкой философии, в известном нам мире объективное и субъективное одновременны и едины. Здесь нет ни первичного, ни вторичного. Только для построения философской системы приходится начинать с одного: или с природы, или с интеллигенции. Начинать с природы соблазнительно, ибо можно опереться на обыденное сознание и выстроить более простую систему. Но и опасно, ибо природа в качестве активного начала, обуславливающего развитие, невыразительна. Систему потом приходится достраивать идеей отражения и заверениями в активности сознания. Шеллинг поэтому бытие природы просто оговаривает, а систему возводит, начиная с интеллигентности. Ход его мысли таков. 1. За пределами знания допускается пребывание природы, существующей «сама по себе». 2. Доказа-

тельство бытия такой природы в число задач философии не входит. 3. В известном мире природа и арсенал познания (интеллигентность) образуют, благодаря активности субъекта, сложные отношения. 4. Изучение этих отношений является основной задачей трансцендентального (признающего бытие интеллигентности над личностями) идеализма. 5. Эти отношения целесообразно исследовать, начиная с интеллигентности. Шеллинг – идеалист не потому, что отрицает объективное бытие природы, и не потому, что признает онтологическую первичность сознания, а потому, что отношение между природой и мышлением начинается с поднявшейся над человечеством интеллигентности. Данный ход мысли «ортодоксальные марксисты» всегда игнорировали. Это позволяло им воззрения Шеллинга, который в России до марксизма был популярней самого Гегеля, упростить, а отношения Маркса к нему видеть только в негативе.

С утверждением в СССР марксистского мировоззрения Шеллинг был почти забыт. Маркса принято стало сопоставлять с Гегелем тоже исключительно в негативном плане: Маркс во всем прав – Гегель во всем неправ. Даже когда Гегель прав как диалектик, то он неправ по сути его диалектики. Чтобы как-то исправить это предвзятое отношение к Гегелю, приведу несколько строк из его произведения и прокомментирую их. В «Феноменологии духа» Гегель писал так: «Для нас дух имеет своей предпосылкой природу. ...духу предшествует не только логическая идея, но так же и внешняя природа. Действительный дух, который единственно только в науке о духе составляет наш предмет, имеет внешнюю природу своей ближайшей предпосылкой». [4. 3. 15]. Эту фразу Гегеля следует основательно запомнить. Ибо не только ортодоксальным марксистам, но и людям обывденного сознания вмещено, что по Гегелю дух является творцом действительности, включающей в себя и природу. Между тем у великого диалектика все не так. У него, если природа не признается предпосылкой мышления, то никакое мышление вообще невозможно. Но природа вне мышления философа не интересует и не должна интересовать. Это естествознание, подобно обывденному сознанию, берет природу как некую «самость» и получает в итоге познания искаженную абстракциями

реальность. За естественнонаучной картиной мира тянулся и тянется сейчас философский материализм, создававшийся Энгельсом и Лениным. Подобный материализм близок старой натурфилософии и обыденному сознанию, но чужд Гегелю и Марксу. Гегель отмечает, что обыденное сознание знает лишь предмет, но не видит в самом предмете себя, т.е. самого знания. Между тем, целостное знание – это не только предмет, который знают, но и Я, которое знает, а также взаимоотношения между знающим субъектом и предметом. В отличие от обыденного сознания философия относит знания, как к вещам, так и к знающим субъектам. Или иначе. Философия рассматривает знания и как объективные и как субъективные. Или еще иначе. Философия рассматривает знания как отношения объекта и субъекта друг к другу. Подтвержу эту мысль цитатой из «Философской пропедевтики» Гегеля. «Поскольку в знании находятся вещи и их определения, то, с одной стороны, возможно представление, что они существуют вне сознания сами по себе и даются сознанию просто как нечто чуждое и готовое. С другой же стороны, поскольку для знания настолько же существенно и сознание, становится возможным также и представление, что сознание само создает себе этот свой мир и само своими действиями и своей деятельностью целиком либо отчасти производит или модифицирует определения этого мира. Первый способ представления называется *реализмом*, второй – *идеализмом*.» [3. 79-80]. Заметим еще раз, что у Гегеля, как и у Шеллинга, идеализм связывается не с признанием онтологической первичности сознания, а с методом построения философской системы, который, признавая в действительном (только в действительном, не в бытии как таковом) одновременность бытия природы и сознания, предпочитает изложение системы начинать с сознания. Почему? Да потому, что именно оно рассматривалось как активное начало. Положив его в основу системы (только системы, не мироздания), легче было выстроить учение с критическими, революционными и творческими функциями.

Из сказанного не следует, что классики немецкой философии не замечали активности природы. Замечали, но и видели ее границы. Само определение природы является ее границей, ее

определенностью. Если природу не противопоставить сознанию, то она уничтожит сознание, во всяком случае, в форме самосознания. Поэтому в немецкой классике природа – это нечто постоянно порождаемое и беспредельно страдающее. Она мучается и злобствует в бессильных попытках осознать свою ограниченность и в безрезультатных попытках положить себя в качестве иного. Природа, не обладающая самосознанием, не обладающая активностью в форме полагания, не могла быть в XIX-м веке началом построения философской системы. [4.24- 25].

Немецкая классическая философия о полагании как формы активности сознания. Термин «полагание» широко применялся в немецкой философии для выражения активности сознания. Им пользовались мыслители от Канта до Маркса включительно. С появлением в XX – м веке в работах В.И. Ленина концепции отражения сущность сознания стали рассматривать в ее аспекте. В 30 – ых годах прошлого века, когда в СССР настойчиво разрабатывалась тема «Ленинский этап в развитии философии», категория «полагание» как слишком идеалистическая и гегельянская, вытеснялась и заменялась материалистической категорией «отражение». Это превращало Ленина, а вместе с ним и Сталина, в основного творца материалистической гносеологии. Тот факт, что идея отражения несет на себе печать механицизма, что она не выражает феномен активности сознания, маскировался голословным провозглашением активности отражения, да фальсификацией смысла ленинских выражений. Приведу пример. В «Философских тетрадах» Ленин написал абзац из «Науки Логики». Абзац, как это часто встречается в работах Гегеля, непрост даже для понимания его Лениным. И тот, суммируя свое понимание гегелевских строк, писал: «Иначе: Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [10. 194]. Это мысль явно принадлежит Гегелю. Ленин и не претендовал на нее. Но многочисленные авторы различных годов приписывали ее Ленину. [16. 336]. Получался подлог, который должен был маскировать механистическую суть концепции отражения. Так, наряду с другими приемами, создавался простор для возвеличения Ленина в качестве философа.

Разверну некоторые моменты процесса полагания. Для начала отмечу, что классики немецкой философии, как затем и Маркс, писали о человеке сознательном. Вопросы о том, как и откуда человек берет сознание, они оставляли решать естествознанию. Как существо сознательное и свободное, человек открыт для связи с реальностью. Его сознание обращено к себе, то есть существует как самосознание, и обращено во вне на предметную действительность. Самосознание позволяет человеку свободно обращаться с содержанием ума и соотносить его образы и понятия с иным. Такие соотношения являются необходимым этапом полагания. Осуществляя его, человек может (1) искать и находить основания для отождествления предметов, (2) искать и находить основания для противопоставления предметов, а также (3) просто представления и понятия сознания уподоблять предметам. В первых двух случаях сознание ищет объективное основание для отождествления или противопоставления предметов, в третьем случае таким основанием являются цели и намерения самого сознания. На основании определенных физических свойств некий предмет может быть отнесен к классу камней, а может и быть противопоставлен ему. По своему усмотрению сознание может отнести человека к массе потребителей, а любой предмет, как это и делает человек в сочинениях Маркса, - к массе товаров. Во всех случаях имеют место действия, образующие полагание. Оно, следовательно, складывается из ряда связанных с сознанием действий: направления сознания во вне индивида, соотнесения образа сознания с предметом действительности и уподобления представления сознания внешнему предмету. Результат полагания никак не связан с какими-то материальными его преобразованиями или пространственно – временными перемещениями. Результат полагания сводится к тому, что материальный предмет, одиноко, разобщено и единично пребывающий в природной среде, мысленно ставится в различные отношения: (1) с другими единичными предметами, (2) со всеобщим, (3) с мыслью. Гегель тратит массу красноречия, чтобы показать, как вторжение мысли в природу преобразует ее. [4. 31.] Здесь-то и возникает проблема активности сознания.

Активность сознания сказывается, прежде всего, на предмете сознания. Из тьмы бытия вне другого он переносится в сферу отношений с иным. Его страдания и злоба, обусловленные неосознанным и нереализуемым стремлением к всеобщему, снимаются. В системе отношения с иным он сам становится иным. Оставаясь в своем материальном качестве, он обнаруживает черты общего и становится конкретно общим. Этим предмет утрачивает прежнее «темное» бытие и превращается в частицу осознанного бытия. Он становится понятием, приобретает бытие для человека и его мысли. Солнце по отношению к Земле – приводит пример Гегель – является отдельным индивидом, но разум превращает эти объекты в массы и связывает их законом всемирного тяготения. «Положительным в природе является просвечивание в ней понятия. Ближайшим способом, которым понятие обнаруживает свою мощь, является брэнность этой внешности, и точно так же все создания природы представляют собой *единое* тело, которое служит обиталищем души. Понятие проявляет себя в этих гигантских членах, но проявляет не в качестве самого себя; лишь в духе понятие существует так, как оно есть» [4. 33.]

Обыденное сознание, поскольку оно не отличает себя от знакомого мира, не осознает и совершаемого сознанием творческого преобразования действительности. Для него , что заросший мхом забвения камень, что камень, отмечающий границу державы – все только камень. Не то для философии. Она сделала результаты взаимодействия сознания с внешней предметностью предметом своего исследования. Для нее любое материальное образование является основанием бытия всеобщего, и любой камень для нее является «философским».

Завершив операцию полагания, сознание, обновленным и обогащенным, рефлексивно возвращается к субъекту. Оно возвращается, погрузив предмет мысли в новые отношения: с одной стороны в отношения с общим, с другой – в отношения с самим сознанием. Такие отношения формируются и пребывают на самом объекте мысли и выражаются идейно. Идея – это не план и не цель субъекта, это отношения, в которые объект человеком положен. Идея возникает не в голове индивида, а в систе-

ме отношений предметов действительности между собой и человечеством. Сознание фиксирует отношения, формулирует их и идейно выражает. В результате полагания в человеческую голову переносятся не материальные предметы, а выражающие их отношения идеи.

Три ошибки в переводе одной фразы Маркса. Приведу эту фразу, как она с 20-х годов прошлого века дается во всех изданиях «Капитала» на русском языке. «У меня ... идеальное есть не что другое, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [11. 17.] Предположительно эта фраза принадлежит переводчикам И. Степанову, А. Богданову, В. Базарову. Их перевод трех томов «Капитала» был одобрен Лениным, а приведенная фраза цитировалась Сталиным в работе «О диалектическом и историческом материализме». До настоящего времени она присутствует во всех изданиях основной книги Маркса и продолжает своим содержанием определять философское мировоззрение россиян. Я, однако, вижу в ней (не в немецкой фразе Маркса, а в ее русском переводе) роковые ошибки, породившие в нашей философии неразрешимые проблемы. Так что же за ошибки?

Начну со слов «в человеческую голову». У Маркса это слова: «... im Menschenkopf». В немецком языке на вопрос «куда что-то или кто-то направляется?» указывает предлог «in», а на вопрос «где происходит событие?» указывает предлог «im». У Маркса стоит предлог «im» и переводить, следовательно, надо «в человеческой голове», а не «в человеческую голову», как это дается во всех русскоязычных изданиях «Капитала». Эта, казалось бы, ничтожная ошибка привела к тому, что сотни философов и психологов на протяжении десятилетий бились над проблемой и бились друг с другом не будучи в состоянии объяснить как материальное «транспортируется» (выражение Д.В. Пивоварова) в человеческую голову. Как бы ни понималось это материальное – как информационный код (Д.И. Дубровский) или как форма деятельности (Э.В. Ильенков) или как репрезентант (Д.В. Пивоваров) – результат всегда один и тот же: решение проблемы перехода материального объекта в идеальное содержание человеческой головы не продвигается. Еще в 1966-ом

году П.А. Анохин с болью об этом писал: «Мне хотелось бы, прежде всего, затронуть вопрос об идеальности сознания, идеальности мышления. Физиологи мозга стоят перед очень трудной задачей, когда приходится объяснять это положение студентам, которых мы на протяжении всего курса приучаем к диалектико-материалистическому д е р м и н и с т и ч с к о м у мышлению. Я объясняю студентам: нервное возбуждение формируется и регулируется вот так, оно в такой форме в нерве, оно является таким-то в клетке. Шаг за шагом, с точностью до одного иона, я говорю им об интеграции, о сложных системах возбуждения, о построении поведения, о формировании цели к действиям и т.д., а потом обрываю и говорю: сознание идеальный фактор. Сам я разделяю это положение, но я должен как-то показать, как же причинно сознание рождается на основе объясненных мною причинно-следственных отношений? Нам это сделать очень трудно без понимания принципа объяснений». [1. 268 – 269.]

Перейду к другому ошибочно переведенному слову из фразы Маркса. Это слово «umgesetzte». Именно оно придает основной смысл фразе. Можно подумать, что переводчики ошибочно приняли его как причастие (Partizip II) от глагола «setzen» - сажать. По правилам немецкого языка Partizip II основного глагола со стоящим под ударением приставкой (в разбираемом случае это приставка – «um») образуется с помощью частицы «ge». Переводчики имели, таким образом, грамматическое основание перевести слово «umgesetzte» как «пересаженное». Но явилось ли данное основание и причиной именно такого перевода? Такая постановка вопроса вызывает большие сомнения. 1. Слово «gesetzt» , бесспорно, относится к гегелевским категориям. «Наука логики» переводилась на русский язык с 1916 года несколько раз. Современные издания базируются на переводе В.К. Брушлинского 1939. Термин «Gesetzsein» везде переводится как «положенность». [5.332.] 2. В «Философских тетрадах» в выписках из Гегеля Ленин использует немецкое «Gesetzte», которое редактор в 1963 году правильно переводит как «положенное». [10. 105 .] 3. Можно допустить, что изначально переводчики действительно не сумели отличить слово «gesetzte» от морфемы

другого слова, произведенного от существительного «das Gesetz». Но за многие годы возникали бесчисленные возможности для исправления ошибки, и никто ими не воспользовался. Это убеждает, что перевод «umgesetzt» как «пересаженное» - это не столько грамматическая неудача, сколько грубое искажение мысли Маркса. Разумеется, под благовидным предлогом: освободить Маркса от гегелевского влияния, от его «мистифицированной» терминологии и приблизить создателя материалистической диалектики к диалектическому материализму, к ленинской теории отражения. Расчет был сделан настолько точно, что философы буквально зациклились на этом мифическом «пересаженном в человеческую голову», и не могут, до настоящего времени не могут, ни понять его, ни отказаться от него.

И есть третья ошибка, связанная с понятием «ubersezte», переведенное. Это понятие в русских текстах не переводят, а заменяют словом «преобразованное». Так оно звучит для философски ограниченного ума более понятно и более материалистично; а мысль Маркса искажается более основательно. Усиливается впечатление, что по Марксу, вопреки Гегелю, материальное «пересаживается (переводится) в индивидуальную голову и здесь перерабатывается и преобразовывается». Переводить термин «ubersezte» следует именно как переведенное. Но понимать его надо не в филологическом смысле, как перевод с одного языка на другой, а как перевод материального из одной системы отношений в другую – гносеологическую или социальную. Когда мы видим существо о четырех лапах и с грозным рыком (пример из Гегеля) мы, пользуясь внешней направленностью своего сознания, абстрагируемся от величественного впечатления и называем это существо «львом». Лев как таковой, то есть без лап, без гривы и рыка, в природе не существует. Мы создали силой своего сознания фантом, которого в природе нет, но зато он теперь есть по отношению к нашей мысли, по отношению к другим львам, другим хищникам, другим животным. Лев, как был в саване с лапами и гривой, так и остался. Но сущность льва, не совпадающая с его существованием, мы ментально перенесли в систему познавательных отношений, где он идеально, но основательно и вполне объективно существует, по той про-

стой причине, что все разумные существа это признают. Аналогично поступает и Маркс с тем только отличием, что он, будучи экономистом, переводит материальные вещи из сферы натурального хозяйства в сферу рыночных отношений. В связи с этим вещи на прилавках никак не преобразуются. Только в «человеческой голове» они преобразуются, становятся товаром, приобретают стоимость и цену. Все это идеально, но вполне объективно по той простой причине, что все готовы заплатить.

Как же нам после приведенных рассуждений читать знаменитую фразу Маркса? Я предлагаю так: «У меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как в человеческой голове переположенное и переведенное материальное». Такое прочтение позволит создать полноценную концепцию идеального, которая повлечет за собой переосмысление ряда онтологических и гносеологических проблем.

Некоторые черты нового воззрения на мир. Получив более точный перевод основной философской фразы Маркса, мы освобождаемся от грубых механистических представлений о существующем вне нас материальном мире, каким-то непонятным образом проникающем в голову человека и создающем здесь образы и понятия сознания. Это не значит, что философия отвергает или сомневается в бытии материального за пределами сознания. Такое бытие в сфере предположения, бесспорно, признается. Но в сфере известного, действительного, мира материальное и сознание находятся в отношениях взаимного полагания, когда противоположные, по видимости, стороны друг друга требуют. Здесь нет ни первичного, ни вторичного; здесь, просто, одно не существует без другого. Поэтому Маркса мало занимает проблема возникновения сознания в голове человека. Для убедительности приведу несколько строк из «Капитала». Они интересны именно тем, что раскрывают замучивших наших философов и физиологов процесс превращения материального в идеальное. «Чтобы свои продукты друг с другом в качестве товаров соотнести, люди вынуждены свои различные работы абстрактно равноположить. Они этого не знают, но они это делают, тем, что материальную вещь в абстрактную стоимость редуцируют. Это естественная и потому неосознанная инстинктив-

ная операция их мозгов. Она с необходимостью вырастает из своеобразия их материальных продуктов и отношений, в которые они эти продукты располагают. Способ, каким отношение в их мозг себя (здесь у Маркса стоит предлог «in», значит «в мозг») рефлектирует, определяется природой самих отношений. Позже люди попытаются научно выяснить тайну своих общественных продуктов, ибо определение вещи в качестве стоимости – это их продукт в той же мере, что и язык». [17. 46.]

Маркс неоднократно отмечал, что в своих рассуждениях он имеет в виду «действительного» человека определенной эпохи. Такой человек пребывает и действует в ситуации, названной Марксом «общественно-исторической практикой», буквально насыщенной сознанием. Здесь и живое сознание индивидов и масс, здесь овеществленное в предметах быта, производства и потребления актуальное и традиционное сознание, здесь отношения людей и вещей, выражающие свои содержания и сущности, подобно людям, в форме идей. Сознание подробно развернутое в ощущениях и впечатлениях, редуцированное и абстрагированное в понятиях и идеях, овеществленное и распределенное, отчужденное и рефлексивное – во всех своих формах и видах сознание плотно держит индивида в своих объятиях. Человеку, дабы сохранить свое самосознание (а без него и сознания нет) приходится активно противостоять бушующему миру сознания. Материальный мир противостоит человеку не в своей непосредственности, а в плотной упаковке живого, овеществленного и отчужденного сознания. Такова онтология действительности. Индивиду, располагающему знанием, вооруженному логикой и методикой умственной деятельности, приходится продираться к предмету познания, отметить его именем, соотнести имеющиеся у него (индивида) представления о предмете с окутавшими его понятиями и идеями. Вся операция, включающая в себя соотнесение живого знания индивида с традиционными представлениями о предмете, установление подобия между живыми и овеществленными идеями, признание истинными тех или иных идей, составляет действие, именуемое в философии «полаганием». В результате полагания предмет или заново

утверждается в старом качестве, или возводится в действительности в новом качестве. Такова гносеология действительности.

И последнее. В процессе полагания диалектический ум так обрабатывает понятия, обозначающие предметы действительности, что превращает их в абстракции и ставит в иные отношения. Знаменитый в истории философии спор об универсалиях был бесплоден, пока держался на противопоставлении общего отдельному. При таком подходе общие понятия – это действительно только пустые слова. Но диалектика ставит отдельное в отношение с общим и в результате отдельное во взаимодействии с общим приобретает свою сущность, а общее – свое действительное содержание. Так понятие «материя» вне отношения с материальными предметами является пустым ноуменом, а будучи положенным в массу предметностей, становится основным содержанием Универсума. Все понятия материалистической диалектики (не диалектического материализма) таковы. Ибо разумом они из натурфилософской системы представлений переположены (т.е. заново осмыслены) и переведены в систему всеобщих отношений. В этой сфере отношений все понятия и все законы имеют не только материальное, но и идеальное содержание; и здесь сознание не только объясняет мир, но и изменяет, творит, его. Творит не тем, что созидает вещество, а тем, что природные и социальные объекты мысленно перепологает и переводит в иную систему отношений. Такова диалектика развития природы и сознания. Хочу надеяться, что при следующем издании «Капитала» определение идеального будет дано в соответствии с тем, что действительно писал Маркс.

Литература

1. Анохин П.А. За творческое сотрудничество философов с физиологами // Ленинская теория отражения и современная наука. М., 1966, С. 268-269.
2. Бухарин Н.И. Учение Маркса и его историческое значение// Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.
3. Гегель Г. В. Ф. Философская пропедевтика // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет в двух томах. М., 1971. Т. 2. С. 79-80

4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. М., 1975. Т. 2.
5. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. М., 1971. Т. Дубровский Д.И. Проблема идеального. М., 1983.
7. Дубровский Д.И. Еще раз о проблеме идеального (в связи книгой К. Любутина и Д. Пивоварова» Синтетическая теория идеального» Екатеринбург – Псков, 2000) www.povainfo.ru/problema
8. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1974.
9. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1963. Т. 18.
Ленин В.И. Философские тетради// Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1963. Т. 29.
11. Маркс К. Капитал// Маркс К., Энгельс Ф. Избр. Соч. в 9 т. М., 1987. Т. 7.
12. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. // Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М., 1977.
13. Пивоваров Д.В. Проблема носителя идеального образа. Свердловск, 1986.
14. Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме. М., 1950.
15. Шеллинг Система трансцендентального идеализма.// Шеллинг Ф. Соч. в 2 т. М., 1989. Т. 1.
16. Фролов И.Т. Философский словарь. М., 1980.
17. Marx Karl. Das Kapital// Marx Karl, Engels Friedrich. Gesamtausgabe (MEGA) Berlin, 1983.

СМИ и образ человека публичной профессии

Споденейко Е.В., Черепанова Е.В., Лаврентьева И.В.

МБОУ «СОШ 20», г. Норильск, Россия, elalti-spd@yandex.ru

"Информация может быть благом, но она может быть и вредоносна", – фраза, сказанная на одном из выступлений Д.М. Медведевым, заставила нас задуматься о многом. Средства массовой информации... Как часто сталкиваемся с ними? Какую

роль играют они в современном обществе? Так ли уж важно, какую информацию мы получаем? Вопросов много. А каковы ответы?

Не вызывает сомнения тот факт, что сегодня значение СМИ в жизни современного общества трудно недооценить. Довольно обыденным и привычным для нас стал просмотр полюбившихся программ или сериалов по телеканалу, общение с далёкими друзьями или поиск необходимой информации через Интернет, а по пути на работу или учёбу, захватив журнал или газету, мы окунаемся в мир последних новостей. И представить себе собственного существования без них уже сложно.

Так в современном мире СМИ взяли на себя значительную часть функций по формированию сознания людей, воспитанию вкусов, взглядов, привычек и интересов, воздействие которых на человека начинается в раннем возрасте и продолжается всю жизнь.

Именно поэтому информация, поступающая сегодня по различным каналам, способна значительно изменить жизнь как отдельного человека, так и целого общества.

Чем стали средства массовой коммуникации для нынешних подростков – добрым или злым, развивающим или подавляющим началом? Какую роль играют СМИ при формировании у подростков образа человека публичных профессий? Это те вопросы, которые будут актуальны ещё долгое время.

Цель работы: определить роль влияния средств массовой информации на формирование у школьников образа человека публичных профессий с помощью методов психологического исследования.

Задачи: изучение имеющуюся литературу по данному вопросу; определить возрастные группы учащихся для проведения исследования; выявить, из каких источников и по каким каналам подростки получают информацию; составить опросник; провести социологический опрос; проанализировать полученные результаты.

Объект: средства массовой информации как один из основных источников воздействия на учащихся.

Предмет исследования: влияние средств массовой информации на формирование у школьников образа человека публичных профессий.

Методы исследования: метод аналитического чтения; метод погружения; метод исследования; метод сопоставительного анализа.

Гипотеза: если СМИ являются универсальным каналом получения информации, то они в значительной части формируют общественное мнения, а также воспитывают членов общества, прежде всего, подрастающее поколение, формируя у них стиль жизни и такое понятие как престижная и непрестижная профессия.

Практическая направленность исследования заключается в предложениях, способствующих формированию у школьников позитивного образа человека публичной профессии.

РОЛЬ МАСС – МЕДИА В ЖИЗНИ ПОДРОСТКА

С середины двадцатого века наступает эра информатизации. Общество приобщается к ежедневному информационному потоку, выполняющему не только функции информации, просвещения, рекламы и развлечения, но и играющие важную роль как в формировании, так и в развитии общественного сознания в целом.[1] В этот период обращается внимание на восприимчивость человеческой психики к внушению посредством привлечения СМИ, таким образом, информация становится одним из рычагов управления людьми, постепенно заменяющим собой грубую силу и насилие. Так постепенно средства массовой коммуникации начинают влиять на формирование ценностных ориентаций личности и, прежде всего, подрастающего поколения. Причинами этого являются – доверчивость подростков в восприятии информации, слабая сформированность критического мышления, потому что в детской психике еще не успели выработаться механизмы противостояния какой-либо информации.

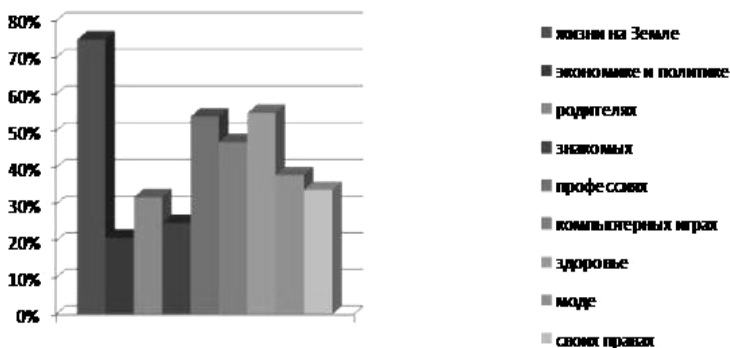
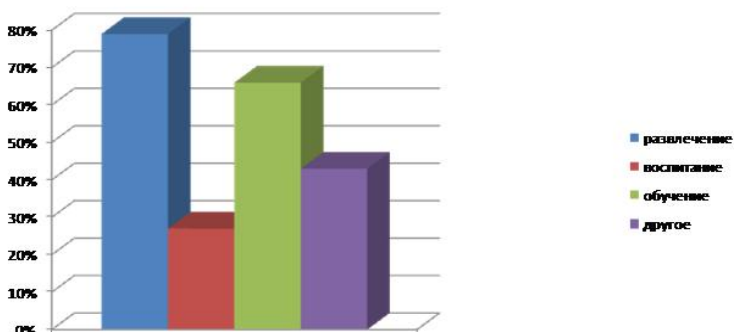
Сегодняшний ребёнок живет в таком культурном пространстве, которое большей частью направлено на развлечение: засилье поп-музыки, примитивных сериалов, юмористических программ, различных ток-шоу и рекламы. К данным неутешительным выводам пришла, обработав результаты ответов на вопрос:

«Какая информация в СМИ Вас привлекает»? А) познавательная; Б) реалити-шоу; В) новости; В) художественные фильмы; Г) документальные фильмы; Д) развлекательно-информационные программы; Е) интеллектуально-развлекательные программ.

Были получены следующие результаты: познавательная - 38%, реалити-шоу - 54%, новости - 49%, художественные фильмы - 20%, документальные фильмы - 34%, развлекательно-информационные программы - 54%, интеллектуально-развлекательные программы - 63%

И происходит подобное, на мой взгляд, по одной, но самой главной причине – коммерческой, когда телевизионные каналы, Интернет-компании, журнальные и книжные издательства, кино- и телестудии предлагают одинаковую логику рынка для всех. Культурные блага, информация рассматриваются как любой другой товар, а, следовательно, их создание и распространение должны подчиняться общим экономическим законам, главный среди которых – прибыль. Именно поэтому всё больше «заказных» статей и передач, прямой и скрытой рекламы, непроверенных материалов, где СМИ чаще всего выступают не как средство информирования, а как средство манипулирования общественным мнением, эксплуатируя при этом самые простые инстинкты человека и формируя его мировоззрение в определенном направлении.

Молодежь – это та категория общества, которая по максимуму использует СМИ и жадно черпает из них любую информацию. Именно поэтому респондентам был предложены следующие вопросы: «Охарактеризуйте главные функции средств массовой информации»? А) развлечение; Б) воспитание; В) обучение; Г) другое.

Продолжите высказывание: «Интересная информация для меня – это информация о ...» :А) жизни на Земле; Б) экономике и политике; В) родителях; Г) знакомых; Д) профессиях; Е) компьютерных играх; Ж) здоровье; З) моде; И) своих правах

И это не случайно, ведь молодые люди очень любознательны и хотят быть в курсе всех событий, происходящих не только в их городе, но и во всём мире. Именно поэтому для поиска новой информации обращаются к современным средствам коммуникаций, что было определено исследованием. Так, на вопрос: «Как часто Вы...» респонденты ответили следующим образом.

Как часто Вы

	смотрите телевизор	работаете в Интернете	читаете прессу
Часто	52%	55%	16%
Редко	30%	36%	41%
От случая к случаю	18%	9%	43%

Данные результаты лишней раз свидетельствуют о том, насколько прочно в жизнь современного подростка вошло телевидение и Интернет.

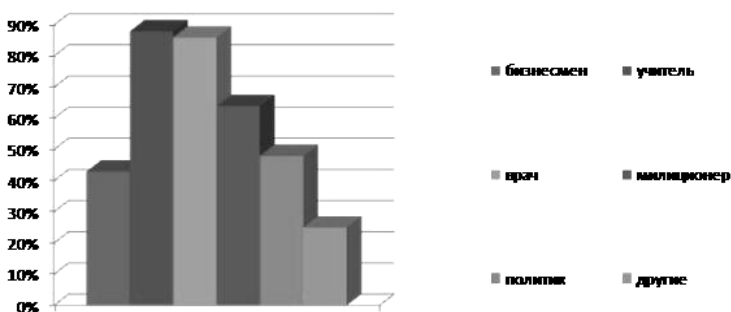
Но, с сожалением следует отметить тот факт, что предлагаемая информация чаще всего просто навязывается, и критически осмыслить её, рассмотреть с разных точек зрения ребенку бывает не только трудно, но и не под силу. Впитывая в себя всё то, что нам предлагают: и плохое и хорошее, мы доверяем тем источникам и той информации, что черпаем с экрана телевизора, интернета или газетной статьи, беря её за основу собственных поступков и нравственных ориентиров. Поэтому респондентам был предложен следующий вопрос:

Считаете ли Вы правдивой информацию, полученную из СМИ			
	да	нет	частично
7-9 лет	75 %	15%	10 %
10-12 лет	13 %	8 %	79 %
13-15 лет	46 %	0 %	54 %
16-18 лет	77 %	0 %	23%
Всего	47 %	6 %	47%

И здесь важно, насколько точно и правильно будут донесены нравственные принципы до подростка, который, строя собственную жизнь, будет брать их за образец.

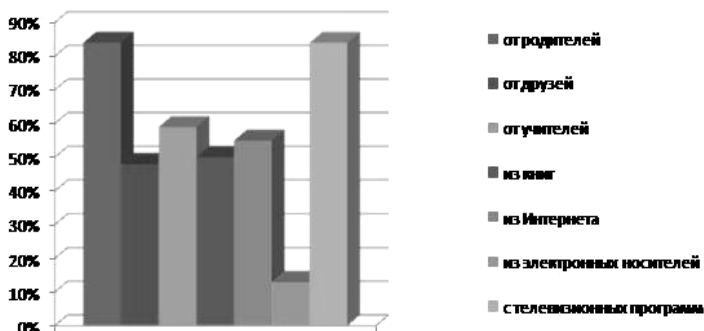
Так, выбирая будущую специальность, он станет опираться на имидж профессии, значимость которой для молодого поколения во многом определяется её престижностью. При этом главную роль, на мой взгляд, играют средства массовой коммуникации, потому что именно они обладают сегодня реальной силой убеждения.

Не случайно делаю акцент на профессиональном выборе и роли СМИ в этом. Всего два года отделяет меня и моих сверстников от того момента, когда, закончив школу, должны будем сделать свой первый и очень важный выбор – выбор будущей профессии. Во все времена существовали престижные и не престижные специальности. И мне стало интересно узнать отношение школьников к людям публичных профессий. Почему именно о них? Может, потому, что эти люди сопровождают нас на протяжении всей жизни: от рождения и до смерти. Поэтому среди вопросов, заданных школьникам был и такой: «Кого Вы можете отнести к людям публичных профессий?»: А) бизнесмен; Б) учитель; В) врач; Г) милиционер; Д) политик; Е) другие

На вопрос: «Откуда Вы получаете информацию о людях публичных профессий»:

А) от родителей; Б) от друзей; В) от учителей; Г) из книг; Д) из Интернета; Е) из электронных носителей; Ж) с телевизионных программ.

Респонденты, подтверждая значимость СМИ, ответили следующим образом:

Решив проверить верность высказывания немецкого социолога Н. Лумана: «Всё, что мы узнаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы узнаем из СМИ», предложила учащимся ответить на вопрос: «Каким чаще всего представлен в СМИ образ публичного человека?» [3]

Каким чаще всего представлен в СМИ образ				
	врача	учителя	милиционера	политика
Умный	68%	82%	38%	55%
Глупый	38%	9%	29%	25%
Добрый	50%	54%	29%	27%
Злой	19%	27%	48%	22%
Талантливый	32%	29%	21%	27%
Успешный	34%	40%	43%	46%
Неудачливый	15%	45%	62%	14%

Так, образ политика представляют двояко: как положительно, так и отрицательно. Такая же картина наблюдается и у медицинских работников. Хуже всего обстоят дела в образовании и юриспруденции, представителей которых считают неудачниками, злыми, не реализовавшими себя людьми.

Почему подобное возможно? Пытаясь найти ответ на выявленную проблему, обратилась к Интернету, где на одном из блогов наткнулась на следующие высказывания взрослых людей:

«Меня все больше беспокоит публичная "порка" учителей в эфире. Где передачи о честных, самоотверженных, инициативных ... Где наши журналисты? Где репортеры? Где режиссеры?»

«Очень много телепередач посвящено учителям и во всех них учителей "опускают" ругают по-всякому. Меня это расстраивает, т.к. итак дети не очень уважают учителя, а теперь ещё и дома обсуждают учителей по-всякому и телевидение подкакивает..... жаль.

«Сейчас на первом месте - материальные ценности, поэтому образ профессии складывается и из материального вознаграждения, которое представитель профессии получает за свою работу. Чем выше материальное вознаграждение, тем престижнее профессия. Зарплата учителя, врача, милиционера по сравнению с большинством профессий слишком низка. А тут еще и средства массовой информации создают отрицательный образ: отражают негативные ситуации, появляются различные юмористические сюжеты и сериалы, изображающие людей этих профессий либо негодьями, либо дебилами, либо взяточниками. До тех пор, пока государство не обеспечит им достойную жизнь, пока в средствах массовой информации будут поливать их грязью, в сознании людей будет существовать отрицательные образы людей перечисленных профессий.

Что до создания "положительного образа учителя в СМИ", то это не прибыльно. Как и любой позитив, за исключением "высоких достижений руководства". Но тема актуальна, точно! Неужели всё, о чём высказано на этом форуме, правдиво? Может, не всё так плохо, и наши СМИ показывают и положительные образы людей публичных профессий? Отсюда сформировались и вопросы к школьникам: Перечислите известные Вам

фильмы и сериалы об учителях или милиционерах и перечислите известные Вам ток-шоу, посвящённые людям этих профессий.

Анализируя ответы, пришла к выводу, что сегодня, к сожалению, следует отметить тот факт, что высказывания в Интернете оказались правдой, так как 81% перечисленных фильмов, сериалов и ток-шоу создают негативный образ людей публичных профессий. Продолжая исследования, предложила ученикам следующий вопрос:

«Как Вы считаете, влияют ли СМИ на Ваше отношение к людям публичных профессий?»: А) да; Б) нет; В) частично; Г) не задумывался об этом.

Полученный результат показал, что роль средств массовой информации в формировании толерантных или интолерантных установок относительно создания имиджа той или иной профессии достаточно высока. Так, 59% опрошенных утвердительно ответили на поставленный вопрос, а 17% - вообще не задумываются об этом, что является свидетельством бездумного смотрения телевизора или времяпрепровождения в Интернете.

Как показал опрос, в психике подростка формируются определённые устойчивые механизмы (паттерны поведения), образы в соответствии с которыми на ту или иную жизненную ситуацию он уже будет реагировать в соответствии с теми установками, что дают ему СМИ.

И можно, по-моему, говорить о том, что в последующем, при возникновении схожих ситуаций уже в жизни самого индивида, смотревшего подобные передачи, он будет бессознательно мыслить и совершать поступки, а также выбирать профессию в русле установок, заложенных ранее в его подсознание средствами массовой коммуникации.

В народе принято говорить: "Кто войдет в мир знания один, тот один оттуда и выйдет." Известно, что с самого рождения человек воспринимает окружающую действительность не на основе собственного опыта, которым он фактически ещё не обладает в юном возрасте, а делает это под влиянием взрослых, обладающих, на его взгляд, престижем и компетентностью.

Сегодня же роль проповедника, наставника, информатора выполняют средства массовой коммуникации, которые, с одной стороны, информируют и просвещают аудиторию, оказывая непосредственное воздействие на формирование ценностных ориентаций своих зрителей, слушателей и читателей, создавая и воспроизводя культурные мифы, характерные для данного общества.

С другой стороны, они транслируют объективную информации, но при этом, занимая несколько субъективную позицию, выражают интересы читателей.

Другой вопрос, что эти интересы могут быть диаметрально противоположными, потому что, будучи частью современной действительности, со всеми её противоречиями, конфликтами и неурядицами, СМИ в той или иной форме воспроизводят их.

В ходе исследования было определено, что сегодня средства массовой информации являются наиболее эффективным и универсальным каналом изучения и одновременно формирования общественного мнения, а также воспитания членов общества, прежде всего подрастающего поколения, формируя у них определённый стиль жизни и такое понятие как престижная и непрестижная профессия.

К сожалению, сегодня к последним молодёжь относит профессии врача, учителя и милиционера, и немалую роль в этом играют СМИ: так, в сознании юных граждан России формируются отрицательные, комические образы представителей данных профессий. Развлекательные шоу, художественные сериалы, публицистические программы настойчиво распространяют негативный, вызывающий жалость, осуждение или смех образ учителя, врача или милиционера.

Неужели это делается целенаправленно? Мне хочется верить, что это только забота о рейтингах программ и публикаций, а не преднамеренное эмоциональное воздействие на создание подобного имиджа людей данных профессий.

Плохие специалисты есть, конечно, в любой сфере человеческой деятельности. Есть плохие сапожники и плохие министры..., к счастью, не так уж часто встречаются плохой учитель, плохой врач или плохой милиционер, и не они определяют лицо профессии.

Что необходимо сделать сегодня, чтобы уважение к людям, которые нас лечат, учат и защищают, возросло? Какие меры необходимо предпринять, чтобы возрос их имидж, и молодёжь, выбирая эти профессии, с гордостью могла сказать: «Я буду врачом, учителем, милиционером?»

Хочу предложить своё видение решения этой проблемы.

Во-первых, на мой взгляд, подростки сами должны участвовать в подготовке, производстве, анализе предназначенной для них информации. Пришла к этой мысли не случайно, так как являюсь журналистом молодёжной студии «Перемена», существующей при содействии коммерческого канала «Канал 7», который освещает события, происходящие в регионе с точки зрения молодого поколения.

Во-вторых, необходимо создание социальной рекламы и интернет-порталов, где будет показан положительный образ людей публичных профессий, потому что всё большее место в жизни подростков занимают Интернет, компьютерные игры. Именно поэтому было бы разумно реализовать возможности этого канала для общения с подростками.

В-третьих, разработка компьютерных игр, в которых будут в форме игры представлена возможность быть учителем, врачом или милиционером, а также смоделированы реальные жизненные ситуации, возникающие в профессиональной деятельности представителей публичных профессий. Преимущество такого продукта, на мой взгляд, в том, что последствия сделанного выбора можно увидеть и оценить сразу, во время игры.

В-четвёртых, требуется особая государственная политика, направленная на поддержание имиджа людей публичных профессий.

Это разработка и законодательное оформление государственных механизмов регулирования информационных потоков, адресованных детям и подросткам.

Это и представление времени под детские и юношеские программы, причём в часы, удобные для семейного просмотра, как это делается за рубежом.

Это и создание новых достойных детских и подростковых программ.

Это и разработка государственной программы поддержки детских средств массовой информации за счёт государственного бюджета.

Средства массовой информации.. Можно ли сегодня обойтись без них? Ответ очевиден. Так давайте сделаем их «окном в мир», источником просвещения и средством, помогающим нам стать культурными людьми!

Литература

1. Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е. Интернет: воздействие на личность//В сб.: Гуманитарные исследования в Интернете. М.: Можайск – Терра, 200
2. Википедии — свободная энциклопедия (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Internet>)
3. Луман Н. Общество как социальная система. Москва: Логос,2004
4. Современный словарь иностранных слов. М., Изд-во «Русский язык». 1993.
5. Энциклопедия социологии (<http://slovari.yandex.ru/~книги/Энциклопедия%20социологии>)

Возрождение язычества в контексте развития этнической культуры в России

Летюк Ю.А.

*Оренбургский Государственный университет, г. Оренбург,
Россия, yletyuk@yandex.ru*

Данная статья посвящена возрождению языческих верований в современной России. С этой целью рассматривается процесс возвращения к исконным религиозным представлениям ряда народов Поволжья и Приуралья, а также возрождение язычества на современном этапе развития российского общества.

Образовавшийся, после распада Советского Союза «духовный вакуум» стал весьма активно заполняться различного рода религиозными учениями, что стало частью поиска националь-

ной, этнической и духовной идентичности. В рамках данной статьи, речь пойдет о возрождении языческих религиозных представлений среди ряда народов Поволжья и Приуралья, которые именно в язычестве начинают видеть основу своего этнического и культурного возрождения. Главной причиной подобных процессов, по мнению А.А. Ямурзина, стало то «что ситуация социальных конфликтов заставляет людей, как правило обращаться к фундаментальным основаниям культуры, к традиционным доминантам и формам цементирования духовных основ жизнедеятельности людей» [9, с. 4].

В эволюции культурно-религиозного пространства России на рубеже XX-XXI вв. необходимо отметить существование трех характерных особенностей. Во-первых, крушение социалистической системы способствовало вхождению страны в общемировые процессы, которые носят, без сомнения, и религиозный характер. Во-вторых, мировоззренческие установки, сформированные в обществе в эпоху существования советского государства, продолжают иметь определенную силу, хотя их влияние постепенно затухает благодаря естественной смене поколений. В-третьих, в сфере культуры возник идеологический плюрализм, ранее ни в коем случае недопустимый.

Все эти факторы вызвали ситуацию массового духовного поиска и брожения, характерную для переходных эпох [7, с. 297]. Многие религиозные организации оказались не вполне готовыми к новым условиям функционирования. Этой ситуацией воспользовались нетрадиционные религиозные организации, обладающие и ресурсами и огромным желанием заполнить ранее недоступный для них «духовный вакуум современного российского общества» [4, с. 86-98]. Что касается язычества, то именно его возрождение, по мнению ряда исследователей, является одним из возможных путей преодоления создавшейся ситуации.

В современной гуманитарной науке весьма широкое распространение получил термин «дохристианские верования». Как представляется, относительно народов Мордовии, Чувашии, Удмуртии и др., употребление данного понятия весьма затруднительно, так как для большей части из них христианство так

никогда и не стало основной религией. Применение к народам Поволжья и Приуралья термина неоязычество, также представляется весьма затруднительным. Наиболее верным для использования язычества является использование таких понятий, как «традиционные религиозные представления» или «современное язычество», которые, по-нашему мнению, более точно отражают суть данного явления на современном этапе.

Быстрое возрождение язычества стало возможным благодаря тому, что традиционные религиозные представления не были утрачены окончательно, кроме того территории проживания мордвы, чувашей, марийцев и удмуртов были включены в состав России довольно поздно, после чего начинается процесс русификации и христианизации.

По данным А.Щипкова от «5% до 30% удмуртов – «чистые» язычники, лишь 15-40% - православные, остальные двоеверы» [8, с. 114]. Подобное положение можно наблюдать и в Марий Эл, около 5-7% чистые язычники, 30% - православные, и около 60% двоеверы. Более того, в Башкирии, Татарстане, на Урале проживают около 200000 марийцев, преимущественно потомки бежавших от христианизации и среди них насчитывается 90% «чистых» язычников [8, с. 119].

Как представляется, активное возрождение языческих верований, связано с тем, что многие пережитки прошлого на протяжении длительного времени вполне мирно сосуществовали с праздниками и обрядами официальной религии [3, с. 93]. В тех случаях, когда не удалось сохранить традиционную культуру, получилось ее приспособить, внести ее отдельные элементы в православную религию и таким образом сохранить.

И в XX в. можно найти множество примеров возрождения языческих обрядов и традиций [6, с. 179-180]. Подобные факты позволяют говорить, что языческие верования не были полностью уничтожены, они либо сохранились в своем первоначальном виде, либо смогли уцелеть, слившись в единое целое с другими религиями. Именно поэтому, процесс возрождения традиционных молений сопровождается их модернизацией и трансформацией [9, с. 1288].

Помимо религиозного возрождения в последней трети прошлого столетия широкое распространение получило и возрождение этническое, которое само по себе, по мнению В.А. Авксентьева, не является этническим конфликтом, однако оно обладает мощным конфликтогенным потенциалом [2, с. 142]. Но если этническое возрождение начинает активно инкорпорировать национальную идею, существенной в которой становится мысль о создании национального государства с национальной религией, то создаются условия для возникновения конфликтов в полиэтничных государствах, к которым, в частности, и принадлежит Россия [1, с. 48].

Подводя итоги необходимо отметить, что к началу 90-х годов в общественном сознании наметилась активизация деятельности различных религиозных течений и конфессий. Среди причин возрождения язычества выделяют: неудовлетворенность и разочарование официальными религиозными течениями, стремление противодействовать негативным течениям в обществе и воздействию «нетрадиционных религиозных сообществ», сохранение нации, ее культуры и менталитета, стремление к национальному обособлению, связанное с этим обращение к древним корням, стремление воссоздать архаические элементы жизни. Несмотря на то, что идеи возрождения язычества не всегда находят отклик среди местного населения, в ряде регионов Поволжья и Приуралья имеется значительная социальная база и насущная потребность заполнения духовной пустоты, возникшей в эпоху атеизма.

Литература

1. Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. - 1996. - № 12. - С. 43-49.
2. Авксентьев В.А., Авксентьев А.В. Этнические проблемы современности и культура межнационального общения. – Ставрополь: СГПИ, 1993. – 222 с.

3. Асеев О.В. Язычество в современной России: социальный и этнополитический аспекты. Дисс. канд. философ. наук. – Москва, 1999. – 123 с.

4. Звягинцева О.В. Самосознание нетрадиционных религиозных сообществ в современной России. Дисс. канд. философ. наук. – Ставрополь, 2004. – 159 с.

5. Наговицын А.Е., Гаврилов Д.А. О современных тенденциях возрождения традиционных политеистических верований // Schola-2004. Сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. И.Н.Яблокова, П.Н.Костылева / Сост. А.В. Воробьев, П.Н.Костылева. – М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2004. – С. 179-186.

6. Садиков Р.Р. Традиционная религия закамских удмуртов: история и современные тенденции развития // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. - Т. 10. - № 4. - С. 1285-1289.

7. Чуракова Е.А. О некоторых особенностях этноконфессиональной ситуации в современной Удмуртии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. - Т. 12. - № 2. - 2010. – С. 295-299.

8. Щипков А. Во что верит Россия; Религиозные процесс в постперестроечной России. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. – 312 с.

9. Ямурзин А.А. Картина мира марийского язычества: социальные аспекты. Дисс. канд. философ. наук. – Уфа, 2007. – 147 с.

Становление учреждений социально-педагогической поддержки в России в первой половине XIX века, аспект диалога культур

Хазова Ю.О.

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия,
julie13iva@gmail.com*

Исследование позволило подчеркнуть роль диалога культур в становлении учреждений социально-педагогической поддержки в России XIX века. Анализ исторических источников позволил выявить поэтапные тенденции в реализации диалога между западноевропейскими странами и Россией. Первый этап, характеризующийся обменом просветительскими идеями, опытом разумного обустройства различных сторон общественной жизни, в том числе призревающей практики, движением идей от Европы к России (XVIII век). Второй этап, представленный обменом идеями немецкой классической философии и опытом филантропии, соотносением собственного опыта поддержки с опытом западноевропейских стран, поиском возможностей применения опыта западноевропейских стран в России, отстаиванием российского варианта «человеколюбивой практики» (первая половина XIX века). Третий этап, отмеченный широким обменом социологическими идеями, осмыслением пореформенной ситуации в России, обменом опытом социальной и социально-педагогической поддержки, ориентацией на собственный опыт с учетом западноевропейского (вторая половина XIX века). Отметим, что поток идей в первой половине XIX века шел из Европы в Россию, поскольку западноевропейские страны вступили на путь капиталистического развития, в то время как Россия продолжала быть феодальной крепостнической страной. Вектор движения изменился после отмены крепостного права, в пореформенное время, характеризующееся активным развитием общественных движений, связанных с формированием разнообразных форм социальной и социально-педагогической под-

держки, определяемое как «золотой век российской благотворительности».

Конец XVIII начало XIX века, характеризуется активным восприятием идей и опыта европейской культуры, идеи просветителей Вольтера, Д. Дидро, Ж.Ж. Руссо и др. упали в России на почву, подготовленную предшественником Екатерины – Петром I, их проводником была императрица и ее ближайшее окружение: И. Бецкой, Е. Дашкова, Г. Державин, И. Шувалов и др. В параграфе подчеркнуто, что интерес, проявленный Екатериной II к произведениям философов эпохи Просвещения Вольтера, Д'Аламбера, Д. Дидро, Ш. Монтескье способствовал распространению просветительских идей в дворянской среде, что наиболее сильное впечатление производили антропологические идеи, подчеркнувшие значимость идей разума в деле государственного обустройства России.

Обращение к работам благотворителей XIX века (В.И. Герье, Е.Д. Максимова, И.В. Мещанинова, А.Д. Стога, Я.В. Ханыкова и других) позволили обозначить конец XVIII – первое десятилетие XIX веков как начало институционализации государственного и общественного призрения, связанного с разработкой документов европейского образца, на основе которых в России учреждались Приказы общественного призрения, Воспитательные дома, Институт благородных девиц как аналоги подобных учреждений в западноевропейских странах, основанные на переложениях передовых европейских представлений того времени.

Руководствуясь идеями просвещенного абсолютизма Вольтера, энциклопедизма Д. Дидро, природосообразности и «естественного» обучения, чистоты ребенка, испорченности семьи Ж.Ж. Руссо, Екатерина II стремилась создать "третий чин людей" - просвещенных, гуманных дворян, купцов, промышленников и ремесленников на основе образования и воспитания, как главных средств совершенствования «породы человека». Екатерина и ее сподвижники, ориентируясь на идеи просветительства, полагали, что для организации образования и воспитания с целью становления светских нравов должна быть сопряжена с изъятием воспитанника из

соответствующей социальной среды и погружением его в искусственные условия закрытых образовательных учреждений. Анализ документов о деятельности Воспитательного общества благородных девиц при Смольном монастыре, Воспитательных домов, «по примеру тех которые имел ... случай видеть в Голландии, Франции, Италии и в прочих местах» И.И. Бецкой, показал, что они по своим целям, содержанию жизнедеятельности воспитанниц и воспитанников повторяли западноевропейские учреждения. Последняя треть XVIII века ознаменовалась знаковыми фигурами педагогов – просветителей И.И. Бецкого и Н.И. Новикова, жизнь и судьба которых, рассуждения по поводу соотношения в становящейся науке «педагогии» западноевропейских и российских идей, позволяют обрисовать более полно картину становления педагогических и социозащитных учреждений в этот период времени.

В первой половине XIX века особую актуальность имели, с одной стороны, антропологические идеи, представленные в теориях немецкой классической философии, с другой стороны, - возрождающиеся христианские идеи допетровской эпохи. Период характеризуется наличием двух видов диалога культур: во-первых, между Россией и Германией, во-вторых, внутри страны между западниками и славянофилами.

Знакомство русского общества с европейскими идеями происходило благодаря образованию дворянства в немецких университетах, привозной литературе, личной переписке, обсуждению идей в различных обществах и кружках, институту гувернерства в дворянских семьях. В русле предмета исследования особую значимость имели: документы декабристов (называющих себя «детьми 1812 года»), содержащие идеи государственной поддержки неимущих слоев населения; «Философического письма» П. Я. Чаадаева, породившие в 30-е годы бурные споры о прошлом и настоящем России в сравнении с западноевропейскими странами; полемика «славянофилов» и «западников», развернувшаяся в России с конца тридцатых и до середины пятидесятых годов; работы К.Д. Ушинского, который на исходе периода, создавая свою основную

работу «Человек как предмет воспитания», обратился к трудам западноевропейских авторов, дал исчерпывающий анализ их трудов и обосновал идею народности как основы немецкого, французского, русского образования и воспитания.

Активный диалог культур в первой половине XIX века содействовал:

- появлению Императорского благотворительного (человеколюбивого) общества, прообразом которого явилось Гамбургское благотворительное общество;

- расширению деятельности Ведомства учреждений императрицы Марии, включавшего в свой состав в 1828 году около 50 разноплановых заведений;

- появлению первого Общества попечения о тюрьмах.

Большинство учреждений в рамках этих общественных организаций, отдавая дань уходящей эпохе Просвещения, имели закрытый характер, прерывающий связь ребенка с родителями. Однако период охарактеризовался новой тенденцией в организации детских призревающих учреждений, связанной с усилением внимания общественных деятелей к основам семейного воспитания. Анализ литературы позволил выявить интерес императрицы Марии Федоровны к вопросам семейного воспитания, проявившийся в том, что она организовала особую структуру «четыре опыта», в рамках которых воспитанницы осваивали правила семейной жизни в приемных семьях. О новой тенденции свидетельствует документ первой половины XIX века, созданный В.Ф. Одоевским, который проанализировал опыт создания приютов, не порывающих связей ребенка с семьей, и создал Положение о детских приютах, в котором подчеркнул, что это учреждение, пришедшее к нам с Запада, должно быть русским по целям и содержанию деятельности. Отмечен вклад в дело призрения, воспитания и образования Е.О. Гугеля, учителя и инспектора классов Гатчинского воспитательного дома, стремившегося найти вариант воспитания и образования детей, лишенных попечения родителей, на основе сравнения западноевропейского и российского опыта содержания детей в подобных учреждениях, реорганизовавшего систему начального обучения, открывшего «малолетнюю школу» для сирот 4—6 лет.

Диалог России и Европы посредством трансляции философских идей, культурных традиций, практического опыта, оказывал воздействие становление учреждений социально-педагогической поддержки на протяжении всего XIX века. Европейские философы, «питающие» умы русского общества, активно способствовали актуализации рефлексивных общественных процессов, формированию собственного, национального взгляда на проблемы помощи нуждающимся. Уже в 30-40 годы столетия на страницах историко-культурных работ настойчиво подчеркиваются мысли о том, что «педагогия» как наука и «филантропия» как практика призрения должны ориентироваться в большей степени на национальные идеи и анализировать идеи западноевропейские с позиции того, в какой мере они могут быть применимы в России.

Активное взаимодействие с представителями европейской культуры послужило толчком к созданию централизованного, государственного института помощи нуждающимся.

Литература

1. Бецкой И.И. Учреждения и уставы касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоого пола, Т2, СПб, 1774. - 65 с.
2. Благотворительная Россия. История государственной благотворительности в России. Т.2. СПб.1903.
3. Благотворительные учреждения Российской империи. (Сост. По высочайшему повелению Собственной е. и. в. Канцелярией по учреждениям имп. Марии. Т.1–3. СПб., 1900. Т.1. - 360 с.; Т.2. - 1980 с.; Т.3. - 428 с.
4. Вилламов Г.В. Хронологическое начертание блаженной памяти государыни императрицы Марии Феодоровны в пользу состоявших под высочайшим ее покровительством заведений. СПб. 1836. - 74 с.
5. Герье В.И. Записка об историческом развитии способов призрения бедных в иностранных государствах и о теоретических началах правильной его постановки/Сост. для ... Комиссии по пересмотру законов о призрении бедных... - СПб. 1897.
6. Дерюжинский В.Ф. Заметки об общественном призрении. -М, 1897.- 127с.

**PR-подразделения в органах государственной
власти и местного самоуправления**

Шакалов И.И., Шубина Л.Ю.

*Кубанский государственный университет, г. Краснодар,
Россия, Shakalov_ilya1@mail.ru, Shubinalarisa2@yandex.ru*

Задача повышения качества работы органов государственной власти и местного самоуправления не может быть решена без развития диалога граждан и государственных структур. Связи с общественностью в настоящее время играют все большую роль в их деятельности, являясь механизмом обратной связи сотрудников государственного аппарата с населением. Степень воздействия PR-технологий на общественность позволяет судить об их высокой значимости для развития и становления политических процессов общефедерального и, что особенно актуально, регионального уровня.

Доверие и понимание со стороны общества может быть достигнуто только в том случае, если государственные органы сами стремятся в максимально допустимых пределах предоставлять обществу объективную информацию о своих решениях и действиях, положении в стране, т. е. следовать принципам информационной открытости и прозрачности деятельности. И решение этих задач во многом определяется эффективностью информационного управления, реализуемого PR-службами аппарата государственных органов.

В представленном выше понимании основ осуществления PR в государственной сфере лежит несколько фундаментальных принципов: демократия; обеспечение альтернативности; технологичность.

Основные цели, которые должны быть достигнуты в деятельности служб по связям с общественностью – это: обеспечение гласности, прозрачности и открытости в работе; обеспечение связей с гражданами и их объединениями; содействие сотрудничеству с гражданами, их объединениями в разработке и реализации программ и решений; содействие реализации законодательства; содействие становлению институтов гражданского общества.

Среди основных функций, характерных для большинства государственных органов, можно выделить несколько: установление, поддержание и расширение контактов с гражданами и организациями; изучение общественного мнения и информирование общественности о существе принимаемых решений; анализ общественной реакции на действия должностных лиц и органов власти; обеспечение органов власти прогнозными аналитическими разработками; формирование благоприятного имиджа власти и должностных лиц.

Можно расшифровать эти задачи, рассмотрев подробно функции PR подразделения в органах государственной власти. Необходимо отметить, что оперативное распространение через СМИ заявлений, сообщений, пресс-релизов и других материалов, разъясняющих деятельность государственного органа, то есть открытость госструктуры, положительно сказывается на дальнейшем взаимодействии между органами гос. власти и гражданами. Четко должна быть отлажена работа, направленная на освещение в СМИ деятельности государственных органов при проведении реформ и действиях в кризисных ситуациях. Очень важно понимать, что одним из самых верных направлений работы в установлении связи между госструктурой и гражданами является организация пресс-конференций, брифингов, встреч с российскими и зарубежными журналистами, подготовка заявлений для печати, организация выступлений руководителей в СМИ с освещением проблем деятельности, подготовка печатных и фотоматериалов, отражающих деятельность гос. аппарата.

Проводя большую работу по PR в органах государственной власти и местного самоуправления, следует продолжать налаживать развитие информационных связей с пресс-службами других органов власти, информационными службами министерств других государств; устанавливать связь с союзами журналистов другими творческими союзами, редакциями газет, журналов, других периодических изданий, радио, телевидения; содействовать систематическому освещению работы органов в СМИ, подготовке в этих целях программ, сообщений; устанавливать связь с федеральными органами представительной власти, обобщая и анализируя информацию об их деятельности;

налаживать контакты с издательскими домами, творческими союзами с целью оказания помощи в создании произведений, воспитывающих уважение к государству и государственной идеологии; рассматривать обращения граждан и организаций по вопросам, касающимся функций государственного органа.

В своей повседневной деятельности PR- подразделение органов государственной власти и местного самоуправления должно, помимо вышеперечисленных задач и функций, заниматься подготовкой документов об учредительской деятельности государственного органа, оказывать содействие в издании журналов, газет, подготовке тематических программ на телевидении; анализировать и обобщать публикации в СМИ; оперативно информировать руководство о работе других органов власти, их решениях, налаживать связи с общественными объединениями, партиями, движениями в целях привлечения представителей общественности к проведению значимых мероприятий; участвовать в проводимых общественностью инициативных исследованиях по проблемам государственного строительства, правосудия, правового просвещения, осуществлять анализ эффективности этой работы; обеспечивать руководство информацией об общественном мнении, реакции на деятельность органов гос. власти, а также оперативными материалами, опубликованными в СМИ, в которых сообщается о съездах, конференциях, митингах, демонстрациях и иных акциях политических партий, профсоюзов и других общественных объединений, при условии, если они содержат информацию, относящуюся к деятельности органов власти;

Как правило, внутри PR-службы имеются отделы, занимающиеся аналитической работой, планированием и координацией деятельности. Подструктур может быть меньше или больше в зависимости от кадровых, материальных, информационных ресурсов, а также от уровня самого государственного органа.

Чаще всего служба по связям с общественностью в своей деятельности активно взаимодействует с департаментами культуры, образования, отделом писем, приемными по жалобам и обращениям граждан.

В государственных организациях работа PR-специалистов имеет свою специфику.

Если в частном секторе работа PR-специалистов адресуется к достаточно узким группам, выступающим в роли потребителей определенной продукции или услуг, то в государственных организациях поле их профессиональной деятельности резко расширяется – в идеале необходимо охватить вниманием все группы общества. Столь широкая социальная база требует очень высокой квалификации и предполагает особую постановку профессиональных целей.

На первый план выходит несколько основных направлений, а именно:

- изучение сложного спектра общественного мнения всех социальных групп, дифференциация их ожиданий от государственных институтов и определение лидирующих тенденций в развитии общественного мнения;

- выработка рекомендаций для руководства государственных организаций и проведение мероприятий, направленных на удовлетворение наиболее значимых ожиданий со стороны общественных кругов с целью оказания влияния на динамику общественных настроений;

- предотвращение возможных конфликтов и недопонимания в работе с общественностью;

- установление и поддержание двусторонних контактов с разными общественными группами и их лидерами;

- улучшение производственных отношений и создание общей атмосферы доброжелательности внутри самих государственных организаций;

- реклама услуг, предоставляемых государственными организациями;

- повышение эффективности работы государственных служб;

- создание положительного образа государственных институтов в сознании общественности.

Анализ этих направлений позволяет сделать вывод, что в основе успешной деятельности PR-специалистов лежит умение наладить эффективные коммуникационные контакты с различ-

ными группами населения. Занимавший в течение многих лет пост Генерального секретаря Международной PR-ассоциации Сэм Блэк сформулировал девять правил эффективного общения.

1. Всегда настаивайте на правдивой и полной информации.
2. Добивайтесь, чтобы ваше сообщение было простым и понятным для всех.
3. Не преувеличивайте искусственно ценность информации.
4. Помните, что половина вашей аудитории – женщины.
5. Делайте процесс общения увлекательным, не допуская скуки.
6. Следите за формой общения, которая не должна быть вычурной или экстравагантной.
7. Не жалейте времени на выяснение всех нюансов общественного мнения.
8. Помните, что общение должно быть непрерывным.
9. Старайтесь быть убедительным и конструктивным на каждом этапе общения.

При организации текущей работы PR-служб эксперты выделяют четыре основных этапа: анализ обстановки, необходимые исследования и постановка основной задачи; разработка программы и сметы планируемых мероприятий; осуществление намеченных программ, расширение круга общения; исследование результатов, оценка и возможная доработка. Наряду с созданием PR-подразделений в государственных органах, последние могут обращаться к специализированным PR-фирмам за консультациями для установления более плодотворных связей с общественностью. Внешний государственный PR нацелен на формирование связей с зарубежной общественностью и продвижение определенного имиджа государства на международной арене.

В целом, следует признать, что имидж страны и ее лидеров обязательно должен находиться в числе приоритетов государства. В частности же, этот принцип распространяется и на органы местного самоуправления.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Философия Эпикура как предтеча английского либертинизма

Титова А.В.

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
г. Рязань, Россия, tvanna@rambler.ru*

*Странник, тебе будет здесь хорошо:
здесь удовольствие – высшее благо.
(Надпись на воротах школы Эпикура)*

До настоящего времени либертинизм является одним из наименее изученных литературных направлений в Англии в XVII веке. Современные литературоведы интересуются творчеством лишь отдельных представителей данного направления. В настоящем исследовании мы ставили цель проследить связь идей представителей либертинизма с философией Эпикура. Изучаемое направление оказало сильное влияние на последующее развитие культуры Европы. Именно поэтому анализ его истоков поможет в дальнейшем пролить свет на процессы, происходящие в современной литературе.

Прежде чем говорить о связи между учением древнегреческого философа и поэзией британских авторов эпохи Реставрации, следует отметить, что подобный анализ представляет определенную сложность. Во-первых, среди современников Эпикура, его учение не нашло широкого понимания, поэтому до наших дней дошла лишь небольшая часть трудов философа (послания к Геродоту, Пифоклу и Менекею, а также афоризмы этического содержания). Во-вторых, анализ литературного наследия представителей либертинизма осложняется недостаточностью фактов, характеризующих особенности существования этого явления в английском литературном процессе. Кроме того, многие источники, относящиеся к литературе исследуемого направления, и по сей день остаются малодоступными. Однако, даже при анализе доступного материала, можно сделать вывод о

сильном влиянии учения Эпикура на представителей либертинизма.

Следуя эллинистической традиции деления философии на физику, логику и этику, учение Эпикура можно разделить на физику, канонику и этику. И каждое из этих направлений, в той или иной степени, повлияло на воззрения авторов эпохи Реставрации.

Вольнодумство XVII века в Англии воспринимает идеи Эпикура о материальном единстве мира и об ощущениях, являющихся первичными и главными источниками истины. По мнению философа, «следует все наблюдать согласно с чувственными восприятиями [ощущениями] и, в частности, согласно с наличною возможностью постижения – посредством ума или какого бы то ни было орудия суждения, а равно согласно с имеющимися аффектами, – для того чтобы мы имели что-нибудь такое, на основании чего могли бы судить и о предстоящем и о сокровенном». [2, с. 740] И действительно, для поэтов-вольнодумцев ощущения и чувства были главными источниками познания мира и основными критериями его оценки.

Этика Эпикура, понимаемая как свобода поведения и средство достижения человеком наиболее счастливой жизни, является мировоззренческой основой либертинизма. Жизненный идеал вольнодумцев основывается на эпикурейском тезисе о духовной свободе человека и его праве на наслаждение. Удовольствие, по мнению Эпикура, является основным критерием нравственности и условием счастливой жизни. «Надо принять во внимание, что желания бывают одни – естественные, другие – пустые, и из числа естественных одни – необходимые, а другие – только естественные; а из числа необходимых одни – необходимы для счастья, другие – для спокойствия тела, третьи – для самой жизни. Свободное от ошибок рассмотрение этих фактов при всяком выборе и избегании может содействовать здоровью тела и безмятежности души, так как это есть цель счастливой жизни». [2, с. 770] Однако, следует отметить, что современники Эпикура разделились в своем отношении к «безнравственному» учению философа. В след за ними представители либертинизма также не были однородны в своем восприятии его теории. Одна часть, к

которой относились, например, Уильям Темпл и Шарль де Сент-Эвремон, точно следовала его мысли об умеренном удовлетворении своих потребностей и желаний. Другие, наиболее радикальные, поэты-вольнодумцы оправдывали свое распутное поведение изречением Эпикура о том, что удовольствие есть «начало и конец счастливой жизни. Его мы познали как первое благо, прирожденное нам; с него начинаем мы всякий выбор и избегание; к нему возвращаемся мы, судя внутренним чувством, как мерилом, о всяком благе». [2, с. 770]

Идеологом второй группы либертинов был Джон Уилмот. Из его переписки с Генри Савилем следует, что поэт и в жизни почитал удовольствие высшей ценностью. Предположительно в 1673 году Рочестер пишет своему другу в Лондон: «Дорогой Савиль, добавьте же Щедрость к Вашим остальным добродетельным принципам и – охраните Вашего покорного слугу Рочестера от угрозы трезвости – причем из-за нехватки вина в гораздо большей степени, чем от нехватки общения (ведь я пью как ерemit между Богом и своей совестью). Вспомните, скольких усилий мне стоило оградить Вас от греховных поползновений, касающихся мудрости и пристойности. И, если Ваше сердце еще способно на благодарность (что для вас, политиков, было бы чудом), то покажите это тем, что присоветуйте гонцу, передающему это письмо, путь к лучшему в Лондоне вину и, прошу вас, не принимайте эту услугу святой дружбе за пустяк и – приступите к исполнению со всей серьезностью момента, как священник, приносящий жертву или – как опытный вор, планирующий кражу со взломом. Пусть ваш изысканный гурманский язык (как известно, Ваш лучший судья) носит Вас от погребка к погребку, от бочки – к бочке, пока он не найдет вина с благородным вкусом, достойного моего благословения. Чтобы больше не подначивать вас в этом деле сообщу, что у меня уже созрел план – в котором Вы с большой вероятностью тоже будете пить со мной это вино. Дорогой Савиль, если тебе все же захочется переплюнуть Макиавелли, или просто сделать то же, что сделал бы я – то пришли мне просто немного хорошего вина! Рочестер». [4]

Помимо своих поэтических творений, Джон Уилмот знаменит переводами древнегреческих философов. В частности, Рочестер перевел на английский язык Лукреция, ученика и продолжателя идей Эпикура:

The Gods, by right of Nature, must possess
An Everlasting Age of Perfect Peace:
Far off remov'd from us and our Affairs;
Neither approach'd by Dangers, or by Cares:
Rich in themselves, to whom we cannot add:
Not pleas'd by Good Deeds; nor provok'd by Bad. [3, p. 50]

Можно заключить, что либертины, одним из ярчайших представителей, которых является граф Рочестер, также почерпнули из этики Эпикура и его последователей идею бесстрастного и бездеятельного бога, создавшего мир и остающегося безразличным к его дальнейшей судьбе. Подобные воззрения философа составляют «практический атеизм, предвещавший не только общество, чуждое суеверий, но атеистическое и в то же время нравственное общество, свободное не только от богов, но и от господ». [1, с. 275] Поэты-вольнодумцы XVII века взяли за основу идеи Эпикура, развив их до нигилизма, который предполагал отказ от любых авторитетов. Либертины открыто пропагандировали свою независимость от религиозного и государственного влияния, подчеркивая тем самым свободу человека в мыслях и поступках.

Эпикурейский идеал либертинов, образ их жизни и художественная система настолько противоречили идеалу, присущему классицизму, что вольнодумной литературе было отказано в художественных достоинствах, социальной значимости и философской наполненности. Тем не менее, в последнее время все больше авторов, как художественных произведений, так и научных работ, обращают свое внимание на работы поэтов эпохи Реставрации.

В данной работе мы предприняли попытку анализа источников, оказавших влияние на одно из знаковых направлений в английской литературе. Мы надеемся, что данная статья привлечет внимания специалистов-литературоведов к оригинальным лирическим произведениям авторов эпохи Реставрации, так как, по

нашему мнению, направление либертинизма имело больше влияние на дальнейшее развитие литературы как в Англии в частности, так и в Европе в целом.

Практические выводы исследования могут быть использованы в научной работе, в преподавательской деятельности, а также при разработке специальных курсов по зарубежной литературе.

Литература

1. Богомолов А.С. Античная философия. – М.: Высш. шк., 2006. – 390 с.
2. Мыслители Греции. От мифа к логике: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО–Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. – 832 с.
3. Poems by John Wilmot, Earl of Rochester, edited by Vivian de Sola Pinto – London: Routledge & Kegan Paul, 1953. – 247 p.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rochester.3bb.ru/viewtopic.php?id=7>

Аллегория и символизм в сказочном творчестве

Дж. Макдональда

Лукманова О.Б.

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, Россия,
estson@gmail.com*

Одним из самых распространенных терминов при описании жанровой природы сказочного творчества викторианского шотландского писателя Джорджа Макдональда (1824-1905) является термин «аллегория»: именно так обозначают отдельные его произведения Б. Стейблфорд, автор «Исторического словаря фантазийной литературы» [1], М. Назаренко, автор серии статей по предистории фэнтези [2], и другие литературоведы [3, 4]. Сам Макдо-

нальд был решительно не согласен с таким жанровым определением. «Сказка – это не аллегория, – писал он в программном эссе «Сказочное воображение» (*The Fantastic Imagination*, 1893). – Аллегория может в ней присутствовать, но сама она – не аллегория. Только очень большой художник сумеет, в любом жанре, произвести на свет строгую аллегорю, которая не утомляла бы дух» [5].

Действительно, по определению Н. Фрая, аллегория – это такое повествование, где «события... явно и последовательно соответствуют другой одновременной структуре событий или идей, будь то исторические события, нравственные и философские идеи или природные явления» [6]. Аллегория определяет структуру всего текста и задает сравнительно жесткие параметры взаимодействия с произведением, так как изначально предполагает не только то, что у текста есть смысл, но и то, что этот смысл выражен иносказательно и его можно «дешифровать простым усилием рассудка», используя «некую рациональную формулу, которую можно ‘вложить’ в образ и затем извлечь из него», – что, собственно, и позволяет аллегории быть дидактическим инструментом [7].

Сказкам Макдональда действительно присуща религиозно-дидактическая направленность и наличие «ярко выраженного проповеднического начала» [8], однако теологическая, психологическая и эпистемологическая структура, на которой строится волшебный символизм Макдональда, «никак не является лишь искусственной вешалкой, на которую можно вешать те или иные идеи... Воображение [автора] так тесно переплетено с тем, что он хочет донести до людей, что его произведения невозможно принять за аллегории» [9]. Особый художественный метод писателя заключается в том, чтобы «встроить в метафорическое событие ощущение двух разных сосуществующих систем» [10]. Именно об этом говорит С. Прикетт, когда, анализируя символику сказок Макдональда, указывает на «стереоскопическое» качество произведений писателя, благодаря которому его метафоры являются столь сложными и «в техническом плане, носят столь современный (*modern*) характер». Перекликаясь с тезисами С. С. Аверинцева о символе как «знаке, наделенном всей органичностью мифа и неисчерпаемой многозначностью образа», чей предметный образ и глубинный смысл являются двумя полюсами, немислимыми один без другого, но

разведенными между собой и порождающими напряжение [7], британский исследователь утверждает, что Макдональд описывает такую сферу человеческого опыта, которая подвластна лишь «напряженному языку метафоры, заставляющей нас буквально разрываться между невозможными альтернативами, чтобы в результате обнаружить совершенно новый смысл, не совпадающий ни с одной из них». Макдональд являет читателю «новый тип реальности, который можно найти на пересечении двух породивших его точек зрения» и который «является центральной структурой почти всех его фантазийных произведений» [10].

В отличие от аллегии, которую можно дешифровать с помощью рациональной формулы, символ требует экзистенциального «вживания» и изначально подразумевает многогранность и многозначность, так как его смысловая структура многослойна и требует от читателя активной внутренней работы [7]. Такая многозначность образов, возможность множественных толкований и даже разных подходов к толкованию являются для Макдональда существенно важными принципами художественного творчества и обуславливают то воздействие, которое сказка должна оказать на читателя: «Любой читатель, чувствующий сказку сердцем, увидит в ней тот смысл, который соответствует его собственной натуре и развитию; один прочтет одно, а другой – другое... Может быть, даже и лучше, что вы придадите ей свое собственное значение? Может быть, это будет лучшим, высшим применением вашего интеллекта, чем простое чтение того, что имел в виду я: ведь ваш смысл может оказаться лучше и выше моего» [5]. Таким образом, научение человека через сказку происходит не посредством рациональных выкладок и нравоучительных примеров, но через развитие воображения и самопознание.

Даже «Золотой ключ» (*The Golden Key*, 1866), самая аллегорическая из всех сказок Макдональда, которая, в каком-то смысле, представляет собой «притчу, почти целиком состоящую из личных, авторских и христианских символов» [11] и, как никакая другая, «парит где-то между аллегорической притчей и мифом» [12], никоим образом не поддается однозначному толкованию, вызывая наиболее полярные реакции читателей и критиков: многие называют ее лучшей сказкой Макдональда, другие выражают недоуме-

ние по поводу фрагментарного сюжета и непонятных образов. Уже в одном центральном образе золотого ключа разные исследователи видели самые разные вещи, от фаллического символа до символа богоизбранности или поэтического воображения. Такой неоднозначный метафорический символизм позволяет Макдональду вывести своих героев (а вместе с ними и читателей) в некое лиминальное пространство или переживание, благодаря чему они смогут переоценить привычные установки, по-своему «вжиться» в предложенные им символы и, помимо всего прочего, обнаружить свою причастность (или непричастность) к кроющейся в них тайне. Кроме того, этот мифопоэтический символизм помогает «исподволь затронуть сердце» читателя, пробудить его воображение, вызвать в нем музыку [5], так как, подобно музыке, выражает невыразимое и переносит читателя в совершенно иную плоскость, чтобы тот мог непосредственно познать «нечто совершенно реальное, лежащее в основе нашего... мира и пронизывающее весь подлинно глубокий человеческий опыт, но всегда остающееся немного за пределами концептуальной мысли» [13].

Литература

1. Stableford, B. The Historical Dictionary of Fantasy Literature. The Scarecrow Press, Inc., 2005. P. 258-259.
2. Назаренко, М. За пределами ведомых нам полей. 10. Золотой ключ и множество дверей // Реальность фантастики. – 2006. – № 3. – С. 172–185.
3. Cowan, Y. Allegory and Aestheticism in the Fantasies of George MacDonald // North Wind. – 2006. – № 4. – P. 39-57.
4. Clute, J., Grant, J. The Encyclopedia of Fantasy. London: Orbit Books, 1997. P. 604.
5. Frye, N. Allegory / Alex Preminger et al. (eds), The Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. Princeton U.P., 1974. P. 12.
6. Аверинцев, С.С. Символ / Аверинцев, С.С. София-Логос. Словарь. 2-е, испр. изд. К.: Дух і Літера, 2001, С. 155-161.
7. Протасова, М. Е. Литературная сказка Дж. Макдоналда: проблематика и поэтика. Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Воронеж, 2010. С. 7.

8. Trexler, R. George MacDonald and "The Light Princess" // The Bulletin of the New York C.S. Lewis Society. – 1999. – Vol. 30. – No. 3-4. – P. 353-354.

9. Prickett, S. The Two Worlds of George MacDonald // North Wind. – 1983. – № 2. – P. 23.

10. MacDonald, G. The Fantastic Imagination. / Sandner, David, ed. Fantastic Literature: A Critical Reader. Greenwood Publishing Group, 2004. P. 65-69.

11. Faben, A. S. Folklore in the Fantasies and Romances of George MacDonald. Ph.D. thesis in Literature and English, State University of New York at Buffalo, 1978. P. 75.

12. Льюис, Кл. С. Джордж Макдональд / Дж. Макдональд. Сказки. М.: Центр Нарния. 2000. С. 201.

13. Underhill, E. The Golden Sequence: A Fourfold Study of the Spiritual Life. New York: E.P. Dutton & Co., Inc., 1933. P. 2.

Трансформация мифологических образов в романе Виктора Пелевина «Шлем Ужаса»

Мамаева Н.В.

*ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского, г. Чита,
snakeinthegrass@mail.ru*

Миф как форма сознания продолжает играть огромную роль в повествовательном искусстве. Трансформация взглядов на природу, сущность и функции мифа, наличие множества философских концепций мифа, получивших своеобразное отражение и в литературе, свидетельствуют о непреходящем значении мифа для современного сознания. Следует отметить, что попытки переосмыслить миф предпринимались еще с античных времен, но до настоящего времени так и не оформилось единого общепринятого мнения о мифе. Прежде всего, миф это «древнейшее сказание, являющееся неосознанно-художественным повествованием о важных, часто загадочных для древнего человека природных, физиологических и социальных явлениях, происхожде-

нии мира, загадке рождения человека и происхождения человечества, подвигах богов, царей и героев, об их сражениях и трагедиях. Миф был порождением определенной фазы в развитии человеческого сознания» [2, с. 559]. В то же время, миф это «жизненно ощущаемая» [3, с. 27], «реально, вещественно и чувственно творимая действительность» [1, с. 44]. Современные авторы переносят в творимую ими новую действительность собственные представления и чувства. Э. Фромм писал, что в языке мифа «внутренний опыт, чувства и мысли выражены так, словно они были... событиями внешнего мира», иными словами, миф – это «средство коммуникации от нас к нам самим» [8, с. 438]

Художники слова, широко используя мифы в своих произведениях, по-своему трактуют их, пытаются совместить их с проблемами современности. Обращение к мифам в литературе постмодернизма обусловлено тем, что писатели пытаются возродить эстетику мифа в конце XX – начале XXI вв. Согласно данной эстетике, бытие и жизнь человека рассматриваются как осуществленный миф, а сам миф представляет собой реальную действительность. Если ранее миф имел некий сакральный смысл, то в эпоху постмодернизма он десакрализуется и становится основой большинства произведений современных писателей.

Поэтому неудивительно, что британское издательство Canongatebooks в рамках международного проекта «Мифы» обратилось к популярным писателям современности с предложением написать романские версии известных мифов. Одним из таких писателей стал Виктор Пелевин. В основу его романа, написанного в формате интернет-чата, лег миф о Тесее и Минотавре. Точнее сказать два мифа стали основой для этого произведения. Название – «Шлем ужаса» заимствовано автором из скандинавской мифологии. «Шлем-страшилище» принадлежал дракону Фафниру, основное его свойство заключалось в том, что носящий его наводил ужас на все живое [5, с. 570]. Также «Шлем ужаса» это агисхьяльм, один из видов гальдрастафа – древнеисландского символа подобного рунам. Слово «агисхьяльм» буквально означает «шлем ужаса (благоговения)». Согласно мифам обладатель такого шлема мог вселять ужас в сердца врагов. Агисхьяльм рисуется на воображаемом поле,

представляющем реальность. Каждый шлем призван «покрыть» определенные части этой реальности. В центре каждого агисхьяльма находится собственное «Я» мага, который и создает этот шлем [7, с. 75]. Другими словами, маг, рисуя агисхьяльм, заново создает карту вселенной.

В романе Виктора Пелевина «Шлем ужаса» заключал в себе прошлое, настоящее и будущее: «...шлем ужаса состоял из нескольких главных деталей и множества вспомогательных. Самой большой деталью была «решетка сейчас»... она отделяет прошлое от будущего, поэтому то, что мы называем «сейчас», существует именно в ней. Отсюда и название. Прошлое находится в верхней части шлема, а будущее в нижней» [6].

В романе Виктора Пелевина можно найти еще одну отсылку к скандинавским мифам: название «гальдрастаф» происходит от слов *galdur* – «заклинание» и *staf* – «дощечка». Изначально эти знаки вырезались на дереве или выбивались на камнях [7, с. 75]. Схема шлема ужаса «была не нарисована на доске мелом, а была вырезана на ней, как гравюра» [6].

Ник одного из персонажей UGLI666 также указывает на связь со скандинавской мифологией. В переводе с английского *ugly* – ужасный, безобразный. В скандинавских мифах Игг (*Ygg* – страшный) это одно из многочисленных имен Одина. С этим именем связано название мирового дерева Иггдрасиля, в виде которого скандинавы представляли себе вселенную [5, с. 229]. Это объясняет, почему именно у этого персонажа лабиринт в форме дерева: «по форме она как дерево с развесистой кроной... каноник сказал, что это Древо Жизни» [6].

Древнегреческий миф о Тесее и Минотавре представлен в романе именами персонажей и собственно лабиринтом, в котором эти персонажи оказываются. Прежде всего, это Ариадна. Согласно греческой мифологии Ариадна дала Тесею клубок нитей, разматывая который он нашел выход из лабиринта. В «Шлеме ужаса» именно Ариадна начинает общение. Организм, один из персонажей, говорит о ней: «та, кто начала эту нить» [6]. Ее сны становятся той «нитью Ариадны», которая может спасти их из лабиринта. Они многое объясняют, например, помогают героям понять, где они оказались: «я знаю, что тут про-

исходит... я все видела во сне». Также из ее снов становится понятным устройство и принцип действия шлема ужаса.

Хотя роман имеет подстрочное название «Креатифф о Тесее и Минотавре» эти два персонажа представлены в романе не так ярко как остальные герои. Тесей является центральной фигурой аттической мифологии. По одним источникам его отцом был Посейдон, по другим Тесей потомок самого Зевса. В романе он появляется только один раз, чтобы из начальных букв имен героев создать Минотавра: «MINOTAURUS» [6].

Согласно греческой мифологии Минотавр чудовище с телом человека и головой быка, происшедшее от неестественной любви Пасифаи, жены царя Миноса, к посланному Посейдоном, а в некоторых источниках Зевсом, быку.

В романе его еще называют Астерий или Астерикс, т.е. «звездный». Персонажи постоянно говорят о нем, Ариадна видит его во сне, а Romeo-у-CohibaIzolda видят его наяву: «...на голове у него был бронзовый шлем, похожий на маску гладиатора, – каска с широкими полями и пластина в дырочках на месте лица. На этом шлеме было два рога... они были гораздо массивнее и не торчали в стороны, а уходили по шлему назад, сливаясь с ним в одно целое. Если с чем-нибудь сравнивать, было очень похоже на глушители бронзового мотоцикла»[6].

На связь с греческой мифологией указывают также многочисленные символы, главным из которых является лабиринт. Согласно греческим мифам лабиринт это огромное здание, по преимуществу подземное, с массой внутренних дворов и тысячами комнат, с бесконечно длинными, взаимно перепутанными коридорами, с малодоступным входом и труднонаходимым выходом. Построен он Дедалом для царя Миноса, который спрятал туда Минотавра. Встречается понимание мифа и как огромной пещеры с множеством ответвлений[4, С. 244]. В романе у каждого персонажа есть свой собственный лабиринт: аллея в парке, подвал с картонными перегородками, пустая комната со столом, на котором лежит пистолет с одним патроном и лист бумаги, чтобы написать предсмертную записку.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что мифологизм романа «Шлем ужаса» не сводится к простому заимст-

вованию отдельных образов и мотивов из древних мифов. Виктор Пелевин делает попытку взглянуть на миф глазами творца и носителя мифов. Писатель создает в произведении собственную мифологическую систему, с оригинальными авторскими образами и сюжетом. В итоге читатели получили возможность познакомиться не со стилизацией повествования под миф, а с явлением мифотворчества.

Литература

1. Керлот, Х.Э. Словарь символов [Текст]. – М.: Relf-book, 1994. – 603 с.
2. Литературный энциклопедический словарь [Текст] / Ред. В.М. Кожевников и П.А. Николаев. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – 752 с.
3. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа [Текст] / А.Ф. Лосев // А.Ф. Лосев Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – с. 21-186.
4. Лосев, А.Ф. Мифология греков и римлян [Текст] / Сост. А.А. Тахо-Годи; ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1996. – 975 с.
5. Мифология. Большой энциклопедический словарь [Текст] / Ред. Е.М. Мелетинский. – 4-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 736 с.
6. Пелевин, В.О. Шлем Ужаса. – [электронный ресурс] / В.О. Пелевин. – [режим доступа]: http://www.pelevin.info/pelevin_250_0.html
7. Торссон, Э Северная магия: мистерии германских народов [Текст]. – Киев: София, 1997. – 137 с.
8. Фромм, Э Душа человека [Текст]: сб. исследований / Ред. П.С. Гуревич. – М.: Республика, 1992. – 430 с.

Особенности моделирования пространства и времени в сборнике рассказов В. Набокова «Возвращение Чорба»

**Венгренюк В.Г., Ляпаева Л.В.,
Николаева М.И., Романова Н.А.**

*Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия, Kaskad.05@bk.ru*

Русскому читателю Набоков стал известен только в 90-е годы XX века благодаря процессам демократизации и возвращению имён писателей в литературу. Сборник рассказов «Возвращение Чорба» состоит из 15 произведений и относится к раннему периоду его творчества, к 30-м годам. В отечественном и западном набоковедении сложились две противоположных точки зрения в восприятии его произведений. Одна точка зрения связана с отрицанием традиций классики.

Вторая точка зрения связана с признанием его писательского мастерства и необычности проблематики и стиля.

Сборник «Возвращение Чорба» находится в эпицентре указанных споров. Ряд исследователей полагают, что рассказы несостоятельны как в художественном, так и в эстетическом плане. Однако нам ближе точка зрения Ю. Левина, который отмечает своеобразие художественного мира его ранней прозы.

Актуальность данного исследования определяется неизученностью сборника рассказов «Возвращение Чорба» с точки зрения особенностей моделирования художественного времени и пространства.

Новизна данной работы определяется тем, что нами впервые предпринята попытка системного подхода к изучению сборника «Возвращение Чорба» и исследование его под знаком проблем поэтики – пространства и времени.

Известно, что художественное пространство и время - это не слепок с реального, а его эстетическое подобие, через которое выражаются основные концептуальные идеи мира и человека (М. Бахтин).

Главная особенность рассказов сборника «Возвращение Чорба» заключается в том, что все они посвящены трагическим

судьбам людей, оказавшихся вне родной стихии, среды, общества, испытавшим чувство утраты. В рассказе «Возвращение Чорба» эта утрата связана со смертью любимой; в «Картофельном Эльфе» потрясение карлика связано с соприкосновением с истиной; в «Звонке» изображена утрата кровных связей между сыном и матерью; а в рассказах «Порт», «Письмо в Россию», «Сказка», «Рождество», «Пассажир» важна переоценка прошлого героями. Однако все рассказы характеризует разветвлённая структура времени и пространства. С одной стороны, время и пространство в рассказах Набокова точно, конкретно, мы можем говорить, что это и Константинополь, Берлин, Лондон, Франция, Шанхай – фактически весь мир. Время – и метафизическое, и историческое, и календарное. С другой стороны, конкретное пространство и время исчезают, растворяются, превращаются в ирреальное через форму сна, воспоминаний, воображений. Пространство и время чётко делятся на «родное» и «чужое». Все герои рассказов пребывают в «чужом» пространстве, поэтому основным местом действия оказываются номера гостиниц, салоны трамваев, улицы, цирковые арены, купе поездов, станции, кафе, рестораны. «Родное» пространство связано с ностальгией героев и воплощено в образах воспоминаний из прошлой жизни. О противопоставлении «своего» и «чужого» очень часто на страницах рассказов говорится как о том, что «своё» укореняет, держит, не отпускает: «Россия долго держала его..., Россия дала ему отпуск..., Россия не отпускала его» (рассказ «Звонок»). И каждый из героев, находясь в эмиграции, помнит, что он русский. И где бы не находились герои, – в Африке, Англии, Италии, на Канарских островах – они отыскивают и видят всё то, что напоминает им Россию. Поэтому так важен в рассказах интонационный хронотоп. Наиболее ярко он представлен в рассказе «Картофельный Эльф». Главный герой этого рассказа, Картофельный Эльф, артист по профессии, карлик-клоун, всё время пребывает в «чужом» для него пространстве стран, городов, улиц, и даже арена цирка не стала для него «родной». Пространство словно его выталкивает. И это выражено в безликой толпе, смеющейся над ним, а после спектакля – тихим раскатом ночи. Открытое пространство улицы, заполненное человеческим

«стадом», фактически уничтожает Картофельного Эльфа. Всё изображаемое в рассказе имеет двойственную оценку. И даже последнее пристанище Картофельного Эльфа – уютная комната, широкий подоконник, на котором он любит сидеть, - ночью оборачивается кошмаром и одиночеством. Погоня его за Норой фактически обернулась трагедией: улица и толпа высмеивают его, а известие Норы – это и счастье, и трагедия одновременно, суть которой в том, что Фред обрёл сына и погиб сам.

Очень часто в рассказах Набокова противопоставляется «своё» и «чужое» пространство, чтобы передать сложность тех ситуаций, в которых оказались герои («Порт», «Звонок», «Письмо в Россию», «Возвращение Чорба»). Так, в рассказе «Звонок» пространство и время разделяют главных героев – Госпожу Ольгу Кирилловну Неллис и её сына Галатова Николая Степаныча. Неожиданна встреча, которая происходит через 7 лет скитаний, бедствий, страданий меняет и мать, и сына настолько, что когда они встречаются, между ними нет ощущения близости, их разделяет огромная пропасть. Госпожа Неллис настроена на визит молодого гостя, и неожиданно появившийся сын ей мешает. Николай Степаныч не сразу понимает, что он лишний в её жизни. Он ещё пытается говорить о посещении театра, о знакомстве с её визитерами и гостями, но вскоре осознаёт, что это невозможно. Госпожа Неллис сообщает сыну о том, что не в состоянии его содержать, и это обстоятельство заставляет его вдруг реально оценить обстановку. Рассказ завершается не просто уходом сына, а тем, что Неллис не восприняла его уход как утрату. Она сразу же кинулась к телефону, чтобы совершить звонок своему гостю, которого она ждала. А сын её уезжает фактически в никуда. Об этом говорит любопытная фраза: «Мне хочется на север, - в Норвегию, что ли. А то на море, китов бить». Пространство вновь разделяет людей, делаю их чужими, оно не сближает их, как и время (настоящее). Всё лучшее в их жизни – в мире воспоминаний, в их прошлом, связанном с Россией.

В рассказе «Порт» это противопоставление носит несколько условный характер, как и в ряде других рассказов («Сказка», «Рождество», «Гроза», «Бахман»). Есть реальный «чужой» мир,

в котором герои пытаются жить. И есть мир воспоминаний – «свой» мир, который для героев важнее реального. Так, главный герой рассказа «Порт», Никитин, пытается восстановить, спроецировать родное ему пространство не только в сознании, но и найти его в реальности. Так формируется в рассказе «идиллический хронотоп», главной чертой которого является его неизменяемость. Взаимодействие этих начал приводит к тому, что реальность начинает двоиться... И невозможно отличить, где сон, а где реальность. Никитин, приехавший утром из Константинополя, задан как человек, для которого границы условны: он эмигрант, герой дороги, сегодня он в южнофранцузском порту, завтра отправится на корабль «Жан-Бар» по разным морям и странам. Между тем в душе он преодолевает более тонкую, но совершенно неодолимую границу – возвращение на Родину, в Россию. Но это возвращение происходит именно как «соскальзывание» в другой мир через воспоминание.

В снах набоковских героев происходят события, освобождающие их от «материализованной субъективности». Таким образом, через пространство передаются эмоциональные переживания героев.

Таким образом, через моделирование пространства и времени характеризуются взаимоотношения героев с окружающим миром. Пространственно-временная организация не является нейтральной, она подчёркивает значимость каких-либо фактов и событий в жизни героев, устраняя лишнее, неглавное. Пространственные образы важны для передачи внутреннего состояния героев. И даже пейзаж как форма пространства насыщен эмоциональным восприятием. Будущее как форма времени оказывается не просто непрояснённой, а категорией иллюзорной, подчеркивающей неблагополучие судеб героев.

**Мотив пира в романе Карлоса Бальмаседы
«Кулинарная книга каннибала»**

Скопина А.В.

*ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского, г. Чита,
Россия, mora-amor@mail.ru*

Мотив пира, символические пределы которого определяются мифологической традицией, является одним из наиболее древних архетипических мотивов в литературе и мифологии. В большинстве случаев они рассматриваются через призму таких понятий как жизнь и смерть, расцвет и упадок, наслаждение и страдание, Эрос и Танатос и т.д. О. Фрейденберг определяет символическое пространство пира как вкушение даров не только телесных и природных, но и духовных, связывая последние с поэтическим словом-застольной речью [5, с. 62-63]. Д. М. Магомедова в контекст пира вводит древние образы еды и питья, и определяет значение пира с точки зрения коллективного ритуального действия [4, с. 73]. М. Бахтин говорит о карнавальной природе пира и его связи с застольной беседой, рассматривая пиршественные образы в единстве со словом, веселой истиной и мудрой беседой. По словам М. Бахтина, «между словом и пиром существует исконная связь». Также М. М. Бахтин отмечает еще одну сторону пиршественных образов – связь еды со смертью: «Слово «умереть» в числе прочих своих значений значило также и «быть поглощенным», «быть съеденным». Образ преисподней у Рабле неразрывно сплетается с образами еды и питья» [2, с. 120-121]. Ю. Лотман в своих размышлениях о поздних произведениях А. С. Пушкина говорит о «перверсных пирах», то есть пирах мнимых, страшных и губительных для человека. Перверсный пир – это пир, связанный со смертью, с движением от Эроса к Танатосу [3, с. 478].

В данной работе рассматривается мотив пира и связанные с ним образы в романе Карлоса Бальмаседы «Кулинарная книга каннибала». В романе показана перверсная природа пира, имеющая два основных направления – «пир-мир», или исторический пир и пир, как конкретный акт, который является ключе-

вым моментом в произведении. Исторический пир в художественном пространстве романа показан ни как символ миропорядка, гармонии и благополучия, а, наоборот, он противопоставлен им. Это перверсный пир, несущий гибель человеку. Автор показывает нам страшную картину «поедания» себе подобных. И это не каннибализм, в прямом смысле этого слова, а исторический процесс, которым управляют диктаторы, не являющиеся каннибалами на деле, но проливающие кровь невинных людей, истребляя их как животных на скотобойне. Перед читателем разворачивается драма нескольких итальянских семей, которые связали свои судьбы с судьбой Аргентины, в жизни которой были диктатуры, расстрелы, исчезновения людей, предоставление политического убежища нацистам, Перрон и т. д. Все это описано автором на фоне прекрасных и изысканных кушаний, которые подаются на столы пирующих - главы муниципалитета Мар-дель-Платы «вместе с десятком своих преданных друзей и сподвижников: сенаторов и депутатов, упоенных величием власти и неожиданным везением, переполненных тщеславием чиновников, обремененных глупыми устремлениями советников, честолюбивых членов муниципалитета, алчущих популярности»...» [1, с.74-75], местных синдикалистов, управляющих телеканалами, прокуроров, высокопоставленных шлюх и т.д. Автор называет их «плотоядной кастой», которая не отличает вкус свинины от вкуса человеческого мяса.

Пир, как конкретное действие, также получает трагическое изображение. Предметом трагедии становятся традиции созидательного, позитивного пира – Литургии, сердца христианского Богослужения, когда вино и хлеб претворяются в кровь и плоть Христову. Литургия в романе не несет сакрального смысла, она извращается, превращаясь в «большую жратву» или, как называет ее К. Бальмаседа, «гастрономическую литургию». Автор говорит, что люди не едят, а «ублажают свои желудки» [1, с. 211]. Таким образом, трагическая литургия представляет собой бессмысленное поглощение пищи, в качестве основного ингредиента блюд которой выступает человеческое мясо, приготовленное изысканными способами и пользующееся популярностью у посетителей ресторана «Альмасен Буэнос-Айрес», пред-

ставляющего собой нечто, подобное храму. Сюда стекаются люди со всех уголков планеты, гурманы-паломники, желающие отведать известные по всему миру блюда. Также автор описывает книгу, ставшую священной для многих поколений поваров - служителей храма-ресторана «Альмасен Буэнос-Айрес». Эта книга под названием «Поваренная книга Южных морей», была написана двумя выдающимися братьями Лучано и Людовико Калиостро и издана большим тиражом, впоследствии из которого загадочным образом остался лишь один экземпляр, который передавался из поколения в поколение и приравнялся к великому сокровищу, заключающему свод ритуалов и правил по приготовлению восхитительных блюд.

Исходя из вышесказанного, следует рассмотреть аспект ритуального употребления пищи, в котором еда, пир, трапеза, восходят к ритуалу жертвоприношения. В романе данный аспект представлен автором в первобытном смысле, когда акт поедания зачастую связывался с принесением в жертву человека и представлял собой воскрешение через смерть, иными словами - поглощение. [5, с. 56] «Убийство, разрывание, съедание не только животного, но бога и человека, особенно близкого, родного, становится осмысленным. Когда бог убивает перворожденного, или человек убивает человека – это ведет к его воскресению...» [5, с. 61]. Бальмаседа начинает и заканчивает роман пиром плоти, используя кольцевое обрамление, выраженный посредством образа крыс - «Крысиное пиршество продолжалось несколько дней, животные никуда не спешили и не страдали отсутствием аппетита, одни из них отправлялись поползать по дому, потом, оголодав, возвращались, другие вцеплялись в добычу с хладнокровием шакалов» [1, с. 10]. Семимесячный Ламброзо, в будущем ставший гениальным поваром, разделил кровавую трапезу с крысами, которые не обращали никакого внимания на его присутствие, поедая тело его матери, ставшей для них главным блюдом. На другом, заключительном пире, самом главном пире Ламброзо, он сам становится блюдом для крыс, «приправленный и украшенный, словно самое большое и аппетитное блюдо, которое когда-либо подавалось в ресторане» [1, с. 220]. Бальмаседа подчеркивает, что это был самый сказочный пир и самое

вкусное из всех блюд, которые рождает талант Ламброзо, как кулинарного кудесника.

Пир как конкретное действие представляет собой в романе ритуальное, или литургическое, по словам М. Элиаде, действие, открывающее ритуальное времяпространство, в которых происходит соприкосновение с сакральным [6, с. 57]. Цезарь Ламброзо «расшифровывал тайную алхимию, которой пользовались Лучано и Людовико Калиостро» [1, с. 215], он прикасался к сокровенным знаниям, чтобы приготовить «обильное пиршество» из плоти его тети и любовницы Беттины. Для того, чтобы приготовить самое главное в его жизни блюдо, Ламброзо изучал «Поваренную книгу Южных морей» в течении сорока часов. Акт изучения становится сакральным, он переносит повара в искаженную реальность (ритуальное время и пространство, которые открылись ему в мистическом озарении, которое подобно катарсису). И уже неважна дата, а важно то, что Цезарь получил знание, благодаря которому он почувствовал меланхолическую благодать, которая заполнила его тело. Это знание ведет к заключительному, кульминационному пиру, который является точкой жизненного цикла, вслед за которым неминуемо следуют закат, расплата и смерть. Расплата за то, что повар вступил в неестественные отношения с едой, готовя человеческое мясо.

Таким образом, в романе Карлоса Бальмасыды «Кулинарная книга каннибала» показана перверсная природа пира. Пир представлен в двух аспектах – пир, как исторические события, и пир, как конкретный действие, которое связывается с пиром плоти, и становится своего рода религиозным актом, приравненным автором к литургии, несущей сакральные знания.

Литература

1. Бальмасыда К. Кулинарная книга Каннибала: Роман / Пер. с исп. М. Петрова. - СПб.:Издательская группа «Азбука-классика», 2010. - 224 с.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. - М.: Худож. лит., 1990. - 543 с.

3. Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Т. II, Таллин, 1992. - с. 478

4. Магомедова Д. М. Мотив пира в поэзии О. Мендельштама // Мотив вина в литературе: Матер. науч. конференции 27 – 31 октября 2001 г., г. Тверь, 2001. - с. 73

5. Фрейденберг О. Поэтика сюжета и жанра [текст]: / О. Фрейденберг. - М.: Лабиринт, 1997. - 445 с.

6. Элиаде М. Священное и мирское [текст]: монография / Элиаде М. - М., 1994. - с. 8-135.

Влияние Достоевского на творчество Дж.Джойса

Насибова С.Х.

*Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан,
sevinc.n@mail.ru*

Ф.М.Достоевский внес большой вклад в сокровищницу мировой литературы. Он «открыл» новые важные нюансы в культурной парадигме современного мира. Многие выдающиеся деятели культуры и науки воспользовались его «пророческими» видениями. В рамках английского романа XX века особо подчеркиваются эстетические и этические традиции мироотношения Достоевского

Британский писатель и поэт ирландского происхождения Джеймс Джойс (1882-1941) был среди тех писателей, кому было интересно творчество Достоевского. Несмотря на то, что он был модернистом, на него оказали большое влияние русские реалисты Л.Толстой и Ф.Достоевский. Роман «Улисс» – уникальное произведение XX века, принесший Джойсу мировую славу, где прослежена жизнь трех человек на протяжении одного дня. В современном мире он остается одним из широко читаемых англоязычных прозаиков.

Современный русский писатель и философ Игорь Гарин в своей книге «Век Джойса», которая является интересным исследованием по творчеству английского писателя, обратил внимание на тот факт, что настолько Достоевский влиял на современ-

ную мысль, идею, прозу и был одним из открывателей «потока сознания» – приема в литературе XX века. Нам представляется, что данная работа заслуживает внимания. Автор совершенно верно писал, что этот прием широко использовался в его произведениях («Записки из подполья», «Братья Карамазовы»). Мы можем добавить замечаниям автора, что повесть Достоевского «Кроткая», считается истоком стиля «потока сознания».

По мнению Гарина, Дмитрий Карамазов – «гений потока сознания» и «Джойс возник не на пустом месте». Надо отметить, что «Улисс» Джойса считают основным произведением «потока сознания». Мы придерживаемся мнения Гарина, что на Джойса оказывали влияние многие мыслители, в том числе и Достоевский. Русский писатель владел «техникой внутреннего монолога почти с виртуозностью Джойса».

В книге Гарина можно заметить «неоднозначное» отношение Джойса к Достоевскому. Так, в разделе «Из интервью Джойса К.Броку» на вопрос: «не считает ли он Достоевского гением первой величины?» Джойс ответил: «Нет». Это он объяснил так: «Когда Руссо признается, что украл серебряные ложки, которые он действительно украл, – это гораздо интереснее, чем признание какого-нибудь героя Достоевского в убийстве, которого он не совершал». Совершенно точно по этому поводу отметил Гарин: «От греческой трагедии к Достоевскому, от Джойса – к искусству боли – таков путь освоения душевного мира человека, его сознания и подсознания».

Судя по всему, Джойс плохо знал Достоевского – иначе оценивал бы его по-другому. Но во многом они были единомышленниками: отсюда безвинные младенцы Д у б л и н ц е в, карамазовщина Улисса, тонкие и незаметные переходы от внутреннего голоса героя к голосу рассказчика, намеченные Достоевским и доведенные до виртуозности Джойсом» [1, с. 22-23].

Видимо, русская «жестокость и страсть» по Достоевскому, его авторская позиция, писательский стиль были чужды Джойсу, человеку иного менталитета, и, это вызывало у него внутренний протест. Героев Достоевского он считал «нереальными», высказался, что в «Преступлении и наказании» нет ни преступления, ни наказания. Но его такое отношение отнюдь не прини-

жало роль Достоевского в современной литературе. Джойс признавал величие Достоевского в своих разговорах. Его особенно поразил роман «Братья Карамазовы». Проблема «отцов и детей», образ Грушеньки – «проститутки и девы непорочной одновременно», произвели на него большое впечатление. В своем интервью с Артуром Поуером Дж.Джойс говорил о влиянии Достоевского на английский роман: «... Он человек больше, чем любой другой, кто создал современную прозу, и усилил ее к современной подаче. Именно его взрывчатая власть разрушила Викторианский роман» [4, p.98].

Профессор университета Пурду (США) М.Чарч близость Достоевского с Джойсом показывала опосредствованной. Исследуя структурные элементы, лежавшие в романах вышеназванных писателей, она пришла к выводу, что все эти произведения по художественной форме связаны с «Дон-Кихотом» Сервантеса, который является «предком всей беллетристики». По мнению автора, структуры романов Достоевского и Джойса имеют отношение близко с внутренними мирами их ведущих фигур [3].

Несмотря на различные мнения, мы считаем, что влияние русского писателя на Джойса неоспоримо. Достоевский оказал большое влияние на произведения английского романиста. Он использовал прием «потока сознания» еще в «Кроткой» – задолго до Джойса. Эта повесть является одним из его последних произведений, где речь идет о муже, жена которого покончила жизнь самоубийством. Достоевский назвал это «фантастическим рассказом» и объяснил, что его содержание состоит из «потока мыслей» рассказчика.

Главный герой «Кроткой» – рассказчик хочет осмыслить то, что происходит в их жизни, говорит с самим собою. Он несколько раз «противоречит себе, и в логике и в чувствах». Ему удастся собрать свои «мысли в точку». Правда открывается только ему в конце «потока мыслей». От «Кроткой» Джойс унаследовал передачу внутренней речи и использовал в своих произведениях.

Достоевский в «Преступлении и наказании» связал «нечистую силу» с «психическим расстройством» (Свидригайлов).

Этот элемент можно найти в сборнике «Дублинцы» («Dubliners», 1905-1914). В этот сборник вошли ранние реалистические рассказы Джойса, в том числе рассказ «Мертвые» («The Dead»). «Дублинцы» – это правда о духовной жизни ирландской нации. Джойс, как Достоевский, изобразил зловещие признаки «духовного нездоровья» своих современников. «Мертвые» – психологическая проза раннего Джойса. Тема физической смерти и духовного возрождения описана очень пронзительно, и этот контраст создает особый поворот в душе Габриеля – главного героя рассказа. В отличие от Достоевского, Джойс оставил без ответа важные вопросы бытия. Габриель ощущает глубокое чувство, но он не в состоянии выразить это кому-либо другому. Он понимает, что никто не может достичь этого в одиночку. Это состояние «современного человека». «Слезы застилали ему глаза, и в полумраке ему казалось, что он видит юношу под деревом, с которого капает вода. Другие тени обступали его. Его душа погружалась в мир, где обитали сонмы умерших. Он ощущал, хотя и не мог постичь, их неверное мерцающее бытие. Его собственное «я» растворялось в их сером неосознанном мире; материальный мир, который эти мертвецы когда-то созидали и в котором жили, таял и исчезал» [2, с. 252].

Джойс написал великолепную книгу про Дублин, а Достоевский гениально писал про Петербург. В своих романах Достоевский современный город противопоставил отсталой деревне. Этим он создал символический город. Об этом Джойс говорил в «Беседах». Концепт «город» играл важную роль в их творчестве.

Таким образом, типология художественных образов и литературное заимствование еще раз доказывает, что есть немало сходства в подходах двух писателей к проблеме человека и Достоевский оказал значительное влияние на взгляды Джойса.

Литература

1. Гарин И.И. Век Джойса. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002, 848 с.
2. Джойс Дж. Дублинцы (рассказы). Пер. с англ. под ред. И.А.Кашкина. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010, 253 с.

3. Church Margaret. Structure and Theme «Don Quixote» to James Joyce. Columbus: Ohio State University Press, 1983, 207 p.

4. Power Arthur. Conversations with James Joyce. Ed. Clive Hart. London: Millington, 1974, 111 p.

Терминологические разночтения в сравнительном литературоведении

Галай К.Н.

*Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия,
galay_karina@mail.ru*

Необходимость выделения сравнительных исследований диктуется расширением взаимовлияний культур, процессами стирания границ между национальными культурами и соответственно их литературами. По мнению ученых, такие исследования необходимы, так как восприятие конкретного произведения, творческого наследия писателя в иноязычной среде позволяет обнаружить новые качества в литературном процессе [1].

Интересная задача типологического литературоведения заключается в изучении литературы народов, имеющих историческую общность. Пример – литературы Англии и Германии, возникновении в них романтизма как особого культурного движения XIX века, возникших в этих странах. Удивительная схожесть, представляющая научный интерес, проявляется при анализе таких авторов как немец Новалис и англичанин У.Блейк, немец Гёрдерлин и англичанин П.Б.Шелли, немец Л.Тик и англичанин С.Кольридж. Думается еще более интересно то, что типологическая общность открывается при сравнении литератур народов, не имеющих исторической общности. Пример - рыцарский эпос в литературе разных народов: в Западной Европе, у арабов, иранцев, в литературе Грузии и Японии. Условием его появления понятно было существование у этих народов того, что лишь по обобщенному определению можно назвать рыцарством. И понятно мнение Ю.Виппера, который пишет, что

«...без усовершенствования метода сравнительного анализа не построить и комплексную историю искусств (хотя бы даже в рамках одной эпохи), не говоря уже о комплексной истории духовной культуры в целом»[2].

Меняется мир, меняются парадигмы учения. Существенное влияние на развитие современных гуманитарных наук в последние годы оказало исчезновение идеологических запретов в целом ряде стран. Прав был ученый, который писал, что «чем больше расширяется – географически и исторически – круг литературных явлений, тем очевиднее становится взаимосвязь этих явлений или, во всяком случае, необходимость изучать их в сопоставлении, не изолированно, а в общем контексте художественной деятельности человека»[3].

В связи с изменениями, произошедшими в России в последние десятилетия, происходит изменение старой терминологической базы. Созданная в советское время база, нуждается в обновлении, а от некоторых понятий приходится вообще отказываться, поскольку они уже не актуальны. На смену научных парадигм влияет социокультурный контекст, междисциплинарные подходы, интермедиальность, глобализация и т.д. Новая методология включает в себя как старые, так и новые нормы, понятия.

В рассматриваемой отрасли литературоведения можно найти терминологическое разночтение. У исследователей разнится содержательный план понятий: компаративистика, сравнительно-историческое литературоведение, сравнительное литературоведение, сопоставительное литературоведение и т.д. Прав ученый, отмечавший, что «в каждой стране, даже у отдельных авторов, особенно в зависимости от объекта исследования, сравнительное литературоведение имеет некоторые особенности...»[4]. При этом он говорил, что несмотря на существующие черты различия, это направление имеет общую специфику, делающее его явлением новым в общей истории литературоведения.

Разночтения в содержательном плане естественно приводит к разному пониманию предмета науки. Компаративистика не ограничивается бинарным сопоставлением. Одни ученые соеди-

няют термины сравнительное литературоведение и компаративистика, другие, наоборот, их разграничивают и считают совершенно разными отраслями литературоведения.

Думается наиболее правильно полагать, что термин компаративистика обозначает **самую общую дисциплину**, которая исследует связи, изменения, общее и различное между литературами, своеобразие межлитературных связей и влияния, а также особенности литературного развития, которые простираются над языковыми границами и определяют своеобразие литератур. Она ведет сравнение между национальными литературами, внутри одной литературы, сопоставление творческих индивидуальностей, сопоставление литературных феноменов с феноменами из других видов искусств, например, музыки и живописи. «...Последовательное толкование смысла компаративистики не допускает полного исключения из нее каких бы то ни было генетических или типологических связей независимо от того, относятся они к межлитературной сфере или к одной национальной литературе»[5]. А в основе компаративистики лежит совокупность сравнительно-сопоставительных методов. При этом особое значение, как считают ученые, «приобретает вопрос, что следует понимать под понятиями "сравнительное" и "сопоставительное литературоведение"»[6].

Сравнительное литературоведение изучает различные национальные литературы в их общем и специфическом содержании, литературные взаимосвязи и взаимовлияния, а также взаимодействия национальных литератур с мировой. Например, на рубеже XIX-XX вв. можно наблюдать очевидный рост взаимовлияний русской и западноевропейской литератур. Взаимовлияния Г.Флобера и И.Тургенева, влияние эстетики Э.Золя на отечественных «натуралистов» А.Амфитратова, П.Боборькина и др. Влияние творчества М.Горького на Б.Шоу, Дж.Лондон и др. Влияние наследия французских «проклятых» на формирование эстетики российского модернизма.

Эта отрасль концентрирует свои усилия на литературах более близких друг другу в обще-историческом и культурном плане, достаточно указать на литературы славянских народностей. Оно выделяет, например, типический образ богатыря, встречае-

мый в эпических песнях всех славян (сербов, болгар, русских, белорусов, поляков, чехов и т.д.). Существует ряд любопытных схождений в описании богатыря, его незаурядной силы, в описании героя в заключении, и в его хитроумном освобождении. Есть и другие совпадающие мотивы: герой узнает у врага свое оружие, братья не узнают друг друга в бою, богатырь «вгоняет» своего противника в землю и т.д. В зависимости от методологии исследования, сравнительный метод может быть сравнительно-историческим, сравнительно-типологическим, структурно-функциональным, формально-стилистическим и т.д.

В рамках сравнительного литературоведения изучаются сходные явления в литературах, универсальные понятия и категории такие как архетип, диалог, тип художественного сознания и пр.

Сравнение литератур предполагает рассмотрение в них сходных элементов, но если возникает вопрос о различиях между литературами, то тогда, вероятно, целесообразнее говорить о сопоставительном методе. Действительно, трудно применять сравнительный метод при изучении национально обусловленных различий в словесности. Вероятно малопродуктивно сравнение психологического портрета например у М.Горького, Э.Золя, Т.Драйзера, у Ги де Мопассана и И.Бунина. Здесь именно сопоставительный метод поможет рассмотреть взаимосвязи литературы и других видов искусств или наук, так как сопоставление шире сравнения. В рамках рассматриваемого метода проводятся сопоставительные исследования жанров литературы и кино, литературы и театра, литературы и других наук.

Таким образом, сопоставительное литературоведение основывается на типологическом сопоставлении, предложенном и развитом отечественными учеными в последние десятилетия XX века, изучение сущностно несходных литератур при отсутствии прямых контактных связей. Такие сопоставления в последнее десятилетие проводят достаточно активно на разных содержательных уровнях, таких как, автор, сюжет, персонаж и т.д. Например, типологические схождения русской и зарубежной реалистической прозы XIX-XX вв. Здесь можно отметить указания исследователей на представление сильной личности у

А.Куприна и Р.Киплинга, человека в условиях гражданской войны у М.Шолохова и Э.Хемингуэя, деградации личности, утратившей нравственную основу, в русской и американской реалистической прозе у Ю.Трифонова и Дж.Апдайка и др.

Некоторые современные ученые считают сопоставительное литературоведение самостоятельным разделом литературоведения, который имеет свой объект и методику исследований, и считаю, что именно сопоставительное литературоведение сближает литературоведение с другими гуманитарными науками, такими как культурология, антропология, философия, психология, социология и т.д.[7] Результативность сопоставительного метода находится в прямой зависимости от глубины анализа конкретного литературного материала, от умения исследователя правильно квалифицировать отдельные художественные средства и приемы.

Сравнительное и сопоставительное литературоведения являются важными направлениями современной филологии, конечно, их методы выявления контактно-генетических связей и типологических схождений и расхождений, как правило, переплетаются между собой. Таким образом, о компаративистике можно говорить как совокупности сравнительно-сопоставительных методов, приложимых к исследованию различных литератур.

Литература

1. Селитрина Т.Л. Преемственность литературного развития и взаимодействие литератур. М., Высшая школа, 2009. С.6
2. Виппер Ю.Б. О некоторых теоретических проблемах истории литературы// творческие судьбы и история (О западноевропейских литературах XVI – первой половины XIX века).- М., 1990.- С. 285
3. Там же. С.285-311
4. Конрад Н. И. Проблемы современного сравнительного литературоведения [1959]// Избранные труды. Литература и театр. М., 1978 С. 33
5. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979. С.61

6. Аминова В.Р. О категориях сопоставительного литературоведения //Сопоставительная филология и полилингвизм. Казань. 2003 С. 191

(<http://www.ksu.ru/fil/kn1/index.php?sod=0>)

7. Там же. С.200

Пасхальный архетип в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»

Авасяпянц О.В.

*Северо-Осетинский государственный университет им.
К.Л.Хетагурова, г. Владикавказ, Россия, olzya86@mail.ru*

Значение культурного концепта Пасхи в мировой и особенно русской культуре сложно переоценить. И.А. Есаулов, уделивший большое внимание пасхальному архетипу в контексте всей русской православной культуры, называет роман «Доктор Живаго» пасхальным романом [3]: идея окончательного торжества жизни вечной над суетностью земного существования в принципе обусловила замысел романа. Действительно, он открывается сценой смерти матери Юрия, а заканчивается смертью главного героя; однако последние строки романа:

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко Мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты (645)

- напротив, утверждают окончательную победу жизни над смертью.

Постоянно апеллируя к библейским сюжетам и библейским персонажам, автор стремится перенести действие романа, происходящее в реальном времени и пространстве, во вневременной и непреходящий мир вечности. Ответ на вопрос, возможно ли преодолеть смерть, наверное, можно назвать одним из самых

насущенных, волнующих, тревожных для человечества: «Я думал, что все бессмертно. И пел песни. Теперь я знаю, что все кончится. И песня умолкла», - писал В.В. Розанов [5, с. 277]. Однако Пастернак не удовлетворяется таким выводом. И на страницах романа многократно звучат идеи о поиске пути личности из мира временного к жизни вечной: «А что такое история? Это установление вековых работ по последовательной разгадке смерти и ее будущему преодолению» [4, с. 105]. Для христианства идея вечной жизни имеет большое значение, и она связана со смертью и воскресением Иисуса, поскольку именно через принесение его в жертву человечеству был дан шанс на спасение. Пастернак видит выражение этой идеи в словах одной из песен на Благовещение, которые в романе произносит Сима Тунцева: «Адам хотел стать Богом и ошибся, не стал им, а теперь Бог становится человеком, чтобы сделать Адама Богом» [4, с. 509].

Идея воскресения и вечной жизни сосредоточена в стихотворениях «На Страстной» и «Гефсиманский сад». Причем большая часть обоих стихотворений посвящена образу смерти, и лишь в конце, в последних строфах, появляется собственно воскресение: «Смерть можно будет побороть / Усильем Воскресенья» [4, с. 617] и «Я в гроб сойду и в третий день восстану» [4, с. 645]. После полного погружения читателя в атмосферу тоски и скорби в последней строфе словно совершается внезапный взлет, озарение. Таким резким смещением смысловых планов автор добивается дополнительной акцентуации на идее воскресения. Это видно даже в отдельных элементах стихотворений, где все словно построено на противопоставлениях:

Еще кругом ночная мгла.
Такая рань на свете,
Что площадь вечностью легла
От перекрестка до угла [4, с. 616]

- и:

Лужайка обрывалась с половины.
За нею начинался Млечный Путь [4, с. 644].

Время суток, «избранное» автором для перехода к вечности – ночь перед рассветом, что тоже, безусловно, символично. Утра не наступает ни в одном из стихотворений, но оно уже скоро, вот-вот наступит, мы его только предвидим. Собственно воскресения не происходит, а намечается лишь его предчувствие. В этой особенности также проявляется идея романа как *пророчества*.

Роман построен на совмещении двух планов: естественного (земного) и сверхъестественного (вечного). Происходящее по сюжетной линии романа овеяно для автора настроением смерти, причем не скорого конца, а постепенного умирания, отсюда и такое внимание к смерти и в прозаической части, и в стихотворениях, связанных с архетипом воскресения. Переход же к вечной жизни не мог состояться в рамках прозаической части романа, но он уже предрешен: «Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победой, как думали, но все равно предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание» [4, с. 614]. И хотя прямых отсылок к Воскресению в отрывке нет, все же общее настроение грядущей глобальной перемены и связанных с ней радостных надежд создает некую ассоциацию с данной идеей. Мир тварный, как говорят религиозные философы, стоит на пороге воскресения, оно так близко, «только-только распогодь», как будто уже произошло. Тем не менее, оно не происходит для самого автора романа, что тоже сближает освобождение, о котором он пишет, с христианской жизнью вечной: оба эти понятия остаются недостижимым метафизическим идеалом.

Предрешено и духовное воскресение Юрия. Друзья читают «тетрадь Юрьевых писаний» (обратим внимание на слово *писание*, отсылающее нас к другому Писанию) и чувствуют то самое настроение свободы: «И книжка в их руках как бы знала все это и давала их чувствам поддержку и подтверждение» [4, с. 614]. Весь эпизод овеян присутствием Юрия, давно умершего. На Гордона и Дудорова, как на библейских апостолов, словно снисходит божественная благодать, дающая им чувство умиротворенности и освобождения: «Состарившимся друзьям у окна

казалось, что эта свобода души пришла, что именно в этот вечер будущее расположилось ощутимо внизу на улицах, что сами они вступили в это будущее и отныне в нем находятся» [4, с. 614]. То есть, подобно апостолам, которым за преданность Христу обещано было приобщение к жизни вечной, они чувствуют принадлежность будущему, еще не познанному ими, поэтому в их воображении столь прекрасному: «Счастливое, умиленное спокойствие за этот святой город и за всю землю, за доживших до этого вечера участников этой истории и их детей проникало их и охватывало неслышною музыкой счастья, разливавшейся далеко кругом» [4, с. 614].

Таким образом, воскресение Юрия тесно сплетается с всеобщим воскресением, как его судьба сплелась с судьбой России. В этом можно усмотреть архетип юнгианского цикла – архетип самости как неразрывное слияние сознательного и бессознательного аспектов бытия, который вновь возвращает нас к архетипу Христа [6]. Безусловно, эта целостность в контексте общего замысла романа несет гораздо более обширное значение: неотъемлемость судьбы личности от судьбы мира дает произведению, помимо социального пафоса, *инобытийный* смысл вневременной и внепространственной вечности [2]. «Главный философ» романа Николай Николаевич Веденяпин, для которого вопросы бессмертия и Христа стали ключевыми, выразил эту мысль так: «В основе этого лежит мысль, что общение между смертными бессмертно и что жизнь символична, потому что она значительна» [4, с. 137].

Вначале Юрий, будучи еще слишком молод, большую часть своих соображений о Христе и бессмертии заимствует от дяди. Поэтому до какого-то переломного момента в его жизни мы не встретим в романе каких-либо высказанных им вслух идей. Впервые мысль о Воскресении осознается им как собственная, когда умирает мать Тони. Только для Юрия «мостиком» к бессмертию становится не Христос, а творчество [4, с. 184]. Однако для Пастернака творчество и вдохновение неразрывно связаны с образом Христа. Вот что об этом писал С.С. Аверинцев: «поскольку «Самость» предполагает единство сознания и бессознательного, настоящая стихия для него – художественное творче-

ство» [1, с. 139]. Значит, так или иначе творчество как путь к бессмертию в архетипическом понимании вновь возвращает нас к Христу.

В конце шестой главы «Московское становище» воскресение впервые предстает Юрию не как идея, заимствованная им от дяди и из Евангелия, а во всей своей архетипической сущности. Она приходит к нему в бреду, когда сознание почти покидает его и рациональное мышление уступает место образам бессознательного. Он пишет поэму «Смятение», в которой его собственное «я» сливается с образом Христа. Постепенно становится понятным, что герой переживает мысль о своей смерти, которая присутствует и во внешнем слое повествования, где Юрий пишет поэму: «Совершенно ясно, что мальчик этот – дух его смерти или, скажем просто, его смерть. Но как же может он быть его смертью, когда он помогает ему писать поэму, разве может быть польза от смерти, разве может быть в помощь смерть?» [4, с. 302-303]. Болезнь Юрия, при которой он как бы выпадает из жизни, соотносится с этими тремя днями временной смерти Христа. Для Юрия этот момент подошел вовремя и неслучайно, он не мог прийти раньше: «Он пишет с жаром и необыкновенной удачей то, что он всегда хотел и должен был давно написать, но никогда не мог, а вот теперь оно выходит» [4, с. 302]. Этому моменту предшествовало тяжелое время голода и беспокойства в Москве, которое стало для Юрия и его семьи настоящей пыткой. Путь мученичества, страдания Юрия аналогичен библейской истории Христа.

Смерть присутствует во внутреннем круге повествования, где Юрию представляется лежащий в гробу распятый Иисус: «Он всегда хотел написать, как в течение трех дней буря черной червивой земли осаждает, штурмует бессмертное воплощение любви, бросаясь на него своими глыбами и комьями, точь-в-точь как налетают с разбега и хоронят под собою берег волны морского прибоя. Как три дня бушует, наступает и отступает черная земная буря» [4, с. 303]. В подсознании героя смерть – это не успокоение, а жестокая борьба тех сил, которые корнями уходят в наши древнейшие архетипические представления; но только в данном контексте они уже несут ярко выраженный ха-

ракетер метафоры, а кроме того, появляется яркая эмоционально-экспрессивная окраска: в противовес «черной червивой земли», давящей своей мощью и разрушительной силой, – слабое и беззащитное «воплощение любви», которое вынуждено это переносить. И в самом конце звучит сильный аксиологический мотив, суть которого в призыве к победе любви, добра, гармонии, в рывке к жизни вечной: «Рады коснуться и ад, и распад, и разложение, и смерть, и, однако, вместе с ними рада коснуться и весна, и Магдалина, и жизнь. И – надо проснуться. Надо проснуться и встать. Надо воскреснуть» [4, с. 303].

Короткая и вроде бы непримечательная фраза «надо проснуться» становится знаковой для Юрия и несет почти мистический смысл: она является герою и в момент похорон матери Тони, когда он чувствует сильное недомогание и в бреду произносит молитву «Трисвятое». Примечательно, что речь в данном случае идет о смерти другого человека, который даже не приходится родным Юрию. Однако, по-видимому, это восприятие смерти лежит за пределами субъективности, она является к нему как некая данность и производит всегда одинаковое впечатление тяжелой неотвратимости. В то же время в каждом из таких отрывков – неизбежное воскресение героя. В данном отрывке оно знаменуется необычайным творческим взлетом, вдохновением, снизошедшим на Юрия: «Сейчас как никогда ему было ясно, что искусство всегда, не переставая, занято двумя вещами. Оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь» [4, с. 184-185].

Нужно отметить, что у Юрия не одно воскресение, как у библейского героя, а несколько, и все они так или иначе связаны с появлением в его жизни Лары. Дважды в романе слышится напев соловья: «Очнись! Очнись!», - который ассоциируется у Юрия с текстом «Канона молебного при разлучении души от тела»: «Душе моя, душе моя! Восстани, что спиши!» [4, с. 400]. И в обоих случаях это шелканье соловья связано с мыслями о Ларе, голос которой, как кажется герою, постоянно призывает его к жизни. Вслед за каждым из «воскресений» происходит некое озарение в душе героя, перелом, своеобразная «точка невоз-

врата», последняя из которых – его физический уход из жизни и последующее воплощение уже в ипостаси бессмертного творца.

С этой точки зрения интересен эпизод тринадцатой части «Против дома с фигурами», когда Юрий лежит в беспамятстве один в доме Лары. Отрывок очень напоминает эпизод из «Московского становища». Та же болезнь у Юрия, тот же мучительный бред и незримое присутствие смерти, то же одиночество и одна-единственная мысль: «весь вопрос в том, что возьмет верх, жизнь или смерть» [4, с. 489]. Более того, герой в бреду, решив, что он сходит с ума, произносит слова, которые произнес Христос на кресте, в отчаянии обращаясь к Отцу: «В слезах от жалости к себе он беззвучным шепотом роптал на небо, зачем оно отвернулось от него и оставило его. «Вскую отринул мя еси от лица Твоего, Свете Незаходимый, и покрыла мя есть чуждая тьма окаянного» [4, с. 490] (для сравнения: «Боже Мой, Боже Мой! – для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46)). Эти слова из Евангелия приобретают для героя особое значение, вот почему он повторяет их дважды: первый раз – от горечи от потери семьи [4, с. 486], второй – в отчаянии от того, что, потеряв и Лару, он потерял последнее, что у него было [4, с. 490]. Здесь в повествование входит архетипический мотив *страдания*, пройдя сквозь которое, Юрий преодолевает еще один этап своего духовного становления.

Тьму, сгустившуюся в эти моменты вокруг Юрия, вновь разгоняет свет, символ божественного присутствия, озарения. Это и реальный свет заглядывающей в окна зари, и свет внутренний, рождающийся в душе самого героя: «Не сам он, а что-то более общее, чем он сам, рыдало и плакало в нем нежными и светлыми, светящимися в темноте, как фосфор, словами» [4, с. 489]. И в момент почти полного упадка сил и потери связи с действительностью около него оказывается Лара: «И вдруг он понял, что он не грезит и это полнейшая правда, что он раздет, и умыт, и лежит в чистой рубашке не на диване, а на свежепостланной постели, и что, мешая свои волосы с его волосами и его слезы со своими, с ним вместе плачет, и сидит около кровати, и нагибается к нему Лара» [4, с. 490]. Слышится переключка с известным

библейским эпизодом, описанным в стихотворении «Магдалина II» живогаковского цикла:

Ноги я Твои в подол уперла,
Их слезами облила, Иисус,
Ниткой бус их обмотала с горла,
В волосы зарыла, как в бурнус [4, с. 634].

Лара, появившаяся рядом с Юрием для заботы о нем, отсылает нас к образу Марии Магдалины, которая не только присутствовала на казни Иисуса, но и первой узрела его воскресшим, став, таким образом, спутницей Христа на его пути к бессмертию. Этот момент библейского сюжета, как и сам образ Магдалины, был особенно важен для Пастернака. Вспомним отрывок из стихотворения «Август», в котором лирический герой, стоя перед лицом грядущей смерти, просит лишь об одном: «Смягчи последней лаской женскою / Мне горечь рокового часа» [4, с. 630]. Лара, подобно Магдалине, помогает Юрию пережить смерть – парадокс, однако, являющийся ключевой идеей романа.

Таким образом, узловым архетипическим мотивом «Доктора Живаго» можно назвать Воскресение. Роман, представляющий собой повествование о трагическом пути мыслящего, одаренного человека в тяжелый период русской истории, вбирает в себя множество философских умозаключений, архетипических ассоциаций, связанных с предчувствием величайшего триумфа личного сознания. Сам автор верит в грядущее возрождение и подчиняет этой идее весь роман.

Литература

1. Аверинцев С.С. Аналитическая психология К.Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // Вопросы литературы. – 1970. – №3. – с. 113 – 143.
2. Власов А.С. «Смерти не будет» (Интерпретация стихотворения Б.Пастернака «Гефсиманский сад») [электронный ресурс]. URL: <http://alstvlasov.narod.ru/articles/008.html> (дата обращения - 1.12.2011).

3. Есаулов И.А. Рождество или Пасха – что главнее? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ippo.ru/pravoslavnyeprazdniki-v-literature-i-zhivopisi-pashaljnye-motivy-v-russkoj-literature-4.html> (дата обращения - 31.10. 2011).

4. Пастернак Б. Л. Стихотворения. «Доктор Живаго» / Б.Л. Пастернак. – М.: Дрофа, 2008. – 670 [2] с.

5. Розанов В.В. Соч.: В 2 т. Т. 2 / В.В. Розанов. – М.: Правда, 1990. – 711 с.

6. Юнг К.Г. Христос, символ Самости [электронный ресурс]. URL: <http://www.jungland.ru/node/1786> (дата обращения - 24.10.2011).

Художественно-документальная повесть С.Алексиевич «Цинковые мальчики: специфика жанра

Волкова С.А.

*Сыктывкарский колледж сервиса и связи, г. Сыктывкар,
Россия, e-mail- SAV4775@ya.ru*

Художественно-документальная проза – это особое направление в русской литературе, которое определено полнотой исторического содержания, своеобразно заявленной авторской позицией, организацией материала на основе принципа монтажа

Художественно-документальная проза исследует исторические события и явления общественной жизни путем анализа документальных материалов, воспроизводимых целиком, частично или в изложении. Одной из особенностей современного литературного процесса является использование документов в различных жанрах. Художественно-документальная проза составляет неотъемлемую часть литературного процесса, по-своему отражая его особенности, опираясь на реалистические традиции и обогащая их. Документ нередко является для художника своеобразным импульсом, побуждением к созданию произведения. Выполнив функцию предпосылки, он полностью растворяется в художественной ткани, обычно не напоминая о себе. Иное дело,

когда документ организует художественное повествование либо непосредственно лежит в основе произведения. В таких произведениях можно выделить два основных организующих начала — документальное и художественное. Соотношение этих двух начал в произведении правомерно использовать в качестве критерия для обозначения разновидностей художественно-документальной прозы.

Светлана Алексиевич принадлежит к кругу писателей, которые в своих произведениях искали новые формы организации текста и авторского самовыражения. Свой творческий путь Алексиевич начинает как журналистка, затем переходит в прозу. Сама С. Алексиевич так определяет свой путь к прозе: «Я писала очерки, публицистику, и мне было интересно. Но все же тесновато в этих рамках».² Начиная как журналист, она со временем открыла свой специфический жанр – полифонический роман-исповедь, коллаж из документальных свидетельств, рассказ большого людского сообщества о самом себе. В произведениях С. Алексиевич, опубликованных в 80-90 годах («У войны не женское лицо», «Последние свидетели», «Цинковые мальчики») художническое внимание к «памяти народной» обнаруживается не уход в прошлое, а «поворот непосредственного изображения событий к их «вторичному» переживанию в свете оценки с этических позиций».³

Особое место в творчестве С. Алексиевич занимает художественно-документальная повесть «Цинковые мальчики» – книга о вторжении советских войск в Афганистан, в которую вошли драматические исповеди солдат, прошедших опыт этой войны. К наиболее сильным страницам повести относятся именно исповеди солдат, прошедших Афганистан – людей раздвоенных, неуспокоенная память которых вновь воскрешает картины бессмысленного зла и жестокости, творимых ими на войне; если

² Алексиевич Светлана. Моя единственная жизнь. Беседу вела Татьяна Бек// Вопросы литературы, 1996, № 1- С. 205-206.

³ Драгомирецкая Н.В. Поэтика времени в современной прозе и проблема переосмысления художественного образа. // Философские науки. – 1987. - №4. – С. 7.

героинь книги «У войны не женское лицо» отличала внутренняя цельность, то герои «Цинковых мальчиков» вызывают смешанное чувство сострадания и ужаса. В своём произведении С.Алексиевич приковывает внимание к исповедям людей. Но эти исповеди растворяются в разнородном документальном материале, который не объединён движением авторской обобщающей мысли.

Документальное начало в произведении «Цинковые мальчики» объективно, прямо не связано с личностью автора: структуру этих книг организуют разговоры и рассказы людей, прошедших войну, их размышления и думы о жизни, о войне, о себе и других, о своих и врагах, но это не просто стенографическая запись бесед и рассказов, литературно обработанных. Автор выбирает неожиданный ракурс: нравственный аспект проблематики; в этих книгах мало собственно военного и специального материала, их заполняет «избыток материала человеческого», в прямой их оценке, обобщении и конкретизации. С.Алексиевич занимают проблемы экзистенциального характера: сохранения личности в нечеловеческих условиях, исторического самоотчёта, проблема выбора человека в «пограничной» экстремальной ситуации.

Авторское «я» проявляется прежде всего в отборе, активном осмыслении документального материала. С.Алексиевич включает в документальное повествование о давно прошедшем рассказ, о самом процессе поиска – свой дневник, включающий не только географию поиска, но и все чувства, переживания автора: «Правда, я долго сомневалась, - пишет С.Алексиевич в начале повествования, – имею ли я право писать в этой книге «я чувствую», «я мучаюсь», «я сомневаюсь»? ⁴ Открытость, непосредственность эмоционального начала, искренность интонации, порой исповедальность авторского слова с самого начала исключают бесстрастный, аналитический, деловой подход к излагаемому документальному материалу. Время авторского осмысления, переживания «своей» войны становится ведущим в организации композиционной структуры произведения.

⁴ Алексиевич С. Цинковые мальчики. – М.: Время, 2007.- с. 8

Герои «цинковых мальчиков» – это, прежде всего, солдаты, пережившие весь ужас на войне и тут же попавшие в ужас гражданской жизни.

Искусство Алексиевич заключается в том, что она смогла обозначить своего главного героя несколькими эпизодами, не дала нам его полной оценки. В большинстве произведений данного жанра разрабатывается образ главного героя, развивается ряд сюжетных линий, авторы помещают своего персонажа в контуры вещно-предметного мира. Герой же С. Алексиевич уникален своей жизненной позицией, которую мы не знаем, но можем предположить, что эта жизнь его жестоко обидела. Скорей всего он одинок, ему некому рассказать о своих проблемах, о своих обидах на жизнь и судьбу. И он приходит к Светлане Алексиевич, но пока ему не хватает духа, чтобы «исповедаться». Сам мотив телефонного звонка, врывающийся в тишину, нарушая тихую и размеренную жизнь, вносит момент тревожности, момент тайны. «Утром длинный, как автоматная очередь, звонок: «Послушай, – читал он, не представившись, – читал твой пасквиль, если ещё хоть строчку напечатаешь...»⁵ Возникает он ниоткуда, исчезает он в никуда. А ведь его история могла бы стать центральной, но, только нам не дано её узнать. Его история – это история всех героев-афганцев в совокупности. На первый взгляд, может показаться, что такого рода герой в жанре документально-публицистической повести не должен представлять для писательницы особой ценности. Для неё важен рассказ, документ, но жанр «Цинковых мальчиков» отличается особым присутствием в чужом документе авторского «я». Поэтому здесь автору интересен не просто документ, его сухая сторона, а интересен каждый отдельный человек, стоящий за этим документом.

Таким образом, в анализируемом произведении С.Алексиевич важна не только документальная и фактическая точность, которая призвана удовлетворить общественную потребность в углублённом знании «недополученных» фактов и документов, но и сам

⁵ Алексиевич С. Цинковые мальчики. – М.: Время, 2007.- С. 34

принцип эмоционального и нравственного воздействия на читателя.

Структура произведения отражает ведущие тенденции литературного процесса восьмидесятых-девяностых годов XX века: сосредоточенность на нравственном аспекте социальной, злободневной и экзистенциальной проблематики и стремление к большей активизации авторской позиции. Авторское присутствие можно ощутить в тщательном отборе галереи персонажей, строгом следовании логике факта, композиционной строгости (она заявляет о себе в монтажной сращённости, смысловой насыщенности фрагментов-исповедей).

Литература

1. Алексиевич С. Моя единственная жизнь. // Вопросы литературы, 1996, № 1- С.205-28
2. Алексиевич С. Цинковые мальчики. – М.: Время, 2007.- 400 с. (Голоса Утопии).
3. Драгомирецкая Н.В. Поэтика времени в современной прозе и проблема переосмысления художественного образа // Философские науки. – 1987. - №4. – с. 3-10.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Значение экспорта рабочей силы для развивающихся государств (на примере Индии)

Галищева Н.В.

Московский государственный институт международных отношений МИД России (Университет), г. Москва, Россия, galistcheva@yandex.ru

Глобализация и интернационализация мировой экономики и социальных процессов способствовали усилению мобильности населения многих государств мира. Страны-экспортеры рабочей силы и принимающие государства стали рассматривать международную миграцию в качестве важного фактора экономического развития.

Перераспределение рабочей силы из трудоизбыточных стран Азии (в том числе Индии) в принимающие государства Северной Америки, Западной Европы, Персидского залива и др. особенно усилилось в последние десятилетия, когда численность трудящихся мигрантов, по оценкам, возросла на 50% и в 2010 г. в. достигла 215 млн человек (около 3% населения планеты). Масштабы миграции возрастают, т.к. темпы экономического роста многих развивающихся государств не позволяют обеспечить возрастающее население дополнительными рабочими местами и источником дохода на родине. При этом многие развитые страны заинтересованы в привлечении дополнительной рабочей силы (зачастую неквалифицированной) для выполнения низкооплачиваемой работы в сфере услуг, строительстве, сельском хозяйстве, на транспорте, где рабочие места считаются неprestижными для местного населения. Иногда, как в случае с отдельными странами индийских мигрантов, начиная с 1960-х гг., и особенно в 1990-2000-е гг., за пределы Индии выезжают и квалифицированные кадры по причине более высокой оплаты в США, Канаде, Великобритании и других странах Западной Европы.

Миграционные потоки выгодны обеим группам стран – как принимающим рабочую силу, так и экспортирующим ее. Так, первые заполняют прибывшими из развивающихся стран имеющиеся вакансии на рынке труда, а вторые – сокращают уровень безработицы и улучшают внутреннюю социально-экономическую ситуацию. Индия как экспортер рабочей силы имеет дополнительный доход от перечисления на родину денежных средств трудящихся-мигрантов. Кроме того, в случае возвращения на родину индийские мигранты применяют там накопленный в стране пребывания опыт, используют связи для организации собственного дела, что способствует активизации деловой активности в Индии и росту ее экономики.

В целом, в мире в последние годы масштабы денежных переводов мигрантов из принимающих стран в страны-экспортеры возросли. Так, в 2004 г. они оценивались в 232,2 млрд долл., то в 2008 г. достигли 336 млрд, а в 2010 г. - 440 млрд долл., значительно превысив объем международной помощи. Таким образом, для многих развивающихся стран денежные переводы стали одним из важнейших источников поступлений валютных средств, причем нередко превышающим объем прямых иностранных инвестиций и официальной помощи развитию.

В 2010 г. среди развивающихся государств в «пятерку» основных реципиентов денежных переводов от своих граждан, работающих за рубежом, вошли Индия (55 млрд долл.), КНР (51 млрд), Мексика (22,6 млрд), Филиппины (21,3 млрд), Бангладеш (11,1 млрд). В то же время пятью ведущими странами, из которых денежные переводы направлялись в развивающиеся государства, были США (48 млрд долл.), Саудовская Аравия (26 млрд), Швейцария (20 млрд), Россия (19 млрд), ФРГ (16 млрд) [1].

Примером весьма успешного использования экспорта рабочей силы является Индия. В настоящее время численность индийской диаспоры в мире превышает 25 млн человек (второе место в мире после КНР), при этом ее «трудовая составляющая» насчитывает 11,4 млн (2 место в мире после Мексики). Индийская диаспора начала формироваться еще в середине XIX в. когда британские колонизаторы вывозили индийцев в Африку, Британскую Малайю и на Цейлон (с 1972 г. – Шри-Ланка) с це-

лью использования в качестве дешевой рабочей силы в колониальном аграрном секторе (плантационном хозяйстве). В XX в. индийцы уже самостоятельно переселялись в страны Африки и Азии в поисках лучшей доли, желая начать собственный бизнес. При этом начавшаяся в 1960-е гг. и продлившаяся около двух десятилетий, очередная крупная волна эмиграции привела к оттоку из Индии уже части интеллигенции и высококвалифицированной рабочей силы (в основном в Великобританию и ряд других стран Западной Европы). Эта категория индийцев уезжала за рубеж, главным образом, по причине более высокого уровня оплаты труда в развитых странах.

В настоящее время индийские граждане трудятся преимущественно в азиатских государствах (72%), странах Северной Америки (15%) и Европы (10%) [2]. Большинство выехавших из Индии в поисках лучшей доли – это выходцы из штатов Керала, Уттар Прадеш, Тамилнаду, Андхра Прадеш и Раджастан [3].

К отличительным чертам индийской диаспоры следует отнести значительное преобладание мужчин в общей численности выехавших, что наблюдалось практически на всех исторических этапах ее формирования, а также периодические всплески возврата мигрантов на родину, вызванные, как правило, какими-то экстраординарными обстоятельствами за рубежом. В качестве подобных примеров можно назвать «бегство» индийцев из Бирмы (с 1989 г. - Мьянма) накануне японского вторжения во время Второй мировой войны, из Кувейта в 1990 – 1991 гг. в период оккупации Ираком Кувейта и последующей войны в Персидском заливе. Эту тенденцию также можно наблюдать и в настоящее время. В частности, большое число индийских трудовых мигрантов стало вновь возвращаться на родину из США и стран Западной Европы по причине усиливающейся там рецессии и более сильного влияния мирового финансово-экономического кризиса на экономику этих стран, чем на индийскую.

При этом замечено, что еще одной отличительной особенностью современной индийской диаспоры является ее размещение в мире с учетом региональной и языковой принадлежности мигрантов. Так, в странах Южной и Юго-Восточной Азии чаще

можно встретить представителей южных штатов Индии, преимущественно тамилгов, в то время как в Латинской Америке и на островах Вест-Индии – выходцев из восточных штатов (Западной Бенгалии, Ориссы, Бихара), а в Европе, Северной Америке, Восточной и Южной Африке – из Пенджаба и Гуджарата.

Среди характерных черт индийской диаспоры выделяется одна любопытная особенность, ставшая уже почти правилом. Параллельно с весьма быстрой и успешной интеграцией в экономическую жизнь стран пребывания мигранты из Индии стремятся создать где бы то ни было свои достаточно замкнутые землячества, в которых весьма ревностно сохраняют национальные обычаи и традиции (эндогамия, приоритет семьи, помощь родственникам, сохранение и изучение родного языка, ношение женщинами национальной одежды и проч.). Исключением здесь являются лишь отдельные государства Латинской Америки и Вест-Индии (в первую очередь, Ямайка и Гренада), представители индийской диаспоры в которых практически уже ассимилировались с местным населением, а также Маврикий и Фиджи, где индийцы являются одними из доминирующих национальных групп и успешно интегрировались в экономическую и политическую жизнь этих стран.

Отношение к представителям индийской диаспоры с течением времени постепенно менялось. Если в колониальную эпоху их вне зависимости от профессии, положения и рода занятий во всех регионах мира, где они находились, вслед за британцами стали называть «кули» (на языке хинди «kuli» - чернорабочий, грузчик, носильщик), то в современном мире выходцев из Индии политкорректно называют также, как и местное население, но с приставкой «индо-» (индо-американцы, индо-британцы, индо-гайяны и т.д.).

Самым примечательным аспектом феномена индийской диаспоры (включая, безусловно, и нерезидентов индийского происхождения - НИП) является ее тесная связь с исторической родиной, а также ее самое деятельное участие в экономической жизни Индии, проявляющееся, прежде всего, в пересылке на родину денежных переводов.

Понятие «Нерезиденты индийского происхождения (НИП)» включает в себя как физических, так и юридических лиц. Физические лица НИП – индийские граждане, пребывающие за пределами Индии в течение длительного или неопределенного времени по делам бизнеса и частным контрактам, в связи с обучением, работой на государственной службе в дипломатических миссиях и международных организациях. Юридические лица НИП – компании, зарегистрированные за пределами Индии, не менее 60% уставного капитала которых принадлежит индийским гражданам.

Так, если в конце 1970-х гг. они составляли в среднем около 0,7% ВВП Индии и 19,2% объема ее экспорта, то в первое десятилетие XXI в. – стабильно превышали 3% и 19,5% соответственно [4]. Также интересно отметить, что с 2000/01 ф.г. объемы денежных переводов НИП в Индию стали значительными темпами обгонять также и объемы помощи, предоставляемой ей международными финансовыми институтами и иностранными государствами (по итогам 2010 г. 0,1% ВВП и 3,9% ВВП соответственно). При этом львиная доля переводов, по результатам 2010 г., идет из стран Азии и, прежде всего, богатых монархий Персидского залива, где сосредоточена основная часть индийских «синих воротничков» (58%), Северной Америки (27%) и Европы (13%) [2].

В соответствии с классификацией Резервного банка Индии (центрального банка), денежные переводы состоят из двух компонентов: «переводы напрямую на поддержание домашнего хозяйства семьи, оставленной на родине» (Inward remittances for family Maintenance); и «средства, снятые семьями с депозитов НИП» (Local Withdrawals/Redemptions of NRI Deposits). Примечательно, что если до конца 1990-х гг. первый компонент значительно превышал второй, то в первое десятилетие XXI в. благодаря проводимой правительством стимулирующей политике ситуация изменилась на прямо противоположную.

Первоначально (вплоть до середины – конца 1970-х гг.) государственная политика в отношении притока в страну денежных переводов, по образному выражению индийского экономиста Дипака Найара, проводилась в русле либеральной концеп-

ции «laissez-faire, laissez-passer» [5]. И лишь в 1970-е гг. государство осознало всю важность этих переводов для развития экономики страны и предприняло серию мер по организации системы депозитов НИП. И хотя в целом, эта политика достаточно быстро принесла свои плоды и темпы прироста притока в страну денежных переводов ускорились, все-таки к началу либеральных реформ их абсолютный объем был на скромном уровне – около 2,1 млрд долл. [6].

Наиболее значительный рост объемов денежных переводов индийских мигрантов в Индию произошел в период 1990 – 2000-е гг., увеличившись более чем в 20 раз и составив в 2010 г. 55 млрд долл. (свыше 12,5% мирового объема) [1]. При этом ежегодные темпы прироста в среднем составляли около 15%.

Среди причин устойчивого повышения темпов прироста притока в Индию денежных переводов выделяются следующие: сокращение роли неофициальных каналов перевода средств на родину; увеличение числа высококвалифицированных мигрантов; усиление конкуренции среди банков за право перевода денежных средств мигрантов на родину; усиление экономической активности индийских мигрантов в странах пребывания и устойчивость индийской экономики.

Воздействие денежных переводов НИП (как представителей «классической» трудовой миграции) на развитие индийской экономики трудно переоценить. Особенно велико их влияние на сокращение уровня бедности в стране. Согласно некоторым исследованиям, полученные денежные переводы преимущественно идут на личное потребление: покупка товаров первой необходимости, а также жилья или земли, помощь родственникам и т.п. Приток средств индийцев из-за рубежа в итоге способствует сокращению в Индии уровня бедности, который за период либеральных реформ (по национальной статистике) сократился с 37,3% на селе и 32,4% в городах в 1991 г. до 22,0% и 15,0% соответственно по результатам 2009/10 ф.г. [7].

Мигранты также снабжают свою родину новыми знаниями и технологиями, делятся опытом и навыками, передовыми идеями и моделями современного управления бизнесом. Возвращаясь в Индию, они привозят с собой капитал, способности и связи, ко-

торые активно используют при создании новых предприятий. Известно, что индийские репатрианты из США внесли значительный вклад в дело становления и развития индийской компьютерной промышленности и аутсорсинга. По словам премьер-министра Индии М.Сингха, инвестирование в страну осуществляется «не только в привычном, финансовом, плане, но также в интеллектуальном, социальном, культурном, и, кроме того, эмоциональном (имеется в виду горячая любовь к родине)» [8]. Таким образом, индийская диаспора, которая ранее рассматривалась экспертами лишь как «утечка умов» из Индии, теперь представляет собой один из главнейших катализаторов ее экономического развития. В этой связи верно было подмечено российским индологом Е.А.Брагиной, что «традиционно отрицательная оценка эмиграции нуждается в кардинальной переоценке в условиях глобализации. Во-первых, внешняя миграция есть один из признаков открытости национальной экономики, во-вторых, растущее разнообразие связей между зарубежными диаспорами и страной происхождения в случае Индии существенно ее обогащает. Это не только приток средств из-за рубежа, но и профессиональные контакты, особенно в научной и инновационной сферах...» [9].

Для России особого внимания заслуживает индийский опыт привлечения капиталов диаспоры в экономику страны. Правительство Индии всячески способствует привлечению в экономику, прежде всего, прямых инвестиций НИП, попутно с которыми в страну приходят зарубежные передовые наукоемкие технологии. В 2000 – 2010 гг. доля инвестиций НИП в сумме накопленных инвестиций в индийскую экономику стабильно составляла около 35%. Инвестиции поступают в Индию в основном из стран ЮВА (Таиланд, Индонезия и др.) и Ближнего Востока (в первую очередь, из ОАЭ), а также Маврикия, что отчасти объясняется наличием в этих государствах значительной индийской общины, влиятельных представителей которой, в Индии обоснованно рассматривают как проводников интересов страны и естественную опору для расширения индийского экономического и культурного влияния за рубежом. Следует подчеркнуть, что в случае с Маврикием, являющимся крупным офшором, ПИИ в

Индию из этой страны являются в значительной степени реинвестициями индийских компаний, выгодно использующих этот канал для оптимизации налогообложения.

Можно с полным основанием заявить, что индийская диаспора фактически превратилась в своеобразный мост с двусторонним движением между Индией и остальным миром. Индия по достоинству оценивает вклад, который мигранты вносят в развитие страны, и рассматривает миграцию (и, прежде всего, эмиграцию своих граждан) в качестве важнейшего аспекта своей внешнеэкономической политики.

Примечательно, что индийцы, постоянно проживающие за пределами Индостана, достигли весьма значительных успехов в разных областях – от искусства и спорта до науки, образования, бизнеса и политики. Так, например, в 2006 г. сэр Ананд Сатьянанд стал первым выходцем из Азии, к тому же не обладающим дворянскими титулами, занявшим пост генерал-губернатора Новой Зеландии, а Киран Десаи, проживающая в США, - самой молодой обладательницей престижной Букеровской премии. Талантливая и целеустремленная индо-американка Индра Кришнамурти Нуйи в 2006 г. заняла пост генерального директора крупнейшей ТНК «PepsiCo». В рейтинге самых влиятельных женщин США по версии журнала Fortune, главе компании «PepsiCo» Индре Нуйи досталось первое место. Журнал Fortune назвал ее «финансовым стратегом с сильной волей, играющим на электрогитаре» [10].

Индийцы в США добились успехов также в медицине, бизнесе и торговле, научных исследованиях и др. В гостиничном деле их доля на американском рынке составляет почти 40%. По оценкам компании Asian Indian Summary of Findings, в 2002 г. в различных секторах экономики США насчитывалось свыше 223 тыс. фирм, основанных индо-американцами, на которых трудилось более чем 610 тыс. человек. Годовой оборот этих фирм превысил 88 млрд долл. По данным на начало 2000-х гг., в американских университетах преподавало свыше 4 тыс. профессоров – выходцев из Индии. Следует отметить, что 14 из 100 открытий в американских фармацевтических лабораториях обычно делаются все теми же выходцами из Индии. Среди них также

есть и Нобелевские лауреаты: генетик Х.Кхорана – в области медицины (1968 г.) и астрофизик С.Чандрашекхар – в области физики (1983 г.).

Несмотря на успехи, достигнутые в США, у представителей индийской диаспоры остается крепкая связь с родиной. Так, согласно проведенным опросам, 74% индо-американцев высказывают намерение в будущем вернуться домой и начать там свой бизнес, используя накопленные средства и технологии.

Примечательно, что представители индийской диаспоры достигли значительных высот в бизнесе и в науке и в других странах, к примеру, в Великобритании. Среди них, например, Робин Сингх, занимающийся пошивом модной одежды под маркой «Мисс Аттитюд»; лорд Сварадж Поль, глава одного из сталелитейных комбинатов Великобритании; Лакшми Миттал, главный исполнительный директор компании ArcelorMittal; Г.К.Нун, один из основателей ресторанного бизнеса в Великобритании, получивший в 2002 г. рыцарство за заслуги перед монархией; Амартья Сен, лауреат Нобелевской премии в области экономики в 1998 г.; писатель В.Сураджпрасад Найрул, получивший Нобелевскую премию по литературе в 2001 г. и др.

Особенно прочны позиции индо-британцев в ресторанном бизнесе. В начале 2000-х гг. его годовой оборот достигал 2,2 млрд фунтов стерлингов, а ежегодный прирост 20%. По подсчетам аналитиков, в стране насчитывается порядка 8600 индийских ресторанов, а в Лондоне – около 3800. При этом среднегодовой доход выходца из Индии составляет около 15,68 тыс. ф.ст. в год [11].

Индийский опыт использования фактора миграции как для привлечения денежных переводов, так и инвестиций в экономику весьма полезен для других государств, включая Россию, имеющих значительные диаспоры за рубежом.

Литература

1. URL:<http://siteresources.worldbank.org/INTPROSPECTS/Resources/334934-1110315015165/Factbook2011Russian.pdf> (дата обращения: 10.10.2011).

2. URL: <http://www.migrationpolicy.org/datahub> (дата обращения: 30.09.2011).
3. Impact of Remittances on Poverty in Developing Countries. – United Nations Conference on Trade and Development. – 2011.
4. Sudama Singh. Migration in the Third World. Views and Reviews. Radha Publications. New Delhi 110002, 2001. P.37-38. Annual Report. Various Issues.
5. Muzaffar A.Chishti. The Phenomenal Rise in Remittances to India: A Closer Look. MPI. Policy Brief. May 2007. P.7. URL: http://www.migrationpolicy.org/pubs/MigDevPB_052907.pdf (дата обращения: 30.09.2011).
6. URL:http://www.uwa.edu.au/_data/assets/pdf_file/0006/1371948/10-27-Remittances-and-Economic-Growth.pdf (дата обращения: 30.09.2011).
7. Balance of Payments for October – December (Q.3) 2010/11; Government of India, Economic Survey. Various Issues.
8. Bhuyan Aroonim. Indian diaspora - the bridge that links India to the world / Observer Magazine, 30.03.2007.
9. Брагина Е.А. Взлет по-индийски // МЭ и МО. – 2009. - №2. С.69.
10. Ашиш Кумар Сен. Индийцы в США: нет предела достижениям. / Индия. Перспективы. Январь 2003. С. 8.
11. India's Worker Remittances: A Users' Lament About Balance of Payments Compilation. Prepared by Michael Debabrata and Muneesh Kapur. Department of Economic Analysis and Policy. Reserve Bank of India. December 1-5, 2003. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/bop/2003/03-20.pdf> (дата обращения: 1.10.2011).

Маркетинговый обзор предпочтений потребителей ювелирной продукции города Владивостока

Гуремина Н.В.

*Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток,
Россия, russianbeauty@yandex.ru*

Ювелирная промышленность России в последние годы проявляет устойчивую тенденцию по интегрированию в международный ювелирный рынок наряду с тенденцией роста промышленного производства. На сегодняшний день основными факторами, сдерживающими развитие ювелирной промышленности, являются высокая себестоимость российской ювелирной продукции, обусловленная действующими налогами и требованиями внутренних контролирующих органов, низкая эффективность государственного контроля на внутреннем рынке ювелирной продукции, а также конкуренция со стороны дешевой импортной продукции.

Рынок ювелирной продукции имеет ряд особенностей:

- высокая эластичность рынка, т.к. на его состояние экономические кризисы оказывают самое непосредственное влияние;
- неразвитость нормативно-правовой базы;
- высокая доля «теневого» бизнеса;
- постоянный рост стоимости драгоценных металлов (золота, серебра, платины, палладия) и драгоценных камней;
- увеличение объема импорта, зачастую приводящее к снижению объемов производства внутри страны;
- торговля ювелирными изделиями проигрывает многим другим сегментам рынка товаров массового потребления по силе и частоте воздействия на потребителя.

Региональный рынок ювелирных изделий неоднороден и в различных регионах развивается непропорционально. С целью анализа состояния рынка города Владивостока было проведено маркетинговое исследование предпочтений потребителей ювелирной продукции. В опросе приняло участие 372 человека (18% мужчин и 82% женщин) в возрасте от 20 лет и старше. Как показали результаты опроса, основными потребителями ювелирной продукции являются женщины (как и в целом по России), причем незави-

симо от возраста. Практически все опрошенные имеют в наличии золотые кольца, серьги и цепи (рис. 1).

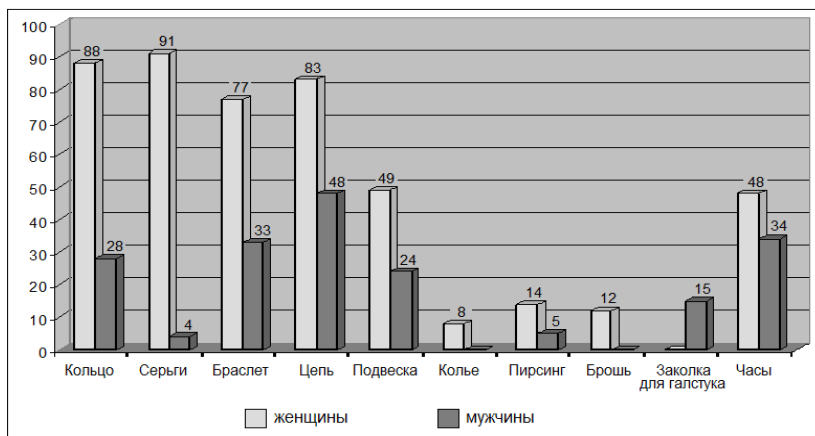

Рис. 1. Распределение количества респондентов по ассортименту имеющейся ювелирной продукции, %.

Наиболее популярными среди потребителей являются ювелирные изделия из золота 585 пробы и серебра 925 пробы (рис. 2).

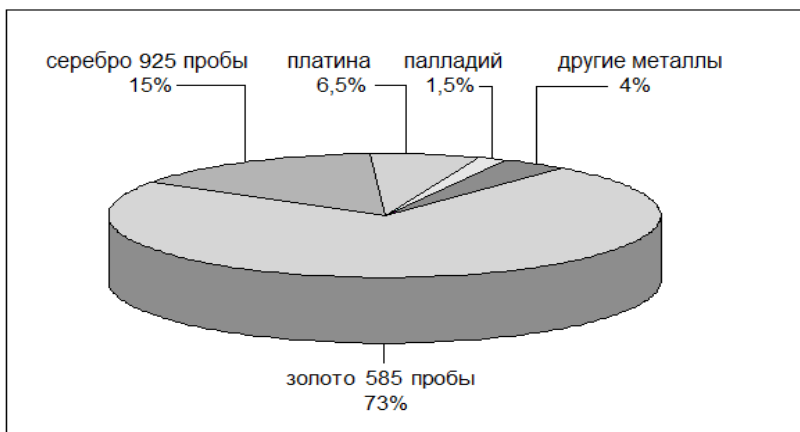

Рис. 2. Распределение количества респондентов по предпочтениям видов драгоценных металлов, %.

Большинство опрошенных предпочитают в качестве вставки бриллиант (43%), сапфир (16%) и жемчуг (12%). Вставки из других драгоценных камней менее популярны (рис. 3)

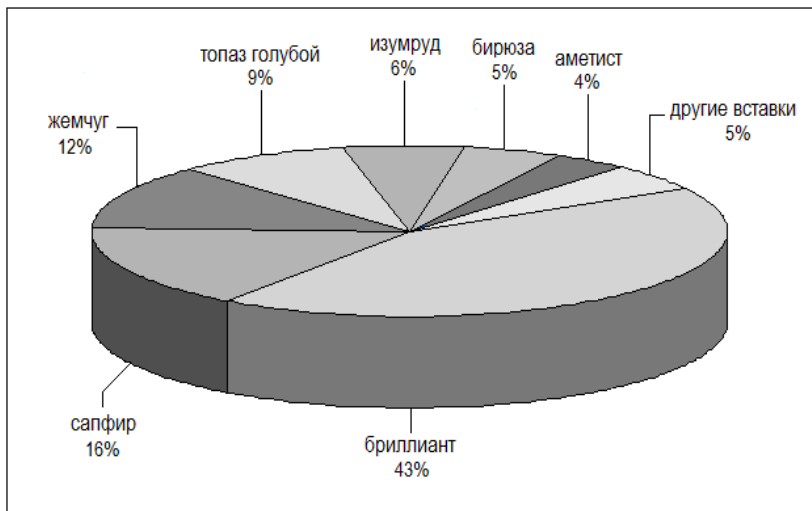

Рис. 4. Распределение количества предпочтений ювелирных изделий по видам вставок, %.

По данным опроса, 44% покупателей обычно приобретают ювелирные украшения к своему дню рождения, 21% - ко дню рождения родственников или друзей. К основным мотивациям потребителей, определившим выбор того или иного ювелирного изделия, также относятся эстетическое удовольствие – 13%, религиозные убеждения – 8%, иные причины (качество изделия, наличие акций и скидок и т.д.) – 14% (рис. 5).

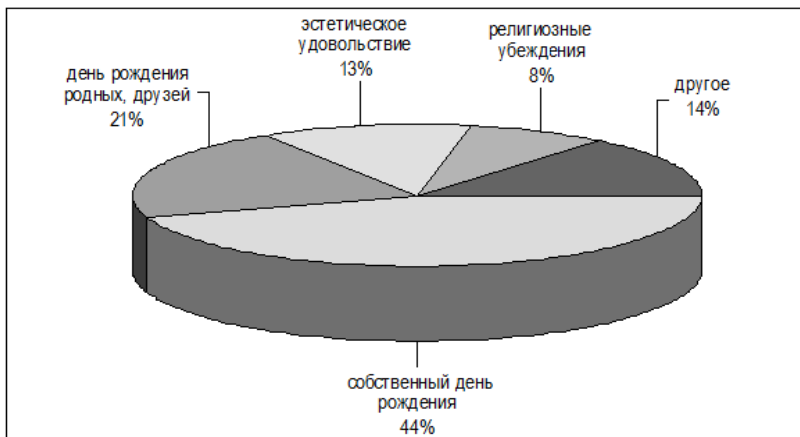

Рис. 5. Причины покупки ювелирных изделий, %

Несмотря на постоянный рост цен на золото (рис. 6), покупатели все же регулярно приобретают ювелирные украшения. При этом 49% респондентов предпочитают совершать покупки 1 раз в год и реже, 32% – 1 раз в полгода, 18% – 1 раз в 3 месяца и чаще. Готовы взять кредит для приобретения понравившегося изделия лишь 7,5% респондентов.

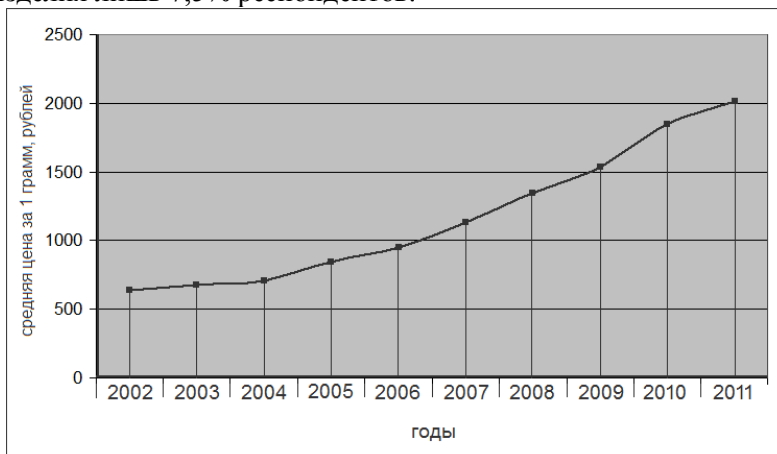

Рис. 6. Динамика роста средневзвешенной цены за 1 грамм золота 585 пробы в ювелирных салонах г. Владивостока.

Что касается мест ювелирной продукции, то наиболее популярными оказались торговые центры и салоны, расположенные в центре города: «Изумруд», «Центральный», «Золото Якутии», «Золотая Русь», «Аметист», «Ювелирная Империя», а также точки продаж продукции «SUNLIGHT». Интересно отметить, что 5 человек указали, что в своей жизни ни разу не приобретали ювелирные изделия, а 11 человек абсолютно к ним равнодушны.

Таким образом, проведенный опрос показал, что, несмотря на постоянно меняющуюся ситуацию на рынке ювелирных изделий и рост цен на драгоценные металлы, среди потребителей отмечается довольно устойчивый спрос на ювелирную продукцию. При этом большинство торговых точек Владивостока, реализующих ювелирную продукцию, расположены в центре города и готовы предложить потенциальным потребителям большой ассортимент изделий российских и зарубежных производителей.

Проблемы и перспективы развития рынка ценных бумаг

Корень А.В., Иващенко К.Н.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, г. Владивосток, Россия, andrey.koren3@mail.ru

Когда бумага перестает быть средством роскоши, возникает рынок ценных бумаг. А в условиях глобализации рыночного пространства функционирование фондового рынка имеет очень важное значение. Ведь рынок ценных бумаг представляет собой мир, в которой формируются финансовые источники экономического роста, концентрируются и распределяются инвестиционные ресурсы между отдельными производствами, отраслями и экономиками различных стран. Таким образом, состояние фондового рынка является одним из наиболее важных показателей, характеризующих «здоровье» экономики и экономической системы в целом. Более того, фондовый рынок является опережающим индикатором к реальной экономике, прогнозируя её поведение.

Имеющийся в России фондовый рынок является типичным крупным развивающимся рынком. Он характеризуется, с одной стороны, высокими темпами позитивных количественных и качественных изменений, а с другой - наличием многочисленных проблем, носящих комплексный характер и препятствующих его более эффективному развитию.

Произошедшее в 2008 году внезапное падение фондового рынка России, по мнению многих, выявило одну из его самых слабых сторон - малочисленность внутреннего инвестиционного ресурса, который попадает на рынок через инвестиционные фонды, негосударственные пенсионные фонды, страховые компании, банки и других участников. То есть, основная причина падения рынка - внешняя, а именно - это преобладание спекулятивных ресурсов и внешних источников фондирования и, связанный с этим, резкий отток иностранного капитала в период проблем с ликвидностью на западных рынках.

Если рассматривать кризисные явления на фондовом рынке 2008 года, поместив на одном графике российский (RTS) и американский (S&P) фондовые индексы, можно выделить отрезок времени, на котором рынок США практически перестает расти и начинает разворачиваться, в то время как на российском рынке начинается резкий подъем (рисунок 1).

Принимая во внимание резкое снижение корреляции между рассматриваемыми индексами за данный период, а также резко возросшее значение притока иностранного капитала (рисунок 2), можно сделать вывод о том, что причиной такого «пузыря» на данном временном промежутке действительно является резкий приток иностранного капитала.

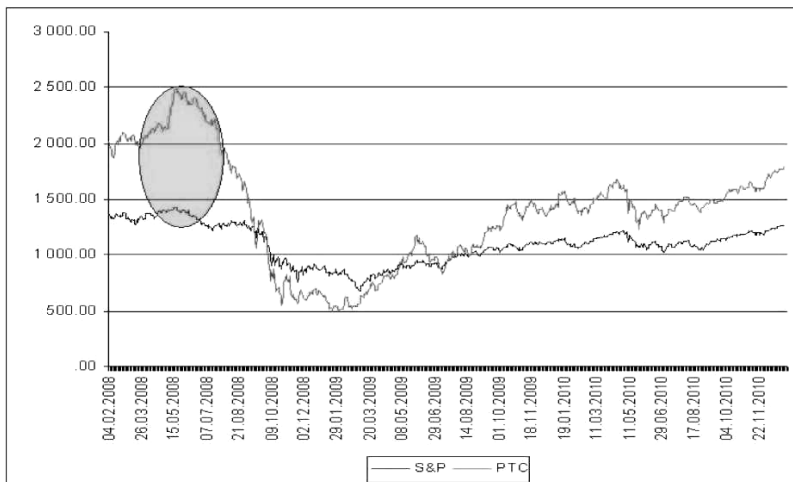

Рис. 1. Образование «локального пузыря» на российском рынке

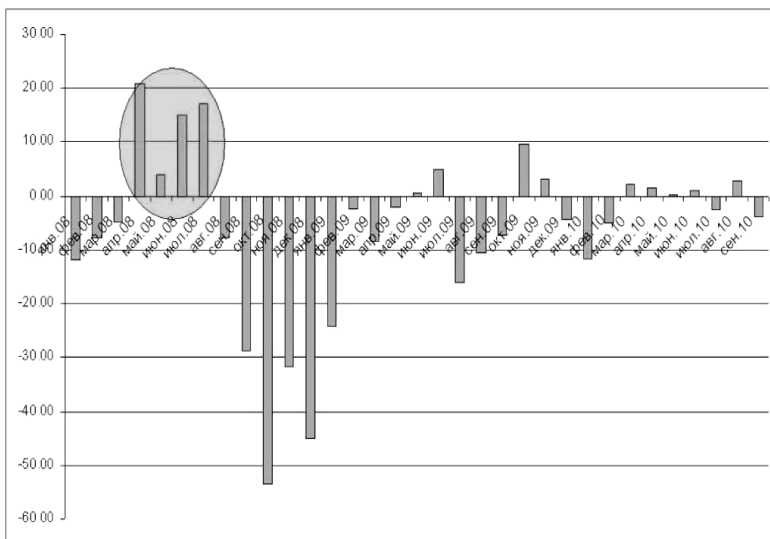

Рис. 2. Чистый ввоз/ вывоз капитала частным сектором, млрд. долл. США (по данным платежного баланса РФ)

Уже давно известно, что любая экономика развивается циклически и за резким падением всегда наступает мощный подъем. Итоги 2009-2010 годов являются ярким тому подтверждением. Так, индекс РТС своего максимального значения достиг в мае 2008 года (2487,92), а минимального - в январе 2009 года (498,2). Снижение составило 4,99 раза. После чего уже к концу 2009 года индекс вырос на 189,97% (1444,61) [1]. Если же рассматривать период с 11 января 2008 г. по 11 января 2011 года, то можно отметить, что за указанный промежуток времени российский фондовый рынок вырос в целом на 287% (рисунок 3).

Рис. 3. Рост российского фондового рынка в период 2008-2011 годов на примере компании ОАО Роснефть

Кроме того, нельзя не учитывать тот факт, что рынок ценных бумаг в России в значительной мере подвержен влиянию изменений в ценах сырьевых товаров: нефти, газа, металлов. В структуре торгового оборота ММВБ в 2009 году доля сырьевых компаний была достаточно велика: только на 6 компаний (ОАО «Газпром», ОАО «Лукойл», ОАО «Роснефть», ОАО «ГМК Норильский Никель», ОАО «Сургутнефтегаз», ОАО «Гатнефть») приходилось

49,1% совокупного оборота рынка акций [4]. В структуре самого индекса ММВБ на конец 2009 года на нефтяные и газовые компании приходилось 52%, металлургию и горнодобычу - 16,9%. Таким образом, очевидно, что серьезные колебания в котировках акций перечисленных эмитентов, возникающие вследствие изменения спроса экономик многих стран на сырьевые товары, вызывают повышенную волатильность самого фондового рынка, а ликвидность российского фондового рынка достаточно узка [3].

Таким образом, в России всего лишь 9 эмитентов, по сути, формируют основу фондового рынка. Кроме того, сохраняется высокая концентрация капитализации и оборотов в акциях предприятий, представляющих топливно-энергетический комплекс. По данным Центра развития фондового рынка, на эту отрасль приходится почти половина общей капитализации российских эмитентов. Более того, доля этих эмитентов на нем не отражает их места в экономике. А отсюда можно заключить, что отечественный фондовый рынок не справляется с задачей эффективного перераспределения ресурсов.

При сохранении существующих тенденций Россия не только будет значительно отставать от большинства развитых финансовых рынков, но от ряда из них (США, Великобритания, Япония) это отставание будет существенно увеличиваться. И что особенно печально, по капитализации рынка мы уже значительно уступаем Китаю, и Бразилии, и Индии (от 3,66 до 1,77 раза) [3]. Данное обстоятельство будет способствовать оттоку операций из России на зарубежные рынки, снижению конкурентоспособности российского фондового рынка на глобальном рынке капиталов и, в конечном счете, утрате Россией ликвидности на внутреннем рынке.

Диверсификация производства и переориентация экономики на внутренний спрос - вот самые важные проблемы, решение которых даст толчок к новому направлению развития отечественной экономики. В настоящее время для российского фондового рынка принципиально важен рост объемов и привлечение на рынок новых эмитентов, поскольку при малых объемах появление любого крупного игрока может одномоментно обрушить фондовый рынок. Кроме того, на рынок необходимо привлекать широкие слои частных инвесторов. Участие большого числа мелких частных инве-

сторов позволит сделать рынок более устойчивым к колебаниям рыночных настроений. Для решения этой задачи предстоит провести программу, направленную на ликвидацию финансовой безграмотности населения, а также комплекс маркетинговых мероприятий, имеющих целью представить фондовый рынок для инвестора как возможность получения доходов при благоприятной рыночной конъюнктуре, и особо отметить недооцененность активов в длительной перспективе.

Литература

1. Quote: информационный портал [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [http:// www.quote.ru](http://www.quote.ru)
2. Центральный банк Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.cbr.ru>
3. Герасимов А.М. Мировой экономический кризис и рынок ценных бумаг в России // Вестник КГТУ - 2010. - №24. - С. 26-29.
4. ММВБ - Micex: официальный сайт [информация о торгах, курсе обмена валют, котировках, фондовых индексах] [Электронный ресурс]. -Режим доступа: <http://www.micex.ru>
5. Investfunds: информационный портал [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.investfunds.ru
6. Официальная статистическая информация [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [http:// www.gks.ru](http://www.gks.ru)
7. Причины пузырей на российском фондовом рынке: исследование [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.mit.su/psychology/3-psychology-research/6-samkov-bubbles-research.html>

Сценарные варианты развития российского фондового рынка в условиях кризиса международной финансовой системы

Корень А.В., Волошко В.В.

Владивостокский государственный институт экономики и сервиса, г. Владивосток, Россия, andrey.koren3@mail.ru

Развитие экономической ситуации в России под воздействием внешнеэкономических факторов показало, что совершенствовавшаяся в последние годы экономическая модель оказалась не способной обеспечить экономическую безопасность страны в условиях резкого обострения противоречий в мировой финансовой системе.

По ряду оценок, текущий финансово-экономический кризис управляется мировой финансовой элитой. Его основная цель — сохранить доминирование нынешней элиты. По сути, перед зачинщиками кризиса стоят те же задачи, которые раньше решались военной силой в мировых войнах. Другими словами, в настоящее время идет третья мировая война на экономических полях. Как результат — геэкономическая картина мира принципиально меняется, меняются потребности и связанные с ними интересы мировых держав. Это заметно и на госдолге США и в нынешней ситуации в ЕС.

В этих условиях встает вопрос о дальнейшем развитии экономики и страны в целом. Можно выдвинуть три варианта дальнейшего развития.

Первое - это принять существующее положение дел в мировой финансовой системе и как-то пытаться выстраивать стратегию развития для привлечения иностранного капитала в российский фондовый рынок. В этом случае придётся действовать в том пространстве, которое изначально было сформировано без участия России. В этом случае необходимо будет сосредоточиться на обеспечении привлекательности условий для инвестиций мирового капитала в России. Однако результатом такого сценария может стать утрата независимости национального финансового рынка, появление доминирования господства ино-

странной валюты в финансовых потоках страны и возможность утраты контроля над курсом национальной валюты без последующего его восстановления. Следствием этой позиции станет продолжение процесса встраивания российской экономики в мировую путем ее жесткой специализации в рамках таких глобальных организаций как ВТО, также являющейся элементом нынешней мировой финансово-экономической системы. В результате российская экономика никогда не сможет изменить свой «сырьевой» статус, так как в мировой системе распределения труда «высокотехнологические» ниши уже заняты другими. Как показали результаты последнего саммита G20 - это именно тот путь, по которому сегодня пытаются направить развитие России.

Второй путь - это участие России в одной из формирующихся сегодня региональных валютно-финансовых системах. Такими региональными системами являются проекты «Евро», в перспективе реализация проекта «Золотого юаня» в регионе Восточной и Юго-Восточной Азии, реализация проекта «Динар Залива» странами Персидского залива, проекта единой южноамериканской валюты, и, наконец, североамериканский проект - «Амеро». Во многом этот путь схож с первым, хотя в условиях формирования региональных союзов Россия имеет больше шансов выторговать для себя более выгодные условия как поставщик углеводородного сырья.

Третий путь - формирование и развитие в России самостоятельного национального финансового центра. Это - единственно верный в нынешних условиях путь. Основой в данном случае должно стать формирование именно в России цены на экспортное российское стратегическое сырье. При этом ценообразование должно осуществляться исключительно в национальной валюте - в рублях. Данный путь развития приведёт к росту капитализации российского фондового рынка, тогда как сегодня данный показатель уступает даже фондовым рынкам Бразилии и Китая.

Кроме того, реакция фондового рынка России как реакция на негатив с международных финансовых рынков в будущем может стать значительно меньше за счет повышения инвестицион-

ного спроса со стороны физических лиц. В период августа-ноября 2011 года мы могли наблюдать существенное снижение главных биржевых индексов России (рисунок 1).

Рисунок 1 – Падение индекса RTSI в 2011 году

В результате долгового кризиса в Европе российский рынок потерял почти треть своей капитализации. В действительности, фундаментальная оценка национальных компаний не могла опуститься ниже, чем на 8 процентов от максимальных отметок. Компании, стабильно генерирующие высокую прибыль, оказались под давлением только из-за фактора продаж российских активов нерезидентами. Однако, третий вариант развития событий предполагает, что в течение десяти-пятнадцати лет фактор зависимости от иностранного капитала должен стабильно ослабевать.

Действительно, по прогнозам ведущих экономистов существующий потенциал роста цены российских акций на 2012 год находится на уровне 25-35 процентов, что предполагает огромную недооценку национальных активов относительно зарубежных аналогов.

Что же касается планирования более длительных перспектив, можно увидеть на графиках крупнейших компаний России. Так, ОАО Газпром – компания с наибольшей капитализацией на российском рынке, может показать гораздо более существенный прирост в цене (рисунок 2).

Рисунок 2 – Динамика акций ОАО ГАЗПРОМ и оценка перспектив компании

Из графика видно, что в случае возвращения котировок Газпрома на уровни максимумов 2008 года в течение 5 лет, инвестор заработает около 180 процентов, что в среднем составит не менее 36 процентов годовых.

Несмотря на то, что перспективы российского фондового рынка сегодня выглядят весьма туманными, можно уверенно говорить о последовательном улучшении ряда показателей. Так, например, можно наблюдать устойчивую тенденцию роста инвестиций со стороны физических и юридических лиц, что указывает на высокие оценки перспектив рынка как со стороны национальных, так и зарубежных инвесторов.

Литература

1. Инвестиционная компания Финам [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.finam.ru>
2. Центральный банк Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.cbr.ru>
3. Saxobank: официальный сайт [информация о торгах, прогнозы валютного и фондового рынков] [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://ru.saxobank.com>

Кадровый потенциал организации и управление им

Кречетников К.Г., Яцюк Е.С.

*Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия, msk_spb@mail.ru*

Конкурентное преимущество любой организации достигается в первую очередь за счёт наличия грамотного и мотивированного персонала. Чтобы иметь высококвалифицированных специалистов, составляющих ядро организации, создать у них стимул к эффективной работе, руководители вынуждены использовать систему управления кадровым потенциалом.

Понятие «кадровый потенциал» не идентично понятию «кадры». В это понятие включаются не только собственно кадры, но и определенный уровень совместных возможностей кадров, которые могут быть актуализированы в нужный момент. *Потенциал* – возможности, способности, силы, может даже и скрытые, которые могут быть использованы при определенных условиях для решения задач или достижения определенной цели.

Кадровый потенциал организации (от лат. *potentia* – возможность, мощьность, сила) – это общая (количественная и качественная) характеристика персонала как одного из видов ресурсов, связанная с выполнением положенных на него функций и достижением целей перспективного развития организации; это имеющиеся и потенциальные возможности работников, как це-

лостной системы (коллектива), которые используются и могут быть использованы в определенный момент времени [1].

Кадровый потенциал предприятия – это знания, умения, способности, реализуемые в процессе трудовой деятельности, работниками, формирующими кадровый состав предприятия, а так же те, которыми работники объективно обладают как носители рабочей силы, но пока еще не востребованные процессом производства либо профессионального обучения [2].

Под *кадровым потенциалом* понимается мера способностей и возможностей работников материализовать свои знания и умения с целью обеспечения жизнеспособности и развития фирмы. Кадровый потенциал формируется интеграцией и динамикой таких моментов и сторон жизнедеятельности человека, как личностные свойства; общая работоспособность; профессионально-квалификационные знания, умения, опыт; творческие склонности, способность и ориентация личности. Воспроизведение и рост кадрового потенциала так же, как и степень соответствующей ему эффективности труда, зависит не столько от какого-либо одного элемента, сколько от их интеграции, а также их сбалансированности и для отдельного человека, и для групп работников [3].

Кадровый потенциал является составной частью трудового потенциала предприятия. В большинстве экономических источников названные термины используются как синонимы [4].

Кадровый потенциал организации *в широком смысле* этого слова представляет собой умения и навыки работников, которые могут быть использованы для повышения его эффективности в различных сферах, в целях получения дохода (прибыли) или достижения социального эффекта [1].

Кадровый потенциал может рассматриваться и *в более узком смысле* – в качестве временно свободных или резервных трудовых мест, которые потенциально могут быть заняты специалистами в результате их развития и обучения.

Иногда под понятием «*кадровый потенциал*» подразумевают скрытые, пока ещё не использованные возможности и способности персонала организации, своего рода скрытые резервы [5].

Структура понятия «*кадровый потенциал*» включает два уровня: *базовый*, куда входят физическое, психическое, социальное здоровье, и *деятельностный*, включающий физиологический, психологический, интеллектуальный, социальный и культурный потенциалы [6].

По другому основанию выделяют понятия «долгосрочный кадровый потенциал» и «текущий кадровый потенциал».

Долгосрочный кадровый потенциал включает в себя работников, которые могут решать стратегические задачи развития производства, как в настоящее время, так и в перспективе. Иногда его называют также «стратегический кадровый потенциал» [7], когда речь идет о подготовке кадров определенной специализации и квалификации, которые будут готовы для эффективного использования на разных уровнях управления через 10-15 лет, с учетом решения новых задач и функций или «целевой накопительный кадровый потенциал» [1]. Он предназначен для решения задач стратегического развития, расширения производства, повышения его конкурентоспособности. Это резерв, который требует своей системы управления. Он не предназначен для решения обычных текущих задач.

Текущий кадровый потенциал представляет собой персонал, который изначально рассматривается администрацией исключительно для выполнения основных операций производства в настоящее время.

Поскольку весь персонал организации, привлекаемый для решения её задач может быть разделён на 4 категории: 1) ключевой потенциал организации; 2) разовые эксперты; 3) заменяемые специалисты; 4) сотрудники, для которых не требуется обучение, то очевидно, что к стратегическому кадровому потенциалу можно отнести в основном только первую категорию и сосредоточить все необходимые усилия на её развитие и управление ею.

Управление кадровым потенциалом должно содействовать упорядочению, сохранению качественной специфики, совершенствованию и развитию персонала.

Принципы, характеризующие требования к управлению кадровым потенциалом:

- *целенаправленности* – обусловленности функций управления кадровым потенциалом целями производства;
- *прогрессивности* – соответствия организации управления кадровым потенциалом передовым зарубежным и отечественным аналогам;
- *перспективности* – организация управления кадровым потенциалом должна учитывать перспективы развития организации;
- *комплексности* – необходимо учитывать все факторы, воздействующие на кадровый потенциал (связи с внешней средой, связи между работниками, состояние субъекта управления и т. д.);
- *научности* – основываться на достижениях различных наук в области управления персоналом (экономики, менеджмента, психологии и др.) и с учетом изменения законов развития общественного производства в рыночных условиях;
- *иерархичности* – в любых вертикальных разрезах организации управления кадровым потенциалом должно обеспечиваться иерархическое взаимодействие между звеньями управления;
- *многоаспектности* – управление кадровым потенциалом может осуществляться по различным каналам: административно-хозяйственному, экономическому, психологическому, правовому и др.

Задачи управления кадровым потенциалом [1]:

- 1) поиск наиболее перспективных кадров в своей организации и привлечение квалифицированных специалистов извне организации;
- 2) квалифицированное развитие персонала;
- 3) создание оптимальных условий для эффективной работы кадров, сохранение здоровья и обеспечение высокой трудоспособности.

В содержание управления кадровым потенциалом входит:

- определение основных направлений деятельности организации в настоящее время, на ближайшую и отдалённую перспективу;

- определение потребности организации в квалифицированном персонале в настоящее время и на будущее; составление плана подбора персонала;
- привлечение персонала его расширенный комплексный отбор с использованием современных методов и технологий;
- оценка персонала по параметрам, характеризующим профессиональную успешность работника, включая оценку возможностей профессионально-должностного продвижения работника, направления его на обучение или зачисления его в резерв;
- выделение ключевого персонала, т. е. персонала, обладающего не только комплексом необходимых знаний и умений, но легко обучаемого, мотивированного на долгую плодотворную работу;
- планирование горизонтальной (ротация) и вертикальной карьеры;
- расстановка персонала в зависимости от квалификационной категории и перспективности;
- рациональное распределение должностных обязанностей, направленное на будущий рост (стретчинг);
- подготовка, переподготовка, повышение квалификации персонала;
- мотивация развития персонала; разработка прайса компетенций и системы оплаты за квалификацию.

Литература

1. Анализ кадрового аспекта внутренней среды и кадрового потенциала организации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://strategupr.ru/shpargalka-strategicheskij-menedzhment/310-analiz-kadrovogo-aspekta-vnutrennej-sredy-i-kadrovogo.html>.

2. Неверкевич, Д.О. Влияние современного состояния занятости на формирование кадрового потенциала организаций : дис. ... канд. эконом. наук по спец. 08.00.05 / Д.О. Неверкевич; науч. рук. Е.Д. Катульский. – М., 2008.

3. Калачева, Л. Понятие о кадровом потенциале [Электронный ресурс] / Л. Калачева. – Режим доступа: <http://edu.nstu.ru/courses/econ/up/full/pages/11.1.html>.

4. Кадровый потенциал. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB.

5. Кравченко, А.И. Трудовые организации: структура организации, поведения / А.И. Кравченко. – М.: ЮристЪ, 2001. – 127 с.

6. Шамарова, Г.М. Проблемы управления человеческим потенциалом [Электронный ресурс] / Г.М. Шамарова // Управление персоналом. – 2008. – № 8. – Режим доступа: <http://www.top-personal.ru/issue.html>.

7. Антонова, В.А. Управление развитием кадрового потенциала [Электронный ресурс] / В.А. Антонова. – Режим доступа: <http://a-economist.narod.ru/section3/2008-2009/antonova.htm>.

Система признания и награждения таможенных инноваций как стимулирующий фактор инновационной среды таможенных органов

Миретин А.В.

*Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Россия,
mir2105@yandex.ru*

На современном этапе в нашей стране отсутствует практика признания и награждения инноваций в сфере государственного и муниципального управления, в целом, и в деятельности таможенных органов, в частности. Вместе с тем в настоящее время за рубежом «действуют программы награждения на национальном, региональном и международном уровне для признания и даль-

нейшего стимулирования инновационных практик в государственном секторе» [2; с. iii]. Среди премий такого рода можно отметить: Премию правительства США, Премию за инновации фонда «Импумелело» в Южной Африке, Премию за инновационный менеджмент Канадского института государственного администрирования, Премию фонда «Гавад Голинг» на Филиппинах, Премию за менеджмент в местных и государственных органах власти в Мексике [1; с. 4, 6, 16, 87]. Однако самым престижным международным признанием является Премия ООН за государственную службу, которая стартовала в 2003 году с целью выявления и поощрения инноваций в госсекторе [2; iii].

Значение этих премий заключается в стимулировании творческого подхода госслужащих, в повышении открытости и прозрачности инноваций в государственном секторе, в распространении знаний об успешных практиках в этой сфере, в предоставлении возможности изучения опыта коллег из других стран и, в конечном итоге, в совершенствовании госслужбы и государственных услуг, предоставляемых в отдельной стране и в мире в целом [2; с. iii]. Реализация этих возможностей является, на наш взгляд, актуальной для инновационной деятельности таможенных органов России по двум причинам. Во-первых, реализуемые в настоящее время таможенные инновации носят преимущественно узковедомственный, закрытый (в смысле отсутствия информации) характер. Во-вторых, как следствие, таможенные инновации не находят быстрого и широкого применения на национальном или международном уровне.

Анализ зарубежных премий за инновации в сфере государственного и муниципального управления свидетельствует о том, что система признания и награждения инноваций обычно включает: 1) субъекта признания и награждения – организацию, которая осуществляет управление проектом награждения; 2) процесс признания и награждения (включающий подбор, отбор, оценку и награждение номинантов); 3) объект признания и награждения – организацию, которая номинируется и награждается за реализованную инновацию. Рассмотрим эти элементы на примере Канадской премии за инновационный менеджмент и Премии ООН за государственную службу.

В первом случае субъектом признания и награждения является Канадский институт государственного администрирования, который представляет собой ассоциацию органов государственной и муниципальной власти, научных и учебных учреждений, бюджетных учреждений здравоохранения и образования, частных компаний [3]. Во втором случае управление программой награждения осуществляется Департаментом ООН по социальным и экономическим вопросам [2; с. 8]. Следовательно, в обоих случаях субъектом признания и награждения выступают неправительственные организации, заинтересованные в улучшении государственной службы и повышении качества предоставляемых госуслуг. Канадская премия за инновационный менеджмент присуждается государственным учреждениям, которые продемонстрировали исключительные инновации, направленные на широкий спектр проблем современного общества [3]. Номинантами Премии ООН за госслужбу могут быть любые государственные учреждения на национальном и субнациональном уровне, частно-государственные партнерства и организации, осуществляющие аутсорсинг государственных функций [2; с. 9].

Процесс присуждения Канадской премии за инновационный менеджмент заключается в следующем. Сначала объявляется тема года, которая определяется путем анкетирования руководителей государственных и муниципальных органов власти об актуальных проблемах госсектора на ближайшие пять лет. Затем принимаются заявки от претендентов в режиме онлайн. Заявки рассматриваются заочно членами жюри, состоящего из пяти выдающихся представителей государственной службы, бизнеса и науки Канады. Жюри отбирает семь или восемь финалистов для очного собеседования и определения призёров. Премии вручаются на ежегодной конференции Канадского института государственного администрирования. Истории финалистов публикуются в журнале этого института «Управление в органах государственной власти», а обзорные материалы с контактными данными всех номинантов размещаются на сайте института [1; с. 81-82; 3].

Процесс присуждения премии ООН начинается с объявления конкурса инноваций в сфере государственного и муниципального управления по заявленным категориям. В 2011 году, например, такими категориями были объявлены: улучшение процессов предоставления госуслуг; стимулирование участия граждан в принятии политических решений при помощи инновационных механизмов; распространение управления знаниями в органах исполнительной власти; профилактика и борьба с коррупцией в сфере государственной службы; стимулирование предоставления гендерно-восприимчивых госуслуг [2; с. 10]. Затем принимаются материалы от участников в электронном виде через Интернет. Эти материалы анализируются, производится отбор номинантов и определяются победители. После этого следует верификация (проверка подлинности присланных материалов) и объявление победителей. Этот процесс завершается вручением Премии ООН во время празднования Дня государственной службы ООН [2; с. 12].

На основе проведённого анализа нами предлагается следующая модель системы признания и награждения инноваций, осуществленных таможенными органами. Субъектом признания и награждения выступает национальная ассоциация участников внешнеэкономической деятельности в форме некоммерческого партнерства, которая объединяет в своём составе экспортеров и импортеров; таможенных посредников (таможенных представителей, перевозчиков, владельцев таможенных складов и т.п.); инвестиционные компании и банки, связанные с внешнеэкономической деятельностью; а также научные и высшие учебные заведения, занимающиеся исследованием и преподаванием таможенного дела. Данная ассоциация является учредителем Национальной премии за таможенные инновации, ежегодно присуждаемой таможенному органу любого уровня. Номинироваться на премию таможенный орган может только сторонней организацией: либо участником внешнеэкономической деятельности, либо таможенным посредником. Процесс присуждения Национальной премии за таможенные инновации начинается с объявления в СМИ конкурса таможенных инноваций. На первоначальном этапе проводится номинация таможенных инноваций

по следующим категориям: улучшение результатов таможенной деятельности; повышение качества процессов таможенного контроля; увеличение прозрачности, социальной ответственности и восприимчивости в деятельности таможенного органа; профилактика и борьба с коррупцией в деятельности таможенных органов. Соискатели представляют через Интернет свои материалы с описанием реализованной инновации и достигнутых успехов. Представленные материалы заочно рассматриваются экспертным советом, состоящим из пяти авторитетных представителей таможенной службы, участников внешнеэкономической деятельности, таможенных посредников, инвестиционных компаний и банков, высших учебных заведений. Представленные материалы оцениваются по следующим критериям: инновационность (успешный новый опыт таможенной деятельности с измеряемыми результатами); актуальность (направленность на решение актуальных проблем таможенной деятельности); значимость (эффект от инновации на локальном, региональном или национальном уровне), эффективность (соотношение затрат и результатов). По результатам оценки экспертный совет отбирает пять или семь финалистов для очного собеседования и распределения между ними призовых мест. После оценки проводится верификация материалов, представленных финалистами, в т.ч. призёрами. Материалы финалистов с указанием контактных данных размещаются на сайте ассоциации. Процесс награждения завершается вручением Национальной премии за таможенные инновации на ежегодной конференции, проводимой вышеуказанной ассоциацией.

Таким образом, предложенная система признания и награждения таможенных инноваций может способствовать, по нашему мнению: выявлению и оценке таможенных инноваций; мотивации инноваторов - должностных лиц таможенных органов; повышению уровня профессионализма в таможенной деятельности; улучшению имиджа таможенной службы; укреплению доверия к таможенным органам; накоплению и распространению успешных таможенных практик для последующего копирования. Следовательно, данная система явится стимулирующим фактором инновационной среды таможенных органов России.

Литература

1. Innovations in Governance and Public Administration: Replicating what works / United Nations, Department of Economic and Social Affairs. New York, 2006. - Сайт – URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/UN/UN-PAN021963.pdf> (дата обращения: 21.08.2011)

2. Good Practices and Innovations in Public Governance: United Nations Public Service Awards Winners, 2003-2011 // United Nations, Department of Economic and Social Affairs, New York, 2011. - Сайт - URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan046119.pdf> (дата обращения 22.10.2011)

3. The Institute of Public Administration of Canada (IPAC): IPAC Award for Innovative Management. – Сайт - URL: <http://www.ipac.ca/IM-Home> (дата обращения 14.09.2011).

Модель экономики благосостояния в России: заимствование или выбор?

Жадан И.Э., Мамаева Л.Н.

Саратовский государственный социально-экономический университет, г. Саратов, Россия, inga645@bk.ru

Мировая теория и практика располагают широким набором моделей благосостояния [1]. Для лучшей ориентации во множестве существующих модификаций моделей можно воспользоваться имеющимися попытками их классификации и типологии, в основе которой лежат существенные и важные в практическом отношении признаки [2]: по содержанию и механизмам функционирования типа – «институциональный» и «остаточный».

В модели «остаточного» типа государство возлагает на себя лишь те социальные функции, с которыми не справляется рынок. Помощь государства направлена выборочно, на наиболее

бедные слои, при наличии весьма слабо выраженной прогрессии налогов. Деятельность в области социальной помощи опирается на определенные жизненные стандарты и содействует динамическому росту без какого-либо непосредственного вмешательства в основные механизмы производства и распределения.

В «институциональной» модели объектом социальной политики выступают практически все слои населения. В больших масштабах, чем в «остаточной» модели, осуществляются выплаты с помощью налогов, взимаемых на основе высокой прогрессии. Государство из принципиальных соображений играет решающую роль в выравнивании доходов и богатства населения. Правительству вменяется в обязанность вмешиваться в функционирование экономики с целью более равномерного распределения материальных благ и жизненных шансов. Это в основном перераспределительный тип социальной политики.

Оба типа моделей – «институциональный» и «остаточный» – схожи по составу компонентов. Качественное различие между ними определяется ролью и соотношением основных структурных элементов, масштабами перераспределительной деятельности государства, его активной или пассивной позицией и рыночным саморегулированием в социальной области.

Рассмотрим «остаточный» тип, который наиболее четко выражен в американском варианте социальной политики. Для североамериканской модели характерен приоритет рыночного механизма в решении социальных проблем. В ней устанавливается принципиальное различие между социальным страхованием – основным источником покрытия социальных расходов, – и общественным вспомоществованием из бюджета, а потому широко представлены и развиты все формы социального страхования. Остаточный характер непосредственного участия государства в механизме социальной политики компенсируется его ролью в качестве гаранта всей национальной системы страхования и обеспечения. Типичным представителем «институциональной» модели служит шведский вариант социальной политики [3]. Его характерными чертами являются универсальность (всеобщность) или адресованность всему населению и, соответственно, большой объем бюджетного перераспределения на соци-

альные нужды. Четко выражена опора на общественное воспомоществование, а потому менее чем в «остаточной» модели развит частный сектор социальных услуг. Вследствие этого высока степень социализации национального дохода и доля налоговых поступлений.

Промежуточное положение между шведской и американской моделями занимает германский вариант [4], известный под названием «социальное рыночное хозяйство». В германской модели реализуется принцип субсидиарности, признающий право государственного вмешательства там, где неофициальные организации не проявляют активности, а индивид не способен самостоятельно справиться с возникающей ситуацией. Государственная помощь здесь сочетается с развитыми формами самопомощи на уровне семьи и общины. Сравнительно развит рыночный сектор социального обслуживания, представленный различными видами частного страхования. Одним из опорных в этой модели является принцип социального партнерства, устраняющий противоречия между наемным работником и работодателем через механизм автономных тарифов.

Качественная определенность конкретной модели имеет четкие количественные параметры, которые задают границы данного качества и проводят демаркационную линию, выход за которую означает переход к другой модели. Специфика любой западной модели благосостояния получает количественную определенность, выражающуюся в таких показателях, как уровень налогового изъятия и социальных расходов в ВВП. По существу эти показатели отражают соотношение налогово-бюджетного перераспределения и рыночного распределения конечного продукта или ВВП. Они показывают степень участия государства в обеспечении общественного благосостояния.

При использовании реализуемых в других странах моделей благосостояния следует выявить, насколько современные западные модели, взятые целостно, пригодны для России, т.е. возможно ли их копирование, поскольку реализуемые в них принципы, структура и параметры были определены опытным путем.

Верификация различных зарубежных моделей благосостояния выявила невозможность их прямого заимствования.

Как основная «остаточная» модель неприменима, поскольку нет многих сегментов рынка для получения доходов, а также в целом из-за неразвитости рыночных отношений и отсутствия соответствующих механизмов автоматического распределения ресурсов. Из-за низкого уровня доходов населения сдерживается развитие частного социального страхования. Отторжение «остаточной» модели обуславливается малой емкостью финансового рынка и ценных бумаг и недостаточностью собственных финансовых средств у предприятий.

«Институциональная» модель не применима, поскольку существуют объективные препятствия осуществлению бюджетного перераспределения в больших масштабах. В обществе еще не достигнут необходимый для «институциональной» модели уровень согласия и солидарности.

Нет условий и для заимствования германского варианта модели, прежде всего из-за ресурсно-сырьевой специализации региона и преобладания олигополий и «естественных» монополий, не позволяющих достичь необходимой для германской модели степени свободы конкуренции. При этом не созданы соответствующие условия для активной самореализации человека непосредственно в экономической сфере. Утрачены традиции, неразвиты формы самопомощи на уровне семьи, не используется механизм автономных тарифов для разрешения конфликтных ситуаций между наемным работником и работодателем.

Таким образом, ни одна из рассмотренных моделей благосостояния не может быть использована в России в чистом виде. Заимствованию подлежат лишь методология построения моделей и отдельные виды и формы социального обслуживания.

Модель благосостояния России должна формироваться на основе сочетания двух основных принципов – универсальности и избирательности. В национальной модели благосостояния должен быть широко представлен сектор коллективных услуг для оказания социальной помощи бедным и малообеспеченным. Масштабы сектора услуг коллективного пользования обуславливают меру реализации и некоторое преобладание в модели принципа универсальности.

Рыночный механизм распределения доходов и богатства всегда порождает социальное неравенство, слой наименее обеспеченного населения. Необходимость адресной социальной политики, ослабления иждивенческих настроений и усиления стимулов к труду обуславливает нежесткую форму реализации принципа избирательности для оказания помощи лишь истинно нуждающимся.

В ближайшие годы нельзя будет обеспечить полную занятость, а потому политика занятости должна носить умеренно-активный характер. Модель реализует принцип самореализации человека непосредственно в экономической сфере, не полностью обеспечивает суверенитет потребителя, характеризуется доминирующей ролью государственного социального страхования и использует механизм социального партнерства.

Модель благосостояния в синтезированном виде выражается в уровнях социальных расходов и налогового изъятия, поскольку первый из них – уровень социальных расходов в концентрированном виде выражает почти весь объем ресурсов для финансирования основных компонентов благосостояния, а второй – выступает в качестве их основного финансового источника. Сравнительный анализ основных источников и параметров зарубежной и отечественной моделей благосостояния открывает возможность для выявления основных параметров национальной модели благосостояния. Они могут быть установлены двумя способами: 1) опираясь на методологию их определения в западных странах, 2) расчетом оптимального уровня социальных расходов с учетом условий России.

Наиболее приемлемой для России является модель социального государства, близкая к германскому типу, потому что эта модель в большей мере соответствует условиям воспроизводства, уровню социально-экономического развития и российским историческим традициям – высокой роли государства в обеспечении благосостояния.

Литература

1. «Государство благосостояния» в трактовке современных западных политологов // Эволюция теории и практики «Государство благосостояния» в 80-е гг. – М., 1991. - С.13-41; Типы социальной политики: концепции, практика / Ф.Э.Бурджалов, И.В.Гришин, З.Я.Сванидзе, И.В.Соболева // Общество и экономика, 1997. - № 1-2. - С.19-50, 26-35; Marclund S. Social policy & poverty in post-totalitarian Europe // Social welfare, 1993. - Vol.2. - P.104-114.

2. Козловский А.А. Типы социальной политики – американский вариант // Общество и экономика, 1997. - № 1-2. - С.92-103; Социальное обеспечение в странах Запада. США. Канада, Великобритания. - М.: ИНИОН РАН, 1994. – С.180

3. Гутник В.П. Социально-рыночное хозяйство: опыт Германии // Общество и экономика, 1997. - № 1-2. - С.58-91; Типы социальной политики: концепции, практика / Ф.Э.Бурджалов, И.В.Гришин, З.Я.Сванидзе, И.В.Соболева // Общество и экономика, 1997. - № 1-2. - С.19-50, 26-30

4. Там же. С. 148

Переподготовка управленческих кадров в системе образования

Мясникова С.В.

*Западно-Сибирский институт финансов и права,
г. Нижневартовск, Россия, sve99613294@yandex.ru*

В России наблюдается коренное изменение структуры спроса на различные образовательные услуги. Этот процесс обусловлен установлением социально-ориентированной рыночной экономики, главная задача которой – переход к высоким стандартам качества жизни и среды обитания. Управленческая деятельность педагога приобретает новые качественные особенности. Педагог становится советчиком, организатором в процессе обучения.

В сфере образования встала новая задача – подготовить квалифицированных управленцев в сфере образования. Высшие учебные заведения стали предлагать переподготовку, ориентированную на обучение новых специалистов в этой области. Как правило, такое обучение осуществляется непрерывно, в системе организованного обучения и в рамках самообразования.

«Руководитель образовательного учреждения должен стремиться поддерживать устойчивую тенденцию к принятию оптимальных управленческих решений по развитию образовательного учреждения на рынке образовательных услуг. Поворот к рыночным отношениям ведет к коммерциализации деятельности образовательных учреждений, учебные заведения становятся активными субъектами экономических отношений. Учитывая возрастающую конкуренцию на рынке образовательных услуг, необходимость поиска новых источников финансирования и повышения эффективности использования средств, встает вопрос о применении инструментария маркетинга в деятельности менеджера образования» [1].

Одной из важных тенденций развития менеджмент-образования в России является повышение внимания к преподавательскому корпусу, его возможностям использовать современные методические приемы подготовки бизнесменов и менеджеров, такие как деловые игры, кейсы, тестирование, проблемно-образовательные семинары, компьютерные тренинговые программы, самостоятельные проектно-аналитические работы и пр. Резко увеличилось количество стажировок преподавателей в зарубежных образовательных центрах, университетах и бизнес-школах. Это определило заметное движение опыта и идей менеджмент-образования в нашу страну [2].

Сущность маркетинга образовательных услуг составляет максимальный учет и удовлетворение потребностей заказчиков. Для комплексного решения данной задачи, в целях обобщения большого объема работы по диагностике позиции образовательного учреждения, а также получения содержательной и наглядной картины состояния и тенденций развития образовательного учреждения и образовательного рынка, возможно использова-

ние метода SWOT- анализа - анализа сильных и слабых сторон, возможностей и угроз.

Разрабатывая программу развития образовательного учреждения, целесообразно:

- определить достоинства и недостатки (сильные и слабые стороны) его образовательного процесса относительно выполнения миссии (высшего предназначения) или цели, зафиксированной в уставе;

- оценить обстановку, ближайшее социальное окружение, в котором работает (будет работать) учреждение; постараться определить, какие возможности есть у данного учебного заведения, и каких угроз ему следует опасаться.

В образовательных учреждениях в основном обеспечивают и поддерживают требуемый уровень качества образования, а так же приводят его в соответствие с растущими требованиями внешних заказчиков. Однако важной задачей качества образования является прогнозирование, проектирование модели выпускника, выявление и оценивание реального качества образования в соответствии с существующими стандартами.

Система менеджмента качества образовательного учреждения определяется политикой руководителя. «Менеджмент в образовательном учреждении основывается на следующих принципах: сочетания общественных и государственных начал, единичности и коллегиальности, гуманизации управления, научности, объективности и конкретности, оптимальности, эффективности и системности [3].

Одним из приоритетных направлений модернизации общего образования является профилизация образования на III ступени обучения. На всех уровнях муниципальной системы образования прошло обсуждение Концепции профильного обучения, определились перспективы развития данного направления. Профильное обучение, ориентированное на индивидуализацию и специализацию обучающихся, в том числе с учётом реальных потребностей рынка труда.

Учитывая вышеобозначенные факторы и анализ деятельности управления подсистем образовательного процесса, необходимо подчеркнуть тот факт, что важнейшим принципом управ-

ления является принцип постоянно поддерживаемого соответствия системы управления, её управленческой деятельности, особенностям и значимым характеристикам конкретных объектов управления. Управление может выполнить свою миссию, только будучи адаптивным, адекватным специфическим потребностям, запросам, возможностям своего образовательного учреждения.

Управление образованием можно осуществлять на основе текущего, частичного и частного, общего и последовательно-перспективного улучшения существующей системы. Для эффективного управления образованием необходимо знать объективные тенденции его развития, точнее говоря, закономерности развития образования. Ведь можно совершенствовать его на эмпирической и прагматической основе.

Качество образования в целом находится между двумя позициями: качеством потенциала образования и качеством полученного результата образования, которое проявляется в характеристиках подготовленного специалиста - выпускника образовательного учреждения. Ресурсы и возможности в силу тех или иных обстоятельств не всегда оказываются реализованными.

Успешное функционирование современного образовательного учреждения на сегодняшний день невозможно без создания эффективной системы менеджмента, имеющей своей целью повысить качественные показатели всех видов его деятельности - учебно-организационной, учебно-методической, научно-исследовательской и воспитательной.

Подводя итог можно сказать, что внедрение педагогического менеджмента в практику деятельности современного образовательного учреждения, переподготовка педагогических кадров вызваны необходимостью осуществления адекватного управления в условиях реформирующегося российского образования, когда образовательные учреждения уходят от единообразия, предоставляют населению вариативные образовательные услуги, развиваются, на основе демократизации, участвуют в инновационных процессах.

Литература

1. Тумалев А.В. Образовательный менеджмент. www.ibl.ru/konf/021210/118.html
2. Барановская, Т.П. Маркетинг в России и за рубежом [Текст]: учебник / Т.П. Барановская [и др.]; под общ. ред. В.И. Лойко. – 2-е изд., перераб. и доп. М. : Маркетинг и маркетинговые исследования, 2003. – 416с.
3. Поташник, М.М. Управление качеством образования: Практикоориентированная монография и методическое пособие / Под ред. М. М. Поташника. М.: Педагогическое общество России, 2000, С. 34-35.

Современный менеджмент вузовской организации

Метелев С.Е.

*Омский институт (филиал) ГОУ ВПО «РГТЭУ», г. Омск,
Россия, metelev-ce55@mail.ru*

Изменяющиеся условия и реформирование системы высшего профессионального образования требует инновационного управления вуза. Цель работы: выявление структурных, управленческих и организационных механизмов, позволяющих создать образовательное учреждение новой формации.

Проблемой организаций, на наш взгляд, часто становится отсутствие должного внимания или игнорирования фактора ответственности, именно этот аспект, мы поставили во главу угла при инновационном реформировании деятельности Омского института (филиала) ФГБОУ ВПО «РГТЭУ» [1].

Мы понимаем, что мера ответственности и, соответственно, границы свободы могут пониматься по-разному. Вуз существует в современном обществе не только как заданное государственным заказом образовательное учреждение, но и как структура, предоставляющая платные образовательные услуги разного уровня, востребованные определенными слоями общества: родители и абитуриенты, работодатели, общество и само государство. Как соблюсти равновесие между коммерческими интере-

сами и необходимостью подготовить знающего и умеющего работать в новых условиях выпускника?

В обществе сложилась ситуация, в которой подавляющее большинство семей планируют получение высшего образования для своих детей. Выбор часто осуществляется через ориентацию на прозрачность вуза: права на ведение образовательной деятельности, наличие бюджетных мест, оплата за обучение, способность устроиться после окончания и, конечно же, репутация. Репутация является следствием того, каким образом, выстроены связи различного уровня: вуз – государство; вуз – работодатели – общество; администрация – преподаватели – студенты. По сути, проблема лежит в осмыслении степени ответственности вуза в этих связях. Поскольку отношения государства и вуза прописаны и осуществляются на основе закона, то нас больше будут интересовать два других уровня.

За последние годы кардинально меняется структура вуза, это связано не с администрированием, а с теми процессами проявления инициатив, которые связаны с адаптацией вуза на рынке образовательных услуг.

Если в 2004 году вузу достаточно было структурных элементов, обеспечивающих, прежде всего, учебный процесс, то сегодняшняя структура видоизменяется под влиянием времени и требований заказчика. В современных условиях деятельность вуза все более ориентирована на внешнюю среду: с начала 2000 годов вуз выходит с инициативой разработки стратегии развития города, и, в частности, торговой отрасли. В результате появляется система научно-практических конференций, названных торгово-экономическими чтениями. По мере углубления исследований, становится очевидным обсуждение конкретных проблем, определяющих развитие экономики и требующих всестороннего обсуждения: экономического, социально-политического, правового: конференции становятся тематическими.

В рамках этих же процессов происходит активное сотрудничество с бизнес-средой. Создается Центр развития профессиональной карьеры, призванный осуществлять не только работу, связанную с трудоустройством выпускников вуза, но и оказа-

нию им и другим субъектам экономической деятельности помощи, обучая новым технологиям. В Центре прошли подготовку сотрудники Департамента недвижимости городской администрации, ОАО ОмПО «Радиозавода им.А.С.Попова» (РЕЛЕРО) и др. Участвуя в конкурсах образовательных программ, которые проводит Омский региональный Бизнес-инкубатор, институт не раз становился базой для проведения комплекса образовательных мероприятий, например, «Эффективное управление малым бизнесом». Партнерами вуза являются 89 организаций.

Налаживание связей с крупными торговыми организациями, муниципальными образованиями привели к появлению в вузе корпоративных студенческих групп, члены которых ориентированы на карьерное продвижение в своих организациях, что мотивирует их к большей активности в обучении. В то же время активизируются и укрепляются связи с негосударственными и общественными организациями, связанными с отраслью: Торгово-промышленная палата Омской области; Союз делового сотрудничества предприятий торговли г.Омска и Омской области и др.

Однако, улучшение репутации во внешней среде, оказалась возможной благодаря изменению во внутренней корпоративной организации.

В институте с 2006 года активно начата работа по созданию системы менеджмента качества, которая позволяет активизировать и мотивировать преподавателей и сотрудников к эффективной деятельности, и в то же время реализовывать научный творческий потенциал, сегодня вуз стоит на пороге получения сертификата качества Международного уровня.

Прежде всего, это возможность для профессорско-преподавательского состава, проявить исследовательскую активность, результатом которой становится учебно-методический или научный продукт. Заинтересованность широких кругов профессионалов в этих продуктах позволяет вузу издавать журнал, который доносит до специалистов результаты исследований (Сибирский торгово-экономический журнал), монографии и учебные пособия. Вуз является Лауреатом I Всероссийского конкурса в области менеджмента качества, трижды становится

лауреатом конкурса «100 лучших товаров» в номинации «Образовательные услуги». Получает признание деятельность кафедр «Финансы и кредит», «Менеджмент и маркетинг», «Коммерция и логистика», «Экономика и бухгалтерский учет», они становятся Победителями Российского конкурса «Лучшая экономическая кафедра».

Заключая договоры о международном сотрудничестве, студенты и преподаватели получают знания реальных тенденций международной торговли. В институте стали возможны стажировки зарубежных преподавателей (ассистента профессора из университета Пардубице (Чехия). Заключены договоры о сотрудничестве с Черногорским университетом, ИнЕУ (Казахстан). Ученые вуза являются членами редакционных Советов в европейских изданиях, доцент кафедры «Менеджмент и маркетинг» выиграл грант по программе «Erasmus–Mundus», некоторые его методики стратегического планирования заинтересовали итальянских представителей бизнеса.

Сотрудничество с работодателями приносит свои положительные результаты – более 80% выпускников трудоустраиваются в первые три месяца после окончания вуза. Вуз знают, выпускникам вуза доверяют, что подтверждается и результатами оценок различного уровня.

Безусловно, существуют и проблемы, высказанные работодателями: выпускники омских вузов инфантильны.

Вуз преодолевает их через вовлечение студентов в решение части организационных, управленческих и хозяйственных проблем. Основой для передачи полномочий студентам является формирование самостоятельности не только в деятельности, но и выборе целей, постановке задач, поиске их решений.

Омский институт (филиал) РГТЭУ ориентирован на закрепление социальной ответственности через реализацию принципов подотчётности (учредителям, сотрудникам, студентам) и прозрачности, что приводит к соблюдению корпоративной этики, традиций, уважению интересов заинтересованных сторон.

Литература

1. Метелев С.Е., Власенко О.В. Омский институт (филиал) РГТЭУ в системе современных общественных отношений: основные итоги и перспективы развития / Вузовская корпоративная организация и гражданское общество: Материалы МНПК. – Омск: Издательство Омский институт (филиал) РГТЭУ. – 2011. – С. 193-196.

Развитие агролизинга сельскохозяйственной техники

Соловьева Н.Е.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия,
solovjeva@bsu.edu.ru*

Одним из ключевых направлений ускорения технологической модернизаций аграрной экономики страны на инновационной основе выступает широкое применение различных экономических, финансовых институтов и инструментов, позволяющих обеспечить обновление средств производства. Среди многообразия используемых инструментов в сельском хозяйстве особое значение имеет такой инструмент как лизинг, посредством которого государство стимулирует спрос со стороны отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей на сельскохозяйственную технику. Реализация приоритетного национального проекта «Развитие АПК» и Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 гг. позволила приостановить катастрофические темпы сокращения количества используемой техники [4]. Только за 2005-2009 гг. по лизингу аграрным товаропроизводителям России было поставлено свыше 61,7 тыс. тракторов различных типов и марок, 29,1 тыс. зерноуборочных и 6,9 тыс. кормоуборочных комбайнов. На конец 2009

г. доля техники, используемой на условиях лизинга, от общего количества составила: тракторов – 4,24%, зерноуборочных комбайнов – 10,2%, кормоуборочных комбайнов – 7,27%.

Вместе с тем, уровень износа техники и темпы её выбытия свидетельствуют о том, что для решения задач, которые вытекают из Доктрины продовольственной безопасности РФ, требуется обновление средств производства более быстрыми темпами, чем это наблюдается в настоящее время. Более того, для обеспечения конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей в село должна поставляться инновационная техника, ресурсосберегающие и трудосберегающие технологии производства сельскохозяйственного сырья и агропродовольствия.

Однако расширение лизинга в сельском хозяйстве упирается в остающееся тяжелым финансовое положение значительного количества сельскохозяйственных организаций и крестьянских (фермерских) хозяйств, многие из которых при подключении к программе финансового оздоровления, реализуемой в соответствии с действующим законодательством РФ, могут выступать активными пользователями лизинга сельскохозяйственной техники.

Агролизинг как экономическое явление, охватывает совокупность финансово-кредитных и экономических отношений по поводу опосредованного перехода ограниченных прав собственности на средства производства в аграрной сфере (владение, пользование, и ограниченного сроками лизинга права распоряжения), имеющих материально-техническую основу и биологическую природу. Иными словами, «агролизинг» представляет собой инструмент, посредством которого товаропроизводители сельскохозяйственного сырья и агропродовольствия получают в пользование различные виды движимого и недвижимого имущества, для обеспечения воспроизводственного процесса при относительно малых первоначальных вложениях капитала.

Лизинг как сложное, социально-экономическое явление выполняет важнейшие народно-хозяйственные функции по активизации производственной деятельности (рис. 1).

В связи с этим агролизинг рассматривается как форма товарообменных и имущественных отношений в сельском хозяйстве, посредством которого осуществляется процесс обеспечения аграрных товаропроизводителей средствами производства на условиях владения, пользования, и ограниченного срока лизинга права распоряжения средствами производства.

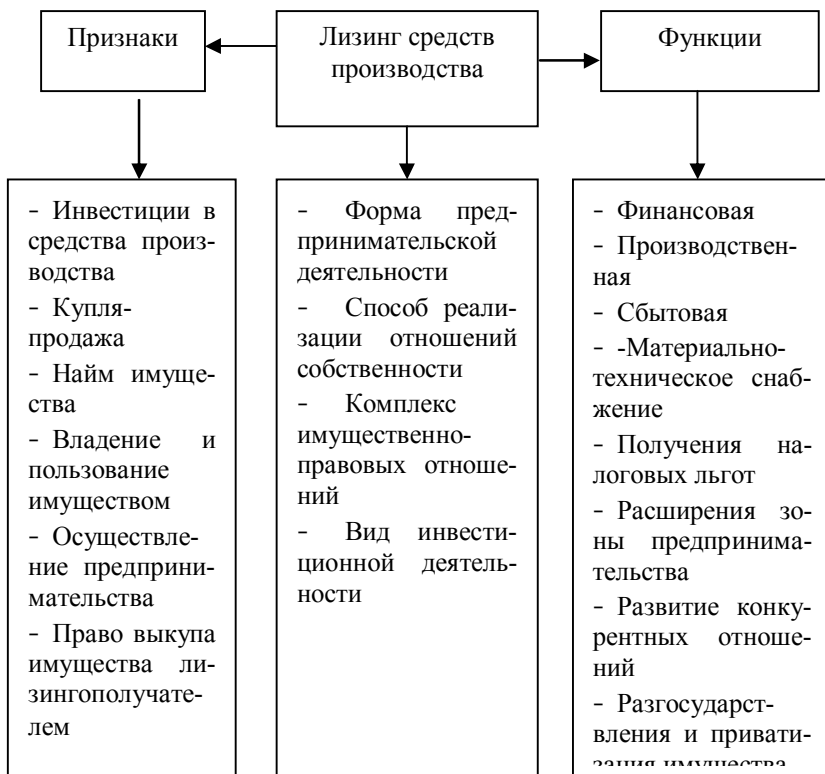

Рис. 1. Признаки и функции лизинга

Среди факторов, определяющих спрос аграрных товаропроизводителей, решающее значение имеет их финансовое и экономическое состояние, а также величина государственной поддержки.

Только незначительная часть хозяйств имеет достаточные финансовые ресурсы (табл. 1), которые подкрепляются объемами государственной поддержки из консолидированного бюджета, необходимые для инвестирования в основные средства [2].

Таблица 1.

Отдельные финансово-экономические показатели деятельности сельскохозяйственных организаций

			Российская Федерация	Центральный ФО	Белгородская область
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) организаций, млн. руб.	растениеводства	2005 г.	9652	574	-235
		2007 г.	57703	13579	1647
		2008 г.	46156	8484	558
	животноводства	2005 г.	20887	5464	2376
		2007 г.	34507	10432	3617
		2008 г.	44091	13592	6264
Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций, процентов	растениеводства	2005 г.	6,4	4,1	-5,9
		2007 г.	23,1	22,7	24,9
		2008 г.	17,5	13,7	11,3
	животноводства	2005 г.	9,5	11	28,4
		2007 г.	9,1	10,4	18,2
		2008 г.	7,5	9,2	14,1

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. 2009 г. 537 с.

Анализ результатов Всероссийской сельскохозяйственной переписи в Белгородской области показал, что в регионе было зарегистрировано 1130 сельскохозяйственных организаций и свыше 2000 крестьянских (фермерских) хозяйств. При этом удельный вес фактически осуществляющих сельскохозяйственную деятельность составил примерно 65%. Остальные либо

прекратили либо приостановили какую-либо деятельность. Аналогичная тенденция наблюдается и в крестьянских (фермерских) хозяйствах. В процессе исследования было выявлено, что наряду с сокращением численности товаропроизводителей, в регионе наблюдалось и недоиспользование сельскохозяйственных угодий. В среднем этот показатель составил в крупных и средних сельскохозяйственных организациях – 89,16%, малых – 89,49% крестьянских (фермерских) хозяйствах – 75%. При этом, только 2,9% сельскохозяйственных организаций располагают площадями свыше 10000 га, что соответствует возможностям применения высокопроизводительной и высокоэффективной мощной сельскохозяйственной техники, материально-технических ресурсов.

В 2008 г. сельскохозяйственными товаропроизводителями в виде государственной поддержки было получено около 6,8 млрд. руб., из которых 84,7% приходится на федеральный бюджет, а изъято из отрасли было 3,9 млрд. руб. т.е. фактически, реально объем государственной помощи аграрному товаропроизводителю составляет чуть менее 2,9 млрд. руб. (табл. 2) Это определяет необходимость выработки корректировки всего механизма хозяйствования, т.к. действующий не ориентирован на стимулирование использования лизинга.

Таблица 2.

Обеспеченность тракторами на 1000 га пашни, физ. ед.

Наименование техники	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Российская Федерация	7,4	6,8	6,3	5,9	5,5	5,5	5
Белгородская область	10,0	9,0	8,0	7,0	7,0	6,0	5,3

В рассматриваемом регионе наблюдается устойчивая тенденция снижения технической оснащенности (рис. 2).

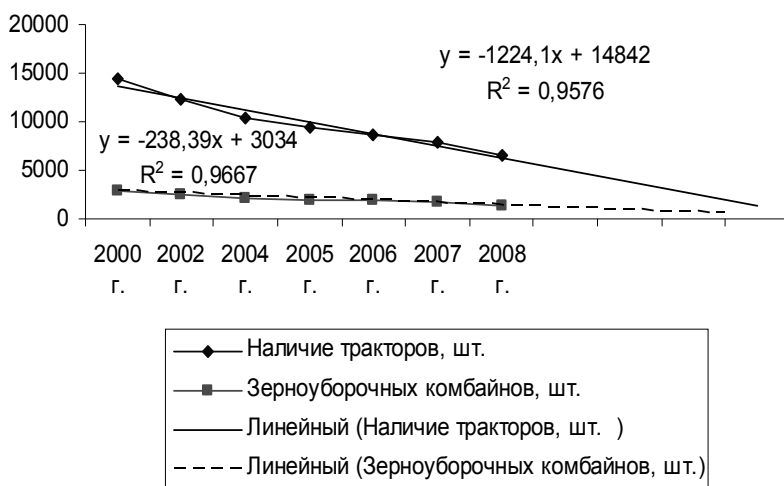

Рис. 2. Динамика количества тракторов и зерноуборочных комбайнов в Белгородской области

Как выявлено в процессе исследования, поставки по различным каналам источников финансирования не смогли преломить данную тенденцию. Было выявлено, что из 915 единиц тракторов только 320 шт. были новыми, в том числе лишь 26 единиц были поставлены по лизингу. В 2008 г. только 150 шт. комбайнов были получены аграрными товаропроизводителями новыми, из которых всего 49 шт. были поставлены на условиях лизинга, что позволило увеличить количество комбайнов до 2346 единиц (в т.ч. 141 шт. по лизингу). В разрезе отдельных видов комбайнов большая часть новых сельскохозяйственных машин приходится на зерноуборочные (127 единиц), доля лизинга в которых составляет 31,4% (или 40 единиц).

Следует отметить, что в 2009 г. последствия мирового кризиса сказались на объемах приобретения и поставок техники в сельское хозяйство региона. Так, тракторов в целом было закуплено всего 504 ед., что составило только 80% от планируемого количества; зерноуборочных комбайнов – 37 шт. (58,7% от пла-

на). Только по зерноуборочным комбайнам хозяйствам региона удалось достичь прогнозируемого уровня в 159 единиц.

За 2004-2009 годы поставлено сельхозпредприятиям области разных форм собственности по федеральному лизингу и договорам купли-продажи более 2,6 тысяч машин на сумму около 3 млрд. рублей, из которых 2,1 млрд. рублей на федеральный лизинг (табл. 3), а также 3494 нетели крупного рогатого скота, 2000 голов племенных ярков из Астрахани, от которых уже получен приплод более 2000 тысяч голов племенного поголовья [3].

Таблица 3

**Поставки по федеральному лизингу в аграрный сектор
Белгородской области**

Вид лизинга	2004 г.		2005 г.		2006 г.		2007 г.		2008 г.		2009	
	млн. руб.	кол.-во ед.	млн. руб.	кол.-во ед.	млн. руб.	кол.-во ед.	млн. руб.	кол.-во ед.	млн. руб.	кол.-во ед.	млн. руб.	кол.-во ед.
Федеральный лизинг	109,8		117,4		309,5		506,3		547,8		577,8	
в т.ч. лизинг сельхозтехники	109,8	87	117,4	57	309,5	185	445,3	188	531,2	181	525,7	288
лизинг племенного скота	-	-	-	-	-	-	61	-	16,6	-	52,1	-

В рамках реализации Программы развития сельского хозяйства Белгородской области на 2008-2012 годы, областных целевых программ, в текущем году на развитие агропромышленного комплекса области привлечено кредитных ресурсов 30,5 млрд. рублей.

По состоянию на 2010 год перечислено средств получателям субсидий из федерального бюджета в сумме 6,1 млрд. рублей, из областного – 848 млн. рублей [1].

Таким образом, ключевым фактором обеспечения технологической модернизации аграрного производства на инновационной основе выступает применение такого инструмента как агролизинг, который позволяет в значительной степени ускорить обновление используемых средств производства.

Литература

1. Программа развития сельского хозяйства Белгородской области на 2008-2012 годы.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. 2009 г. с. 537
3. Сельское хозяйство Белгородской области. Стат. сб. Белгородстат. - 2010. -124 с.
4. www.gost.ru – Официальный сайт приоритетные национальные проекты.

Роль научной и инновационной деятельности в процессе трансформации типов экономического развития

Носачевская Е.А.

*Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова, г. Москва, Россия
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
г. Калининград, Россия, 08082007@mail.ru*

Понимание сущности научной и инновационной деятельности неразрывно связано с анализом общехозяйственных условий, в которых эта деятельность функционирует. Чуждая нововведениям среда настолько сокращает возможность для развития инновационной деятельности, что превращает использование достижений науки и техники в своего рода искусство.

На сегодняшний день в науке все больше внимания уделяется главным закономерностям развития современной экономики – цикличности и неравномерности, характеризующихся сменой базисных технологических процессов, а также росту и развитию экономики на основе инновационных преобразований.

Принимая инновационные решения, предприниматели создают новые, ранее неизвестные комбинации факторов производства. Именно поэтому Й. Шумпетер полагал, что предпринимательская способность и есть четвертый фактор производства. При этом инновация, а с ней и экономическое развитие, но-

сит прерывистый характер, что объясняет экономический цикл [3].

Анализируя объективные основы больших циклов конъюнктуры, выдающийся ученый Н.Д. Кондратьев искал их причины в процессе воспроизводства, в периодическом обновлении основных фондов в результате технологических переворотов, в освоении значительных технических изобретений. Он отмечал, что направления и интенсивность открытий являются функцией запросов практической действительности и предшествующего развития науки и техники [1].

Исследовав динамику крупных технологических изменений за полтора столетия, Н.Д. Кондратьев пришел к выводу, что в течение примерно двух – двух с половиной десятилетий перед началом повышательной волны большого цикла наблюдается оживление в сфере научно-технических исследований и изобретений. Широкое применение этих изобретений в сфере промышленной практики, связанное, несомненно, с реорганизацией производственных отношений, совпадает с началом такой волны [1].

На концепциях С.Ю. Глазьева, Н.Д. Кондратьева, С. Кузнецца, Й. Шумпетера и других ученых основана теория смены технологических укладов.

Технологический уклад представляет собой совокупность технологий, характерных для определенного уровня развития производства. Переход от одного уклада к другому сопровождается внедрением новых технологий, преобразованиями в производстве и изменениями производительности труда, усложнением хозяйственных связей, обновлением продукции и др. Жизненный цикл технологического уклада охватывает временной интервал около столетия. Период его доминирования в развитии экономики составляет от 40 до 60 лет.

Сегодня в развитых странах формируется воспроизводственная система шестого технологического уклада, рост которого основан на таких приоритетных направлениях как нанотехнологии, геновая инженерия и других.

Совокупность форм, методов, организационных структур, экономических и юридических норм, регулирующих процессы

функционирования, развития и взаимодействия экономических субъектов в рамках единого народнохозяйственного комплекса, безусловно, должны создавать среду, благоприятную для научной и инновационной деятельности.

Ключевыми компонентами хозяйственного механизма управления деятельностью отечественных предприятий до рыночных реформ 1990-х годов являлись: детальное планирование производства и фондовое распределение ресурсов с прикреплением потребителей к поставщикам; формальный хозрасчет.

Этот вариант хозяйственного устройства был по-своему целостным, внутренне согласованным и приспособленным для реализации экстенсивного экономического развития. При наличии возможностей для экстенсивного роста централизация и жесткая регламентация использования производственных ресурсов позволяла концентрировать их на важнейших направлениях развития народного хозяйства.

По мере дальнейшего усиления специализации и концентрации производства внутренняя эволюция экономической системы, основывавшаяся на прямом администрировании, приводила к следующему.

С одной стороны, министерства и ведомства все более превращались в крупные государственные монополии, доминировавшие в экономике и конкурировавшие между собой за выделение им дополнительных производственных ресурсов и государственных капитальных вложений.

С другой стороны, предприятия все более обособлялись как реальные субъекты владения средствами производства и в этом своем качестве начинали противостоять административному давлению. Это вело к относительному ослаблению роли центральных плановых органов, нарушало принципы экономического равноправия производителей и потребителей, усиливало дифференциацию хозяйственно-экономических условий функционирования предприятий [2].

В целом описанный механизм хозяйствования должен был неизбежно прийти в противоречие с достигнутым уровнем развития производительных сил, с особенностями и характером

научно-технического прогресса, а также целями и задачами дальнейшего социально-экономического развития страны.

Изолированность российской промышленности от создаваемых в развитых странах новейших технологий в годы рыночных реформ 1990-х годов привела к организационному, управленческому и техническому отставанию отечественных предприятий. Это ускорило утрату позиций страны на мировых рынках наукоемкой продукции. В результате в России, по подсчетам экспертов, в настоящее время шестой технологический уклад только начал формироваться, а доля технологий пятого уклада составляет примерно 30%. В то же время в развитых странах удельный вес пятого уклада достигает 70-90%.

Многие недостатки и слабости современного российского инновационного потенциала обусловлены не столько нехваткой ресурсов, сколько изжившими себя формами организации и управления научно-технической и инновационной деятельностью, которые являются серьезным препятствием на пути повышения результативности различных научных проектов [2].

Доказано мировым опытом, что достижения науки и техники, воплощаясь в производственном процессе, могут изменить облик производительных сил страны только при наличии определенных социокультурных, экономических, организационно-хозяйственных и научно-технических предпосылок.

Это означает, что мероприятия современной инновационной политики должны учитывать достигнутый уровень развития общества, тесно сопрягаться с экономической политикой, ориентировать научно-технический потенциал на потребности развития производства.

Вместе с тем решение проблем перехода экономики к инновационному пути развития невозможно в отрыве от реализации конкретной программы, включающей в себя, в том числе, комплекс мероприятий по созданию новейших наукоемких товаров и услуг и внедрению их в реальный сектор экономики.

Механизмы внебюджетного финансирования такой программы могли бы стать мощным альтернативным источником технологического переоснащения российского производства, поскольку предоставляют бизнесу возможность для самостоя-

тельного поиска методов и средств решения задач технической политики как важнейшего инструмента в конкурентной борьбе.

Таким образом, уровень развития научной и инновационной деятельности в стране оказывает значительное влияние на перспективы экономического развития общества, формируя будущий облик производительных сил страны. В свою очередь, создание необходимой социально-экономической инфраструктуры способствует развитию науки и техники, внедрению результатов исследований в производственный процесс.

Литература

1. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика. 2002.
2. Фонов А.Г. Россия: инновации и развитие М.:БИНОМ. Лаборатория знаний. 2010.
3. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: ЭКМО. 2007.

Институциональные ловушки российской экономики как следствие макроэкономической политики

Погосян А.А.

*Саратовский Государственный Социально-Экономический
Университет, pogosyanarmine@mail.ru*

Характерной чертой развития современного этапа мирового сообщества является формирование экономики, основанной на знаниях, то есть экономике инноваций. Эти процессы находят отражение и в российской экономике.

Выполнение масштабных планов по формированию национальной инновационной системы, высокотехнологичного комплекса, диверсификации экономики и создания условий для реализации человеческого потенциала требует огромных уси-

лий, выходящих далеко за пределы нынешней нечеткой и противоречивой политики Российской Федерации.

При этом многие экономисты отмечают высокую вероятность наступления эффекта «институциональной ловушки». Объектом статьи являются институциональные ловушки, а так же основные причины их возникновения. Данная проблема особенно актуальна в условиях трансформации экономики и при сопутствующих ей систем реформ внутри государства.

По Д. Норту термин «институциональная ловушка» понимается как «эффект блокировки», т. е. когда однажды принятое на государственном уровне решение невозможно отменить. Приращение изменений в технологической сфере, однажды принявшее определенное направление, может привести к победе одного технологического решения над другими даже тогда, когда первое технологическое направление, в конце концов, оказывается менее эффективным по сравнению с отвергнутой альтернативой [1].

В терминах неоинституциональной теории, получившей развитие в работах Е. В. Полтеровича, институциональная ловушка — это неэффективная устойчивая норма или неэффективный институт, имеющийсамоподдерживающийся характер. Если в системе превалировала неэффективная норма, то после сильного возмущения система может попасть в институциональную ловушку, и тогда уже останется в ней даже при снятии внешнего воздействия[2], то есть решение будет невозможно отменить.

Можем утверждать, что ловушки являются результатом резкого изменения макроэкономических условий – недостаточность государственного контроля или несовместимостью институтов с экономической системой.

Институциональные ловушки могут возникнуть в результате множества факторов, которые условно можно отнести к двум группам причин: несогласованность интересов различных групп экономических агентов или несогласование краткосрочных и долгосрочных планов.

Таким образом, принятие решений, имеющих долгосрочный характер, то есть нацеленных на социально-экономическое развитие Российской Федерации, должно укладываться в основные

положения и принципы масштабного инновационного развития государства. Принятие несогласованных решений при реализации инновационного сценария развития экономики как раз и отмечает риск наступления эффекта блокирования. Отсюда можем сделать вывод, что причиной их возникновения является ошибочная государственная политика, создающая конфликты при взаимодействии субъектов экономики и согласовании краткосрочных и долгосрочных интересов.

Можно рассмотреть данное утверждение на более детальных примерах:

1. По институциональной теории социальная сфера во многом является определяющей и основополагающей и для других сфер – политической и экономической. А именно, такие реформы, как монетизация льгот, реформа образования или здравоохранения ведут к отрицанию роли социальной политики государства как рычага политической и экономической стабильности.
2. Копирование отдельных макроэкономических мер без учета специфики российской экономики. Сюда можно отнести некоторые меры кредитно денежной политики ЦБРФ (мероприятия по изменению денежной массы).
3. Двойственность процессов российской экономики. Эффективные процессы с точки зрения экономической теории могут оказывать негативное воздействие на состояние современной экономической системы и, наоборот, неэффективные процессы – положительное влияние. К примеру, утечка долларовой массы может способствовать снижению инфляции внутри страны.
4. Одновременное достижение несовместимых целей, которые, в свою очередь, иницируются государством. В качестве примера можно указать на несовместимость политики сдерживание инфляции и лоббирование интересов по поддержанию высокого курса доллара.

Рассмотренные примеры позволяют проанализировать механизм развития институциональных ловушек, выявить эффекты, сопутствующие их развитию и укоренению. В дополнение стоит отметить, что причиной появления ловушек бартерного обмена

и неплатежей определяется инфляция; ловушек коррупции, уклонения от налогов —ослабление государственного контроля и пробелы в законодательстве. В основе вышеописанных примеров лежит ошибочная политика государственного органа: монетарной (избыточная номинальная денежная масса, приватизационной (выбранные механизмы приватизации не привели к равномерному распределению среди граждан страны принадлежавшей ранее государству ренты), социальной политики, в случае пробелов в законодательстве — законодательной функции.

Теория институциональных ловушек открывает широкие возможности для применения принципиально нового подхода для анализа в различных сферах деятельности, и в частности, для оценки как состояния экономической системы, так и проводимой макроэкономической политики, что, соответственно, говорит об актуальности изучения данной проблематики, а так же широкой области ее применимости из-за обширного круга охватываемых вопросов. Если посмотреть через призму теории институциональных ловушек на российскую экономику, то напрашивается вывод: она стала "заложницей" системы институциональных ловушек, явившейся во многом результатом ее же макроэкономической политики.

Итак, делаем вывод, что институциональные «ловушки» возникают в результате ошибочной государственной политики и могут проявляться в различных сферах общественной жизни. Наиболее вероятная причина ошибочной государственной политики, скорее всего, кроется в неверно применяемых инструментах политики.

Соответственно, эффективный и единственно возможный выход из институциональных ловушек возможен только при изменении существующей модели властных отношений в части вышеизложенных причин их возникновения: несогласованность интересов различных групп экономических агентов или несогласование краткосрочных и долгосрочных планов. Для решения первой группы проблем, именно государство должно являться экономическим агентом, способным обеспечить прозрачную и очерченную дифференциацию сфер общественной жизни, а так же интересов различных экономических групп при точном

следовании законодательной базе государства. Недоверие экономических агентов к правительству и проводимой им политике является непосредственной причиной неустойчивости институтов. Отказ от ныне существующей устоявшейся модели властных отношений подготовит благоприятную почву для эффективных механизмов ответственности государства перед обществом, возможность обратной связи представителей власти с гражданами страны, что особенно важно при формировании социальной политики Российской Федерации. В части второй группы причин институциональных ловушек, то при произведении описанных ранее изменений в государственной политике, согласование краткосрочных и долгосрочных задач не будет осложненной влиянием внешних факторов.

Литература

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики // М: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
2. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы, Т.35, №2, 1999.
3. Балацкий Е. Теория институциональных ловушек и правовой плюрализм // Общество и экономика, № 10, 2001.
4. Бренделева, Е. А. QWERTY-эффекты, институциональные ловушки с точки зрения теории трансакционных издержек // Экономика, социология, менеджмент: федеральный образовательный портал. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/16213316.html>
5. Ковалев И.В, Ковалева И.В. Проблема институциональных «ловушек» и теория институтов австрийской школы. // Международное право и международные отношения, № 2, 2008.
6. Полтерович В.М. Элементы теории реформ // М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007.
7. Полтерович В.М. Институциональные ловушки: Есть ли выход? // Общественные науки и современность, № 2, 2004.

Ипотечный рынок России

Переверзева Л.В., Миненко К.

*Дальневосточный федеральный университет, г. Арсеньев,
Россия, ars_sci@mail.ru*

Официально в России за основу принята двухуровневая модель ипотечного жилищного кредитования. Это отражено в принятой Концепции развития системы ипотечного жилищного кредитования. По замыслу Правительства российская двухуровневая ипотечная система не предполагает диктата федерального центра и лишь способствует осуществлению контроля, выработке рекомендаций, оказанию методической помощи и внедрению единых общепринятых мировых стандартов и технологий. По мере развития системы в регионах могут создаваться собственные ипотечные операторы, независимые от федерального центра.

Однако, с введением закона «Об ипотечных ценных бумагах», в котором предусмотрена возможность банкам самостоятельно выпускать закладные, стало возможным активно развивать и одноуровневую модель ипотеки. Например, на настоящий момент времени активно развиваются жилищно-строительные кооперативы, которые функционируют по образу немецкой системы контрактных стройсбережений.

Количество программ ипотечного кредитования неуклонно растёт, сопровождаясь их постепенной переориентацией на рыночные условия кредитования и рефинансирование. Приоритеты банков в отношении объектов ипотечного кредитования на данный момент сместились в сторону строящегося жилья. Сегодня сделки по приобретению жилья на первичном рынке кредитуются наравне со сделками на вторичном.

Предоставление кредитов на приобретение строящегося жилья с 2010 года стало ведущим направлением государственной политики по развитию ипотеки. Для этой цели были выделены средства на реализацию программы «Новостройка» Агентством по ипотечному жилищному кредитованию (АИЖК) и программы государственной поддержки ипотеки за счет средств Внеш-

экономбанка (ВЭБа). В то же время, кредитование новостроек привлекает банки и вне рамок государственных программ. За первый квартал 2011 года АИЖК было рефинансировано на 1, 08 млрд. руб. кредитов, выданных по программе «Новостройка».

Частные банки тоже активно развивают ипотеку на приобретение квартир в строящихся домах. По собственным программам ипотечного кредитования на приобретение квартир в строящихся домах с начала 2011 года улучшили условия: ДельтаКредит, АМТ Банк, Уралсиб, МБРР, РосЕвроБанк, Райффайзенбанк, Сбербанк, МДМ Банк, Собинбанк, «Возрождение». МДМ Банк и Московский банк реконструкции и развития (МБРР) запустили программы на приобретение квартир в новостройках.

Банки смягчают свою позицию в отношении ломбардных кредитов (под залог имеющейся в собственности недвижимости). По сравнению с 2010 годом сейчас происходит улучшение условий этого вида кредитования. Ставки снижаются - с начала 2011 года ломбардные кредиты подешевели в банках «Возрождение» и «ДельтаКредит», Нордеа Банке, Райффайзенбанке, Собинбанке. Срок, на который выдаются ломбардные кредиты, по-прежнему заметно короче классической ипотечной ссуды - он, как правило, составляет 10 -15 лет, хотя исключения встречаются. Особых изменений не произошло в сфере кредитования комнат, земельных участков и рефинансирования. Кредиты на комнаты и доли в жилье не получили широкого распространения, хотя некоторые банки готовы рассматривать и такие заявки. Выдачей кредитов на приобретение земельного участка под залог этого участка по-прежнему занимается ограниченный круг банков.

Новым поворотом в развитии ипотечного рынка можно расценить изменение позиции банков по отношению к предпринимателям и собственникам бизнеса, которых до недавнего времени расценивали как нежелательных заемщиков по ипотеке. Теперь для них предлагаются особые условия ипотечного кредитования. Ипотечные программы для индивидуальных предпринимателей и владельцев бизнеса действуют в ВТБ 24, Мособлбанке, банке «Открытие», Флексинвестбанке и др. Не теряют

актуальность специальные предложения по ипотеке на приобретение недвижимости, которая находится в залоге у банка, выставленная на продажу неплатежеспособными заемщиками. А вот программы реструктуризации практически исчерпали себя, сейчас урегулирование просроченной задолженности снова становится предметом индивидуального разбирательства.

Заметно выросло число ипотечных программ, специально разработанных для отдельных категорий заемщиков. В частности, отдельно выделяются молодые семьи, причем наличие детей позволяет воспользоваться дополнительными льготами. Пять крупных банков сегодня предлагают льготные условия кредитования для молодых семей, в которых как минимум один заемщик не достиг возраста 35 лет: банк «ДельтаКредит», РосЕвроБанк, Сбербанк и банк «Уралсиб». Для семейной ипотечной программы РосЕвроБанк отменяет первоначальный взнос, банк «Уралсиб» снижает процентную ставку на 0,5 процентных пункта из расчета на каждого несовершеннолетнего ребенка, причем, ставка снижается и в том случае, если ребенок рождается после заключения кредитного договора - льгота действует весь срок его действия. Сбербанк снижает первоначальный взнос для молодых семей до 15%, а для семей с детьми - до 10%. Кроме того, Сбербанк и «ДельтаКредит» позволяют взять отсрочку по выплате основного долга при рождении ребенка в период действия кредитного договора.

Ипотечный рынок в России продолжает быстрый рост после провала 2009 года. За 2010 год было выдано более 300 тыс. кредитов на 380 млрд. рублей. 96% от общего объема выданных ипотечных кредитов в денежном выражении было предоставлено в рублях. Объем выданных за 2010 год кредитов вырос в 2,3 раза, как в денежном, так и в количественном выражении по сравнению с аналогичным показателем предыдущего года. Общий объем задолженности по ипотеке на 1 января 2011 года составил 1,13 трлн. рублей, показав небольшой рост по сравнению с данными на 1 января 2010 года - 1,01 трлн. рублей. Из этого следует вывод, что пока ипотечные кредиты погашаются быстрее, чем выдаются. Основные процентные ставки по стандарт-

ным программам ведущих ипотечных банков России по данным на 10 апреля 2011 года представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Фиксированные ставки ведущих ипотечных банков
на покупку недвижимости на вторичном рынке**

Название банка	Ставка в рублях		Ставка в иностранной валюте	
	минималь- ная	максималь- ная	минималь- ная	максималь- ная
Абсолют Банк	9,99	16,75	-	-
Альфа-Банк	12,5	14,25	10	12,2
АМТ-Банк	11,75	13,75	8	10
Банк Москвы	13,3	18,05	10,2	14,95
БСЖВ	11,5	23,25	8	21
ВТБ 24	10	17,65	8,45	14,15
Газпромбанк	11	13,5	10,5	11,5
ДельтаКре- дит	12,25	20,75	8	16,5
«ЖилФи- нанс»	11,75	13,75	8	10
Инвесттор- гбанк	11,9	16,7	10,9	15,5
НОМОС- банк	11	22,5	-	-
Сбербанк	12,25	14	10,1	12,1
Собинбанк	10,9	14,9	9,9	13,9
«Уралсиб»	12	13,5	-	-

По данным Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) в 2010 году в единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ЕГРП) было внесено 1 млн. 330 тыс. регистрационных записей об ипотеке, что почти вдвое превышает аналогичный показатель прошлого года (823,5тыс. руб.).

Средневзвешенная ставка по ипотечным кредитам в рублях, выданным в 2010 году, составила 13,2%, что соответствует стоимости кредитов с высоким первоначальным взносом. Можно предположить, что данная особенность будет присуща российскому ипотечному рынку и в текущем году, так как стоимость жилья критично далека от покупательной способности основной массы населения.

За январь - февраль 2011 года объем выданных ипотечных кредитов составил 55,2 млрд. рублей, это в 2,4 раза больше объема ипотечных кредитов, выданных за первые два месяца 2010 года - 23,5 млрд. рублей.

По данным Центрального банка РФ на 1 марта 2011 года удельный вес просроченной задолженности в общем объеме задолженности по ипотечным кредитам составляет 3,7%. По состоянию на 1 января 2010 года было зафиксировано 2,3%. То есть наблюдается рост просрочки.

По прогнозам АИЖК в 2011 году населению будет предоставлено не менее 415 - 460 тыс. ипотечных кредитов на сумму примерно 580 - 640 млрд. рублей, если наметившиеся позитивные тенденции в экономике продолжатся.

К 2015 году общий объем ипотечных и жилищных кредитов в России должен составить 7 - 8% от ВВП.

Литература

1. Об ипотеке (залоге недвижимости): федеральный закон № 102-ФЗ от 16 июля 1998 г (ред. от 01.07.2011).- Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru>.
2. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: федеральный закон № 122-ФЗ от 21

июля 1997 г (ред. от 19.07.2011).- Режим доступа: URL:
<http://www.consultant.ru>.

3. О кредитных историях: федеральный закон № 218-ФЗ от 30 декабря 2004 г (ред. от 11.07.2011).- Режим доступа: URL:
<http://www.consultant.ru>.

4. Текущее состояние ипотечного рынка [Электронный ресурс].- Режим доступа: URL:
<http://www.rusipoteka.ru/rusnow>.

5. Ипотечное кредитование в цифрах [Электронный ресурс].- Режим доступа: URL:
http://www.rusipoteka.ru/ipoteka_statistika_ipotechnoe_kreditovanie_v_cifrah.

Имидж стоматологической клиники при последовательном, параллельном и многоуровневом маркетинге

Мацько В.В.

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, Россия, v_matsko@mail.ru*

Все потребители формируют собственные чувства о том, что означает имидж; но на них можно повлиять — посредством рекламы и представления услуги производителем [1]. Имидж стоматологической организации зависит от сущности рекламной стратегии и от того, какой вид маркетинга выбран – последовательный, параллельный или многоуровневый.

Последовательный маркетинг проводится по схеме «производитель — потребитель». Стоматологическая фирма при помощи рекламы привлекает внимание пациентов к потребительским свойствам оказываемых услуг, побуждая воспользоваться предложением.

Действуя в рамках последовательного маркетинга, стоматологические клиники прежде всего, сосредотачивают свои усилия на имиджевой рекламе, формирующей у пациентов образ фирмы. Цель — попасть в активное поле сознания и подсозна-

ние пациентов. Используются специфические приемы, позволяющие привлечь внимание к названию фирмы и остаться в памяти потенциального или реального потребителя.

Относительно просто строится информирующая реклама. Она повествует о содержании оказываемых услуг, применяемых технологиях, особенностях их исполнения в зависимости от пола, возраста, уровня запросов и доходов потребителей. К рекламе такого типа можно отнести иноформацию на сайте стоматологий, буклеты, в которых раскрывается история и философия фирмы.

Просветительская реклама более сложна как по содержанию, так и по форме. В ней сочетается коммерческие, социальные и лечебно-гигиенические аспекты. Цель — мотивировать обращение к стоматологу посредством информации, которая содержит научно-практические сведения о проблемах, волнующих пациента. Такая реклама призвана рассказывать о содержании имеющихся или вероятных проблем потребителя, динамике, возможных способах решения, с применением тех или иных технологий, параллельно она должна показывать, что конкретно фирма предлагает потребителю того или иного возраста, пола, уровня дохода и желаний.

В рамках параллельного маркетинга производитель использует потенциальные возможности, организационную и материальную базу каких-либо социальных институтов — предприятий, учреждений, страховых компаний. С ними заключаются договоры на предоставление стоматологических услуг для работников конкретного предприятия на определенную сумму. В данном случае рекламная стратегия направлена на установление контактов с представителями заказчика или страховой компании, выступающей посредником между фирмой-исполнителем и заказчиком [2]. Соответственно корректируется содержание информации о предлагаемых услугах: в буклетах, листовках показывается не столько их потребительская ценность для пациентов, сколько материальная и социальная выгода, которую получает заказчик, если войдет в контакты с данным производителем.

Многоуровневый маркетинг осуществляется при посредничестве дистрибьюторов, распространителей товара или сведений

об услугах. В стоматологии их роль выполняют пациенты, когда они от одного знакомого к другому передают информацию о фирме, вызывающей доверие, хорошем специалисте, качестве услуг, внимательном отношении персонала и т. д.

Таким образом, центральная идея рекламной стратегии при многоуровневом маркетинге состоит в том, чтобы сделать пациента постоянным и чтобы он все время активно пропагандировал фирму. Показателем эффективности рекламной стратегии в этом случае выступает мера готовности пациента и его реальное участие в функции дистрибьютора. Воздействие оказывает, во-первых, персонал, который призван произвести наилучшее впечатление на всех этапах обслуживания, во-вторых, информационное сопровождение пациентов — сведения об услугах, прайсы, буклеты, фото-примеры эффективного лечения, наглядные пособия в кабинетах, помогающие объяснить пациенту его проблемы, убранство холла, успокаивающая музыка.

Важно отметить, что при осуществлении многоуровневого маркетинга реклама носит в основном скрытый характер, фирма не рекламирует себя в привычном смысле.

В расчете на пациента-дистрибьютора организуются разные аспекты скрытой рекламной деятельности фирмы.

Информирование о цене услуг и условиях приема. Администраторы и врачи должны научиться психологически грамотно информировать пациента, соблюдая единый стиль и тактику:

1. устанавливать и поддерживать по ходу информирования доверительный контакт;
2. заинтересовать услугами и преимуществами фирмы;
3. убеждать решить свою проблему именно в этой фирме.

Предварительное консультирование у врача. Консультирование приобретает характер скрытой рекламы уважительных отношений к пациенту и профессионализма, если врач:

1. проявит индивидуальный подход к пациенту, учтет его возраст, пол, социальный и психический статус, физическое и психологическое самочувствие;
2. предложит возможные варианты, план и сроки лечения, обсудит и согласует стоимость работ;

3. укажет профилактические меры по уходу за полостью рта, если лечение пока не требуется или если пациент не может осуществить его по каким-либо причинам.

Лечение. Эффективность лечения оказывает прежде всего влияние на принятие пациентом решения остаться в дальнейшем лечиться в фирме, у данного врача или сделать иной выбор. Поэтому важно установить ту или иную форму обратной связи с каждым пациентом, чтобы выявить его намерения и мнение о результатах лечения.

Гарантированные осмотры. После завершения лечения пациент имеет право на периодические бесплатные осмотры у врача - такова норма проявления подлинного внимания к пациенту и ответственности стоматологического учреждения.

Особую роль в многоуровневом маркетинге играют сотрудники фирмы. Они также выполняют функцию дистрибьюторов, распространяя позитивные мнения о фирме, ее руководстве, оказываемых услугах, специалистах, психологическом климате и т. д.

Независимо от того, в каком виде маркетинга действует реклама — последовательном, параллельном или многоуровневом, она должна быть направлена на формирование положительного имиджа стоматологической клиники. Поэтому рекламная стратегия должна быть четко и грамотно выстроена при каждом виде маркетинговой политики, потому что в конечном счете имеет дело с людьми.

Современная стоматология находится в условиях, когда на выбор пациента влияют не только качество услуг, цена и месторасположение клиники, но и нематериальные активы. Формирование благоприятного имиджа становится одной из главных задач для полноценного развития стоматологической организации.

Литература

1. Хэли М. Что такое брендинг? [1] / Мэттью Хэли; пер. с англ. О.П. Бурмаковой — М.: АСТ: Астрель, 2010. - 256 с.
2. Бойко В. В. Реклама в стоматологии [2] – СПб.: Информ-Знание, 2008. - 77 с.

Взаимоотношения и взаимодействие с общественностью в системе государственного управления

Кислюк Е.В.

*Донецкий государственный университет управления, г. Донецк,
Украина, eva_T@ukr.net*

Современная концепция формирования взаимоотношений и взаимодействия органов государственной власти с общественностью в системе государственного управления исходит из того, что они являются предпосылкой развития социального правового государства. Взаимоотношения гражданского общества и государства являются сложными и противоречивыми, поскольку между ними происходит своеобразное разделение организационно-управленческого труда. Государство и общество существуют в виде противоречивого беспрестанного взаимодействия и взаимовлияния, характер и направленность которых в значительной мере зависят от уровня развития гражданского общества и его институтов.

Объектом исследования является процесс влияния государства на развитие общественных взаимоотношений. Предметом исследования являются пути усовершенствования взаимоотношений и взаимодействия с общественностью в системе государственного управления.

Основными методами государственного управления взаимоотношениями и взаимодействием между властью и общественностью являются такие: системно-функциональный, который применяется с целью систематизации субъектов управления по единству цели и особенностям функций; программно-целевой – с целью организации сотрудничества на основе согласованных программ, направленных на достижение конкретных целей; исторически-ретроспективный – с целью учета влияния исторических аспектов на отношения в современный период; комплексно-корпоративный – с целью объединения и гармонизации всех составляющих взаимоотношений; сравнительный – с целью сопоставления результатов взаимоотношений во временном и пространственном измерении; доктри-

нальный – с целью перестройки взаимоотношений на основе законодательно определенных доктрин, законов, программ и планов; модернизации и модификации – с целью поиска оптимальных механизмов взаимоотношений; ситуационный – с целью учета влияния на взаимоотношения конкретных ситуаций, и которые дополнены такими методами как: политические коммуникации – с целью согласования позиций центров принятия государственно-управленческих решений, а также социокультурной модернизации, – с целью перехода к информационному обществу знаний [3].

Анализ функционирования общественных организаций в Донецком регионе показал незначительное их влияние на подготовку, сопровождение и принятие решений органами государственной власти и местного самоуправления, а также определил проблемы их развития и принципы общественного общества, такие как: учреждение практики экспертизы проектов нормативных актов на предмет потенциального вреда или содействия развитию гражданского общества; правовое образование общественности, налаживание партнерства и обмена опытом между общественными организациями; соблюдение антимонопольного принципа в сфере информационного пространства; укрепление чувства национальной идентичности; разработка и обеспечение реализации механизмов открытости и прозрачности власти, привлечения общественности к процессам принятия решений; реализация политики общественной консолидации для решения социально значимых проблем – минимизацию бедности и создание крепкой средней общественной прослойки как стабилизирующего элемента социальной структуры; усовершенствование существующих и разработка новых форм социального партнерства; разработка эффективных механизмов поддержки деятельности общественных организаций в реализации социальных программ, которые дополнены следующими принципами: общественная активность, партнерство, открытость и ответственность, политическая независимость, предотвращение коррупции, рациональное и сбалансированное развитие, органы публичной власти, комплексность.

В современной системе обучения и образования, особенно на региональном уровне, играет значительную роль и самообразование государственных служащих и должностных лиц местного самоуправления, поскольку вся система подготовки управленческих кадров строится и развивается на основе самообразования, которое представляет собой непрерывный, специфическим образом организованный процесс развития и обогащения совокупной культуры специалистов государственной службы и местного самоуправления на основе сформированных у них образовательных потребностей чрезвычайно нужных для профессиональной деятельности [2].

Рекомендациями относительно преодоления проблем низкого уровня информационной открытости деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления являются внедрение институтов независимой экспертизы уровня открытости и прозрачности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления; постоянное освещение и предание огласке информации об уровне открытости органов власти и участии общественности и институтов гражданского общества в выработке государственной политики, обеспечения прозрачности деятельности органов власти; введение административной ответственности должностных лиц за невыполнение, неподобающее выполнение, нарушение требований действующих, нормативно-правовых актов; регламентация вопроса predания огласке информации о деятельности органов власти; распространение позитивного опыта и практики участия общественности в выработке, реализации и оценке государственной политики; осуществление постоянного независимого мониторинга выполнения государственной регуляторной политики всеми органами государственной власти и местного самоуправления; законодательное закрепление требования обязательного рассмотрения проектов нормативно-правовых актов; разработка типичного регламента работы консультативно-совещательных органов при центральных, местных органах государственной власти и органах местного самоуправления; проведение открытой аттестации руководителей и заместителей руководителей органов государственной власти и местного самоуправления

при участии общественных организаций, союзов предпринимателей.

Что касается кадрового обеспечения, то главными заданиями в этом направлении для усовершенствования государственного управления взаимоотношений и взаимодействия с общественностью являются: определять ежегодную и на перспективу (5 лет) потребность в кадрах государственных служащих всех категорий с учетом должностей и профиля их деятельности; формировать заказ на подготовку, переподготовку и повышение квалификации государственных служащих; подбирать кадры государственных служащих в соответствии с требованиями законодательства с учетом особенностей каждой должности; внедрить четкий учет государственных служащих и связанные с этим формы статистической отчетности, а также личную карточку служащего; проводить целенаправленную работу с кадровым резервом, в частности организовывать стажировки специалистов, которые входят в его состав; постоянно совершенствовать организацию работы в аппарате органов исполнительной власти, прогнозировать развитие их структур, совершенствовать аттестацию государственных служащих, осуществлять контроль за повышением их квалификации и создавать надлежащие условия для труда и самообразования.

Литература

1. Прохоренко О. Я. Корупція по-українськи (сутність, стан, проблеми): Монографія / К.: Вид-во НАДУ, 2005. - 168 с.
2. Сergygin С. М. Державний службовець у відносинах між владою і суспільством: Монографія. - Д.: ДРІДУ НАДУ, 2003. - 456 с.
3. Сурмін Ю. Концептуальні основи створення системи взаємодії органів державної влади із суб'єктами громадянського суспільства в контексті інтеграційних процесів // Євроатлантикінформ. – 2006. – № 2. – С. 29 – 35.

О концепции демографического развития Украины до 2015 года

Костровец Л.Б.

*Донецкий государственный университет управления, г. Донецк,
Украина, Lara_k80@mail.ru*

Демографический фактор является одним из определяющих для обеспечения стабильного и безопасного развития государства, а проблемы оптимального демографического развития следует рассматривать как первоочередные интересы государства, как фактор и одновременно как результат ее функционирования. Современная демографическая ситуация в Украине создает реальную угрозу национальным интересам и безопасности. За последние 10 лет численность населения Украины уменьшилась почти на 4,5 млн., и это при том, что в Украине не было ни войн, ни вооруженных конфликтов, ни массовых эпидемий. Если в 1991 г. рождаемость превышала смертность, то в 2008 г. в Украине умерло на 244 тыс. больше, чем родилось. По последним данным Государственного комитета статистики Украины за январь 2011 года уже умерло на почти 20 тыс. человек больше чем родилось, то есть если динамика не изменится то в конце 2011 года можно вполне ожидать естественное сокращение населения - 240 тыс. человек. Таким образом можно считать, что к 2026 г. численность населения Украины может уменьшиться еще на 5-8 млн [1].

Мировая практика убеждает, что демографические процессы в любых условиях требуют регулирования со стороны государства. Необходимость управления демографическим развитием обуславливается, во-первых, необходимостью удовлетворения общественной потребности в воспроизводстве населения и его размещения на территории в масштабах и пропорциях, соответствующих перспективам социально-экономического развития, во-вторых, тем, что демографические процессы и их объективные общественно-экономические детерминанты связаны через сферу общественного и индивидуального сознания, проявляю-

щиеся в условиях жизнедеятельности и влияют на демографическое поведение людей [2].

Согласно концепции демографического развития Украины до 2015 года, демографическая направленность должна стать одним из главных приоритетов действий украинского руководства. Содержание реального выхода из демографического кризиса заключается не столько в преодолении депопуляции, сколько в повышении качественных характеристик населения, сохранении и воссоздании его жизненного и трудового потенциала, в частности интеллектуального [3]. В концепции демографического развития Украины до 2015 года отмечается, что базовым положением является трактовка демографической политики не как составной социально-экономической политики, а как ее особой направленности, демографической ориентации. Концепция представляет собой систему идей и взглядов, которые должны определять пределы правового и идеологического пространства, в рамках которого будут формироваться стратегические приоритеты и программные документы по вопросам рождаемости, поддержки семьи, здоровья, продолжительности жизни, миграции и других видов государственного регулирования демографического развития. Для этого необходимо разрабатывать на основе Концепции демографического развития Украины до 2015 года - проект стратегии демографического развития Украины, который содержит задачи и механизмы их реализации по следующим приоритетным направлениям демографической политики: рождаемость и развитие семьи; улучшение состояния здоровья, снижения смертности и продления продолжительности жизни; регулирования миграционных процессов; преодоления негативных последствий старения населения [3].

Основным инструментом реализации концепции является государственная поддержка семьи, что является тем ядром, вокруг которого формируется вся система мер демографической политики. Она предусматривает создание условий для усиления влияния на демографические процессы средствами "просимейного" реформирования всех сфер общественной жизни и должна получить статус национальной. Реализация концепции демографической политики имеет отраслевую специфику и органично

соединена с такими общегосударственными механизмами, как экономическое регулирование, социальное партнерство и тому подобное. Государственная политика по социальной инфраструктуре должна быть направлена на создание необходимых условий для сохранения и укрепления репродуктивного здоровья населения, формирования и стимулирования здорового образа жизни и решение проблем гигиены и безопасности труда, поддержки молодежи, защиты инвалидов и пожилых людей, развитие образования, культуры, отдыха.

Учитывая сложность и специфику демографических проблем, перспективы социального и экономического развития Украины, реализация части концептуальных направлений демографической политики будет проводиться поэтапно, а части - на протяжении всего десятилетия. Периодизацию осуществлено в соответствии с Концепцией демографического развития до 2015 года. Первый этап (2005-2009 годы) и второй этап (2010-2015 годы).

Анализ имеющейся в Украине демографической ситуации и эффективности социально-демографической политики свидетельствует, что необходимо конкретизировать государственные мероприятия, осуществить переход от адаптивной к активной демографической политики, которая влияет на основные факторы неблагоприятной демографической ситуации в стране: экономические, социальные и т.п. Приоритетами новой социально-демографической политики Украины, а также государственной политики в смежных сферах, должны стать следующие задачи: смещение фокуса социально-демографической политики с прямого стимулирования рождаемости к косвенным средствам воздействия, формирование концепции налогового и льготного стимулирования для поддержки семей с детьми; разработка и внедрение четкой миграционной политики, направленной на формирование желательного культурно-этнического состава иммигрантов, приобретения ими легального статуса, стимулирования образовательной миграции и т.п.; реформирование системы социальной защиты и социального обеспечения заменой значительной части льгот инструментами адресной социальной поддержки; реформирование системы здравоохранения путем

разработки универсального пакета медицинского обслуживания и системы платных услуг, а также введение института обязательного медицинского страхования.

Для реализации этих задач, необходима согласованная деятельность центральных и местных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, активизация института гражданского общества, привлечение частных структур, что может быть осуществлено только в рамках реализации комплексной государственной программы. Все эти задачи необходимо решать уже в ближайшее время, иначе острые общественные проблемы будут загнаны в тупик, а их решение будет все труднее. Таким образом, существует острая потребность в разработке, утверждении и исполнении в течение 2011-2015 годов Общегосударственной социальной концепции государственного развития Украины.

Литература

1. Піщуліна О.М. Основні напрями реформування державної політики регулювання ринку праці та управління трудовими ресурсами в Україні / О.М. Піщуліна // Стратегічні пріоритети. – 2009. – № 2(11). – С. 175-184.
2. Данюк В. М., Колот А. М. Управління трудовими ресурсами. — К., 1995. — С. 45.
3. Концепція демографічного розвитку України на 2005-2015 рр. // Демографія та соціальна економіка. – 2005. – №1. – С. 5-22.

Стратегии реформирования местных бюджетов в Украине

Решетова А.И.

*Донецкий государственный университет управления, г. Донецк,
Украина, Rechetova@gmail.com*

Местные бюджеты являются важным звеном бюджетной системы государства, так как они имеют существенное влияние на социально- экономическое развитие территорий, поскольку именно за их счет финансируются образовательные, культурные

услуги, здравоохранение и прочие нужды местных общин. Однако, на сегодня местным бюджетам присущ устаревший механизм централизованного регулирования доходов, который лишает органы местного самоуправления финансовой самостоятельности, и предопределяет финансовую зависимость от вышестоящих органов власти. Учитывая это, актуальным становится вопрос о направлениях реформирования местных бюджетов в Украине.

На современном этапе правительство определило основную задачу - превратить местные бюджеты в эффективный инструмент социально- экономического развития территорий, что предусматривает:

- укрепление финансовой основы местного самоуправления;
- повышение эффективности процесса формирования расходной части местных бюджетов и децентрализации управления бюджетными средствами;
- совершенствование системы регулирования межбюджетных отношений;
- внедрение планирования местных бюджетов на среднесрочную перспективу;
- усиление инвестиционной составляющей местных бюджетов;
- повышение эффективности управления средствами местных бюджетов, усиления контроля и ответственности за соблюдение бюджетного законодательства;
- обеспечение прозрачности процесса формирования и исполнения местных бюджетов [3].

Сегодня как никогда назрела необходимость административно-территориальной реформы, в дальнейшем ее отсутствие будет просто замедлять развитие крупных городов и крупных территориальных образований. Необходимо закончить разговор о разделении функций государства, региона, города, района, поселка и села.

Неблагополучное состояние местных бюджетов очевидно, и столь же очевидна неотложность решения назревших в этой

сфере проблем. Причины этих проблем нуждаются в специальном анализе - только так можно будет выработать адекватные и эффективные практические меры для их разрешения [1].

На сегодняшний день можно выделить следующие проблемы местных бюджетов:

- несовершенство налоговой политики;
- противоречивая нормативно - правовая база;
- проблема межбюджетных отношений;
- несбалансированность местного бюджета;
- слабая собственная доходная база;
- безответственность должностных лиц местного самоуправления;

Главная задача государства в части совершенствования порядка взимания местных налогов и сборов, заключается в укреплении и стабилизации финансов местных органов власти Украины в условиях резкого сокращения объемов централизованного финансирования. Именно местные налоги и сборы призваны обеспечить основные поступления в бюджеты городских, поселковых и сельских советов, поддержать и развивать местную инфраструктуру, роль которой возрастает в проведении социальной и экономической политики [2].

Следует отметить и актуальность проблемы межбюджетных отношений. Как одна из форм реализации основ межбюджетного регулирования, они одновременно выступают инструментом формирования бюджетной политики и организации бюджетного процесса Украины в условиях передачи полномочий по использованию ресурсов от бюджетов одного уровня к бюджетам другого уровня.

Несовершенной остается и система перераспределения ресурсов. В результате межбюджетных трансфертов возникает ситуация, когда местные органы власти лишены возможности самостоятельно решать собственные проблемы: одни становятся зависимыми от дотаций, у других за то, что они имеют "лишние" ресурсы их изымают. Таким образом, органы местного самоуправления лишаются стимулов для эффективного развития инфраструктуры.

Изучив взгляды на проблему совершенствования местных бюджетов ведущих отечественных и зарубежных экономистов, предлагаются наиболее рациональные и эффективные методы и рекомендации по их дальнейшему реформированию местных бюджетов, в том числе:

- местное самоуправление должно основываться, прежде всего, на финансовой самостоятельности;

- при недостатке собственных средств могут использовать внешние источники финансирования, в форме облигационных займов и кредитов (в том, числе и бюджетных);

- необходимо наиболее рационально и эффективно использовать коммунальную собственность для получения доходов (от сдачи в аренду земельных участков, зданий, от участия в уставных капиталах предприятий и организаций и т. п.);

- основной акцент реформ местного самоуправления должен быть смещен в направлении поиска оптимальных решений по обеспечению местных бюджетов собственными доходами, урегулированию межбюджетных отношений и финансовых потоков.

Более детально остановимся на структуре доходных источников местных бюджетов. Структура доходных источников местных бюджетов, которая существует сегодня, требует улучшения. Для этого необходимо провести существенное укрепление доходной базы органов местного самоуправления, создать действенные механизмы стимулирования налоговых усилий членов территориальной общины, реально воплощать в бюджетную практику принцип публичности и прозрачности, внедрить действенный общественный контроль за движением бюджетных ресурсов [3].

Местные бюджеты являются важным звеном бюджетной системы государства, так как они имеют существенное влияние на социально-экономическое развитие территорий. Поэтому одной из важнейших задач финансовой политики Украины, сегодня является реформирование межбюджетных отношений. В первую очередь эта проблема сводится к повышению бюджетной самостоятельности местных органов власти и увеличению доходов местных бюджетов.

Следовательно, решение целого комплекса проблем, существующих в формировании и использовании местных финансов, позволило бы значительно расширить экономическую самостоятельность регионов Украины. Потому что, от того насколько политически независимыми и финансово обеспеченными являются административно-территориальные единицы, зависит стабильность и независимость всего государства.

Литература

1. Иваненко В. Место и роль местных налогов и сборов в обеспечении местного самоуправления / В. Иваненко // Финансы Украины. - 2005. - № 4. - С.32-34.

2. Кириленко О.П. Исторический опыт, состояние и перспективы развития местных заимствований в Украине / О.П. Кириленко // Журнал европейской экономики. - 2005. - № 1. - С.82-104.

3. Модернизация местных финансов Украины в условиях экономических и социальных трансформаций: Монография / Под ред. О.П. Кириленко. - М.: ТНЗУ, «Экономическая мысль», 2008. - 376 с. 11

**Управление муниципальным заказом
Администрации городского округа «Город Йошкар-Ола»**

Полушина М.А.

*Марийский государственный технический университет,
г. Йошкар-Ола, Россия, firstmasha@yandex.ru*

Система муниципального заказа является одним из самых важных регуляторов экономических процессов на муниципальном уровне. Муниципальный заказ – это надежный инструмент эффективного расходования бюджетных средств [2]. Эффективное использование средств бюджета и внебюджетных источников финансирования, обеспечение при этом гласности, прозрачности, добросовестной конкуренции, предотвращение злоупотреблений в сфере размещения заказов для государственных и

муниципальных нужд способствует ускоренному социально-экономическому развитию России.

Управление муниципальным заказом сильно зависит от внешней среды. На деятельность Администрации городского округа «Город Йошкар-Ола» влияют много факторов: политические, правовые, экономические, социальные, внешнеэкономические и т. д.

За последние месяцы в нормативно-правовой базе муниципального заказа произошли небольшие изменения. Вышел новый Федеральный закон от 18 июля 2011 г. №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», вступающий в силу 01.01.2012 г [3]. Данный закон будет устанавливать общие принципы закупки товаров, работ, услуг и основные требования к закупке товаров, работ, услуг. Также вышло Постановление Правительства РФ от 3 ноября 2011 г. № 881 «О порядке формирования начальных (максимальных) цен контрактов на отдельные виды медицинского оборудования для целей их включения в документацию о торгах на поставку такого оборудования», где определены цены на определенные медицинские препараты и оборудования.

Если рассматривать социально-экономическую сферу, то на конец 2010 года в Республике Марий Эл состояло на учете 12 105 семей для получения жилья, что свидетельствует о высокой потребности в жилье у населения [6]. Параллельно в Республике Марий Эл в 2010 году осуществлялся комплекс дополнительных мероприятий, направленных на обеспечение жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, содействие их социальной адаптации.

Также, по данным Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл, обеспеченность детей в возрасте 1-6 лет местами в дошкольных образовательных учреждениях в городе Йошкар-Оле составила в 2010 году 651 место на 1000 детей (в 2009 году – 645 мест) [6]. Следовательно, выявляется острая нехватка мест в дошкольных учреждениях.

Что касается международных отношений, в 2010 году в Республике Марий Эл осуществляли деятельность 89 организаций с участием иностранного капитала, в результате чего расшири-

лась практика участия иностранных организаций в аукционах. Повысилась заинтересованность иностранных предприятий в организациях Республики Марий Эл.

Реализация Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009 - 2013 годы» предполагает государственное финансирование инновационных технологий.

Таким образом, можно выделить возможности внешней среды для деятельности Администрации городского округа «Город Йошкар-Ола» в области управления муниципальным заказом, которыми возможно воспользоваться:

- Сильная потребность в жилье у определенных категорий населения;
- Государственная поддержка отдельных групп населения и реализация федеральных целевых программ;
- Нехватка мест в дошкольных учреждениях;
- Заинтересованность иностранных предприятий в участии в аукционах на заключение государственных и муниципальных контрактов.

В результате проведенных исследований были определены следующие угрозы внешней среды для деятельности Администрации городского округа «Город Йошкар-Ола» в области управления муниципальным:

- Процветание коррупции;
- Повышение инфляционных рисков;
- Возможное вступление России в ВТО.

Администрация городского округа «Город Йошкар-Ола» способна воспользоваться возможностями и ослабить влияние угроз внешней среды при помощи своих сильных и слабых сторон. Сильные стороны Администрации городского округа «Город Йошкар-Ола» в области управления муниципальным заказом:

- Увеличение доли дохода в местном бюджете;
- Муниципальные служащие администрации являются профессиональными, квалифицированными, аттестованными специалистами;

- Большая доля заключенных контрактов и сделок по результатам проведения электронных аукционов.

Слабые стороны Администрации городского округа «Город Йошкар-Ола» в области управления муниципальным заказом:

- Высокая аварийность дорог;
- Маленькая средняя заработная плата муниципальных служащих;
- Большинство торгов проводятся в форме закупки малого объема у единственного поставщика.

SWOT-анализ необходим для определения основных задач и целей администрации города в области управления муниципальным заказом. В матрице-SWOT определены сильные и слабые стороны, возможности и угрозы, а также их взаимодействие (рисунок 1).

Учитывая возможности внешней среды и сильные стороны администрации Йошкар-Олы выявляются мероприятия по увеличению эффективности предоставления муниципальных услуг (поле СИБ), так как главной целью местного самоуправления является обеспечение населения всеми необходимыми услугами.

В поле СИУ матрицы-SWOT представлены мероприятия, которые при помощи сильных сторон Администрации города Йошкар-Олы сглаживают угрозы внешней среды. В поле СЛВ показаны примеры мероприятий, в которых слабые стороны Администрации городского округа «Город Йошкар-Ола» при помощи возможностей внешней среды превращаются в преимущества. Ну и на конец, в поле СЛУ предложены оперативные меры, которые необходимы для «выживания» при наличии данных слабостей у администрации и условиях данных угроз внешней среды.

	<p>Возможности:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Сильная потребность в жилье у определенных категорий населения 2. Государственная поддержка отдельных групп населения и реализация федеральных целевых программ 3. Нехватка мест в дошкольных учреждениях 4. Заинтересованность иностранных предприятий и предприятий из других регионов РФ в участии в аукционах на заключение государственных контрактов 	<p>Угрозы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Возможное вступление России в ВТО 2. Процветание коррупции 3. Повышение инфляционных рисков
<p>Сильные стороны:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Увеличение доли дохода в местном бюджете 2. Муниципальные служащие администрации являются профессиональными, квалифицированными, аттестованными специалистами 3. Большая доля заключенных контрактов и сделок по результатам проведения электронных аукционов. 	<p>Поле СИВ:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1-1, 1-2: Заключение контрактов со строительными организациями на приобретение жилой площади для определенных категорий населения за счет местного и федерального бюджета. 2-4: Обучения служащих работе на иностранных электронных площадках, организация стажировки в органах местного самоуправления иностранных граждан 	<p>Поле СИУ:</p> <ol style="list-style-type: none"> 3-2: Проводить больше торгов в форме электронного аукциона. 2-2: Повысить антикоррупционные меры среди муниципальных служащих. 1-1, 1-3: Создать внебюджетный стабилизационный фонд.

	<p>стран. 3,1-3:Заключение контрактов на реконструкцию муниципального имущества для детских садов.</p>	
<p>Слабые стороны: 1. Высокая аварийность дорог 2.Маленькая средняя заработная плата муниципальных служащих 3.Большинство торгов проводятся в форме закупки малого объема у единственного поставщика</p>	<p>Поле СЛВ: 1-4: Заключение контрактов на ремонт дорог с организациями из соседних регионов. 3-4: Заключение контрактов на приобретение редких товаров, например медикаментов, у единственного иностранного поставщика.</p>	<p>Поле СЛУ: 2-2:Усилить контроль за муниципальными служащими, проводить прокурорские проверки, ужесточить антикоррупционные меры.</p>

Рисунок 1. Матрица-SWOT

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать следующий вывод: в Администрации городского округа «Город Йошкар-Ола» развитию системы управления муниципальным заказом способствует много факторов, что позволяет увеличить эффективность работы службы муниципального заказа в Администрации города.

Литература

1. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».
2. Ботвеев С.В. Размещение государственного и муниципального заказа (базовый курс) /С.В. Ботвеев. – СПб.: СПбГАСУ, 2010.- 500 с.
3. Размещение государственного и муниципального заказа (сборник нормативных материалов).- М.: ИД «Юриспруденция», 2011.- 360 с.

4. <http://www.i-ola.ru/> Информационный портал «Город Йошкар-Ола»
5. <http://gov.mari.ru/> Информационный ресурс Правительства Республики Марий Эл.
6. <http://www.maristat.mari.ru/> Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл

Инвестиционное обеспечение научной сферы

Боголиб Т.М.

ГВУЗ «Переяслав-Хмельницкий ГПУ имени Григория Сковороды», Украины, Vogolib60@mail.ru

Развитие процесса интеллектуализации экономики, как важного фактора экономического роста, сдержит много проблем. Основная с них – низкий уровень инвестиционного обеспечения, что обуславливает отток перспективных кадров и низкую эффективность деятельности основных ее сфер. Очевидным есть наличие существенных противоречий между необходимостью инвестиционной поддержки системы высшего образования, науки, высокотехнологических и интеллектоемких проектов и реальными методами обеспечения этого.

Развитие описанных выше явлений, несмотря на их важность, не нашли пока еще адекватного теоретического обобщения в современной экономической науке. Соответственно возникает важная экономическая проблема: существующие основы экономической политики, направлены на содействие экономическому росту, не учитывают основных современных тенденций. В Украине это приводит к снижению темпов экономического развития. Для ее решения нужно обобщать основы инвестиционного обеспечения интеллектуализации экономики и организационно-экономические методы его развития.

Украинские и российские ученые и практики уделяют внимание сферам науки и высшего образования. В Украине этими

вопросами занимается: В.М. Геец, А.С. Гальшинский, Б.М. Данилишин, А.И. Барановский, Т.М. Боголиб, И.А. Вакарчук, В.Г. Кремень, А.Я. Кузницова, Т.С. Смовженко, Л.К. Семив, М.А. Козорез, В.П. Соловьев, Л.И. Федулова, Л.Т. Шевчук, Е.И. Бойко, М.И. Крунка, С.А. Николаенко. Среди российских ученых нужно отметить труды в этой отрасли Д.С. Львова, Г.П. Георгиева, В.Л. Иноземцева и др.

За рубежом научные труды с этой проблемы публиковали: К. Кох, И. Блейкли, П. Альтбах, Д. Белл, А. Тоффлер, Ф. Фукуяма.

Но, несмотря на большое количество трудов, вопрос инвестиционного обеспечения сфер интеллектуализации экономики в современных условиях полностью нераскрыто. Преимущественно внимание научных исследований концентрируется на отдельных вопросах финансирования или развития сферы высшего образования и науки. Вместе с этим, рассматривать вопрос инвестиционного обеспечения интеллектуализации экономики целесообразно при условии комплексности, когда применяется единый подход к решению проблемы инвестирования высшего образования и науки, а сами они рассматриваются как производительные силы экономической системы.

Создание знаний, которое осуществляются путем научно-исследовательских и научно-технических работ, характеризуется слабой прогнозируемостью эффективности его результатов, преимущественно терминам осуществления разработок, а поэтому высоким уровнем рисков, потенциальным получением проблемы только после реализации проекта на рынке, необходимостью в специальном оборудовании, технике и ИТ. Это обуславливает определению специфику процесса инвестирования научной деятельности. Высокий уровень инвестиционных рисков в Украине, отсутствие необходимого понимания представителей предпринимательского сектора относительно необходимости научных исследований, неэффективное государственное регулирование сделали эту сферу малоинтересной для инвестирования. Но здесь возникло одно из важных противоречий. Невозможно построить конкурентоспособную экономику без инноваций, которые являются результатом научных исследований.

Поэтому и государство, и предпринимательский сектор должны быть заинтересованы в развитии научной отрасли. То есть, стоит вопрос об обоснованной необходимости приведенных выше факторов, что позволит реализовать цели экономической политики.

Украинские и российские ученые и практики уделяют внимание вопросу инвестиционного обеспечения нужд сферы науки. В Украине этими вопросами занимались В. Геец, А. Гальчинский, Б. Данилишин, А. Барановский, М. Козорез, Е. Бойко, С. Николаенко и другие. Среди русских ученых нужно отметить труды в этой отрасли Д. Львов, Г. Георгиева, И. Егорова.

Прежде всего, С. Николаенко делает акцент на необходимости увеличения государственных расходов на сферу научных исследований [6; с.12], академик Г. Георгиев среди выводов своих исследований называет развитие грантового механизма раздела бюджетных средств [2]. Но много вопросов инвестиционного обеспечения сферы науки как теоретического, так и прикладного характера остаются не разработанными.

Основные условия осуществления и регулирования научной деятельности в Украине регламентируются Законом Украины «О научной и научно-технической деятельности» [8], который должен регламентировать и инвестиционно-финансовые отношения в научной сфере. Но в этом случае, в нем отмечено только то, что государство применяет финансово-кредитные и налоговые рычаги для создания экономически благоприятных условий для эффективного осуществления научной и научно-технической деятельности соответственно законодательства Украины и обеспечивает бюджетное финансирование научной и научно-технической деятельности (кроме расходов на оборону), в размере не меньше чем 1.75% валового внутреннего продукта Украины (ст.3). Расходы на научную и научно-техническую деятельность являются защищенными статьями расходов Государственного бюджета Украины [8].

По этому поводу необходимо отметить, что, во-первых, 1.7% ВВП государственного финансирования – это очень значительная, даже по европейским меркам цифра. Поставленная после

Лиссабонского саммита цель – 3% расходов на НИИКР к ВВП сейчас остается только целью, а половина из них финансируются за счет частных источников. Соответственно такая норма в украинских реалиях является сомнительной.

Во-вторых, в законе нет не то, что механизмов, а даже не говорится о других источниках финансирования научной деятельности и мероприятия их стимулирования.

Источниками инвестирования отрасли науки в Украине являются:

- средства внебюджетных государственных учреждений и организаций;
- средства частных инвесторов и корпораций;
- ресурсы зарубежных организаций и частных инвесторов;

Сразу же необходимо сказать о наличии существенной разницы в подходах к выбору источников независимо от вида знаний (теоретическое или технологическое) и разработки (академическое или корпоративное учреждение). Относительно первого «принципиального распределения», то:

- инвестирование теоретических разработок, в большинстве стран мира, преимущественно осуществляется за счет средств публичного сектора, который в дальнейшем является их пользователем;
- технологические разработки инвестируются преимущественно частным путем (бизнесом) с целью их дальнейшего внедрения в форме инноваций.

Если мы возьмем за критерий распределения инвестирования (технологических исследований) исполнителя научной разработки, то:

- для корпоративного сектора это преимущественно личные (корпорации) или привлеченные на финансово-кредитном рынке ресурсы. Как исключение, это могут быть средства, привлеченные в рамках выполнения государственных программ (например, проекты с улучшения экономики) со специально созданных научных фондов;

- академическая наука, которая осуществляет технологические разработки, инвестируются или за счет заказчиков (бизнеса), или соответственно к приоритетным разработкам государства, со специально созданных научных фондов;
- в Украине, особенностью которой еще является высокая, по мировым меркам, частица государственной собственности в экономике, это обуславливает очень значительную частицу финансирования технологических разработок за счет средств государственного бюджета.

В странах ЕС, во время статистических расчетов, выделяются три основных источника НИИКР (R&D) – публичный сектор, частный сектор и транснациональные корпорации, которые выступают обобществлением зарубежных инвестиций [9].

Инструменты регулирования инвестирования научной деятельности нами было уже приведено. Только отметим, что к налоговым инструментом можно отнести:

- списание расходов на проведение научно-исследовательских работ, что уменьшает базу для расчета налога;
- инвестиционный налоговый кредит;
- снижение налоговых ставок;
- определенное не налогооблагаемого минимума объекта налогообложения;
- освобождение от уплаты отдельных налогов;
- расчет из определенной суммы налога;

В Украине законодательством предусмотрено налоговые льготы на осуществление научно-исследовательской и исследовательско-конструкторской деятельности в рамках инновационной деятельности. Согласно Закона Украины «Об инновационной деятельности» предусмотрено право предприятия на прибыль к 50% НДС для зарегистрированных инновационных проектов [3]. Воспользоваться этой льготой трудно потому, что отсутствует четный механизм бухгалтерского расчета суммы добавочной стоимости на прибыль, полученный именно от инновационного проекта. Здесь мы имеем дело с вопросом мотиваци-

онного влияния инструментов инвестиционного стимулирования на субъекты научной деятельности. Если они имеют государственную форму собственности, эти стимулы практически не играют роли для их развития. Исключением может быть участие государственных учреждений в инновационно-инвестиционных схемах, когда исполнители работ получают средства от фирмы, которая комерциализирует разработку.

Другим важным направлением регулирования научной деятельности является создание благоприятной инфраструктуры. В отечественной науке при этом преимущественно используется понятие инновационной инфраструктуры как соединение научной составной и бизнес-структур, что должны комерциализировать научные разработки.

Инновационная инфраструктура – организации (учреждения), которые содействуют осуществлению инновационной деятельности, то есть комплекс организаций (учреждений), которые имеют подчиненный и вспомогательный характер, которые обслуживают инновацию и обеспечивают условия нормального хода инновационного процесса. В состав инфраструктуры входят: инновационные технологические центры, технологические инкубаторы, технопарки, учебно-деловые центры и другие специализированные организации [4].

По мнению [1], с которым нужно согласиться, создана с активной государственной поддержкой инновационная инфраструктура – инновационно-технологические центры, технопарки, инкубаторы бизнеса, информационные системы, фонды поддержки инноваций, прежде всего венчурные, развитая система подготовки и повышения квалификации специалистов в области менеджмента – позволяет расширить масштабы инновационных процессов, привлекая к ним все новых и новых участников.

Одним из основных элементов инновационной инфраструктуры являются технопарки. «Технологический парк – это организация, руководимая специалистами, главной целью которых является увеличение благосостояния местного сотоварищества с помощью продвижения инновационной культуры, а также соревнования инновационного бизнеса и научных организаций. Для достижения этой цели технопарк стимулирует и управляет

потоками знаний и технологий между университетами, научно-исследовательскими институтами, компаниями и рынками. Он упрощает создание и развитие инновационных компаний при помощи инкубационных процессов и процессов выведения новых компаний из тех, которые существуют (spin-off processes). Технопарк, кроме высококачественных, обеспечивает и другие услуги» [1].

Такое широкое определение технопарка имело за цель рассмотреть все существующие в мире модели. Таким образом, это определение дает минимальный набор стандартов и требований к претендентам названия «технологический парк». Международная ассоциация технопарков особенно отражает эквивалентность таких понятий, как «технологический парк», «технополис», «технологический ареал», «исследовательский парк» и «научный парк». В Великобритании, как правило, используют термин «научный парк», в США – «исследовательский парк», в России – «технопарк».

Организации, призваны стимулировать создание технологических парков на своей территории, определяют их конкретнее. Так, инновационный совет Квинсленда предлагает такую формулировку: «Технологический парк – это юридическое лицо, создано для адекватного использования научных и технологических ресурсов для улучшения экономической базы региона. Миссией технопарка является стимулирование регионального развития, деиндустриализация, а также упрощение реализации коммерческих и промышленных инноваций. Деятельность технопарка обогащает и/или техническую культуру региона, создает рабочие места и добавочную стоимость» [7].

По данным Международной ассоциации технологических и научных парков, которая объединяет сейчас 325 таких организаций в 70-ти странах, две трети всех технопарков мира были созданы после 1980 года.

Создание объектов инновационной инфраструктуры даст возможность привлекать в сферу науки средства бизнеса. Это является их основным заданием. Создаваться в Украине они должны за государственные средства, поскольку именно государство, в лице Кабинета Министров Украины, заинтересовано

в реализации целей экономической политики. Бизнес вкладывает средства в науку только тогда, когда уверен в положительном результате получения прибыли, а это возможно только на основе значительного положительного опыта такой деятельности.

В общем, подводя итог результата исследования теоретических и нормативно-правовых аспектов инвестирования сферы науки, выделим основные факторы, которые влияют на него, и проблемы, которые тормозят. Факторы:

- бюджетные возможности;
- государственное регулирование (налоговое и инфраструктурное);
- уровень развития и инвестиционные возможности бизнеса;
- практические результаты и опыт инвестирования научных проектов;
- информационная политика;
- доступ к зарубежным инвестиционным источникам;
- макроэкономическая ситуация в стране.

Проблемы преимущественно обусловлены низким уровнем развития факторов, которые обеспечивают инвестирование науки:

- недейственные налоговые стимулы;
- отсутствие благоприятной инновационной инфраструктуры;
- малый и относительно положительный опыт инвестирования научных разработок и исследований;
- нестабильная макроэкономическая ситуация;
- очень ограниченные возможности государственного бюджета;
- низкая активность зарубежных инвесторов через вышеуказанные причины;
- слабый уровень связи между бизнесом и наукой;
- неэффективная система подготовки научных кадров, большинство из которых после защиты диссертации не занимается научной деятельностью;
- низкая роль органов региональной власти в развитии научных сфер регионов;

- постепенное снижение научного потенциала.

Решение всех этих проблем требует разработки основательного плана мероприятий, основой которого должен стать системный подход к интеллектуализации экономики страны и построения эффективного звена инвестирования научной деятельности. Это требует первоочередного объединения усилий государства и бизнеса относительно развития трех основных сфер интеллектуализации экономики государства: науки, образования и информационных технологий. Их интеграция и повышение эффективности работы содействуют повышению эффективности деятельности по поводу создания, оборота и реализации в инновациях основных знаний.

Рис.1. Механизм инвестиционного обеспечения науки в Украине

Под цепочкой инвестирования научной деятельности мы понимаем построение системы инвестиционных отношений по схеме: публичные средства – инвестирование – фундаментальные научные разработки – инвестиции (частично государственные, частично частные) – прикладные разработки – инвестирование с частных источников – инновации. Эффективная его работа требует развитости источников публичного инвестирования, эффективной системы регулирования этих отношений, наличия инвестиционных возможностей и желания бизнеса вкладывать инвестиции в прикладные разработки и реализацию новых технологий на рынке. Результаты проведенного в подразделении исследования позволили показать механизм инвестиционного обеспечения отрасли науки в Украине (рис.1).

Как можно увидеть на рисунке, принципиально механизм инвестиционного обеспечения в Украине не отличается от зарубежных аналогов. Единственной особенностью является наличие академий наук. Отличия – в незначительных объемах инвестирования и слабом уровне взаимодействия науки и бизнеса.

Литература

1. Арзамацев Н.В. Продвижение на рынок наукоемкой продукции – основная задача государственной инновационной политики / Н.В. Арзамацев [Электронный ресурс]. – Доступно с: www.ptechology.ru/innovac2.html.
2. Георгиев Г. Некоторые соображения об организации науки в России [Электронный ресурс]. – Доступно с: strf.ru/attach/attach2.doc.
3. Закон України «Про інноваційну діяльність». – К., 2010.
4. Инновационный дайджест / Национальный информационно-аналитический центр по мониторингу инновационной инфраструктуры научно-технической деятельности и инновационных региональных систем (НИАЦ МИИРИС). – 2006. – 18-24 декабря.
5. Ніколаєнко С.Заморожена освіта, або чого очікувати освітянам від держбюджету – 2009 / С. Ніколаєнко // Дзеркало тижня. – 2009. – №3(731). – 31 січня.

6. Никифоров А.Є. Податкове стимулювання інноваційної діяльності / А.Є. Никифоров, В.М. Диба, В.О. Пар // *Фінанси України*. – 2009. – №5. – С.78-86.

7. Нежиборець В. Інноваційна інфраструктура: проблеми, перспективи, рішення / В. Нежиборець [Електронний ресурс]. – Доступно з: www.ndiiv.org.ua.

8. Про наукову та науково-практичну діяльність: Закон України [Електронний ресурс]. – Доступно з: www.rada.gov.ua.

9. Towards a European research area: Science, Technology and Innovation. Key figures 2007 // www.ec.europa.eu.

**Институциональное обеспечение государственной
региональной политики: состояние,
проблемы и перспективы**

Долгалева Е.В., Плахута И.Ю.

*Донецкий государственный университет управления, г. Донецк,
Украина, inna_plahuta@mail.ru*

Постановка проблемы. На нынешнем этапе развития украинского государства необходимость эффективной региональной политики очевидна. От того, каким образом будет осуществляться государственное регулирование регионального развития, зависит качество и скорость проведения реформ, как в регионах, так и в стране в целом.

Решения проблем регионального развития, становления местного самоуправления и совершенствования отношений «центр-регионы» зависит прежде всего от институционального и правового поля для разработки и реализации государственной региональной политики, четкого распределения функций и координации деятельности государственных органов управления различного уровня в сфере территориального развития.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследования современной научной литературы и действующей нормативно-правовой базы свидетельствуют, что в национальной экономике

институциональное обеспечение государственной региональной политики еще недостаточно сформированы и отработаны.

Отдельные аспекты региональной политики Украины рассматриваются в трудах Данилишина Б., Долишнего М., Жалило Я., Кваснюка Б., Керецман В., Козориз М., Либановой Е., Микловда В., Оболенского А., Олейника Я., Павлюк А., Чумаченко Н. и других отечественных исследователей.

Цель статьи. Целью работы является раскрытие сущности и проблем реализации институционального обеспечения государственной региональной политики.

Основной материал исследования. Главной проблемой институционального обеспечения государственной региональной политики Украины является несформированность системы институтов (органов, учреждений), способных во взаимодействии и координации осуществлять эффективную реализацию задач государственной региональной политики [1].

Сегодня отсутствует четкое разграничение полномочий, ответственности и координации деятельности между органами исполнительной власти и органами местного самоуправления на региональном и субрегиональном уровнях. Местные органы власти не имеют надлежащего законодательного обеспечения и базы для решения проблем регионального и местного развития.

На этапе реформирования необходимо сохранить крепкую вертикаль исполнительной власти, которая призвана обеспечить устойчивость системы управления и стабильность в государстве. Повысить эффективность системы местного самоуправления и упорядочить принципы его функционирования поможет принятие новой редакции Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине». Проект Закона предусматривает:

- Определение правового статуса первичного субъекта местного самоуправления территориальной громады;
- Определение принципов разграничения полномочий центральных, местных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления;
- Отказ от дублирования полномочий различных уровней местного самоуправления;

- Порядок решения вопросов создания и функционирования ассоциаций и других добровольных объединений органов местного самоуправления.

Фундаментом регионального развития должна стать самостоятельность регионов относительно определения целей своего развития и возможности финансирования мероприятий для их реализации, прежде всего за счет собственных источников и привлеченных инвестиций. Основой политики экономического роста на региональном уровне должно стать рациональное использование трудового потенциала и производственных ресурсов, максимальное содействие развитию малого и среднего бизнеса, обеспечение рационального использования окружающей среды [5].

Указанный подход предполагает повышение роли и ответственности местных органов власти за будущее территории, необходимость поиска новых инструментов стимулирования экономического развития, в частности объединение усилий местного бизнеса, общественности, самоуправления и государства. Региональные и местные органы власти должны стать ключевыми в организации развития территории. Государство должно делегировать им ряд полномочий с целью максимального приближения услуг административного и общественного характера к населению, усиления дееспособности территориальных общин и их представительных органов в решении местных проблем собственными силами. Речь идет о создании институциональных условий, которые позволили регионам полностью реализовать имеющийся у них потенциал, максимально увеличить их вклад в национальную экономику, получить конкурентные преимущества на мировых рынках. Именно по таким принципам осуществляется региональная политика стран ЕС [2].

В целях повышения ответственности местных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления необходимо ввести комплексный мониторинг социально-экономического развития территорий на основе унифицированной и информатизированной базы статистических показателей на первом этапе - на уровне регионов, а в будущем – административных районов. Должна быть создана открытая электронная база данных, доступная для каждого гражданина, дающая исчерпывающую информа-

цию о ресурсах, экономике, социальном положении и т.д. в каждом территориальном образовании. Учреждение такой базы данных будет способствовать активизации инвестиционной деятельности и развития предпринимательства в регионах, а также ускорит демократические преобразования в украинском обществе, будет способствовать широкому привлечению граждан к решению проблем местного и регионального развития.

Также чрезвычайно актуальной проблемой в сфере реализации региональной политики на всех уровнях является ее низкое кадровое обеспечение. Необходимо повысить качество профессиональной подготовки кадров для системы управления регионального и местного уровней. Это важная предпосылка повышения роли местных органов власти в укреплении регионального и местного потенциалов и его эффективном использовании. Поэтому нуждается в развитии соответствующая система учебных заведений и центров, а также формирование и внедрение четких требований по квалификационным характеристикам работников местных органов исполнительной власти и местного самоуправления [4].

Для эффективной реализации государственной региональной политики необходимо создание сети негосударственных учреждений регионального и местного развития. Такие институты призваны повысить роль и ответственность территориальных обществ, частных предпринимателей и каждого гражданина за подъем соответствующих территорий, обеспечить им возможность реального участия и влияния на решение важных проблем регионального и местного развития.

Выводы. Проанализировав основные проблемы и недостатки институционального обеспечения реализации государственной региональной политики, отметим, что в Украине наблюдается:

- институциональная неустроенность разработки и реализации государственной региональной политики;
- несформированный механизм взаимоотношений центра с регионами и регионов между собой;
- отсутствует четкое разграничение полномочий между органами государственной власти и местного самоуправления;
- нет четкого разграничения функций и надлежащей координации деятельности этих органов.

Передача основных полномочий по региональному и местному развитию органом самоуправления происходит в отсутствие адекватной системы и механизмов контроля над эффективностью решений и действий этих органов: с одной стороны, ослабляется вертикаль исполнительной власти, с другой - не сформированы действенные механизмы контроля местных властей общинами. В такой ситуации государство обязано усилить внимание к вопросам региональной политики, создать действенную систему институтов, которые бы работали на обеспечение устойчивого развития отдельных территорий.

Литература

1. Павлюк А. П. Інституційне забезпечення регіональної політики України: стан і напрями удосконалення в контексті європейського досвіду //

Збірник наукових праць. Вин. 36 / Відп. ред. В. Є. Новицький. - К.: Інститут світової економіки і міжнародних відносин, 2003. - С. 258.

2. Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза / А.Г. Гранберг. - М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2000. -С. 90-91.

3. «Стратегія економічного і соціального розвитку України (2004-2015 роки) шляхом європейської інтеграції». - К.: ІВЦ Держкомстату України, 2004. - С. 323.

4. Державна стратегія регіонального розвитку на період до 2015 року. Затверджена Постановою Кабінету Міністрів України № 1001 від 21 липня 2006 р.

5. Одінцева Г. С. Сучасні проблеми державного управління. Опорний конспект лекцій і методичні вказівки до проведення практичних занять. -Х.: УАДУ (ХФ), 2000. - С. 14.

Особенности менеджмента инновационной структуры «бизнес-инкубатор»

Ободец Р.В.

*Донецкий государственный университет управления,
г. Донецк, Украина, incubator-org@yandex.ru*

Существует большое количество определений бизнес-инкубатора (БИ), имеющих как общие черты, так и существенные различия. Тем не менее, во всем многообразии определений прослеживаются общие черты, которые и формируют понятие БИ. Он может быть определен как звено специализированной инфраструктуры, целью деятельности которого является институциональная, организационная и информационная поддержка малых предприятий (фирм) путем предоставления им различного рода услуг для снижения рисков на начальном этапе их деятельности.

Бизнес-инкубаторы стран СНГ в условиях экономико-политической макрорегиональной интеграции сталкиваются с рядом проблем, снижающих эффективность их работы. Рассмотрение наиболее важных проблем представляется целесообразным, поскольку в связи с интенсивностью перехода от реформ к модернизации экономики, спецификой отечественных условий и заимствованием прогрессивного зарубежного опыта в процессе решения актуальных задач формируется адаптированная модель бизнес-инкубирования. Для нее характерен ряд существенных отличий от наиболее распространенных зарубежных форм.

Результаты исследований показали, что наиболее часто предприниматели в рамках бизнес-инкубаторов пользуются правовыми, аудиторскими и бухгалтерскими услугами, услугами по обучению. Услуги, предлагаемые в рамках бизнес-инкубаторов за невысокую плату, являются одной из наиболее эффективных форм поддержки среднего малого предпринимательства (СМП), в особенности на начальной стадии деятельности [2].

Анализ имеющейся в Украине инфраструктуры инновационной деятельности прежде всего свидетельствует о ее неразвитости, функциональную неполную, несостоятельность охватить все звенья инновационного процесса. Сформированы лишь отдельные элементы инновационной инфраструктуры. Так, по данным Областных государственных администраций состоянием на конец 2010 года во всех регионах Украины действовало лишь 24 инновационных центра, 28 научно-учебных центров, 11 инновационных бизнес-инкубаторов, 5 центров инноваций и трансфера технологий, 23 центра коммерциализации интеллектуальной собственности, 21 научное внедряющее предприятие, 19 региональных центров научно-технической и экономической информации, 10 инновационных технологических кластеров, функционируют немногочисленные консалтинговые фирмы и небанковские финансово-кредитные учреждения. В регионах Украины практически отсутствуют венчурные фонды, а создание центров трансфера технологий находится лишь на начальной стадии.

Существенным признаком развития инновационной инфраструктуры в Украине также является неравномерность их распределения по регионам. Наивысший инновационный потенциал имеют г. Киев и Киевская область. Сегодня, в центральных областях Украины действуют инновационные центры разного типа, которые накапливают опыт успешного сопровождения инновационных проектов на разных стадиях – Северный региональный центр инновационного развития, Инновационный центр КП “Центр высоких технологий и инноваций”, Белоцерковский инновационный бизнес-инкубатор, “Бизнес-инкубатор” и другие.

Компенсация неравных условий в регионах должна происходить за счет уменьшения диспропорций в развитии малых предприятий путем усиления роли инфраструктуры, поддержки предпринимательства и отдельных ее элементов в формировании предпринимательской среды.

На данное время большинство действующих бизнес-инкубаторов стран СНГ работают самостоятельно на рынке консалтинговых услуг, отсутствует и законодательная база относи-

тельна данных структур, поэтому и понимание их работы в разных регионах совершенно разное. Задача государства относительно отношения к предпринимательству заключается в создании понятных и равных для всех правил поведения на рынке. Поддержка малого предпринимательства на начальном этапе развития связана с необходимостью компенсации неравных условий, в которых находятся субъекты малого предпринимательства по отношению к крупным предприятиям, а также с помощью для тех, кто начинает собственное дело.

Концепция последующего развития инновационной структуры бизнес-инкубаторы на территориях стран СНГ должна заключаться в использовании главного ресурса – молодежного предпринимательского потенциала, который направлен на создание реальных проектов бизнеса для отдельного региона соответствующей страны.

Литература

1. Фесюн, А.В. Бизнес-инкубатор межрегионального типа как инструмент развития регионального предпринимательства / А.В. Фесюн // Материалы всероссийской научно-практической конференция «Формирование рыночной экономики: проблемы структурной перестройки в экономической и финансовой сферах». 30-31 марта 2007 г. – Пятигорск: Изд-во ИНЭУ, 2007. – С. 25-33.
2. Ободець Р.В. Теоретико-методичні засади організації бізнес-інкубаторів на місцевому рівні // Зб.наук. праць «Механізми підвищення ефективності управління функціонуванням економіки»: серія «Економіка». – т. X, вип. 118. – Донецьк: 2009.– С. 126-133.

Определение условий эффективной организации программ теории эволюционных игр

Лоскутова А.В.

*Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия,
sovaspit@gmail.com*

Экономика является самостоятельной наукой обладающей системой специфических функциональных инвариантов, придающий ей целостность гармонию и порядок, и находится в фокусе многочисленных наук. Так, например, одним из бурно развивающихся актуальных направлений в экономике является экономическая физика, которая использует инструменты теоретической физики для решения экономических задач. Первые работы по экономической физике появились еще в начале XX века, когда экономисты начали применять уравнения статистической физики для анализа динамики финансовых рынков, а также процессов, происходящих в обществе [4]. Практика междисциплинарных направлений, широко применяемая и активно используемая в экономике, в связи с чем, она нуждается в методологическом, теоретическом, методическом обосновании и разработке научно обоснованных интегральных программ, что позволяет решить многие проблемы, обусловленные противоречиями между:

объективными требованиями времени к развитию экономики как одного из важнейших направлений развития страны и недостаточными научным обоснованием и организационно-методическим обеспечением условий оптимизации этих процессов;

объективной потребностью общества в высоком уровне профессионального мастерства необходимостью создания продуктивных и эффективных программ анализа экономической динамики, и отсутствием научно-теоретического обоснования таких программ;

теоретическими наработками в области применения теории эволюционных игр для анализа экономических процессов и их пассивным внедрением в практику.

Обозначенные выше противоречия требуют теоретического и экспериментального изучения. Актуальность, теоретическая и практическая значимость, создавшиеся противоречия стали ос-

нованием для выбора темы и постановки проблемы исследования, которая состоит в определении условий эффективной организации программ математического моделирования на основе теории эволюционных игр для анализа динамики экономических процессов.

Цель исследования – изучить и теоретически обосновать положительное влияние применения программы математического моделирования на основе теории эволюционных игр для анализа экономической динамики.

Объект исследования – программа математического моделирования на основе теории эволюционных игр.

Исходя из проблемы, объекта и предмета исследования были поставлены следующие задачи исследования:

1. на теоретическом уровне расширить представление об основе эволюционных игр, истории их развития, теории и основных понятий;

2. на теоретико-методологическом уровне обоснована необходимость разработки и внедрения программ эволюционных игр, как факторе и средстве, детерминирующем совершенствование анализа динамики экономики.

Научная новизна исследования заключается в том, что: на теоретическом уровне расширено представление об основе эволюционных игр, истории их развития, теории и основных понятий; на теоретико-методологическом уровне обоснована необходимость разработки и внедрения программ эволюционных игр, как факторе и средстве, детерминирующем развитие анализа современной экономики и менеджмента; ставится научная проблема, обусловленная необходимостью создания продуктивных и эффективных программ эволюционных игр для формирования анализа экономической динамики.

Эволюционная теория игр (ЭТИ) появилась как приложение математической теории игр, которая не учитывала изменение в поведении членов общества и не рассматривала повторяющиеся игры. Поэтому на помощь экономистам из эволюционной биологии пришла ЭТИ. Интерес социологов, экономистов, политологов и философов в ЭТИ объясняется тремя фактами:

1) Эволюция, которая изучается в данной теории, необязательно должна быть биологической эволюцией. Она также может быть и культурной, то есть отражать изменение в нормах и убеждениях во времени.

2) Рациональные предположения, лежащие в основе ЭТИ, во многих случаях более подходят для моделирования социальных систем, чем предположения, лежащие в традиционной теории игр.

3) ЭТИ является динамической теорией игр, что опять же выгодно отличает ее от традиционной теории игр [2].

Вначале эволюционный подход для решения биологических задач был использован Р. А. Фишером. [1]. Первых успехов в применении ЭТИ добились Мэйнард Смит и Георг Прайс [5] они внесли следующий вклад в развитие ЭТИ: 1) Ввели математическую концепцию эволюционно стабильной стратегии (ЭСС), которая связала теорию игр и динамику популяции. 2) Использовали компьютерные вычисления для агентного моделирования. 3) Применили теорию игр к конфликтам между животными и, в общем случае, к не рациональным игрокам. Любая эволюционная модель включает в себя два процесса:

1) Процесс селекции, который выбирает среди множеств стратегий какое-то определенное;

2) Процесс, который создает разнообразие стратегий, такой процесс называется «мутацией».

В природе процессом селекции является биологическая выживаемость и репродукция, а мутационный процесс полностью определяется генетическими мутациями. В случае моделирования рынков или других экономических процессов, основным селекционным направлением является экономическое выживание, а мутациями являются эксперименты игроков, их нововведения или ошибки. В обоих случаях будет присутствовать элемент индивидуального или социального обучения. В крайних случаях и в экономике механизмом селекции может являться биологическая или социальная выживаемость, но обычно индивидуальные игроки или хозяйства адаптируются путем обучения.

Качественной разницей между эволюционным и рационалистическим подходами (то есть между эволюционной и классической теорией игр) является то, что второй делает упор на индивидуальностях, и тем, что происходит в их сознаниях, а при эволюционном подходе обычно анализируют распределение стратегий в популяции (правила по которым принимаются решения, моделей поведения особей). То есть можно сказать, что в ЭТИ процесс селекции заменяет процесс принятия решения в классической теории игр, а процесс мутаций заменяет анализ последствий принятия тех или иных решений [3].

Литература

1. Alexander, J. McKenzie, Evolutionary Game Theory // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. – 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/game-evolutionary/> (дата обращения: 05.12.2012).
2. Friedman D. On economic applications of evolutionary game theory // Journal of Evolutionary Economics. – 1998. – №8. – p.15-43.
3. Jörgen W. Weibull. What have we learned from evolutionary game theory so far? 1998.
4. Gheorghe Săvoiu and Ion Iorga–Simăn Some Relevant Econophysics' Moments of History, Definitions, Methods, Models and New Trends // Romanian Economic and Business Review. – 2008. – Vol. 3 – No. 3 – p. 29.
5. Maynard Smith, George Price. The logic of animal conflict // Nature. – 1973. – vol. 246 (5427). – p.15–8.

Формирование профессиональной готовности специалиста через учебную имитационную бухгалтерию

Косливцева Е.В., Михиенкова Н.Л.

*Канский технологический колледж, г. Канск, Россия,
kansk-ktt@mai.ru*

На современном этапе развития общества предъявляются повышенные требования к специалистам любой отрасли, что вызвано необходимостью обеспечения рынка труда конкурентоспособными кадрами. Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения следующий факт: оттого, каким наш выпускник придёт в профессию, насколько он окажется готовым к активной профессиональной деятельности, будут ли у него сформированы потребности самосовершенствования и профессионального роста, в полной мере зависят успешность и результативность его будущей профессиональной деятельности.

Проблема практического обучения студентов является одной из наиболее сложных, так как требует тесного сотрудничества с социальными партнерами. Особенно актуальны задачи, связанные с прохождением студентами производственной практики, где требуется непосредственное содействие со стороны работодателей.

Существующая система теоретического и производственного обучения в образовательных учреждениях СПО не в полной мере учитывает в совокупности потребности работодателей, слабо учитывает отраслевую направленность, а в результате возникают сложности с трудоустройством и реализацией будущим специалистом полученных практических навыков в конкретной должности и соответствующей отрасли.

Даже если проблема организации практики на предприятиях решена, то чаще всего однобоко: студенты во время прохождения практики выполняют в основном функции, не предусмотренные программой практики, ограничиваясь сбором необходимой документации и личными наблюдениями для выполнения отчета по предусмотренной программе, либо отрабатывают не все пункты программы, что, в конечном итоге, существенно ска-

зывается на уровне практических умений и навыков будущих специалистов.

В Канском технологическом колледже данная проблема решается через создание учебной имитационной бухгалтерии для прохождения производственной практики студентами специальности «Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям)». Учебная бухгалтерия является объектом исследования в нашей работе.

Цель создания учебной бухгалтерии – обеспечение качества практического обучения, реализация профессиональных компетенций, создание мотивации у студентов к получению профессии.

Порядок создания и функционирования учебной имитационной бухгалтерии в Федеральном государственном образовательном учреждении «Канский технологический колледж» (ФГОУ СПО «КТК») регламентируется Положением.

В учебной имитационной бухгалтерии есть отделы и должности, для проведения деятельности выделена отдельная лаборатория, оборудованная компьютерами со специальным программным обеспечением, ксероксом и прочей настоящей атрибутикой. Участники процесса фактически выполняют все действия, которые выполняет бухгалтеры реальных фирм, но подстрахованы от ошибок тем, что ценности, которыми они распоряжаются, существуют только на бумаге.

Возглавляет деятельность учебной бухгалтерии преподаватель – координатор, который разрабатывает задания и проверяет их выполнение. Непосредственную помощь преподавателю – координатору в работе оказывают студенты – специалисты, являющиеся работниками учебной бухгалтерии.

Процесс создания учебной бухгалтерии включает несколько этапов.

Первый этап – поисковый – изучено состояние проблемы производственного обучения студентов колледжа, проанализирована психолого-педагогическая литература по теме исследования; определены цель, объект, предмет, задачи и гипотеза исследования. Запланированы мероприятия по совершенствованию системы производственного обучения в колледже. Опреде-

лена специальность для прохождения практики в учебной бухгалтерии.

Второй этап – формирующий – систематизирован и обобщен теоретический и практический материал по проблеме исследования; сформирована организационная структура учебной бухгалтерии с учетом условий производственного обучения студентов в колледже и требований работодателей; разработано Положение о функционировании учебной бухгалтерии на базе ФГОУ СПО «КТК», проведен формирующий этап эксперимента: разработаны программы практики для специальности 080110 «Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям)» через усовершенствованную систему производственного обучения посредством включения в неё учебной бухгалтерии.

Следующий шаг заключался в запуске модели функционирования и развития учебной бухгалтерии, которая позволяет на её основе моделировать процесс ведения бухгалтерского учета в имитационном производственном предприятии. Прежде чем привести данную модель в действие проводился конкурсный отбор студентов – специалистов для работы в учебной бухгалтерии из числа студентов 4 курса специальности «Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям)». По результатам конкурсного отбора выбраны студенты, которым определены должности в соответствии структуре учебной бухгалтерии, которая включает: главного бухгалтера, заместителя главного бухгалтера, финансовый отдел, производственно-калькуляционную группу и группу реализации, материальную группу, расчетную группу и кассу. Все работники учебной бухгалтерии находятся в подчинении главного бухгалтера. Руководство подразделением в целом осуществляет преподаватель - координатор.

В каждом отделе работает 2-3 человека из состава студентов – специалистов, в кассе 1 кассир. Деятельность учебной бухгалтерии направлена на ведение бухгалтерского учета в виртуальном производственном предприятии ООО «Импульс». Студенты-специалисты разработали необходимую документацию для организации работы учебной бухгалтерии. А именно: учетную политику предприятия, график документооборота, рабочий план

счетов, должностные инструкции работников бухгалтерской службы.

Предполагается, что учебная бухгалтерия в дальнейшем может вступать в деловые отношения с другими учебными фирмами (созданными на базе других учебных заведений) и с организациями внешней среды, которые создаются образовательными учреждениями на уровне города или страны.

В настоящее время процесс создания учебной бухгалтерии находится на третьем этапе, который предусматривает прохождение производственной практики студентами 3-го курса специальности «Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям)» на базе учебной имитационной бухгалтерии. В январе 2012 года 11 студентов 3 курса специальности «Экономика и бухгалтерский учет» технологическую практику пройдут в учебной имитационной бухгалтерии, остальные студенты данной специальности будут направлены на предприятия города и района.

Надеемся, что данный эксперимент позволит сравнить качественные результаты, полученные в процессе производственной практики студентов, проходивших практику в учебной бухгалтерии, созданной на базе колледжа и практику в бухгалтерии организаций социальных партнеров.

Таким образом можно сделать вывод, что эксперимент по созданию и функционированию учебной имитационной бухгалтерии позволит не только сформировать оптимальную систему производственного обучения, но и создать площадку для развития «успевающих» и «успешных» студентов. Значимыми для таких студентов станут способности к целеполаганию, проектированию и планированию своей деятельности, контроль и оценка собственных действий, критическое мышление и выработка собственных точек зрения.

Концептуальные основы оценки эффективности интегрированных систем в менеджменте качества

Чаадаева В.В.

*Самарский государственный экономический университет,
г. Самара, Россия, chvk@gk-start.ru*

В условиях рыночной экономики и глобализации экономических процессов, возрастает проблема, связанная с вытеснением товаров отечественных промышленных предприятий с внутренних рынков.

С одной стороны, у предприятий открываются возможности для доступа на мировой рынок, а с другой снимаются таможенные барьеры, из-за чего может быть нанесён удар по ряду отечественных отраслей промышленности. Для большинства российских производителей ситуация обостряется ещё и тем, что в настоящее время приходится конкурировать с зарубежными компаниями не только на внешнем, но и на внутреннем рынке. На глобальном рынке формируются общепризнанные в мировом сообществе единые правила и нормы. Поэтому важным является повышение конкурентоспособности продукции российских предприятий и гармонизация нормативных требований и процедур её производства и использования. В связи с этим эффективный менеджмент предприятий становится всё более актуальным, и, как показывает практика, с точки зрения инвестиционной привлекательности, решающим является выполнение требований международных стандартов на системы менеджмента.

Диверсификация управленческой деятельности, формирование систем менеджмента на соответствие международным стандартам и их интеграция рассматриваются как важнейшие факторы развития современного эффективного управления и конкурентоспособности предприятий. Современные модели менеджмента позволяют предприятиям сокращать общие затраты на качество, улучшать оперативность управления, эффективнее удовлетворять запросы потребителя. В настоящее время такой моделью и, одновременно, необходимым условием успешного функционирования предприятий в финансовой, производствен-

ной, природной и социальной среде является создание, внедрение и сертификация интегрированных систем менеджмента (ИСМ), отвечающих требованиям нескольких стандартов на системы менеджмента.

Тем не менее, ряд предприятий, несмотря на интенсивную работу по формированию и сертификации ИСМ, не смогли добиться улучшения экономических показателей, качества продукции и достичь высоких экономических результатов. Существует ряд причин, лежащих в основе этой проблемы. Основная и наиболее серьезная причина, препятствующая достижению экономического эффекта, заключается в том, что в настоящее время отсутствуют надёжные инструменты и единая методология аудита качества, подтверждающего степень интегрированности подсистем ИСМ и их соответствие международным требованиям, а также система комплексной оценки эффективности функционирования ИСМ в менеджменте качества. Используемые же традиционные методы аудита разных систем менеджмента специфичны и не всегда могут подойти для комплексной оценки эффективности ИСМ.

Таким образом, очевидна необходимость разработки и классификации совокупности критериев и показателей качества для оценки функционирования ИСМ, степени её интегрированности и эффективности, а также создания методов параметрического анализа и мониторинга, позволяющих принимать решения по выбору конкретных направлений улучшения данной системы.

Методический подход к параметрическому анализу и комплексной оценке степени интегрированности, эффективности ИСМ и её соответствия международным требованиям на основе количественных показателей качества, позволит изучить и адекватно отразить объективные свойства процессов деятельности предприятия, а также выработать методологический инструментарий для анализа и оценки показателей ИСМ. Всё это позволит сформировать систему, позволяющую поддерживать локальные и интегральные показатели качества систем менеджмента в диапазоне установленных значений.

Успешно управлять - это обоснованно выбирать наиболее эффективную в конкретных условиях комбинацию типов управ-

ления (своеобразный комплекс характеристик присущих управлению) и систем менеджмента (качества, финансовой деятельности, охраны окружающей среды и т.д.) для разработки политики, целей и достижения этих целей. В связи с этим одной из важнейших тенденций современного управления является его диверсификация - совмещение различных функций, подходов, объектов управления, целей, соединённые в одной социально-экономической системе, – организации. Кроме диверсификации другой важнейшей тенденцией развития управления является дифференциация управленческой деятельности по функциям, полномочиям, ролевому статусу, стилю, ответственности. Это необходимо для специализации деятельности, обеспечения ритмичности работы и повышения профессионализма управления. В то же время всякая дифференциация требует интеграции, то есть объединения разрозненных, выделенных элементов и видов управленческой деятельности, так как менеджмент – это скоординированная деятельность по руководству и управлению организацией. В этой связи концепция менеджмента, акцентирующая внимание на экономических, социально-психологических факторах и на рыночных механизмах управления, требует более глубокого понимания проблем интеграции. Именно поэтому интеграцию нельзя сводить только к организации управления. Она включает большой спектр факторов современного эффективного управления. В том числе касается методов и механизмов интеграции различных систем менеджмента организации и создания ИСМ – реализации в организации различных функций управления с помощью комплексного внедрения двух или более стандартов.

В целом, система управления предприятием включает: субъект управления - управляющую подсистему, которая вырабатывает управляющие воздействия; объект управления - управляемую подсистему, в которой преобразование ресурсов приводит к желаемому результату. Система состоит из двух составляющих: внешнее окружение (вход, выход системы, связь с внешней средой, обратная связь) и внутренняя структура (совокупность взаимосвязанных компонентов, обеспечивающих процесс

взаимодействия субъекта управления на объект, переработку входа в выход и достижение целей системы).

На основе результатов анализа социально-экономических предпосылок и тенденций, сложившихся на мировом и российском рынках, процессов глобализации мировой экономики и прогнозов её развития, передовой международной практики в области менеджмента качества предприятий и состояния государственной политики можно определить концептуальные положения и стратегию формирования системы менеджмента предприятий, с целью повышения их конкурентоспособности.

Такая стратегия должна быть нацелена на формирование ИСМ и развитие её по двум направлениям: универсализации, позволяющей обеспечить превосходство в бизнесе (модели, основанные на принципах стандартов ИСО 9001, ИСО 14001, OHSAS 18001, SA 8000) и специализации, учитывающей отраслевую направленность. Сочетание этих двух моделей, и их интеграция в единую систему позволит обеспечить эффективность и результативность менеджмента предприятий за счёт повышения конкурентоспособности и качества продукции, увеличения гибкости процессов, снижения риска ответственности за продукцию, повышения экологической эффективности путём контроля воздействий на окружающую среду, достижения и оценки устойчивого управления активами с учётом экономических, экологических и социальных аспектов, создания корпоративной социальной ответственности, обеспечения безопасности и здоровья работников предприятия и снижения рисков.

Обеспечение высокого качества управления предприятием является главной задачей формирования ИСМ. Основное решение состоит в определении надёжного инструмента оценки функционирования ИСМ, методического и методологического подхода к аудиту и комплексной оценке её эффективности на основе количественных показателей качества.

**О возможности экономической оценки общего износа
основных фондов по формуле, выраженной в явном виде**

Федоров Д.А.

*Санкт-Петербургский государственный морской технический
университет, г. Санкт-Петербург, Россия, levinir@rambler.ru;
iilhj@mail.ru*

Теме износа основных производственных фондов российской промышленности в последние годы уделяется достаточно много внимания в средствах массовой информации. Однако экономисты различных специальностей оценивают износ различным образом. Так, большинство экономистов-бухгалтеров предпочитает использовать, так называемый, «коэффициент износа основных средств», равный отношению суммы износа основных средств на определённую дату (под этой суммой обычно понимают сумму накопленных к этому времени амортизационных отчислений) к первоначальной стоимости основных средств. (См., например, [5, с. 54]) Достоинством вышеописанного метода оценки износа является его безусловная простота для расчёта с помощью бухгалтерской документации, но этот метод обладает тем недостатком, что износ ОФ становится зависимым от величины накопленных за период с момента постановки объекта основных фондов до момента оценки износа амортизационных отчислений, которая, в свою очередь, зависит от метода начисления амортизации, коэффициента переоценки ОПФ и других моментов, весьма важных для бухгалтера и аудитора, но для инженера-экономиста, к которым принадлежит и автор данного доклада, такая зависимость представляется едва ли не абсурдной. Практически все инженеры-экономисты считают, что экономическая оценка общего износа объекта основных фондов определяется как:

$$ОИ = 1 - (1 - \text{ФИ})(1 - \text{МИ}) = \text{ФИ} + \text{МИ} - \text{ФИ} * \text{МИ} \quad (1),$$

где:

– общий износ объекта основных фондов ;

ФИ – физический износ объекта основных фондов ;

МИ – общий моральный износ объекта основных фондов.

(См., например, [1], [2] и [4]).

Формула (1), не смотря на всю свою теоретическую важность, не является формулой, определяющей общий износ объекта основных фондов в явном виде, более того, в зависимости от метода определения физического и морального износа будет получаться различное значение общего износа, не всегда имеющее разумную экономическую интерпретацию. Таким образом, по формуле (1), не зная как определяются физический и моральный износ, не возможно ни рассчитать общий износ, ни, тем более, проанализировать, как отдельные составляющие износа влияют на общий износ. Другими словами, для расчёта и анализа общего износа, нужна более конкретная формула, чем формула (1), то есть формула, выражающая общий износ в явном виде. Для её вывода необходимо так подобрать методы определения физического и морального износа, чтобы они не только сами по себе имели экономический смысл, но и чтобы получившаяся при этом формула общего износа имела экономический смысл.

Согласно [1], для «определения физического износа ОПФ применяют два метода расчета». Первый – метод оценки по техническому состоянию (экспертным путём). «Преимущество этого метода: оценка соответствует фактическому состоянию объекта. Недостаток : субъективный подход». [1] Кроме того, с результатами экспертных оценок, и это важно для построения формулы общего износа, можно осуществлять не все арифметические действия. Второй метод «оценки по срокам службы, объемам выполненной работы или выработанного ресурса» [1] не смотря на всю лёгкость расчёта, также не лишён недостатков. Так, ещё член-корр. АН Казахской ССР Р. М. Петухов отмечал в своих лекциях, что определение физического износа нахождением отношения фактически отработанного и нормативного сроков службы предполагает прямую пропорциональную зависимость физического износа от времени, что, по мнению, Р. М. Петухова, не соответствовало действительности. В [2] по этому поводу рассматривается следующий пример: объект основных фондов, отслуживший половину срока службы, только что вышел из капитального ремонта. Может ли он считаться изношенным на 50%? На этот вопрос в [2] следует отрицательный

ответ, т. к. капитальный ремонт призван восстановить все его технические параметры до прежнего уровня. Поэтому в [2] физический износ рекомендуется рассчитывать как отношение сметной стоимости ремонта R (при определении которой применяются прогрессивные нормы трудоёмкости, учитывающие рациональную организацию работ), необходимой для восстановления всех износившихся деталей и узлов объекта основных фондов к цене нового экземпляра такого же объекта основных фондов в момент определения физического износа z_1 . Достоинством этого метода измерения степени физического износа «является то, что оно опирается на уже известную величину предстоящих затрат на ремонт. Их определение производится в хозяйственной практике для целей планирования и финансирования ремонтов.» [2] Однако рассматриваемый показатель «не учитывает остаточного износа, имеющего место после ремонта. Эта величина не велика, поэтому ей можно пренебречь.» [2] Таким образом, в соответствии с [2], автор данного доклада считает целесообразным определять физический износ объекта основных фондов посредством расчёта отношения R / z_1 . В дальнейшем будет ясно, что и формула, определяющая общий износ объекта основных фондов в явном виде после подстановки отношения R / z_1 в формулу (1) будет иметь экономический смысл.

Перейдём к определению показателя морального износа. Следуя [1], [2] и [3], будем различать общий моральный износ (далее МИ), а также его составляющие: моральный износ первого и второго рода.

Следуя [2], примем за критерий общего морального износа объекта основных фондов «коэффициент понижения его стоимости вследствие технического прогресса, выраженный в долях от первоначальной стоимости»:

$$МИ = \frac{z_0 - z_1}{z_0} = 1 - \frac{z_1}{z_0} \quad (2),$$

где z_0 – первоначальная стоимость объекта основных фондов, а отношение z_1 / z_0 представляет собой остаточную стоимость в долях от первоначальной стоимости в результате морального износа. Внимательный читатель, скорее всего, обра-

тил бы внимание автора на то, что в [1] и [3] по этой формуле определяется износ только первого рода, и будет, конечно, прав, но не стоит спешить с выводами. Дело в том, что z_1 есть цена нового экземпляра объекта основных фондов той же конструкции «с учётом удешевления его изготовления, а также обесценивания его под влиянием появления новых, более совершенных конструкций с лучшими эксплуатационными качествами.» [2] Другими словами, рыночный конкурентный механизм ценообразования приведёт к снижению z_1 вследствие появления новых более совершенных объектов основных фондов, если, конечно, цена на эти объекты не будет слишком завышена. Разумеется, z_0 и z_1 при этом необходимо брать в сопоставимых ценах [1]. В [2] про сопоставимые цены ничего не говорится, т. к. в момент написания [2] считалось, что инфляции в СССР нет. Таким образом, формула (2) учитывает не только изменение производительности новых образцов техники, но и изменение цен на эти образцы. В случае появления более производительных, качественных и недорогих аналогов объекты основных фондов старого образца не выдержат конкуренции и будут сняты с производства ($z_1=0$, следовательно $МИ=1$), что может означать лишь 100%-й моральный износ.

В [3] сделана попытка включить в формулу морального износа второго рода и цены и производительности объектов ОПФ. В результате в [3] приводится следующая явная формула для расчёта общего морального износа:

$$МИ = \frac{z_0 - c \frac{ПТС}{ПТН}}{z_0} \quad (3),$$

где

c – «восстановительная стоимость нового объекта, имеющего более высокую производительность, чем старый объект аналогичного назначения» [3];

$ПТС$ и $ПТН$ – «соответственно годовая производительность старой и новой машины в натуральных единицах измерения» [3].

Недостаток расчёта МИ по формуле (3) заключается в том, что у одного и того же старого объекта основных фондов на момент определения МИ может иметься несколько более производительных аналогов, при этом при расчёте получатся разные МИ

при подстановке в (3) различных s и ПТН. Можно, конечно, считать наибольший из получившихся МИ истинным, но автор полагает, что предпочтительнее использовать формулу (2), тем более, что при подстановке МИ из формулы (2) в формулу (1) получается осмысленный экономический результат.

Итак, подставим МИ из формулы (2), а также выражение для физического износа объекта основных фондов $R / z1$ в формулу (1). Получим:

$$OI = \frac{z0 - z1 + R}{z0} = 1 - \frac{z1 - R}{z0} \quad (4)$$

Формула (4) и будет искомой формулой для оценки общего износа. При этом, величины, входящие в формулу (4) не обязательно выражать в сопоставимых ценах, так как $z1$ и R дефиниционно определяются в ценах, действующих на момент оценки износа. Следует сказать, что формула (4) имеет экономический смысл. Так, выражение $(z1 - R) / z0$ представляет собой остаточную стоимость в результате общего износа в долях от первоначальной стоимости. Легко видеть, что, когда сметная стоимость капитального ремонта R сравняется с восстановительной стоимостью $z1$, общий износ станет равным 100%. На рис. 1 представлена ситуация, при которой восстановительная стоимость в текущих ценах падает, а на рис. 2 -- ситуация, при которой в результате инфляции она растёт. «Время n » на обоих рисунках – момент времени, в который полный износ объекта основных фондов становится равным 100%. При этом, замену объекта основных фондов целесообразно проводить ещё до наступления 100%-го общего износа, так как сам капитальный ремонт занимает некоторое время, кроме того, как уже говорилось выше, в действительности капитальный ремонт не устраняет физический износ полностью. Если же капитальный ремонт проводится совместно с модернизацией оборудования, то за $z1$ целесообразно принимать стоимость нового объекта основных фондов приблизительно равного по своим характеристикам старому объекту после модернизации. Следует сказать, что формула (4) имеет экономический смысл даже в случае, если объект основных фондов не подвержен моральному износу: из формулы (2), легко видеть, что в случае отсутствия морального износа $z1 = z0$ (при постоянстве цены на

объект основных фондов), следовательно, линия $z1$ будет прямой, параллельной оси времени, и в момент её пересечения линией R будет иметь место 100%-й общий износ.

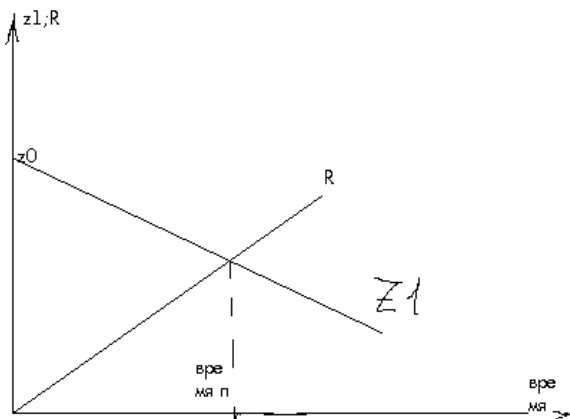

Рис. 1

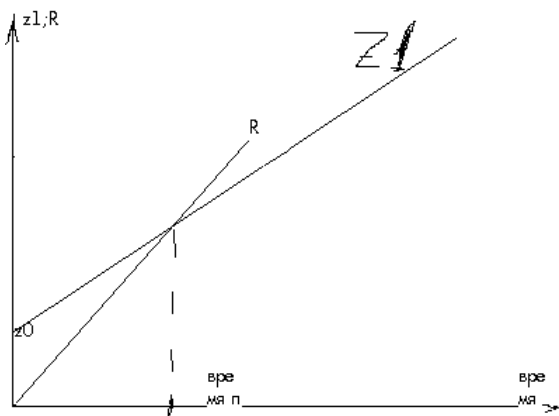

Рис. 2

Литература

1. Штурмин А. Г. Экономика предприятия. СПб., Изд. СПбГМТУ, 2006. - 190 с.
2. Консон А. С. Экономика приборостроения. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. Школа, 1980. – 572 с., ил.
3. Экономика предприятия (фирмы): Учебник / Под ред. проф. О. И. Волкова и доц. О. В. Девяткина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 601 с. – (Серия «Высшее образование»).
4. Пегухов Р. М., Матвеева О. К. Выбор оптимального варианта обновления новой техники. / Материалы региональной научно – технической конференции с международным участием «Кораблестроительное образование и наука - 2003». Том iii., СПб, СПбГМТУ, 2003.
5. Неуступова А. С., Алексеев О. В. Оценка экономического потенциала предприятия, находящегося в условиях кризиса. / Материалы региональной научно – технической конференции с международным участием «Кораблестроительное образование и наука - 2005». Том III., СПб, СПбГМТУ, 2005.

К вопросу о возможности отказа от «гипотезы эффективного рынка»

Федоров Д.А.

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, г. Санкт-Петербург, Россия, levinir@rambler.ru; iilhj@mail.ru

В последние годы и, особенно, в последние месяцы уже многие финансовые аналитики и специалисты по прикладным финансам отказываются от «гипотезы эффективного рынка». Не исключение составляет и финансовое руководство всё большего числа государств. Так, например, создав «новый комитет в Банке Англии, правительство страны фактически отказывается от идеологии «эффективных финансовых рынков» и возвращается к истокам. Это можно только приветствовать, даже если сейчас

непонятно, как именно FPC будет определять критический уровень системных рисков в экономике» [1, с. 39]. Есть и некоторые видные теоретики (в числе которых можно назвать, например, Романа Фридмана) не разделяющие «гипотезы эффективного рынка», но они, безусловно, находятся в меньшинстве. Большинство теоретиков до сих пор считает Rational Expectations Hypothesis непоколебимой истиной, от которой ни в коем случае нельзя отказываться, даже не смотря на то, что она далеко не всегда подтверждается наблюдениями за временными рядами финансовых активов (см., например, [2]), так как она построена на очень серьёзных теоретических предположениях. Я позволю себе привести в данном докладе один пример из работы [3], который, на мой взгляд, иллюстрирует как раз теоретическую слабость «гипотезы эффективного рынка». Он основан на допущении (на взгляд автора данного доклада, вполне реалистичном), что любой инвестор тратит на осознание финансово-экономической информации некоторое, пусть небольшое, но всё же не бесконечно малое время. Итак, «пусть экономическая информация представлена в виде n -мерного стационарного гауссовского векторного случайного процесса $X(t)$ с компонентами $x_1(t), x_2(t), \dots, x_n(t)$, вероятностные характеристики которого известны. Будем считать, что некий экономический агент (ЛПР, инвестор) получает данные по компонентам вектора X в порядке их нумерации, причём время t , необходимое для осознания инвестором каждой компоненты вектора одинаково для всех компонент.» [3, с. 118]

Все приведённые выше допущения лишь упрощают пример, ни в коей мере не снижая его общность. От них, как и от дальнейшего допущения о независимости компонент векторного случайного процесса $X(t)$, можно и отказаться, что, конечно, сделает пример значительно более громоздким, но не внесёт таких изменений в результат, которые могли бы повлиять на выводы в сторону их «смягчения». Итак, из приведённого в предыдущем абзаце отрывка следует, что, если информация по первой компоненте осознана инвестором в момент времени t_0 , то информация по второй компоненте осознана инвестором в момент времени t_0+t , а по i -й компоненте в момент времени $t_0+(i-$

1)т. «Таким образом, вместо мгновенного сечения вектора $X(t_i)$ в момент времени t_i удаётся получить лишь «косое» его сечение, занимающее время Δt . Отнесение же всей информации к заключительному моменту $t_0+(n-1)\Delta t$, называемому «датой» сечения, означает, что по информации полученной за $(n-i-1)\Delta t$ до даты судят о том, какова будет ситуация в момент $t_0+(n-1)\Delta t$. Датировка ситуации моментом, в который принимается решение, требует экстраполирования инвестором информации на время $(n-i-1)\Delta t$.»[3] Разумеется, это экстраполирование, скорее всего, происходит на подсознательном уровне, ЛПР может и не давать себе в этом отчёт сознательно, но воспринимать весь массив финансово-экономической информации одновременно не может ни один инвестор. Таким образом, получая поочередно компоненты векторного случайного процесса $X(t)$, ЛПР вместо сечения вектора в момент t_0 получит его оценку -- также случайный вектор, компонентами которого являются предсказанные значения компонент вектора $X(t)$.

И далее: «Значения компонент векторного случайного процесса $X(t)$ в момент принятия решения отделены от даты различными промежутками времени, причём, чем больше этот промежуток, тем больше окажется и дисперсия ошибки прогноза. Этот промежуток для компоненты $x_1(t)$ равен $(n-1)\Delta t$, для компоненты $x_i(t)$ равен $(n-i)\Delta t$, а для $x_n(t)$ равен нулю. Для простоты, пусть вектор $X(t)$ содержит независимые составляющие, тогда его ковариационная матрица диагональна и дисперсия его ошибки экстраполяции представляет собой сумму дисперсий ошибок компонент. Покажем, что величина этой суммы зависит от порядка опроса компонент. Представим себе соотношение последовательностей нумерации и опроса компонент как $\{1/1, 2/2, \dots, i/i, \dots, g/g, \dots, n/n\}$, где числа в «числителе» означают порядок нумерации, а в «знаменателе» - какой по счёту была опрошена компонента. Тогда дисперсия ошибки экстраполяции процесса $X(t)$ будет равна $D_1[(n-1)\Delta t]^2 + \dots + D_i[(n-i-1)\Delta t]^2 + \dots + D_g[(n-g-1)\Delta t]^2 + \dots + D_n-1[\Delta t]^2$, где $D_i[(n-i-1)\Delta t]^2$ – средний квадрат ошибки экстраполяции i -й компоненты. Внесём теперь в процедуру опроса инверсию: информация о процессе $x_i(t)$ будет поступать к инвестору g -й по счёту, а о процессе $x_g(t)$ i -й. Тогда дисперсия

ошибки экстраполяции процесса $X(t)$ будет равна $D1[(n-1)\tau] + \dots + Di[(n-g-1)\tau] + \dots + Dg[(n-i-1)\tau] + \dots + Dn-1[\tau]$. Таким образом, величины дисперсий ошибок экстраполяции одного и того же случайного процесса $X(t)$ будут различны, если различаются корреляционные функции переставленных компонент.

Отсюда можно сделать три важных вывода. Во-первых, дисперсия ошибки прогноза ЛПП (инвестором) векторного случайного процесса зависит от последовательности прогноза его компонент. Во-вторых, не задавшись этой последовательностью, нельзя говорить о дисперсии ошибки прогноза. В-третьих, эта дисперсия тем меньше, чем меньше величина τ , то есть, чем выше скорость получения и обработки информации экономическим агентом (инвестором, ЛПП).

Таким образом, даже пользуясь одним и тем же алгоритмом прогноза и одинаково относясь к риску, инвесторы будут иметь различные ожидания и, соответственно, принимать различные решения.»[3, с.119-120] Подчеркну, что к этим результатам приводит даже «одинаковое» осознание инвесторами одной и той же финансово-экономическая информация, но в разной последовательности.

Хочется надеяться, что и теоретики вслед за практиками будут постепенно склоняться к альтернативным концепциям финансовых рынков, не опирающихся на «гипотезу эффективного рынка», таким, например, как начатая в [4] и получившая своё продолжение в [5] или «конвенциональная теория ожиданий» Энтони Лоуссона и Джеймса Кротти, краткий анализ которой на русском языке можно найти в работе [6]. В любом случае, смена парадигмы, скорее всего, может произойти уже в ближайшие годы. [7]

Литература

1. Буев М. Банк Англии стоит на пороге революции, отказываясь от «гипотезы эффективного рынка» на самом развитом финансовом рынке в мире. / Финанс № 10(389), 2011.
2. Первозванский А. А., Баринов В. Ю. Прогнозирование и оптимизация на рынке долгосрочных облигаций. / Экономика и математические методы. , 1997. Том 3, вып. 4.

3. Федоров Д.А. К вопросу оценки экономических интересов посредников на рынке финансовых услуг/ Материалы региональной научно – технической конференции с международным участием «Кораблестроительное образование и наука - 2005». Том iii., СПб, СПбГМТУ, 2005.

4. Федоров Д.А. Новый подход к теории финансовых рынков. СПб, 1996.

5. Федоров Д.А. К вопросу об экономической эффективности вложений в ценные бумаги. / Материалы региональной научно – технической конференции с международным участием «Кораблестроительное образование и наука - 2003». Том iii., СПб, СПбГМТУ, 2003.

6. Брозмаинский И. В. «Конвенциональная теория ожиданий»: вызов теории рациональных ожиданий. / Вестник СПбГУ. Сер. 5, 1996, вып. 2 (№ 12)

7. Thomas S. Kuhn, The Structure of Scientific Revolutions, Foundations of the Unity of Science Series, vol. 2, no. 2, 2d ed. (Chicago: University of Chicago Press, 1970)

8. Федоров Д.А. О развитии теории портфеля / В мире научных открытий. №4.9, 2010.

9. Федоров Д.А. О связи между ценами на акции и дивидендами по ним / Материалы научно-практической конференции «Экономика, анализ и управление промышленными комплексами». СПб, СПбГМТУ, 2010.

10. Федоров Д.А. Один из способов разрешения петербургского парадокса / Актуальные проблемы экономики современной России: сборник научных трудов / под ред. А. А. Овденко. – СПб.: ГУАП. СПб., 2009. Вып. 5.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Буквализация значений слов в сновидениях

Митрофанова О.В.

В статье рассматриваются сведения, которые связаны со словом как с объектом звучащим и объектом, видимым в картине. Слово-картина реализуется во сне через первичное словесное значение.

Из обобщения данных, которые получили В.М. Бехтерв, М.И. Аставацатуров, Ф.П. Майоров, А. Мори, Ж. Лермитт и др. при изучении зависимости характера сновидений от внешних физических воздействий, «можно сделать интересный вывод: независимо от характера внешнего раздражителя (тепло, холод, свет, звук, запах, прикосновение и пр.) в большинстве случаев сны были заполнены зрительными картинками, тем или иным образом, связанными с действием этих раздражений, и отражали опыт прошлого отдельного человека. Значительно реже в сновидениях возникали мысли, слова, ощущения самих звуков, запахов и т. д.» [3, с. 27].

В этой статье раскрывается влияние на сновидение слова и его значения.

I. Вот рассказ дочери автора Наумовой Антонины.

- Во сне почти одни картинки. Потому что картинки ярче слов. Что увидишь – сильнее ведь влияет. Если расскажешь словами – вряд ли это приснится. Поскольку картины ярче слов, они сильнее запечатлеваются. Если картины нет, то идут предложения. В полусне просыпаешься – и слова, мысли плывут. Они идут очень странные. В яви нам кажется, что такое невозможно в предложении. Смысл слова расширяется. Так, из своего сна я запомнила предложение: «Будь он проклят даже на этапе того, что он Микки Рурк». (Микки Рурк – это зарубежный актер. Прим. автора). Такой даже шутки невозможно придумать. Такие предложения говорятся на этапе просыпания или засыпания – дремоты. Когда все. Например, слышишь, но уже заснул или еще не проснулся. Ты слышишь реальность, ты находишься в реальности слова (ты слышишь, как разговаривают, т. е. слова

означают то, что они означают в яви). Но другая картинка – сон, там скажут слово, которое в реальности не впишется в предложение, и ты просыпаешься от того, что ты и там, и там. В это время картинок нет. Ты не видишь картин сна. Ты видишь предметно то, в каких позах говорящие, например, либо ты думаешь, что думают люди, либо об их внешности, либо представляешь то, о чем они говорят.

А. Наумова – студентка журфака университета, ей 16 лет, она давно работает со словом, давно выпускает собственную газету. Понятно, почему у девушки есть вербальные сны.

II. В дополнение к сказанному Антониной Наумовой о расширении во сне смысла слова, хочется заметить: слово употребленное (произнесенное вслух или про себя сказанное) активизируется в мозгу в полном объеме своих значений. Обязательно и в первую очередь всплывает при этом реальное значение. Если в реальности слово было употреблено в переносном смысле, сновидение непременно выдаст буквальный смысл.

Приведем определения названных понятий. «Значение слова – отображение в слове того или иного явления действительности (предмета, качества, отношения, действия, состояния). Различают грамматическое и лексическое значение слова. /.../ Лексические значения могут объединяться, будучи значениями одного слова, в таком случае различают первичные. Или прямые, основные, главные и вторичные, или переносные, значения слов» [6, с. 89]. Слово «буквальный» трактуется в словаре так: «... точный, прямой, не переносный» [7, с. 50].

Возвращаясь к сновидениям, обратимся к рассказу Татьяны Наумовой (в 13 лет). Ей приснились куски жира на кошках. Эта картина во сне явилась буквализированным отражением того, что мы, смотря на своих кошек, называли их толстым, жирными. Автору самой приснился сон, изображающий, как глава местной районной администрации А.М.Попов сидел на крыше школы в селе – сидел с молотком и гвоздями, и это разворачивало в картине услышанное в яви предложение «Попов отремонтировал крыши школ». Приведу еще одно собственное сновидение: я вхожу в автобус, он забит людьми. Пассажиры и я лежим, - это буквализация городских впечатлений от перепол-

ненного людьми транспорта, в данном случае – в ту пору, когда в Новосибирске еще не было метро, тогда мы, горожане, говорили, что «полулежим в автобусах».

Одна из старших дочерей, Варвара Наумова написала автору в письме, что она, уезжая к себе домой, бежала к вагону своего поезда с тяжелой сумкой и у нее сводило руку. Я тогда подумала, что наложила в сумки Вари слишком много всего. После мне приснилось, что я сижу у дочери на руках, и она несет меня по вокзалу. В этом сне буквализация очевидна.

Все психологи говорили и говорят об образности сновидений, это подтверждается современными научными исследованиями: «Характерная для «быстрого» сна активизация коры головного мозга относительно больше выражена в правом полушарии, что соответствует преобладанию в сновидении пространственно-образного мышления. Это тесно связано со своеобразным изменением сознания в сновидении...» [5, с. 366]. Мы дополняем: описанное соотносится с наглядно-образным мышлением маленького ребенка. То есть, во сне у нас детское, первобытное сознание.

Согласно учению И.П. Павлова, «... первая сигнальная система... лежит в основе психической деятельности высших животных, а также детей, еще не научившихся говорить. Она преобладала у первобытных людей, у которых звуковая и внутренняя речь (а с нею непосредственно связано мышление) еще находилось на низкой ступени развития... на этих ступенях развития возможно лишь мышление конкретными образами и ассоциациями (связями) по смежности, сходству или противоположности... С развитием речи... появляется вторая сигнальная система. Слово становится звуковым символом первой системы..., мышление приобретает все более логический, отвлеченный характер ... во время сна вторая сигнальная система, как образование более позднего происхождения..., затормаживается в первую очередь. Благодаря этому первая сигнальная система легко освобождается из-под ее влияния, а вместе с этим вновь приобретает самостоятельное значение образное мышление с его красочностью и безудержной фантастикой» [1, с. 18-19].

Перенесение значения слова часто называется образным, но вот о сновидении, связанном со словом, необходимо сказать: образы сна нередко – это воплощенное в картине буквальное, прямое значение слова. Сон представляет нам этот переходный смысл точно так же. Как маленький ребенок все наши взрослые переносы семантики слова – метафорические, метонимические, по функциональной общности, по ассоциативным признакам, - ребенок наши переносы представляет буквально.

Еще в 1962 году. Когда наука только начинала говорить о важности детства в развитии человека, А.А. Потебня в своем труде «Мысль и язык» анализировал особенности мыслительной деятельности детей: «Ребенок все принимает за правду. Ибо что нужно для того, чтобы признать за «диво дивное, на святой Руси небывалое, то есть за невозможное то, что «У нас по морю ковыла растет, / Там косцы ходят, ковылу косят, / По темному лесу рыба плавает, / По поднебесью там медведь ходит / Шуку-рыбу ловит?» нужно знание закона, то есть общностей: ковыль (вообще) растет (вообще) в степи (вообще). А ребенок может не знать даже частных, из которых слагается обобщение. Еще более усилий мысли нужно для того, чтобы держать отдельно изображение и изображаемое само по себе более-менее вероятно» [4, с. 423]. В 1931 году Л.С. Выготский в своем основном теоретическом исследовании «История развития высших психических функций» писал, первоначально сославшись на примеры А.А. Потебни - «петух», «ворон» и «голубь», образование которых демонстрирует связь слова с определенным внутренним образом, внутренней картиной: «... где же у ребенка образная речь..? Где же в развитии речи ребенка та связь, которая служит звеном между знаком и значением, которая позволила бы нам понимать ее в процессе распространения значения как условной рефлексии, как перенесение рефлекса из одного порядка в другой? Конечно, у ребенка этого нет. Когда ребенок усваивает слова, он усваивает их внешним образом» [2, с. 174].

К.И. Чуковский в своей книге «От двух до пяти», над которой он работал с 1828 года более полувека, в книге, которую Ю.А. Сорокин назвал «учебником детоведения», «книгой о душе ребенка», - Чуковский один из разделов главы «Детский

язык» так и назвал – «Против метафор». Он пишет: «Тут все дело в том, что мы, взрослые, если можно так выразиться, мыслим словами, словесными формами, а маленькие дети – вещами, предметами предметного мира. Их мысль на первых порах связана только с конкретными образами. Потому-то они так горячо возражают против наших аллегорий и метафор. «Пришел Иван домой, а лягушка спрашивает: «Что это ты голову повесил?» Игорь так и представил себе, что снял Иван голову и повесил на гвоздик» [9, с. 53].

У своего сына Наумова Дмитрия автор отметила такие этапы отношения к образному употреблению слов.

1. Удивление. Запись из дневника наблюдений: «Когда мы говорим «Дождь идет», Митя удивляется: «Никто там не идет!»

2. Возмущение. Запись: «Когда я сказала дочери Тане, чтобы она мешала молочную кашу, Митя, услышав это и возмущившись, подошел ко мне: «Мам, ты че сказала? Ты хочешь, чтобы Таня тебе мешала?»

3. Шутливое отношение. Вот как Митя отреагировал на слова отца «Яблоки в дом пришли» о привезенных в дом яблоках: «Я не знал, что у яблок есть ноги».

4. Осмысление. Запись из дневника наблюдений: «Сестра Тоня читает параграф по физике. Звучат слова «электрический фонарь». Митя вставляет: «Фонарь под глазом? (Он слышал такое выражение). Позже я спрашиваю сына: «Почему ты сказал про фонарь под глазом. Когда Тоня читала про электрический фонарь?» - «Потому что фонарю дали под глаз. Ему разбили глаз». (У нашего карманного фонарика сломалось стекло). Потом Митя также взял в руки фонарь и приставил его на своем лице под глаз.

Вот пример того как детское сознание оживает в наших снах.

Приведем сновидение Наумова Дмитрия, последовавшее за пожеланием на ночь старшей сестры: «Пусть тебе приснится много всего вкусного!» И ребенку приснилось «много» - в прямом, буквальном смысле большое количество вкусного:

- Стол приснился маленький от земли. Ну, он так был связан один маленький столик со вторым. Они были абсолютно

одинаковые. Все, короче, были связаны, и одинаковые. Вот... Там лежали бананы, виноград, апельсины, груши – фрукты все там лежали. Свой столик продуктами полностью заполняли. Несколько кистей винограда. Несколько кистей банан. Они же связаны в одно. Груши просто навалены. Апельсины наложены были пятнадцать по всему столу. Между четырьмя накладывался один. Вот такой горой они были наложены. Которая не может свалиться.

- Ты просто видел это? – спросила я у сына, когда он мне все это рассказал.

- Щас! Я это ел! Я успел съесть кисть винограда.

Сновидение записано от Наумова Дмитрия в 9 лет 9 месяцев.

Возникает очень важный вопрос: «Зачем нашему организму нужно демонстрировать в сновидении буквальное значение употребленных нами или нами услышанных слов?»

В лекции №8 З.Фрейд указывал: «сновидение является не нарушением сна, как это ему приписывается, а оберегает его, устраняет нарушения сна» [8, с. 79]. Ученый считал, что сновидения совершенно необходимы для нормальной психической жизни человека; он считал, что в сновидении происходит очищение, душевная разрядка, т. е. психическое отреагирование нереализованных в поведении мотивов, снятие эмоционального напряжения. Приведем выводы ученых, которые пошли в этом направлении дальше: «Одной из функций сновидений является эмоциональная стабилизация. Сновидения составляют важное звено в системе психологической защиты, временно ослабляют напряженность психического конфликта и способствуют восстановлению поисковой активности. С этим, а также с доминированием образного мышления связано положительное влияние сновидений на процессы творчества. Функциональная неполноценность системы «быстрый сон – сновидения» является существенным фактором в возникновении неврозов и психоматических заболеваний» [5, с. 366].

Исходя из этих положений, а также исходя из нашего исследования, ответим на наш вопрос так: буквализация в сновидениях тех слов, которые мы произносим вслух или высказыва-

ем про себя, или слышим от других людей, необходима нам для восстановления изначального смысла слов, поскольку последующие смыслы сильно удалены от исходного. Точнее сказать, буквализация необходима для восстановления соответствия между словом и реальностью, соответствия, которое у нас в яви не соблюдается, теряется. Мы можем сказать «большой» о маленьком ребенке, но во сне такой ребенок обязательно будет ростом и размерами как взрослый. То есть, как бы ни было фантастично сновидение, но оно восстанавливает справедливость – ту, которая была усвоена в детстве и осталась в мозгу как связь между двумя отображениями – предмета окружающего нас мира, например, и слова, этот предмет называющего. Так происходит гармонизация первой и второй сигнальных систем головного мозга человека.

Слова могут звучать во сне, слово может быть предметом сновидения, слово может быть представлено в сновидении как картина, но картина, выражающая буквальное значение слова. Во сне у нас детское первобытное сознание. Буквализация значений слов в сновидениях необходима для восстановления соответствия между словом и реальностью, для гармонизации первой и второй сигнальных систем головного мозга человека.

Литература

1. Васильев Л.Л. Таинственные явления человеческой психики. М.: Политиздат, 1964. 181 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 3. Проблемы развития психики / Под ред. А.М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
3. Громова Е.А. Сон и бодрствование. М.: Знание, 1969. 47 с.
4. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. Сост., вступ. ст. и примеч. И.В. Иваньо и А.А. Колодиной. М.: Искусство, 1976. 614 с.
5. Психология. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
6. Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.

7. Словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов. Под ред. С.П. Обнорского. М.: Госуд. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. 848 с.

8. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции / Авторы очерка о Фрейде Ф.В. Бассин и М.Г. Ярошевский. М.: Наука, 1989. 456 с.

9. Чуковский К.И. От двух до пяти: Книга для родителей. М.: Педагогика. 1990. 384 с.

К вопросу об определении понятия «эвфемизм» в отечественной и зарубежной лингвистике

Яковлева Е.А.

*Астраханский государственный университет, г. Астрахань,
Россия, elen200besse@mail.ru*

В современной русской и английской речи наблюдаются одновременно две разнонаправленные тенденции: во-первых, к огрублению речи, и, во-вторых, к её эвфемизации. Несомненно, в условии огрубления речи, в качестве антипода, эвфемизмы имеют большое значение. Но, несмотря на всё это, проблема изучения понятия «эвфемизма», в силу своей изменчивости в современном дискурсе, остаётся важной в отечественной и зарубежной лингвистике. Многие учёные пытались дать определение понятию «эвфемизм» такие как А.М. Кацев; Л.П. Крысин; Е.И. Шейгал; В.П. Москвин, К. Сильвер; Е.П. Сеничкина и др., но многие из этих определений не исчерпывают сущности данного понятия, отражают только функции данного явления, встречаются определения противоречащие друг другу и требующие уточнения.

Например, А.А. Реформатский [8] понимает термин эвфемизм как: «Слово или выражение, заменяющее табуизированные слова». Учёный даёт краткое определение данного понятия, без научного объяснения того, каким должно быть слово, способное заменить табуизированные слова.

А.А. Реформатский и В.И. Кодухова [7] считают, что главным критерием определения понятия «эвфемизм» является «та-

бу», например, это замененные, разрешенные слова, которые «употребляются вместо запрещенных» «замещают запретные слова (табу) и ослабляют нежелательную предметно-понятийную направленность лексического значения».

Электронная энциклопедия «online etymology dictionary» дает следующее определение понятию «эвфемизм»: «Euphemism is the use of a favorable word in place of an inauspicious one...» [11]. («Эвфемизм – это использование подходящего слова вместо дурного слова») В данном определении нет чёткого объяснения, что понимается под понятием “подходящего слова”. Данное определение очень узко отражает сущность эвфемизма.

Вместе с тем, учёный И.Р.Гальперин [4] определяет эвфемизмы как: «Слово или выражение, употребляемое для замены неприятного слова или выражения на более подходящее в общепринятом смысле». Учёный чётко выражает сущность эвфемизма, однако не даёт научного толкования понятию «неприятные слова».

С вышеуказанным определением И.Р. Гальперина тесно перекликается толкование Н.С. Араповой [2], а именно: «Эвфемизм – это эмоционально нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимических слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными».

В свою очередь, В.И. Заботкина [5] дает следующее определение эвфемизмов - «тропы, основанные на непрямом, вежливом, смягчающем слове или словосочетании, употребленном в прагматических целях (вежливость, деликатность, благопристойность)».

Все эти определения, приведённые выше, считаются узкими, так как эвфемизмы часто образуются путём переноса значения. Эти определения так же не вносят ясности в понятие эвфемизм, так как нет чёткого объяснения каким словам как «вежливость, деликатность, благопристойность»

Самое популярное и чёткое на сегодняшний день определение понятия «эвфемизм» дал Хью Россон [10] в предисловии к словарю эвфемизмов: «мягкие, приемлемые иносказательные слова, используемые вместо грубых, неприятных или обидных».

Данное определение носит характер обыденного толкования, и предположительно было дано с целью упрощения для пользователей словаря усвоения самого понятия эвфемизма.

Многие учёные не ограничивались рамками стилистики, они рассматривали эвфемизмы как частные случаи косвенной номинации, которая является более продуктивным способом образования эвфемизмов.

И.В. Арнольд, например, рассматривает эвфемизм как «a source of synonymy in which by a shift of meaning a word of more or less pleasant or at least inoffensive connotation substitutes one that is harsh, obscene, indelicate or otherwise unpleasant» [3]

Г.Б. Антрушина [1] в своем труде «English Lexicology» пишет: «There are words in every language which people instinctively avoid because they are considered indecent, indelicate, rude, too direct or impolite... They are often described in a round-about way, by using substitutes called euphemisms». («В каждом языке есть слова, которые люди инстинктивно избегают, потому что они считаются непристойными, неприличными, грубыми, слишком прямолинейными или невежливыми. Они часто передаются описательным способом посредством заменяющих слов, называемых эвфемизмами»). Представленная выдержка с высокой точностью отображает сущность «эвфемизма», однако определением, как таковым не является, ввиду того, что должным образом не сформулировано.

Также, следует отметить определение А.М. Кацева [6]: «Эвфемизмы есть служащие цели смягчения косвенные наименования того, что в прямом обозначении неприемлемо с точки зрения принятых в обществе норм морали». Определение В.И. Заботкиной логически схоже с определением А.М. Кацева в том, что эвфемизмы – это слова, служащие для смягчения и вуалирования сути заменяемых слов и выражений.

По мнению Е. П. Сеничкиной, следующее определение отражает наиболее общее представление об эвфемизмах, с которым лингвисты в основном проявляют согласие. “Эвфемизм – слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести” [9].

Таким образом, «эвфемизмы» - это слова или выражения, которые употребляются вместо табуированных, запрещённых, нецензурных или нетактичных слов или выражений, которые социально-приемлемы и разрешены нормами речевого поведения. По нашему мнению, эвфемия – «это слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким - либо причинам неудобно или нежелательно произнести».

Литература

1. Антрушина Г.Б. English Lexicology, 1999. - С. 210.
2. Арапова Н.С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. – С. 147.
3. Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика её исследования: на материале имени существительного. Монография. — Л., Просвещение, 1966. – С. 235
4. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. - М.: Высшая школа, 1981. – С. 170.
5. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. – Москва.: Высшая школа, 1989. – С. 40.
6. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия. – Ленинград, 1988.
7. Кодухов В. И. Введение в языкознание. - М., 1987. С. 165.
8. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Высшая школа, 1999. – С. 105.
9. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка. Спецкурс. - М., 2006. – С. 5.
10. Rawson, Hugh A Dictionary of Euphemisms and Other Double Talk, New York, 1995. – С. 3.
11. www.etymonline.com

Моделирование как способ исследования производных слов: когнитивно-дискурсивный аспект (на примере производных с суффиксом –gate)

Бабина Л.В.

*Тамбовский государственный университет, г. Тамбов, Россия,
ludmila-babina@yandex.ru*

Моделирование является одним из основных методов изучения производных слов. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода, который изучает познавательные процессы через языковые явления, использующиеся в определенных коммуникативных целях, моделирование предполагает выявление когни-

тивных пропозициональных моделей или пропозиций, которые строятся как конструкты, связывающие концепты. Осознавая собственный опыт в терминах пропозиции, человек как бы налаживает на него определённую концептуальную структуру-модель в виде базового предиката и его аргументов [3: 37]. При актуализации пропозиции или пропозициональной структуры производным словом, языковую реализацию получают не все ее элементы, поэтому важно выявить пропозицию, то есть восстановить предикат пропозиции, в качестве которого может выступать атомарный предикат или операциональный концепт, объединяющий в единую структуру категориальные концепты. Между когнитивными моделями как ментальными репрезентациями и словообразовательными моделями как эталонами или шаблонами создания новых производных единиц проводится определённая аналогия [4; 6; 7]. Можно сказать, что модели представляют собой универсальный алгоритм, следуя которому можно создать новое слово, то есть являются *моделями порождения* новых языковых сущностей.

Исследование активно образующихся производных слов с суффиксом *-gate*, передающих общее значение *«громкий скандал, чаще всего политический, связанный с дискриминацией его участника, в качестве которого выступает, как правило, представитель правительства, либо любой другой сферы жизнедеятельности общества»*, позволило выявить пропозиции, определяющие семантику данных слов: EVENT – TAKE PLACE – PLACE (*Volgagate, Hollywoodgate, Irangate, etc.*), EVENT – INVOLVE – PERSON (*Muldergate, Billygate, Camillagate, etc.*), EVENT – INVOLVE – OBJECT (*filegate, coingate, pizzagate, etc.*), EVENT – INVOLVE – GROUP (*Motorgate, Lobogate, Mountygate, etc.*), EVENT – INVOLVE – ACTION (*slaughtergate, smeargate, spitgate, etc.*) [1]. Данные модели могут рассматриваться как модели порождения, определяющие создание производных слов.

Вместе с тем, и это важно при изучении производных слов в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, в рамках которого сами акты коммуникации определяются как когнитивные образования, поскольку связаны с использованием структур знания,

когнитивные модели могут рассматриваться и как модели выбора (позиция создающего текст), и как модели предвосхищения (позиция воспринимающего текст).

Выступая как модели выбора, когнитивные модели, определяющие семантику производного слова, позволяют определенным образом построить контекст, в котором слово используется. В процессе коммуникации человек выбирает из множества языковых единиц единицу, образованную по определенной порождающей модели, неслучайно. Его выбор определяется тем, что именно эта единица в большей мере соответствует его коммуникативному замыслу. То есть, как пишет Е.Г. Беляевская, модель позволяет ответить не только на «вопрос «как?» ... (Например, «Как была образована данная единица/данное высказывание?»), но и на вопрос «почему?» (например, «почему данная единица была выбрана для формирования именно этого контекста?») [2: 102].

Выступая как модели предвосхищения при восприятии языковой единицы, когнитивные модели, с одной стороны, подготавливают индивида к формированию значения производного слова определенным образом, с другой стороны, определяют восприятие текста, в котором используется производное слово. Предвосхищение является неотъемлемой составляющей такого познавательного процесса, как восприятие. Изучая различные познавательные процессы, в том числе восприятие, У. Найссер говорит о том, что важнейшими когнитивными структурами для многих познавательных процессов (зрение, слушание, воображение, восприятие и другие) являются предвосхищающие когнитивные схемы, подготавливающие индивида к принятию информации определенного вида и управляющие его познавательной активностью. В процессе восприятия «воспринимающим конструируются предвосхищения некоторой информации, делающие возможным для него принятие ее, когда она оказывается доступной» [5: 42]. Данные предвосхищающие когнитивные схемы, опирающиеся на предшествующий опыт, характеризуются динамичностью, они способны по мере восприятия информации изменяться. Таким образом, встречая новое слово, человек пытается предвосхитить определенную (языковую) ин-

формацию, активизирует определенные схемы (модели), которые у него уже имеются в памяти, использует их при понимании значения нового слова, а также при восприятии текста, в котором слово используется.

Проиллюстрируем сказанное на примере производного слова *Cartergate*. Данное слово встречается в заголовке сообщения, в котором выражается необходимость расследовать достоверность информации, представленной в статье Боба Картера и его соавторов «Influence of the Southern Oscillation on tropospheric temperature». Пытаясь понять значение слова *Cartergate* в заголовке «Carterist science meets its Cartergate», читатель активизирует модель EVENT – INVOLVE – PERSON. Также у него могут возникнуть ассоциации, связанные со скандалом, в который был вовлечен Билли Картер, брат президента Джимми Картера, обвиняемый в связях с ливийскими террористами (также *Cartergate*). Эта информация позволяет ему определить значение слова как «political scandal associated with Carter /политический скандал, связанный с Картером/». Однако в данном сообщении речь идет о Бобе Картере – профессоре геологии из Университета Джеймса Кука в Квинсленде, который относится к числу ученых, именуемых «климатоскептиками» /*Carterist science*/. Слово *Cartergate* позволяет читателю начать строить гипотезы относительно содержания сообщения (участники, причина скандала, его последствия) и позиции автора сообщения. Действительно, автор сообщения оправдывает ожидания читателя, организуя текст так, чтобы читатель нашел ответы на волнующие его вопросы. Читатель узнает, что причиной скандала стали предложенные Картером и его соавторами данные о значении температур, которые свидетельствуют о том, что с 1998 по 2005 год среднегодовые значения температур на планете не только не увеличились, а, напротив, снизились. То есть разговоры о катастрофичности процесса потепления климата, одной из основных причин которого является загрязнение окружающей среды промышленными отходами, беспочвенны.

Вместе с тем изложение построено так, чтобы позволить читателю прийти к выводу о том, что скандал не вызван попыткой ученых, придерживающихся иной позиции, дискредитировать

Боба Картера. Наоборот, Боб Картер сам себя дискредитирует, стремясь навязать свое мнение научному сообществу. Скандал, связанный с данной публикацией, по мнению автора, носит политический характер, поскольку научное мнение Картера, основанное на подтасовке фактов, способствует проведению политики снижения затрат на защиту окружающей среды, в частности сворачиванию программ, направленных на сокращение объемов выброса в атмосферу углекислого газа. В связи с чем, автор сообщения задает вопрос: *is this just a case of rank incompetence on the part of these three, or was there a deliberate attempt to commit scientific fraud?* [8].

Таким образом, с одной стороны, обращаясь к модели, читатель «нащупывает» нужное направление интерпретации значения слова и текста сообщения. С другой стороны, выбор языковой единицы, образованной по рассматриваемой порождающей модели, формирует контекст, в котором используется производное слово, в процессе коммуникации. Иначе говоря, когнитивная модель, по которой формируется производное слово, выступает и как модель предвосхищения, и как модель выбора.

Научно-исследовательская работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, государственный контракт № ПЗ82, проект «Исследование типов и форматов знания в языке».

Литература

1. Антонова М.Б. Лексическая номинация на базе малых словообразовательных моделей в современном английском языке: автореф. дис. .. канд. филол. наук. – М., 2006. – 25с.
2. Беляевская Е.Г. Модель и моделирование в лингвистических исследованиях (традиционный подход vs когнитивный подход) // Принципы, методы и направления когнитивных исследований языка: Сб. науч. тр. – Тамбов, 2008. – С. 98 – 110.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. - Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. – 123с.

4. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560с.

5. Найссер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. - М.: Прогресс, 1981. – 232с.

6. Панкрац Ю.Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней (на материале сложноструктурированных глаголов современного английского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1992. – 333с.

7. Позднякова Е.М. Категория имени деятеля и пути ее синхронного развития в когнитивном и номинативном аспекте (на материале английского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1999. – 318с.

8. URL: <http://hot-topic.co.nz/carterist-science-meets-its-cartergate> (дата обращения: 30.11.2011).

Актуальные проблемы изучения синестетической метафоры

Бардовская А.И.

*Вятский государственный гуманитарный университет, Россия,
nasty978@inbox.ru*

Традиционно под *синестетической метафорой* (далее – СМ) понимается использование слов, связанных с одной сферой сенсориума, для описания ощущений и восприятий, относящихся к другой сфере чувств (например, *теплый голос, мягкий свет, бархатная улыбка*) [11]. Этимологически термин «СМ» восходит к понятию *синестезии* (далее – Сз), позаимствованному из психологии, где оно трактуется как «такое слияние качеств различных сфер чувствительности, при котором качества одной модальности переносятся на другую, разнородную, например, при цветном слухе качества зрительной сферы на слуховую» [9: 192]. На протяжении истории изучения трактовки СМ трансформируются от ее понимания как метафоры-уродца, затемняющей значения слов (А. Бине), как уникального артефакта

(И.А. Бодуэн де Куртене), как признака упадка языка (М. Нордау, А. Дюма) к признанию за ней статуса семантической универсалии, ее особой роли в развитии языка (С. Ульманн). Несмотря на то, что на протяжении XX века проблема СМ не принадлежала к числу фаворитов в языковедческих исследованиях, следует отдать языковедам должное: фактически, они были единственными, кто в тот период времени апеллировал к понятиям «Сз» и «СМ». Лингвисты неоднократно предпринимали попытки анализа СМ; СМ в идиостиле мастеров слова привлекала и продолжает привлекать внимание филологов. На стыке таких дисциплин, как психолингвистика, фонетика, семантика складывается отдельное направление, фоносемантика, привнесшая неоспоримый вклад в развитие современных представлений о Сз [1; 2].

Когнитивная революция 80-х гг. XX века, знаменующая собой возрождение интереса психологов к субъективным состояниям и переживаниям, приводит к отходу от понимания Сз как аномалии восприятия. Отныне Сз все более уверенно трактуется как неотъемлемая часть психики, не уместяющаяся в сфере перцепции, но имеющая отношение к мышлению, памяти, воображению и связанная с языком. Это обуславливает насущность разработки теории СМ, возможно, ярчайшей манифестации Сз, как универсалии лингвопсихической, лингвоментальной [3; 4].

В значительной мере такие изменения базируются на достижениях нейронауки: появляется все больше свидетельств того, что в нашей голове «все связано со всем» (см., например, [7]). Однако нельзя не вспомнить в этой связи «провидения» языковедов далекого и не столь далекого прошлого. Так, насколько созвучны идеям когнитивистов, озадаченных проблемой *qualia*, положения о передаче чувственных впечатлений, высказывавшиеся еще А. А. Потемной. А как точно характеризует взаимосвязь Сз и языка Б. Л. Уорф, писавший о том, что возможно, первоначально метафора возникает из Сз, а не наоборот. Понимание СМ как психофизиолингвистической универсалии, предложенное С. В. Ворониным, в полной мере соответствует ее сегодняшним трактовкам. Несомненный интерес для теории интермодальности представляет гипотеза И. Н. Горелова о психо-

физиологической мотивированности Сз на разных уровнях языка (см. об этом [1; 3]).

Детальный обзор достижений языковедческой мысли, опередивших свое время в разработке проблемы интермодальности, выходит за рамки статьи. Акцентируем, однако, внимание на том, что опыт научного освоения темы СМ и, шире, Сз, демонстрирует укрепляющуюся связь между различными направлениями, ведь построение успешных синестетических моделей всегда предполагало выход за пределы собственной науки. Не будет преувеличением, если мы скажем, что на протяжении истории эта тема служит «катализатором» ставших столь актуальными сегодня интеграционных тенденций [5].

Специфика же интеграционных тенденций на современном этапе развития гуманитарного знания такова, что они отражают не только стремление представителей различных дисциплин к взаимодействию, но и простираются на сам объект их внимания: все большее количество ученых, работающих в разных направлениях и странах мира, предпринимают попытки рассмотрения человека как единства психического и соматического, души и тела (см. об этом авторитетный обзор [8]). И углубление знаний о СМ видится в данном случае тем более актуальным. Как мы полагаем, оно не только открывает возможности для объяснения отношений «язык – мышление – тело», выходящих на передний план современных языковедческих исследований, но и способно привнести вклад в развитие представлений о самих феноменах телесности и языка.

Характеризуя современный этап изучения СМ, отметим, что важными задачами для него становятся уточнение и разведение понятий «СМ» и «Сз» с одной стороны и интеграция и гармонизация данных по проблеме Сз в языковедческих исследованиях с другой. Наш анализ [3; 4; 5] позволяет сделать вывод о том, что сегодня осуществляются первые шаги к их решению. Возможно, дальнейшая работа в данном направлении позволит пересмотреть многие устоявшиеся мнения под новым углом зрения, а также вернуться к вопросам, не находившим ранее ответа, среди которых характер взаимосвязи Сз и СМ, соотношение биологического и социального/культурного в интермодальных явлении-

ях, загадка понимания СМ, в том числе, специфичных для иных лингвокультур и т.п. (см., например, [6; 10]). А это предъявляет новые требования к творческим усилиям языковедов.

Литература

1. Бардовская А. И. Средства номинации синестетических соощущений (на материале английских и русских художественных текстов) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. И. Бардовская ; Вятский государственный гуманитарный университет, Каф. германских языков. – Тверь : [б.и.], 2005. – 20 с. – На правах рукоп.

2. Бардовская А. И. Определение синестезии в современных гуманитарных науках [Текст] / А. И. Бардовская // Слово и текст: психолингвистический подход : сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т ; отв. ред. А. А. Залевская. – Тверь, 2007. – Вып. 7. – С. 4-8.

3. Бардовская А. И. Современные тенденции изучения синестетической метафоры [Текст] / А. И. Бардовская // Вестник Тверского государственного университета. – Сер. Филология. – 2010а. – № 15. – Вып. 4 «Лингвистика и межкультурная коммуникация» – С. 168-181.

4. Бардовская А. И. Что исследования синестетов говорят о том, как работает наше сознание? [Текст] / А. И. Бардовская // Слово и текст: психолингвистический подход : сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т ; под общ. ред. А. А. Залевской. – Тверь, 2010. – Вып. 10. – С. 4-14.

5. Бардовская А. И. Проблема синестезии и интеграционные тенденции в языковедческих исследованиях [Текст] / А. И. Бардовская // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011а. – №1(1). – С. 131-137.

6. Бардовская А. И. Пилотажное психолингвистическое исследование синестетической метафоры [Текст] / А. И. Бардовская // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2011б. – № 4. – Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 147–163.

7. Бардовская А. И. Вильяну С. Рамачандран о синестезии [Текст] / А. И. Бардовская // Вестник Тверского государственного

го университета. – Серия «Филология». – 2011в. – № 28. – Вып. 4 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С.167–174.

8. Залевская А. А. Корпоральная семантика и интегративный подход к языку [Текст] / А. А. Залевская // Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды / А. А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – С.245–255.

9. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 688 с.

10. Day S. Synaesthesia and Synaesthetic Metaphors [Электронный ресурс] / S. Day. – Режим доступа: <http://psyche.cs.monash.edu.au/v2/psyche-2-32-day.html>. – Загл. с экрана.

11. Ullmann S. The Principles of Semantics [Текст] / S. Ullmann. – Glasgow, Jackson, Son and Co. – 1957. – 348 p.

Сопоставительный анализ русского жестового языка и китайского языка

Королькова О.О.

*Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Россия, ookorol@mai.ru*

При изучении и описании грамматической системы жестовых языков необходимо обращение не только к соответствующим звучащим, но и к другим естественным языкам, по-иному интерпретирующим языковые единицы, например, к иероглифическим языкам. Схожесть русского жестового языка (РЖЯ) и иероглифических языков (китайского, корейского, японского) позволили нам сделать вывод о целесообразности проведения сопоставительного анализа РЖЯ и китайского языка. Правильность гипотезы подтверждается результатами исследований жестовых языков мира, проведенных российскими лингвистами и дефектологами. Так, исследователи русского жестового языка писали о том, что «до работ У. Стоку жест рассматривался как неделимая единица, «иероглиф» [1], а также о наличии в РЖЯ и

тибетско-китайских языках классификаторов [2]. Естественно встает вопрос: имеют ли русский жестовый и китайский языки еще какие-либо сходные черты?

Цель данной статьи – провести сопоставительный анализ русского жестового и китайского языков.

РЖЯ и китайский язык являются естественными человеческими языками, однако различаются каналом передачи информации: первый задействует визуально-кинестетический, а второй – звуковой канал.

Основная единица РЖЯ – жест, который «состоит из двух компонентов – конфигурации и движения, которое характеризуется локализацией в пространстве, направлением и качеством» [2]. Из данного определения видно, что жест не является неделимой единицей.

Основная единица китайского языка – иероглиф, т.е. «графема, имеющая вид какого-либо объекта (люди, животные, предметы)» [3]. Иероглиф может быть простым и сложным, т.е. являться комбинацией простых иероглифов; он может передавать как целое слово, так и морфемы.

Итак, основные единицы русского жестового и китайского языков не являются неделимыми и, как правило, соответствуют целому слову.

Грамматическая система обоих языков состоит из словообразования, морфологии и синтаксиса. В силу малоизученности словообразования русского жестового языка проанализируем морфологию и синтаксис РЖЯ и китайского языка.

Анализ теоретических и эмпирических материалов позволил нам сделать вывод о том, что в русском жестовом языке выделяются классы жестов, тождественные частям речи в звучащем языке: имя существительное, имя прилагательное, имя числительные, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз, частица [4], причастие, предикатив, междометие, модальные слова, которые обладают рядом грамматических категорий, свойственных их аналогам в звучащем языке.

В основу классификации в китайском языке положены смысловой, синтаксический и морфологический признаки, на этом основании в нем принято выделять следующие классы знамена-

тельных и служебных слов: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, частицу, предлог, союз, послелог, классификаторы, нейтрализаторы предикативности и показатели членов предложения [5].

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что система частей речи китайского языка богаче системы частей речи РЖЯ, однако их состав во многом совпадает. Также совпадают и многие грамматические характеристики выделенных классов слов. Так, в обоих языках имена существительные делятся на собственные и нарицательные, не обладают категорией падежа. Различие состоит в том, что в китайском языке имена существительные не имеют и категории рода, и не все ученые считают, что данной части речи свойственна категория числа, в то время как жесты-существительные обладают и категорией числа, и категорией рода.

У прилагательных в обоих языках также много общего: среди прилагательных выделяют качественные и относительные, они не имеют категорий рода, числа и падежа. Особенностью прилагательных в китайском языке является то, что они близки глаголу, образуют три видо-временных формы и форму удвоения.

В РЖЯ выделяются количественные, порядковые и собирательные числительные. Ряд числительных могут образовывать инкорпорированные жесты, соединяясь с жестом-номинативом, обозначающим имя существительное. В китайском языке существуют только количественные и порядковые числительные.

В рассматриваемых языках выделяется местоимение, хотя разряды данной части речи не совпадают. Приведем сопоставительную классификацию местоимений (см. табл. 1).

Таблица 1

Сопоставительная классификация местоимений

Русский жестовый язык	Китайский язык
личные	личные
возвратное местоимение себя	-
притяжательные	притяжательные
указательные	указательные
определительные	определительные
неопределенные	неопределенные
относительные	относительные
вопросительные	вопросительные
числительные	-
отрицательные	-

Из таблицы видно, что разряды местоимений китайского языка имеют тождественные классы местоимений в русском жестовом языке, однако РЖЯ богаче, т.к. в нем выделяют еще три разряда – возвратное местоимение, отрицательные местоимения и местоимения-числительные.

В обоих языках глагол является самой сложной частью речи, обладающей парадигмой разнообразных словоформ.

Глаголы русского жестового языка имеют аспектуальные значения, тождественные категории вида, могут образовывать временные формы, в том числе претерит и перфект, а также степень удвоения.

Классификацию глаголов китайского языка представим в виде следующей схемы:

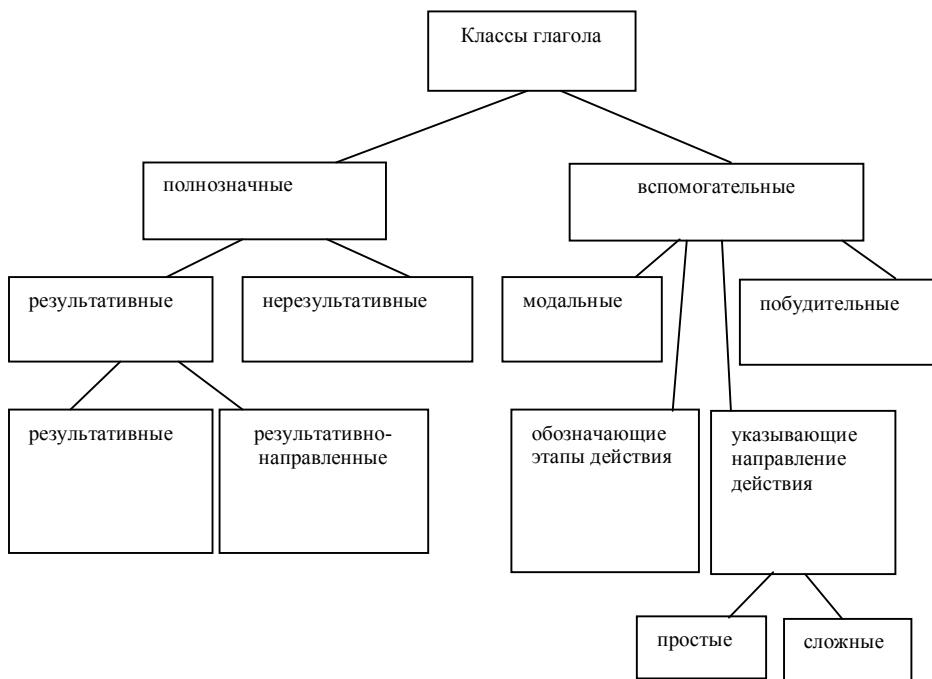

Рис.1. Классификация глаголов

В китайском языке глагол не изменяется по лицам и числам, однако имеет залоговую, несколько модальных (формы положительной и негативной вероятности) и видо-временных форм, в том числе итератив. Претерит и перфект. Интересна парадигма временных форм глагола. Глаголы в китайском языке могут обозначать:

- завершение действия в будущем;
- действие, которое имело место в определенное время в будущем и завершено;
- единичное или повторявшееся несколько раз действие, которое имело место в неопределенное время в прошлом и завершено до данного момента;
- настоящее длительное;
- состояние как таковое, т.е. длящееся состояние, не связанное с каким-либо действием.

Среди наречий в РЖЯ можно выделить знаменательные и местоименные наречия.

Местоименные наречия делятся на следующие группы:

- указательные;
- определительные;
- неопределенные;
- отрицательные.

В РЖЯ существуют следующие лексико-грамматические разряды наречий:

- 1) образа действия;
- 2) наречия степени;
- 3) обстоятельственные наречия: места, времени, причины, цели и совместности.

В китайском языке выделяются три класса наречий – качественные наречия, обстоятельственные наречия и наречиям степени. В особую местоименных группу объединяют указательные, вопросительные, определительные, неопределенные, относительные и восклицательные наречия.

В русском жестовом и китайском языках совпадают следующие служебные слова: предлоги, союзы и частицы.

Особого внимания заслуживают классификаторы. В жестовых языках мира термином классификаторы «называется особая форма руки, которая иконически изображает некоторое отличительное свойство референта (как правило форму и размер, иногда одушевленность)» [1], а также «особая категория жестовых конструкций для описания движения и расположения сущностей в пространстве» [1]. В китайском языке классификаторы указывают, к какой смысловой категории относится существительное.

Говоря о синтаксисе РЖЯ и китайского языка, необходимо упомянуть о том, что эти языки имеют разные синтаксические единицы. В русском жестовом языке основной синтаксической единицей является высказывание, аналогичное предложению в звучащих языках. В дискурсе РЖЯ выделяют элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ), тождественные словосочетаниям и простым предложениям в составе сложного, и супер-

дискурсивные единицы (СДЕ), аналогичные простым и сложным предложениям [6].

В китайском языке основными синтаксическими единицами являются словосочетание, простое предложение, часть усложненного предложения, усложненное предложение, часть сложного предложения и сложное предложение [5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в анализируемых языках выделяются такие синтаксические единицы (или их аналоги), как словосочетание, простое и сложное предложение.

Общим для обоих языков является фиксированный словоупорядок, который для простого глагольного предложения описывается в терминах SVO, где S – субъект (подлежащее), V – действие (сказуемое), O – объект (дополнение) [5, 7].

Однако синтаксис каждого языка имеет и свои особенности. Так, в РЖЯ единицы дискурса выделяются с помощью маркеров и пауз, а не интонационно, как в звучащих языках [6].

Синтаксис китайского языка обладает такими особенностями, как:

- наличие показателей членов предложения, т.е. лексических единиц, устанавливающих границы между членами предложения;

- групповое оформление членов предложения, например с помощью суффикса множественности;

- включение членов предложения, т.е. одна часть включается в другую без помощи служебных слов;

- наличие рамочных конструкций (замыкание), которые обозначают границы лексических единиц и частей сложных единиц.

Таким образом, в результате анализа теоретических и эмпирических источников мы установили, что, несмотря на особенности канала передачи информации, русский жестовый язык и китайский язык имеют много общего:

- ведущая роль в грамматике принадлежит синтаксису;

- совпадают многие выделяемые части речи и присущие им грамматические категории;

- в обоих языках выделяются такие синтаксические единицы, как словосочетание, простое и сложное предложение;

– обоим языка присущ фиксированный порядок слов в высказываниях, который описывается в терминах SVO.

Литература

1. Прозорова Е.В. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // Вопросы языкознания. – 2007. – № 1. – С. 44-61.
2. Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология: Учебник для студентов высших учебных заведений. М., 2000.
3. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
4. Королькова О.О. Сопоставление морфологии русского звучащего и русского жестового языка // В мире научных открытий. – 2011. – Вып. 1. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции «Научное творчество XXI века» с международным участием» (Красноярск, апрель 2011 г.). – С.182-183.
5. Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка-каб Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.». М., 1989.
6. Прозорова Е.В. Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке: Автореф... канд. филол. наук. – М., 2009. – 24 с.
7. Киммельман В.И. Базовый порядок слов в русском жестовом языке: Дипломная работа. М., 2010.

**Языковая презентация концепта ДОЛГ
в восточнославянской картине мира**

Василькова Н.И., Коч Н.В.

*Николаевский национальный университет имени
В.А. Сухомлинского, г. Николаев, Украина
Nataliakoch62@mail.ru*

Проблема формирования национальной ментальности связана с диахроническим изучением смысловых доминант культурного пространства определенного хронологического среза. Объект исследования – динамический процесс концептуализации действительности с помощью языковой презентации – является актуальным в современном языкознании, особенность которого состоит в появлении новых направлений, ориентированных на исследование коллективного сознания. Положения *диахронической когнитивной лингвистики* позволяют мотивировано представить экспликацию концептуально-языковой картины мира, выделив ее ключевые культурные концепты [3].

Мышление, проецируя два модуса существования человека – материальный и духовный, вырабатывает базовые концепты, отражающие представления народа о культурных смыслах, лежащих в основе аксиологической шкалы общества. Особенностью формирования таких ментальных образований сознания в восточнославянской картине мира XI–XVII вв. является их обязательная сакрализация, связанная с принятием языческим государством Древняя Русь христианской модели развития социума. Представленность модели обеспечивается фиксацией в памятниках письменности средствами языка тех установок, которые в дальнейшем послужили ориентиром для следующих поколений в понимании морально-этических констант.

Сакральная и профаническая концептосферы особым образом пересекаются в информационном поле лингвокультурного концепта ДОЛГ, отражая специфику понимания нашими предками «долга» как того, что подлежит возврату. В области социального права речь идет, прежде всего, о долге материальном. В долг брали деньги, зерно, скот, товар. Др.-русск. лексемы *долгъ*

(*дѣлгъ*), *заимъ*, *закладъ*, *купа* («деньги или натуральные объекты задолженности»), фраземы *дати в долги*, *платити долгъ*, *взяти за долгъ*, *имуть долгъ*, *заложити в закуп*, *дати в закуп*, *закуп ролейный*, *закупати села*, *закупати челядь*, *куны закладные* и т.п. активно функционируют в деловой письменности, презентуя нормы товарно-денежных долговых отношений в древнерусском государстве: *ѣ пѣнѣмъ дѣлга* (Изб. 1076 г., 220); *там обо лихвы соугоубаго дѣлга николи же прѣходѣтъ. съде же аще тѣмами соугоубъ кто ѡже принесеть то приемлетъ* (УСт, 237. XII–XIII вв.); *ни продати, ни променити, ни в закуп не заложити, ни по душе не дати* (АЮБ I, 495. – Кочин: 100).

Древнерусский язык сохраняет и архаичную семантику слова *долг* – «дань», встраивая ее в оппозиционные отношения смысловой бинарности «свой – чужой»: *А долгъ бесерменьскыи и проторь. и русскыи долгъ. а то ны подѣнѣти по тому же по розочту* (Гр. 1, моск. 1389 г.).

Правовые основы долгового договора (*ряда*, *кабалы*), предполагавшего возврат долга, поручительство за должника (*кабалы поручной*) и «роста» заемных денег были заложены в «Русской Правде» – первом юридическом кодексе древних славян [1]. Купцы занимали деньги на товар *до кунъ* «до выкупа, до уплаты»: *Взялъ ... девять рублевъ серебра, да полтретьяцать сороковъ бѣлки ... до кунъ* (Новг. купч. XIV–XV вв. – АЮ, 71).

Продажа купцу товара в долг или одалживание денег на его закупку могли проходить как доверительная сделка товарищей (*а оже кто възидеть коун на друзь ...* – ПрР, син. сп. Срезн. III: 367) или подразумевать дачу *купы* в рост (*куны в куплю*, *куны в гостьбу*). Однако негласный христианский кодекс, осуждавший накопительство вообще, постулирует резко негативное отношение ко всем формам ростовщичества: *И иже лихоимци суще и скверно прибыточство гоняци и лихвы просяци на должники* (АИ, 48. – Кочин: 1000). Ростовщиков и мздоимцев в Древней Руси называли *куноимцами* (*куноимецъ*, *куноемьць*(ь), *куноемьца*): *В тѣ ж дѣнь слово о мздоимцѣхъ и о рѣзоиманьи и о куноимцехъ* (Пролог. Срезн., 73 об, XV в. – СлРЯ VIII: 123). В

прогрессивном на то время «Уставе» князя Владимира Мономаха ограничивается размер процентов за первоначальную сумму долга, защищаются права закупов-должников, а также оговариваются случаи их освобождения от долга (*наймиту свобода во всех кунах*).

В случае невозврата *заема* по договору (ср. вербальный ряд: *заем, заим, заемное, заемное дело, заемное жито, заемное серебро, заемный хлеб, займовати*) или *кабального* – ссуды, взятой по кабале (ср. *кабала «акт», кабальное серебро*), а также уклонения от уплаты, заемщики (*люди кабальные, заемные, закупы*) осуждались: *А холопе, робе, даному, положеному, заемному, поручному ... суд от века* (АЭ, 10. – Кочин: 100). Беглые *закупы* становились холопами (*обелями*), нанося *обиду* своему господину, но имели право *искати кунь* – предъявлять судебный иск хозяину за отработанные деньги или искать деньги в долг для выкупа: *Аже закупь бѣжить от господина, то обѣль; и деть ли искати кунь, а явлено ходить, или къ князю или къ судиямъ бѣжить обиды дѣля своего господина, то про то работять его но даси ему правду* (ПрР (пр.), 156. XII в.).

Реликтами патриархального общинного уклада являлись форма *заема по дружбе (по душе)*, а также дифференциация *несостоятельности злостной* и *несостоятельности несчастной*: «[Правда] строго отличает отдачу имущества на хранение – «поклажу» от «займа», простой заем, *одолжение по дружбе*, от отдачи денег в рост из определенного условленного процента, процентный заем краткосрочный от долгосрочного и, наконец, заем – от торговой комиссии и вклада в торговое компанейское предприятие ... Правда дает далее определенный порядок взыскания долгов с несостоятельного должника при ликвидации его дел, умеет различать *несостоятельность злостную* от *несчастной*» [2] (курсив наш. – К.Н.). В документе в полной мере отражается представление наших предков о долге материальном как правовой обязанности, однако, расставленные акценты на характере его приобретения и возможных последствиях его невозврата, указывают на морально-этические особенности отношений должника и заемщика. Формируется понимание долга «по-русски».

Должники-купцы, согласно закону, наказывались продажей их товаров, а то и заключением в рабство, однако долг прощался, если товар пропадал «по воле Божьей». *Несчастная несостоятельность* возникала по причине пожаров, кораблекрушений, разбоя на дорогах. «Русская Правда» регулировала долговые отношения между «своими» и «чужими» торговыми людьми (*гостями*): *Аже кто многымъ долженъ боудеть. а пришедь гость изъ иного города. или чюжеземьць. а не вѣдати запоустити за нь товарь. а впѣть начнеть. не дати начнеть гости коунь юму. а пьрви дѣлжьбити начьноуть юмоу запинати не дадоуче юмоу коунь. то вести на торгъ и продати.* (РПр, 623а-б. сп. 1280 г.). Отношение к «своим» (*домашним*) и «чужим» участникам долговых расчетов было разным: *дати прежде иноземцу а домашнимъ что ся останеть ...* (ПрР, сп. 33, 34).

В долговую кабалу, как правило, попадали крестьяне, ремесленники, несостоятельные мелкие феодалы. Кроме денежной отдачи долга, допускались и другие формы его погашения: *Аще прости члѣвѣци. долгъ имуть на нѣкоеи цркви. понужени будуть взѣти и за долгъ недвижимое имѣнье. рекъше село* (КР, 292 б. 1284 г.); *а двое коне(в) есмь велѣ(л) бра(т) своему костену прода(т) да долгъ заплатити жеребчи(к) воронъ да кобы(л) карую* (Гр. (2). 1392–1427 гг. – СлДРЯ III: 121).

Заставой (*закладом, залогом*) для кредитора в Древней Руси являлась личная свобода должника (др.-русс. *дѣлжьникъ, дѣлжьбитъ, люди должны*), который, в случае неуплаты долга или побега, становился его *холопом, рабом, челядинцем, заладником* (*закладень, закладник, закладицик*; ср. *закладная грамота, закладные куны*), *закупом* (*закупен, закупный*): *А кто волости ходит закупен, иль скотник* (ПСуд, 5). Таким образом, свобода человека зависела от его имущественного положения и являлась эквивалентом долга. Отождествление ценности человека и материальных ценностей является мощным когнитивным фактором, формирующим сферу социальных отношений в обществе. Законодательное закрепление крепостного права в дальнейшем явилось результатом нивелирования значимости личности, ко-

торая много веков сама добровольно закладывала свою свободу за определенные материальные блага.

Должником (должитом) называли не только взявшего заем, но и *заимодавца*, а также, по данным «Материалов для терминологического словаря Древней России», сборщика дани, может быть, откупщика (Кочин: 100): *при(д) изъ орды кнзь ... i татарове с нимъ должници ...* (ЛН, 163 об–164. XIII–XIV вв.). Энантеосемичность, выражающаяся в полярном развитии значений в пределах одного слова, характеризует ранний тип мышления с его внутривопрепятственным дуализмом (ср. *одолжить* «взять в долг», «дать в долг»).

Должники и их поручители, наряду с ворами и убийцами, подвергались преследованию и наказанию: *Холопа, робу, должника, поручника, татя, разбойник, душегубца ны выдати по исправе* (ГГД I, 35). Однако в древней восточнославянской культуре должник находился в особом положении. Так, была возможна длительная отсрочки долга по разным причинам. Нестандартно, исследователь языка и знаток русской культуры А. Преображенский связывает слово *долг* с *долгий*: следовательно, *долг* – «то, что приходится долго ждать» (Преобр. I: 188) (о других этимологиях слова *долг* см. Фасмер I: 524, где отмечена интересная аналогия праслав. **dylgъ* с ирл. *dligim* «заслуживаю, притязаю»). Заметим, что семантическим оттенком прилагательного *долгий* в древнерусском языке являлось значение «старый, давний» (СлДРЯ III: 122). Интересно также провести параллель с названием денежной единицы – *долгая*.

Значение материального, «телесного» долга меркнет перед значимостью долга нравственного, духовного. В контексте христианской всепрощающей религии должником, скорее, быть грешно и стыдно, чем преступно. Исполнивший христианский долг перед Богом и покаявшийся человек может надеяться на прощение долгов мирских: *господь алчных насыщает, болящих утешает, должников искупает* (ЛН, 302 об. ~ 1425 г.); *аще должника приимеши припа(д)юща все съписанье неправедно и праведно разрѣжи ...* (ГБ, 39в. XIV в.).

Одно из сакральных значений слова *долг* – «грех», которое тесно связано со значением «обязанность». Тема искупления

греха как долга лежит в основе молитвы «Отче наш ...» (*остави намъ владыко дѣлгы наша, яко и мы оставихомъ дѣлжникомъ нашимъ*; в другом варианте – *прости ... как мы прощаемъ ...*). Об искуплении человеческих грехов от времен грехопадения Адама как долге говорится, например, в «Прологе» XIV в.: *оуже бо ми долгъ сторицею искупих(с)ъ* (Пр, 37б. 1383 г.) и «Палее» начала XV в.: *но вл(д)ка мл(с)рдыи искупи ны долговь прадѣ да нашего адама* (Пал, 40б. 1406 г.) и. Современный фразеологизм *отдать долг* (*долги*) имеет давние корни: *въздаи же оубо блг(д)тлю долгъ блг(д)рннѣ* (ЖВИ, 126 б. XIV–XV вв.); *ѡстави ближнемоу скорбѣ и ѡ(т)даи же емоу долгъ* (СбТр, 20. XIV в.).

Общие для восточных славян традиции христианской морали и законы социальной жизни определяют для русских, украинцев и белорусов тождественное понимание характера взаимодействия двух оппозиций бинарности «долг – платеж долга», что отражено в памятниках восточнославянской письменности XV–XVII вв.

В «Лексиконе» Памвы Беринды *долг* объясняется как «што кто кому винен» (Бер., 35). «Исторический словарь белорусского языка» и «Словарь староукраинского языка» фиксируют слово *долг* (ст.-блр. *долгъ, довгъ, длугъ, длукгъ*; ст.-укр. *долгъ, длъгъ*) как полисемант (ГСБМ VIII: 249–251; ССУМ I: 301). Первое значение – «то, что отложено или взято в долг (преимущественно деньги)» – относится к материальному (денежному, имущественному) долгу: ст.-укр. *да с ѡ не станови(т) николи на вѣки наши(м) тръговце(н) тръговлю, оу и(х) землю, за длъгъ, ни и(х) тръговце(м), оу нашии земли* (Cost. II, 709. 1437 г.); ст.-блр. *А который мещанинъ одолжаеть, ино ему вольно домъ свой продати, а тымъ долгъ платити* (АЗР I, 146. 1494 г.). Второе значение – «обязательство, повинность» – представляет долг высший (перед Богом), долг как несвободу, бремя, бедность, долг как грех, вину, смерть: ст.-блр. *был тог умыслу як бы могль посполитог чѣвка убогог к собѣ притягнут, учинившы их волными ѡт длукгов, послуг и иных бремен* (Бельск., 166); *Чѣкъ*

есть живот до часу позыченный. Смерти не втложеныи долгъ (Кін., 49 б). Выражения ст.-блр. *долгъ прырожоный* «смерть», *долгъ прырожоный заплатити, долгъ смерти отдати* (*заплатити*), *долгъ з тѣла* «умереть», *долгъ смерти* «неизбежность смерти» входят в информационные поля концептов ДОЛГ и СМЕРТЬ.

Нарушение долга приводит в области социального права к установлению провинности и к ее наказанию, а в области нравственных законов – к чувству вины. Когнитивный признак «долг как вина» закрепляется на языковом уровне словом *винен* (укр.) «должен». Пересечение информационных полей концептов ДОЛГ и ВИНА происходит через значения лексемы *вина* «грех, проступок», «следствие, результат», а также «судебное взыскание, штраф», «пошлина» (ср. *въ винѣ достатися* «быть отданным по суду в кабальную зависимость», *безъ винноѣ вины* «без всякой вины», *винными соудъ, винна творити* – СлДРЯ I: 428, 434). Лексемы *должный* и *винный* концептуально связаны и употребляются в старобелорусских и староукраинских текстах как синонимы.

Большое количество фразеограмм, в состав которых входит слово *долг*, и его дериватов (ст.-блр. *должникъ, длужникъ, довзникъ, должный, длужный, должно, человекъ долъжный*; ст.-укр. *длъжникъ, должникъ, должно*, название сел *Должокъ, Должскъ, Великий Должокъ*), свидетельствует о действии так называемого «закона номинативной дробности», согласно которому «чем выше номинативная дробность, расчлененность той или иной денотативной сферы, тем большую важность имеют репрезентируемые совокупностью этих средств концепты в сознании носителей языка в данный период, на данном этапе развития общества и мышления» [4, с. 63] Совпадение расчлененности денотативного поля и высокой частотности употребления лексем и фразем в разножанровых дискурсах усиливает значимость концепта ДОЛГ в коллективном сознании: ст.-блр. *долги справити, отпускати долги, въ долги заводити, въ долги попасти, въ долгу (долзе), въ долгъ, голый долгъ* «долговые деньги без начисления процентов» (Ст., 9. 1588 г.), *рукодайный долгъ*

«одолженные деньги, передаваемые из рук в руки» (АВК VI, 374. 1641 г.), ст.-блр., ст.-укр. *злодейский долгъ* «обязательство выплаты денег за воровство» (ВС, 11. XV в.; Вісл., 11) (ГСБМ VIII: 172, 249–251, 256–258; ССУМ I: 400).

Слово *должник* сохраняет свою энантосемичность: 1) «тот, кто должен деньги»: ст.-укр. *а кто своего должника лицем познал, а оухочет права жадати о своемъ долгу, щобы посол до брашова, та щобы оучинили имъ право рѣдци брашовстїи на его должника* (Cost. II, 692. ~ 1435 г. – ССУМ I: 315); ст.-блр. *если бы тые купцы чужыи мѣли которого должника у Витебску, або въ Смоленску; тогда мають тамъ ѣхати и долги свои справити, опрочъ купли* (АЗР I, 180. 1498 г. – ГСБМ VIII: 256); 2) «заимодавец, кредитор»: ст.-укр. *коли бы должникъ рекль тоє именїє што ты дръжишь ест мнѣ ближшеє, бо тотъ што тобѣ продал, а мнѣ былъ должень первїє нижли ты коупиль* (ВС, 35. XV в. – ССУМ I: 315); ст.-блр. *утекаю пред долгами а чистости моеї, если мене возмут должники не ест безпечна* (Пралог, 677 – ГСБМ VIII: 257). Семантическое развитие получает значение слова *должник* «имеющий обязательство»: ст.-блр. *оныхъ члѣкъ за должники личѣть, которїи ѡт кодо добродѣнство берють* (Будны, 200).

Многовекторность информационного поля концепта ДОЛГ усложняется через семантическое обогащение соответствующего понятия, которое со временем трансформируется под влиянием изменений в обществе: экономических, идеологических, межкультурных. В результате взаимодействия с не менее значимыми лингвокультурными концептами ЧЕСТЬ, ГРЕХ, ВИНА, СМЕРТЬ, ЗАКОН, проанализированные когнитивные структуры формируют маргинальные концептуальные зоны, отражающие специфичность осознания восточными славянами понятия «долг».

Лингво-когнитивный анализ культурных констант, имеющих высокую степень информационной насыщенности, отражает через призму языкового опыта с учетом фоновых знаний особенности коллективного мышления наших предков и устанав-

ливаает преемственность культурных традиций. Лексика памятников письменности как основное средство вербализации концептов позволяет реконструировать фрагмент концептуальной картины мира в динамике ее развития и тем самым глубже понять этнические основы национального мировосприятия.

Изучение вопросов языковой концептуализации действительности в диахроническом аспекте перспективно и актуально, так как его результаты имеют большое значение для теории лингвистической концептологии, которая на данный момент предпочитает работать с современным языковым материалом, оставляя без внимания ценные данные истории языка.

Литература

1. Калачов Н.В. Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций [издание 4-е (без перемен)]. – М., 1889.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории: Лекция 14 // Электронный ресурс / Режим доступа: www.gumer.info/bibliotek.../Index.php.
3. Коч Н. Генезис восточнославянской концептосферы в языковом и культурном отражении. – Николаев: Илион, 2010. – 440 с.
4. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / [под. ред. И.А. Стернина]. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 182 с. – С. 58–69.

Список источников (словарей)⁶

Бер. – П. Берында. Лексіконь словеноросскій и именъ Тлькованіе. – Киев, 1627 / [переизд. фотомех. способом]. – К., 1961.

ГСБМ – Исторический словарь белорусского языка. – [вып. 8]. – Минск: Наука и техника, 1987. – 312 с. (список источников: т. I, с. 45 – 49).

Кочин – Материалы для терминологического словаря Древней России / [сост. Г.Е. Кочин; под ред. Б.Д. Грекова]. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 487 с. (указатель сокращений: с. 11–22).

Преображенский – Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. – т. I, 1958. – 674 с.

СлДРЯ – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: [в 10 тт.] / [под ред. Р.И. Аванесова]. – т. I, II. – М.: Русский язык, 1988–1989 (сп. сокращений: т. I, с. 94–172).

СлРЯ Словарь русского языка XI – XVII вв. / [гл. редактор Шмелев Д.Н.]. – М.: Наука, 1982. – Вып. 8 (сп. сокращений: вып. 1).

ССУМ – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: в 2 т. – т. I. – К: Наукова думка, 1977–1978 (список сокращений источников: т. I, с. 19–23).

Срезн. – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – [изд. 2.]. – т. I. – М., 1958 (сп. сокращений: т. I).

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: [пер. с нем.] [в 4 т.]. – [4-е изд., стер.]. – т. I. – М.: Астрель; АСТ, 2004. – 588 с.

⁶ Названия памятников древнерусской, старорусской, староукраинской и старобелорусской письменности см. в соответствующих списках сокращений первоисточников, представленных в исторических словарях данного списка.

Паратекстуальные элементы как одна из форм репрезентации концепта «смерть» в романе В. В. Набокова «Приглашение на казнь»

Павленко В. А.

*Саратовский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия,
yadwiga.pavlenko@yandex.ru*

Эта статья – часть нашего исследования концепта «смерть» в романе. **Цель** статьи: на примере поля анализа «Паратекст» рассмотреть языковые приемы, формирующие концепт «смерть» в романе. **Задачи**: 1) выделить языковые средства, помогающие воссоздать этот концепт через паратекстуальные элементы; 2) рассмотреть процесс воссоздания ими концепта «смерть». **Объект исследования** – средства создания концепта «смерть» в поле исследования «паратекст».

Новизна нашего исследования заключается в том, что средства создания концепта «смерть» рассматриваются в том числе и через паратекст – поле исследования, пока подробно рассмотренное лишь с литературоведческой точки зрения.

Для удобства исследования мы выделим **поля анализа**, где проявляется языковое выражение концепта «смерть» (см. табл. 1).

Таблица 1

Паратекстуальные элементы	Собственно текстовые элементы
Название, эпиграф, предисловие	I. Микрополя: 1. Поведение часов; 2. Орудия казни; II. Макрополя: 1. Описания: 1) описания и характеристики персонажей (в т. ч. и речевой портрет); 2) описание города и жизни в нем; 2. «Поток сознания» (мыслительные процессы персонажей, обладающих способностью мыслить): 1) записи и беседы Цинцинната Ц., главного героя романа; 2) авторские отступления, или включения авторского «потока сознания» в основной текст.

Паратекст, как нам известно, - один их типов **интертекстуальных** отношений: отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу [4].

Первое упоминание о смерти появляется в **названии** - «Приглашение на казнь». Казнь - один из путей, приводящих к умерщвлению физической сущности приговоренного., т.е. один из путей к смерти. Художественное средство выражения - **оксюморон** («приглашение» и «казнь» - понятия несочетаемые).

Далее, мы встречаемся с употреблением слова «*mortels*» (франц. «смертны», «мертвы») в **эпиграфе**, якобы взятом из произведения Пьера Делаланда: «Как безумец полагает, что он Бог, так и мы полагаем, что мы смертны» [1: 5]. Необычное **сравнение** мыслей безумца и наших предположений о том, что мы смертны, включает «**механизм перечитывания**»: «Размышляя о сущности (и тайне!) художественного творчества, о пути его постижения, Набоков тем самым прокладывает «дорогу» для «вхождения» в мир и его собственных творений - во многом «закрытых» и «скрывающих» себя, но ожидающих проникновения в их загадочную природу - через «**перечитывание**», то есть через пристальный, углубленный, но не лишенный воображения - диалог с ними. Диалог, как говорит Набоков, - через сплав «строгости, точности с инстинктом и интуицией» [2: 29]. Суть этого механизма в том, что несоответствие написанного общепринятым канонам понимания заставляет читателя остановиться и перечитать фразу еще раз, причем это происходит не всегда на сознательном уровне. Чаще читатель бессознательно для себя перечитывает написанное. Таким образом, перед нами взаимодействие двух художественных приемов: **сравнение** противоположных вещей или, вернее, их **уподобление** друг другу «включает» **механизм перечитывания**.

Название трактата, из которого якобы взят эпиграф, - «Рассуждение о тенях» («Discours sur les *ombres*») - отдаленно напоминает нам о смерти, поскольку понятие «тьень» в нашем сознании связывается не только с обычной тенью от человека или какого-либо предмета, но и с душами умерших, с призраками. Однако в контексте цитаты-эпиграфа связь с тенью как обозначением призрака, духа умершего прослеживается яснее. Да и

про смерть часто говорят: «Тень смерти», имея в виду ее приближение или ощущение ее близости. Перед нами **пример ассоциативности + связь с контекстом** (о том, что текст романа имеет ассоциативное построение, мы говорили в нашей предыдущей работе).

В авторском «Предисловии к американскому изданию «Приглашения на казнь» говорится, в основном, об аллюзиях и литературной преемственности романа. В. Набоков опровергает утверждения, что он наследовал чью-то традицию. Однако в этом опровержении чувствуется огромная доля иронии.

В этом же «Предисловии...» Набоков пишет о методе перевода книги на английский язык и о **переводе самого названия**. По-английски «Приглашение на казнь» - «*Invitation to a Beheading*», что буквально переводится как «Приглашение на *обезглавливание*». Указан конкретный вид казни, а, значит, конкретизирован вид смерти.

С другой стороны, этот вариант названия можно связать с эпитафией. Если человеку отсекают голову, следовательно, он становится безумным и мертвым. Но тот, кто стал безумным, полагает, что он Бог, значит, те, кто полагает, что они смертны, суть то же, что и это обезглавленное (т. е. лишённое разума) существо. Значит, смерть, существует только для безумцев или для тех, кто в нее поверил.

Однако это лишь наша попытка решить силлогизм, заключенный в эпитафии. Что касается языковых приемов, то при переводе на английский названия романа Набоков выбирает слово с более узким значением – не “execution” («казнь»), а “beheading” («отсечение головы», «обезглавливание»). Вместо синонимичного гиперонима он берет гипоним (казнь - обезглавливание), т. е. вместо родового названия (“execution”) берет видовое (“beheading”). Перед нами – **специализация, или сужение, значения путем замены английского гиперонима на английский гипоним.**

В этом же предисловии говорится о смысле «Приглашения на казнь». Сам роман назван «скрипкой, звучащей в пустоте» [3: 47]. Пустота и смерть – явления близкие, но далеко не однородные. Для кого-то пустота и есть смерть, когда нет ничего – ни

движения, ни жизни. В такой интерпретации фразу из «Предисловия...» можно понять как аллегорическое наименование борьбы жизни и смерти. Голос скрипки – голос жизни в пустоте смерти. Таким образом, использован языковой прием «**аллегория**».

Итак, **основные приемы**, использованные в этой части исследования для воссоздания концепта «смерть», следующие: 1) оксюмороны; 2) сравнения; 3) аллегория; 4) использование ассоциативно-контекстуальной связи; 5) специализация (сужение) значения при переводе.

Литература

1. Набоков В. Приглашение на казнь. — М.: Азбука-классика, 2006. 222 с.
2. Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М., 1998. 250 с.
3. Набоков В. Предисловие к английскому переводу «Приглашения на казнь» (“Invitation to a Beheading”) // Pro et contra: Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей/ Антология.– СПб.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного института, 1997. С. 46-48.
4. Паратекстуальность // [\[http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/INTEKSTUALNOST.html?page=0,3#part-1045\]](http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/INTEKSTUALNOST.html?page=0,3#part-1045).

**Эмотивные приемы в рекламном тексте
(на примере рекламных текстов в печатных
изданиях г. Норильска)**

Колясева Т.Ю., Цыбина А.В.

*МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №20»,
г. Норильск, Россия, kolyaseva82@mail.ru*

Средства массовой информации способствуют распространению особого жанра: рекламы. Реклама должна отличаться оригинальной формой объявления, должна привлекать. Слоган - краткая запоминающаяся фраза, которая передает идею рекламной кампании, отражает уникальность услуги, товара, как в прямой, так и иносказательной форме.

Цель нашей работы – изучить тексты печатной рекламы из периодических изданий г. Норильска, выявить в них эмотивные приемы, определить их функции. Материалом для исследования послужили рекламные тексты в газетах «Морозец», «О'Кей!», «Плюс», «Вовремя».

В лингвистических исследованиях начала XXI века отмечается возрастающий интерес к изучению приемов и средств выражения эмоциональности. Термин «эмотивность» был предложен в лингвистике для обозначения эмоциональности как психической категории. Он вошел в научный оборот благодаря работам Б.А. Ларина. Эмотивность – это «присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность» [Шаховский 1987: 24]. Эмотивность текста отражает не только эмотивное содержание и форму, но и эмоциональную информацию, которая проявляется в виде отдельных эмотивных вкраплений на уровне содержания и формы.

Эмотивность выражается на всех уровнях языка. Сильным средством передачи эмоций в рекламе являются, по нашему мнению, наряду с лексикой, пунктуация и синтаксис.

Синтаксис, в отличие от лексики, не обладает ни столь четкой стилевой окраской своих единиц, ни строгой функциональной их прикрепленностью к определенным речевым сферам.

Хотя очевидно, что синтаксис, как и лексика, обладает возможностями усиливать и ослаблять выразительность речи. Определенная эмоциональность может быть заложена уже в конструкции самой фразы и ее особом оформлении. Реклама располагает возможностями к конструированию оригинальных пунктуационных приёмов. Анализ синтаксических и пунктуационных эмотивных приемов в текстах печатной рекламы г. Норильска позволил нам выделить их функции: усиление призывов и обращений; внесение эмоций в нейтральный текст; акцентирование внимания; воздействие на читателей.

Чаще всего в слоганах, по нашим наблюдениям, используются простые предложения, не осложненные какими-либо вводными конструкциями: *«Эксклюзивные головные уборы для всех!»*; *«Огромный выбор канцелярских товаров для офиса»*. Их смысл должен понять любой человек. Короткие, простые предложения, как известно, более эмоциональные. Ещё один экспрессивный синтаксический прием — чередование номинативных предложений: *«Выезд. Качество. Гарантия»*. Следует отметить и повтор, для рекламы он характерен на любом уровне: фонемном, морфемном, лексическом, синтаксическом: *«Лучшая цена. И еще больше товаров по лучшей цене»*; *«Любые конструкции. Любая сложность»*; *«Хорошая мебель хорошей хозяйке»*. Повтор также относят к лексико-синтаксическим средством выражения эмоциональности [Сафонова 2004: 122]. В слоганах используется и эмоциональная инверсия, которая непривычным звучанием заостряет внимание на определенных моментах: *«Шоколадный Джо» зовет вас встретить вместе новый год! Надо празднично начать нам его приход!»*. Широко представлена в рекламных текстах норильских изданий парцелляция, она выделяет главную с точки зрения адресата информацию: *«Каждый день! Скидка 10 процентов»*; *«Теперь и в Талнахе! Открылся салон красоты»*. Приём парцелляции, известен как приём экспрессивного синтаксиса, но и может быть представлен как пунктуационный приём. Подача информации отдельными, небольшими порциями способствует также её запоминанию, что и является целью рекламы. Сегментированные конструкции в слоганах по-своему должны привлечь читателя: *«Все виды дверей –*

от эконом до элит!»; «Елатомский приборный завод – все для здоровья».

С целью воздействия на эмоции читателя рекламного текста употребляются различные пунктуационные приёмы с участием эмотивных знаков. Довольно часто используются восклицательные предложения, это указывает на уникальность того, что рекламируется, предполагается, что фразы с восклицательными знаками должны быть прочитаны в первую очередь: *«Просто добавь воды!»; «С понедельника по пятницу цены снижены!»; «Новинка! Счастье для волос!»; «Цены вас приятно удивят!»; «Здоровье для вас!».* Комбинация восклицательных знаков позволяет и графически, и интонационно выделить важное, это способствует повышению общей эмоциональности текста: *«Покажите нам, где такие же двери дешевле и мы продадим Вам еще дешевле!!!»; «Сделайте шаг навстречу мечте!!!»; «Гарантия качества!!!».* Пунктуационные приёмы могут включать разные эмотивные знаки. Восклицательный и вопросительный знаки употребляются также в комплексе с многоточием: *«Я не просто лечу, я спасаю!..».* Пауза, создаваемая многоточием, позволяет заострить внимание на чем-либо. Но данный прием в исследуемых рекламных текстах, по нашим наблюдениям, не является распространенным.

При создании слогана средства эмотивного синтаксиса и пунктуации действительно играют огромную роль. В ходе систематизации рекламных текстов печатных изданий г. Норильска, мы пришли к выводу, что чаще всего в них используются призывы (22 %), восклицательные предложения (20%), повторы (12 %). Реклама призвана привлекать покупателей, клиентов, а синтаксис и пунктуацию можно с уверенностью назвать средствами реализации функций рекламы.

Литература

1. Кочетова, Л.А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса: Дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Кочетова. – Волгоград, 1999. – 158 с.

2. Латина, О.В. Экспрессивная функция языка / О.В. Латина // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991.

3. Лукьянова, Н.А. Экспрессивность как семантическая категория / Н.А. Лукьянова // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. – С. 29 – 35.

4. Сафонова, С.С. Экспрессивно-коммуникативные модификации предложений местоименно-союзного типа / С.С. Сафонова // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета. Труды и материалы. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2004 – С. 122 – 123.

5. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987. – С. 12-32.

**Художественные тексты В.И. Даля
и их корреляция с текстами «Толкового словаря
живого великорусского языка»**

Байрамукова А.И.

*Ставропольский государственный университет, г. Ставрополь,
Россия, baiei@yandex.ru*

Объектом исследования является анализ корреляции художественных текстов В.И. Даля с текстами «Толкового словаря живого великорусского языка». Данный ракурс исследования позволяет осмыслить языкотворческие доминанты ученого-энциклопедиста и применить их при описании языковой личности В.И. Даля.

«Система систем» языкотворчества В.И. Даля наглядно выявляется при рассмотрении центрального творения ученого-энциклопедиста – Словаря в его отношениях с другими текстами. Имеет место универсальная корреляция между художественными текстами и текстом Словаря. Необходимо определить характер взаимоотношения. Словарь В.И. Даля является цен-

тральным творением ученого. Текст Словаря многослоен, включает топосы, тексты словарных статей представляют собой картины. Корреляция различных художественных текстов В.И. Даля со Словарем составляет существенное основание лингвоэнциклопедических установок В.И. Даля. Все языкотворческие шаги В.И. Даля взаимосвязаны и взаимообусловлены. По мысли А. Щюца, «наш разум выстраивает мысль с помощью отдельных операциональных шагов, но ретроспективно можно охватить единым взглядом весь процесс и его результат. Скажем более: наше знание объекта в каждый отдельный момент является не чем иным, как «осадком», кристаллизацией (*sedimentation*) предыдущих мыслительных процессов, в которых он конструирован. У него есть своя собственная история, и история его конструирования может быть изучена» [6].

Корреляционную связь, существующую между художественными текстами и текстом Словаря В.И. Даля, следует проследить на уровне сравнения формального (смыслового и логического) и языкового содержания художественных циклов В.И. Даля и топических структур Словаря. Именно данная стратегия исследования позволит осмыслить принципы корреляции художественных текстов и Словаря, а также выявить основные грани языкотворчества, системность языкотворческой концепции В.И. Даля; понять гармоническую организацию текстов В.И. Даля и всего творчества в целом. Анализ корреляции художественных текстов со Словарем способствует выявлению языкотворческих доминант В.И. Даля.

В своей языкотворческой практике ученый обозначил следующие художественные циклы, тексты которых, несмотря иногда на различную жанровую природу, скрепляет единство замысла: «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаклом Владимиром Луганским. Пяток первый» (1832), «Были и небылицы» (1833), «Картины русского быта» (1848-1868), «Матросские досуги» (1853), «Солдатские досуги» (1861), «Два сорока бывальщинок для крестьян» (1862), «Картины из быта русских детей» (1874).

Особенность корреляции текстов с текстом Словаря В.И. Даля сводится к следующему.

Формальные критерии корреляции

Общность тем:

1. Обращение к миру повседневной жизни.
2. Обращение к этническим стереотипам поведения.

Художественная концепция совпадает с лексикографической. Художественное творчество является формой познания действительности.

Повседневную жизнь В.И. Даль анализирует во всех измерениях. «Под «миром повседневной жизни», - указывает А. Шюц, - мы будем иметь в виду интересубъективный мир, который существовал задолго до нашего рождения и интерпретировался другими, нашими предшественниками, как мир организованный. Теперь он дан нашему переживанию и интерпретации. Любая интерпретация этого мира базируется на запасе прежних его переживаний – как наших собственных, так и переданных нам нашими родителями и учителями, - и этот запас в форме «наличного знания» функционирует в качестве схемы соотнесения» [6].

Лингвистические критерии корреляции:

1. Язык описания – живой русский язык.
2. Наличие ключевых лексем.
3. Активное использование пословиц и поговорок (народных эссенций) в текстах.
4. Функционирование топосов.
5. Картичность изображения.

Главным лингвистическим коррелятом выступает обращение к живому великорусскому языку и в Словаре, и в художественных текстах.

На уровне разножанровых текстов В.И. Даля имеет место система ключевых слов, опорных для всей языкотворческой практики ученого. Используя **ключевые лексем**, В.И. Даль достигает концептуальной репрезентативности. В пространстве текстов В.И. Даля действует макрословарь, т.е. словарь ключевых понятий (*авось, небось, как-нибудь*). Вокруг ключевых лексем группируются тексты В.И. Даля. По мнению М.Я. Дымар-

ского, в тексте литературного произведения «по определению, содержится не только некоторая закодированная эстетическая сущность, но и сам этот код» и значимый элемент текста «неизбежно подчиняет свою структуру авторскому замыслу – то есть принимает участие в процессе символизации знаков и знаковых структур» [2].

Акцентирование происходит за счет ключевых слов, топов. Видна взаимодополнительность способов художественного и лексикографического описания. Корреляции действуют между всеми художественными циклами В.И. Даля и текстом его Словаря.

Первые сознательные шаги В.И. Даля-писателя – стилизация русских сказок. Являясь филологом универсального склада, В.И. Даль чувствовал эстетические достоинства фольклора, признавал его познавательное значение. «Русские сказки из предания народного, изустного, на грамоту гражданскую переложенные, к *быту житейскому приноровленные* и *поговорками ходячими разукрашенные* казаком Владимиром Луганским» можно назвать первым большим литературным трудом В.И. Даля. «Эти бойкие, полные неподдельного юмора рассказы, доказывавшие в авторе глубокое знание народного быта, - отмечает современник В.И. Даля В.Р. Зотов, - более всего были *замечательны по прекрасному, образному языку, чисто русским оборотам народной речи*» [3]. Русская народная сказка – это разум народа, его мысль, чувство. С помощью литературной сказки В.И. Даль рисует бытие русского народа, обрамленное в русское слово. Основным средством описания и истолкования являются пословицы.

«Матросские досуги» следует рассматривать как энциклопедию, ориентированную для определенного круга читателей – матросов. Автор «Матросских досугов» доносит до читателя систему понятий и представлений, необходимых для данного круга читателей. В «морской энциклопедии» В.И. Даля содержится весь «жизненный мир» русского матроса и тот морской минимум, который должен знать каждый матрос. «Матросские досуги» вслед за «Солдатскими досугами» выступают моделью

организации знаний. В.И. Даль обеспечивает несложный доступ к знаниям.

Текст «Солдатских досугов» доводит до сведения читателя комплексное представление о мире: профессиональное, бытовое, религиозное, научное, метафизическое. Автор «Солдатских досугов» адаптирует собственное знание для адресата книги. Процедура истолкования В.И. Даля связана с раскрытием реального смысла. С помощью языка автор истолковывает реальность, мы видим мир языка и жизни. Автор, формируя смысловое пространство «Солдатских досугов», моделирует мир со своей точки зрения, для понимания и развития у адресата книги рационального мышления. В.И. Даль несет читателю знание-жизнь. Текст «Солдатских досугов» со множеством отдельных тем и рассказов следует рассматривать как органическое целое. В письме В.И. Даля к сестре П.И. Шлейден находим метапоэтическую оценку сборника: «Теперь я приготовил: «Солдатские досуги»: книжка, которой выйдет, если Правительству будет угодно, несколько частей и которая *назначена для солдатского чтения и заключает дельное и шуточное, забавное и поучительное, в коротких, перемежающихся между собою статьях*. Не знаю, как она понравится» [4].

«Картины русского быта» представляют собой интересный жанр в творческой палитре писателя. Это группа рассказов, объединенных единством замысла и единым сознательным комплексом лингвистических средств. Филологические приоритеты автора «Картин русского быта» направлены на воссоздание реальности посредством опытной авторской мотивировки. Основными способами постижения и демонстрации русского быта – феноменологические зарисовки. «Картины русского быта» являются наглядными схематическими образами русской реальности.

Как отмечает исследователь прозы В.И. Даля Ю.П. Фесенко, «Тексты из «Картин русского быта» выходили в свет исключительно подборками. Их незатейливая форма соответствовала несложному содержанию. Но будучи расположенными в заданной автором последовательности, они сопрягались по смыслу и выражали нечто большее, чем публикация их по отдельности.

Если согласиться с определением каждого из них как сверхфразового единства, то предлагаемые подборки могут быть названы переменными сверхфразовыми множествами (по аналогии с переменным фразеологическим множеством в «пятке первом»). Подобные циклизующиеся совершенно «объективные» «картины русского быта» были эффективным средством анализа окружающей действительности и выражения авторской мысли в обходе цензурных рогаток» [5]. Ю.П. Фесенко указывает на некоторую общность, существующую между «Картинами русского быта» и «Толковым словарем живого великорусского языка», «Словарь исподволь вызревал в творчестве Даля. Его произведения зачастую прослаивались лингвистическими наблюдениями и объяснениями малопонятных слов, а порой и непосредственно сближались со словарной статьей (особенно это касается миниатюрных, «уплотнённых» по содержанию «Картин русского быта»). Языковедческие приемы использовались в повествовательном контексте как один из способов художественного отображения действительности» [5]. Действительно, каждая из «Картин русского быта» представляет собой комплексное образование наподобие словарной статьи из Словаря В.И. Даля. В «Картинах русского быта» создается эффект визуализации; текст становится феноменологически выпуклым и напоминает словарные статьи Словаря В.И. Даля. Статьи Словаря представляют собой ассоциативно-вербальные сети.

«Первый сорок бывальщинок для крестьян» и «Второй сорок бывальщинок для крестьян» были составлены автором с определенной целью. Во введении к сборнику произведений «Первый сорок бывальщинок для крестьян» автор пишет: «Тетрадь эта изготовлена была, какова есть, лет тому десяток, но попала в такое место, что залежалась. Нового в ней, впрочем, теперь почти нет; иное уже набрано было из старого, а иное после выбрано отсюда, или переделано, и также напечатано. Что нужды, лишь бы годилось тем, для кого ныне печатается, а разбросанное в разных изданиях, частично не всякому доступных, оно едва ли доходило до народа» [1]. Этот цикл построен по одному из главных принципов языкотворческой деятельности В.И. Даля – принципу дополнительности. В калейдоскопической смене за-

главий можно увидеть уже знакомые читателю тексты, которые вошли в сборники «Матросские досуги», «Солдатские досуги». Идея повторяемости позволяет увидеть главное, постоянное в художественном мире писателя.

«Картины из быта русских детей» В.И. Даля объединяет со словарными материалами общность организации текстового полотна: отражение жизни происходит с помощью живого русского слова, обилия пословиц и поговорок, бытоописательности. В текстах «Картин» звучит одна из ключевых тем языкотворчества В.И. Даля – чистота помыслов в опоре на священный текст Евангелия. Отражение нравственного начала русского человека, репрезентированного в форме пословиц и поговорок, мы видим также в более наглядном лексикографическом виде уже в Словаре В.И. Даля.

Таким образом, стремление к толкованию русского национального характера ощущаем в следующих циклах рассказов В.И. Даля - «Русские сказки», «Были и небылицы», «Матросские досуги», «Солдатские досуги», «Картины русского быта», «Два сорока бывальщинок для крестьян», «Картины из быта русских детей», а также в Словаре и других типах творчества.

В ходе анализа художественных циклов в их отношении к Словарю становится понятным языкотворческое видение мира В.И. Даля. С помощью обозначенных критериев корреляции, имеющих место в Словаре и в художественных текстах, происходит выкристаллизация самых значимых вещей. Словарь и художественные тексты являют собой «развернутые энциклопедии». В художественных текстах доминирует описательность и нарративность, в Словаре – структурность и системность.

Литература

1. Даль В.И. Первые сорок бывальщинок для крестьян. – СПб., М.: типография М.О. Вольфа, 1880. – С. 1.
2. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.). – М., 2001. – С. 33, 35.

3. Зотов В.Р. Русский Литтре (по поводу нового издания «Словаря» Даля) // Исторический вестник. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1882. № 11. – С. 415.
4. Матвиевская Г.П., Зубова И.К. Владимир Иванович Даль, 1801-1872. – М.: Наука, 2002. – С. 70.
5. Фесенко Ю.П. Проза В.И. Даля: Творческая эволюция: Монография. – Луганск: Альма Матер, 1999. – С. 175, 189.
6. Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – С. 173, 402.

СОДЕРЖАНИЕ

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ	
Фразеологическая репрезентация концепта "fear" в английском языке в романах о вампирах Несветайлова Ю.В.	3
Этимологическая справка как необходимое условие адекватного перевода Азарович Т.А., Артемьева Ю.В.	7
Особенности перевода классического английского детектива Башилов М.С.	12
Заемствованная лексика как дискурсивное средство воздействия на реципиента Брусницына М. А.	18
Афоризмы в произведениях У.С. Моэма Ириолова А. Д.	21
Транзакция как явления межкультурной коммуникации: вегетарианская практика в контексте русской культуры Кузнецова К.В.	25
Семантический анализ и способы перевода немотивированных грамматических моделей с Subjuntivo в современном испанском языке Садовщикова А.А.	29
Статья на тему «Семантический анализ лексики в детективном романе А.Франца «Jung, blond, tot» Джаикова И.З.	33
Русский язык как иностранный: система обучения Сакиева Р.С.	39

**ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

Право на бунт: метафизика явления Бугаев А.Е., Золотаренко Д.С.	44
Стиль и некоторые художественные направления в искусстве Мамедова Л.А.	50
Особенности развития исторического образования в вузах Западной Сибири в начале XX в. – в 1960-е гг. Хаминов Д.В.	55
Феномен биеннале в контексте современного искусства Рожкова С.А.	69
Современное мировоззрение на проблему искусственного интеллекта Гусев С.С.	73
Позиция Великобритании в сербско-турецком конфликте (60-ые гг. XIX в.) Черевык К.А.	77
Сельское население Южного Урала: исторические факторы демографического развития (1989-2002 гг.) Кацнельсон Г.С.	84
Общественно-гражданская сфера как условие становления гражданского общества Матвеевко Т.Н.	88
Деньги в системе транснациональных отношений Никитин А.П.	94
Из истории переселения мордвы – миграции и опыт исследования: центр и периферия Акимова З.И., Никонова Л.И., Романова М.Н.	98
Доступность туризма для инвалидов Похилько Д.Н., Чесняк М.Г.	105

Взаимодействие органов государственной власти и профессиональных обществ в период поздней Российской империи (на примере Пензенской губернии) Сергеев В.В.....	111
Родовая природа социального Крейк А.И., Монастырская Т.И.	115
Роковые ошибки в переводе и трактовке основной философской фразы К.Маркса Классен Э.Г.....	122
СМИ и образ человека публичной профессии Споденейко Е.В., Черепанова Е.В., Лаврентьева И.В.	139
Возрождение язычества в контексте развития этнической культуры в России Летюк Ю.А.	151
Становление учреждений социально-педагогической поддержки в России в первой половине XIX века, аспект диалога культур Хазова Ю.О.....	156
PR-подразделения в органах государственной власти и местного самоуправления Шакалов И.И., Шубина Л.Ю.....	161
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
Философия Эпикура как предтеча английского либертинизма Титова А.В.....	166
Аллегория и символизм в сказочном творчестве Дж. Макдональда Лукманова О.Б.....	170
Трансформация мифологических образов в романе Виктора Пелевина «Шлем Ужаса» Мамаева Н.В.....	174
Особенности моделирования пространства и времени в сборнике рассказов В. Набокова «Возвращение Чорба» Венгренюк В.Г, Ляпаева Л.В.,	

Николаева М.И., Романова Н.А.	179
Мотив пира в романе Карлоса Бальмаседы «Кулинарная книга каннибала» Скопина А.В.	183
Влияние Достоевского на творчество Дж.Джойса Насибова С.Х.	187
Терминологические разночтения в сравнительном литературоведении Галай К.Н.	191
Пасхальный архетип в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» Авасапянц О.В.	196
Художественно-документальная повесть С.Алексиевич «Цинковые мальчики: специфика жанра» Волкова С.А.	204
ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ	
Значение экспорта рабочей силы для развивающихся государств (на примере Индии) Галищева Н.В.	209
Маркетинговый обзор предпочтений потребителей ювелирной продукции города Владивостока Гуреева Н.В.	219
Проблемы и перспективы развития рынка ценных бумаг Корень А.В., Иващенко К.Н.	223
Сценарные варианты развития российского фондового рынка в условиях кризиса международной финансовой системы Корень А.В., Волошко В.В.	229
Кадровый потенциал организации и управление им Кречетников К.Г., Яцюк Е.С.	233
Система признания и награждения таможенных инноваций как стимулирующий фактор инновационной среды таможенных органов	

Миретин А.В.....	238
Модель экономики благосостояния в России: заимствование или выбор? Жадан И.Э., Мамаева Л.Н.....	243
Переподготовка управленческих кадров в системе образования Мясникова С.В.....	248
Современный менеджмент вузовской организации Метелев С.Е.....	252
Развитие агролизинга сельскохозяйственной техники Соловьева Н.Е.....	256
Роль научной и инновационной деятельности в процессе трансформации типов экономического развития Носачевская Е.А.....	263
Институциональные ловушки российской экономики как следствие макроэкономической политики Погосян А.А.....	267
Ипотечный рынок России Переверзева Л.В., Миненко К.....	272
Имидж стоматологической клиники при последовательном, параллельном и многоуровневом маркетинге Мацько В.В.....	277
Взаимоотношения и взаимодействие с общественностью в системе государственного управления Кислюк Е.В.....	281
О концепции демографического развития Украины до 2015 года Костровец Л.Б.....	285
Стратегии реформирования местных бюджетов в Украине Решетова А.И.....	288
Управление муниципальным заказом Администрации городского округа «Город Йошкар-Ола»	

Полушина М.А.	292
Инвестиционное обеспечение научной сферы Боголиб Т.М.	298
Институциональное обеспечение государственной региональной политики: состояние, проблемы и перспективы Долгалева Е.В., Плахута И.Ю.	308
Особенности менеджмента инновационной структуры «бизнес-инкубатор» Ободец Р.В.	313
Определение условий эффективной организации программ теории эволюционных игр Лоскутова А.В.	316
Формирование профессиональной готовности специалиста через учебную имитационную бухгалтерию Косливцева Е.В., Михиенкова Н.Л.	320
Концептуальные основы оценки эффективности интегрированных систем в менеджменте качества Чаадаева В.В.	324
О возможности экономической оценки общего износа основных фондов по формуле, выраженной в явном виде Федоров Д.А.	328
К вопросу о возможности отказа от «гипотезы эффективного рынка» Федоров Д.А.	334
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
Буквализация значений слов в сновидениях Митрофанова О.В.	339
К вопросу об определении понятия «эвфемизм» в отечественной и зарубежной лингвистике Яковлева Е.А.	346

Моделирование как способ исследования производных слов: когнитивно-дискурсивный аспект (на примере производных с суффиксом <i>-gate</i>) Бабина Л.В.	350
Актуальные проблемы изучения синестетической метафоры Бардовская А.И.	355
Сопоставительный анализ русского жестового языка и китайского языка Королькова О.О.	359
Языковая презентация концепта ДОЛГ в восточнославянской картине мира Василькова Н.И., Коч Н.В.	367
Паратекстуальные элементы как одна из форм репрезентации концепта «смерть» в романе В. В. Набокова «Приглашение на казнь» Павленко В. А.	377
Эмотивные приемы в рекламном тексте (на примере рекламных текстов в печатных изданиях г. Норильска) Колясева Т.Ю., Цыбина А.В.	381
Художественные тексты В.И. Даля и их корреляция с текстами «Толкового словаря живого великорусского языка» Байрамукова А.И.	384

Научное издание

**V Международная научно-практическая конференция
"Научное творчество XXI века"**

Сборник статей

Том 2

Материалы опубликованы в авторской редакции

Подписано в печать 20.01.2012. Формат 16x84/16
Усл. печ. л. 25,0. Заказ №0000. Тираж 500.

Издательство «Научно-инновационный центр», г. Красноярск
<http://www.nkras.ru/>
тел. (391) 271-23-89

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «ЛИТЕРА-принт»
тел. (391) 295-03-40